Первушин Антон

Оккультный Сталин

Пролог
Красный рассвет магов

В последнее время появляется всё больше книг, посвященных советской идеологии. Необходимость в них очевидна любому, кто хотя бы раз пытался объяснить современному подростку, а чем, собственно, мы занимались двадцать лет назад, почему так ненавидели коммунистов и зачем разрушили великую державу Советский Союз.

Блуждая по просторам Интернета и попадая на разные тематические форумы, я с удивлением обнаружил, что у нового поколения (у тех, кто родился в последние годы существования СССР) складывается довольно превратное представление о Стране Советов. Они и вправду считают, что тогда было почти так же, как сейчас, плюс большая армия, плюс уважение всего мира, плюс гордость за большую сильную страну. Потом бандитская группировка из злых дяденек во главе с Горбачевым и Ельциным искусственно организовала дефицит товаров первой необходимости – буквально останавливала и грабила эшелоны, идущие в голодающие города. Эти провокационные действия вызвали серьезнейший кризис, население бросилось в магазины, оставив рабочие места, заводы и фабрики встали, экономика рухнула, а СССР распался.

Подобная реконструкция кажется безумной только тем, кому за тридцать. Не имея твердых представлений, что такое подавление личности в тоталитарном государстве, очень трудно понять, как ведут себя и чем живут граждане в подобном государстве. Вспомните, сколько было образованных людей на том же Западе, которые вопреки очевидному искренне верили, что весь негатив, который распространяют о СССР западные средства массовой

информации, – ложь; что на самом деле коммунисты куда больше ратуют о благосостоянии народов, чем западные президенты; что советское государство является самым прогрессивным, открытым и миролюбивым из всех государств мира. Некоторые из этих интеллектуалов даже переезжали к нам на ПМЖ, после чего почти сразу понимали всю чудовищность своих заблуждений. Вместо динамично развивающейся державы с процветающей модернизированной экономикой, с высокообразованным населением, с умным умелым менеджментом – они застали скучную страну, где всё живое подавлялось, всё яркое низводилось до серости, всё разумное подменялось формальным. Да, имелись в СССР и свои «оазисы», в которых легко и приятно было жить и работать, но кто пустил бы западных интеллектуалов в эти закрытые, часто глубоко засекреченные, городки?..

Вот почему очень важно изучать сегодня идеологию Советского Союза – именно как феномен недавней истории, который в конечном итоге привел к гибели крупнейшую державу XX века. Разобравшись с идеологией, мы сможем на самом элементарном уровне зафиксировать для себя и для всех грядущих поколений россиян, что же управляло нашей жизнью и почему мы мечтали избавиться от этого управления.

При этом важно отметить, что две революции 1917 года создали предпосылки для внедрения в общественное сознание самых невероятных мировоззренческих схем. Хотя большевики с самого начала своего всевластия начали «зачистку» идеологического поля, внутри ВКП(б) существовали «разброд и шатание» – среди коммунистов попадались не одни только сугубые материалисты, но и гностики, находящиеся на различных ступеньках близости к признанию гипотезы Бога, и неоязычники, формирование мировоззрения которых происходило под воздействием палеофантастики тех времен, и даже сатанисты, примкнувшие к «русскому бунту» из тактических соображений. Теоретически в перспективе могло победить любое из перечисленных мировоззрений, сделавшись официальной идеологией молодого государства. Наступило время для магов – оно всегда наступает, когда одни устои разрушены, а другие находятся в стадии формирования. И колдуны, эзотерики, оккультисты всех мастей поперли гурьбой во власть, видя, как большевики смело расправляются с традиционными конфессиями, и надеясь перехватить чего-нибудь на кровавом пиру. Наверное, эти деятели были наиболее адекватны эпохе – они относились к тем немногим, кто понимал, что обыкновенному «маленькому» человеку всегда нужна вера во что-то «большое и светлое», однако утопия, предложенная коммунистами в качестве такого идеала, долго не продержится, ее придется на ходу ретушировать, модифицировать, а затем и полностью менять. Они думали, что им позволят создать и предложить народам России новую религию. Они жестоко просчитались.

В конце 1920-х годов началась эпоха Иосифа Виссарионовича Сталина. Планомерно и предельно жестоко диктатор начал второй этап идеологической чистки, уничтожая варианты, отклонения, трактовки, низводя многообразие до одного-единственного набора постулатов и догм, до лично им принятой и одобренной мировоззренческой схемы. Это был разумный ход в рамках создаваемого им государства – эзотерики с их больными фантазиями действительно представляли помеху, хотя и не такую серьезную, чтобы поймать за это пулю в затылок. Вопрос тут только в одном: что советский человек получил взамен?

После того как Советский Союз рухнул, а вместе с ним исчез и идеологический прессинг КПСС, некоторые писатели и публицисты с удивлением констатировали, что жизнь рядового советского человека проходила через цепь ритуалов, до боли напоминающих религиозные обряды.

В начале 1990-х был опубликован ряд работ, в которых вскрывались параллели между советской идеологией и эзотерическими системами. Среди первых трудов на эту тему заметно выделялись книга Джорджо Галли «Политика и маги», диссертация Николы Фумагалли «Политическая и эзотерическая культура русских левых (1880—1917)», статьи Виктора Брачева, Олега Шишкина и Андрея Никитина. Журнал «Элементы» прямо сообщал

своему читателю, что «советская цивилизация и на практике, и в своих теоретических предпосылках была чем-то совершенно иным, нежели воплощением в реальности сухого материалистического марксистского догматизма и механицистского прагматизма».

В художественной литературе идея была отражена в творчестве москвича Виктора Пелевина. В рассказе «Зомбификация» он, в частности, пишет:

«Магия преследует нас с детства. Сначала нас украшают маленькой пентаграммой из красной пластмассы с портретом кудрявого покровителя всей малышни. При этом мы получаем первое из магических имен – "октябрята", и узнаем, что "так назвали нас не зря – в честь победы Октября". <…> Эта первая инициация (имеется в виду прием в октябрята) не несет в себе ничего угрожающего и, подобно игре в войну, является игрой в будущее. Вторая инициация уже намного сложнее – подросших детей обучают начаткам ритуала ("салют", "честное пионерское") и символике – вручаются новый значок (пылающая пентаграмма из металлического сплава) и неравнобедренный треугольник из красной материи (его концы символизируют отца, сына и еще одного сына), который завязывается узлом в районе горлового центра и обеспечивает симпатическую связь с Красным Знаменем. <…> Дается второй магический статус – "пионер", и в сознание впервые вводится страх потерять его. <…>

Третья массовая инициация – прием в комсомол, совмещенный по времени с половым созреванием. <…> еще в качестве "пионеров" мы делаем внутренними ритуалы, в которых нас заставляют участвовать, – например, даем друг другу "честное пионерское". Произнесение этого заклинания является надежной гарантией правдивости информации – примерно так в уголовной среде "дают зуб", только "дающий зуб" и нарушающий слово лишается зуба, а дающий "честное пионерское" и нарушающий его оказывается наедине с разгневанной "пионерской совестью" – социальной функцией, интериоризованной с помощью магии. Интериоризация – длительный процесс, завершающийся формированием так называемого "внутреннего парткома", с успехом заменяющего внешний у различного рода чиновников, редакторов. <…> Интериоризация превращает наблюдателя в участника. Новый магический статус комсомольца – вещь уже серьезная...»

И так далее.

Пелевин подчеркнуто ироничен, но бьет в десятку. Любой из тех, кто в конце 1970-х проходил цепочку инициаций по-советски: октябрята, пионеры, комсомольцы – и задумывался о ее смысле, замечал, что в этом есть нечто от обрядности, более присущей церкви, нежели светскому демократическому государству, коим позиционировался Советский Союз.

Но не следует делать вывод, будто бы атрибуты и ритуалы советской эпохи появились в семидесятые. Просто ко времени Леонида Ильича Брежнева они не только обрели законченную форму, но и бесповоротно окостенели, из них ушла душа. Сама же очень своеобразная мировоззренческая система советского человека возникла еще в тридцатые годы – именно тогда были заложены ее основы, после чего началось целенаправленное насаждение самого примитивного, почти языческого, культа.

Парадоксально, но темное, насквозь мистическое мировоззрение стало основополагающим в стране победившего атеизма. Почему это произошло? Прежде всего потому, что сторонником этого мировоззрения был первый настоящий руководитель СССР – Иосиф Сталин. Новый вождь коммунистов сумел адаптировать сложный аппарат марксистско-ленинской философии под свои довольно примитивные представления. Скажем так, он создал свою версию материализма из обрывков того, что сумел понять, и объявил эту версию абсолютной и окончательной истиной.

Даже самые яростные из современных критиков Сталина подтверждают, что он, по-видимому, был наиболее верным и последовательным учеником Владимира Ленина.

Преклонение перед Лениным, помноженное на неспособность подняться до высот настоящего мыслителя, подтолкнуло Сталина к тому, чтобы превратить живую философию в мемориал, – начиная с 1930-х годов ни одна идея, высказанная Владимиром Ильичом, не могла подвергаться сомнению.

В конечном итоге из достаточно развитой и научно обоснованной теории материализм марксистско-ленинского типа превратился в религию, которая в силу реакционности, присущей любой религии, стала душить ростки всего нового, что появлялось в естествознании с течением времени. Фактически мы можем говорить о том, что Сталин, одной рукой уничтожая любые проявления религиозного сознания, другой рукой создавал советскую неорелигию.

Сталин и сталинисты забыли ключевые принципы «диалектического материализма», скатившись в банальный идеализм, который лишь рядился в одежды марксистского мировоззрения. Завет Ленина о том, что, «идя по пути марксовой теории, мы будем приближаться к объективной истине все больше и больше (никогда не исчерпывая ее)», – оказался заболтан и похоронен.

В конечном итоге именно закостенелость догматов советской неорелигии привела коммунизм к гибели. Из-за сталинской установки на неприкосновенность идей основоположников социальный строй, сложившийся в СССР на базе коммунистической идеологии, оказался куда менее пластичен и приспособляем к изменяющимся условиям, чем капитализм или даже феодализм. Он рухнул потому, что перестал соответствовать времени, не поддавался широкому реформированию и в глазах молодежи выглядел чем-то доисторическим – словно из эпохи динозавров. А, как мы сегодня знаем, динозавры вымерли именно потому, что не сумели приспособиться к изменившимся условиям окружающей среды.

Историю становления и расцвета псевдоматериалистической неорелигии Иосифа Сталина на фоне жесткого уничтожения эзотерических и оккультных течений в Советской России я и попытался рассказать в серии очерков, собранных в этой книге. Надеюсь, факты, приведенные здесь, помогут вам разобраться, почему государство, построенное Сталиным, могло существовать только ограниченное время и было обречено на скорый крах и разрушение.

Глава первая

Красная эзотерика – забытые смыслы

Материализм в качестве философского течения возник задолго до того, как его взяли на вооружение основоположники коммунизма. Материализм подразумевает первичность материи по отношению к духу. Он появился в развитие споров античных философов о первооснове всего сущего. Оказалось, что предположение о происхождении духа из некоей чисто материальной субстанции (например, из атома, по представлению Демокрита) ничем не хуже, чем гипотеза о том, будто бы весь наш мир создан волей некоего высшего существа. Однако сама идея коммунизма как высшей формы общественного устройства вовсе не нуждалась в материализме – она могла опираться на другую основу. То, что в фундаменте коммунизма мы сегодня видим материализм, – простая историческая случайность.

В коммунизм через отрицание Бога

Большой энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона в начале XX века объяснял своим читателям, что коммунизм – это прежде всего «те религиозные, нравственные и экономические учения, которые, отвергая пользу и справедливость частной собственности, требуют, чтобы субъектом всех имущественных прав была община, союз, народ или все человечество и чтобы основанием распределения продуктов служили потребности людей».

Понятно, что столь широкое определение можно распространить практически на любой социум, в котором общественная собственность преобладает над частной.

И действительно, словарь указывает, что примитивный коммунизм был чрезвычайно распространен на заре человеческой цивилизации, когда собственностью распоряжалось все племя, а не отдельные его представители. «Аграрный коммунизм», основанный на общественном владении землей, просуществовал в широком распространении до античности и сохранился в разных видах у малоразвитых народов, вроде «индейцев, австралийцев, камчадалов, эскимосов, бурят, лопарей, готтентотов и др.».

Ранний коммунизм был неразрывно связан с религиозными представлениями. Религия своим авторитетом как бы освящала традиционные формы общественных отношений, казавшиеся прекрасными в силу убеждения, что золотой век – уже позади. Царство античных богов было временем безраздельного господства коммунизма. Так, в Греции коммунизм как идеальный общественный строй воспевался в работах многих философов, мировоззренческие представления которых легли позднее в фундамент «западноевропейского» мировоззрения. Например, коммунизм проповедовал Пифагор, ученики которого практиковали систему полного обобществления имущества. Эпикурейцы, если верить Диогену Лаэрцию, также вели коммунистический образ жизни. Самая полная теоретическая разработка коммунистического идеала в Греции принадлежит Платону. «Лучшее государство, лучшее правление, лучшие законы, – говорит он в своем эссе „О законах‟, – суть те, которые выполняют старинное изречение: у друзей все общее, и, если можно, – общие жены, общие дети, общие имения».

Однако реальное, а не теоретическое наполнение идея коммунизма получила как раз в религиозных объединениях – например, в христианских. Совсем неслучайно некоторые коммунистические идеологи объявляют Иисуса Христа первым коммунистом.

«Все верующие были вместе и имели всё общее: и продавали имения и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого», – свидетельствуют Деяния святых апостолов.

После того как христианская церковь приобрела собственность по всей Европе и кое-где слилась с монархическими структурами, коммунистические идеи стали достоянием религиозных сектантов.

Таким образом, на протяжении всей человеческой истории идея коммунизма была частью мироощущения религиозных людей. Собственно материалистический коммунизм появился лишь в XVI веке – благодаря Томасу Мору. Вдохновленный Платоном, но в еще большей степени – экономическими бедствиями современной ему английской жизни, Томас Мор нарисовал в своей «Утопии» (1518) материалистически-коммунистический идеал. Население изображаемой Мором фантастической страны торговли не ведет и деньги не использует, получая всё необходимое от государства в обмен на шестичасовой обязательный труд. Порабощение людей, по мнению Мора, – следствие частной собственности. Самый совершенный общественный порядок – тот, который дает наилучшее удовлетворение всех потребностей наибольшего количества людей.

Несмотря на растущую популярность материалистического коммунизма, обосновывающую необходимость обобществления собственности не божьим законом, выраженном в забытой традиции, а чисто прагматическими интересами большинства, первые эксперименты в области создания искусственно сконструированного коммунистического общества были предприняты всё же религиозными харизматичными лидерами – в XIX веке на территории США возникли общины аманов, перфекционистов, библейских коммунистов, зоарских сепаратистов, гармонистов и многие другие. Всех членов этих общин отличали не только коммунистические убеждения, но и религиозное рвение, переходящее в фанатизм. Что характерно, для объединения людей в коммуны одних убеждений оказалось мало – лидеры перечисленных общин имели крутой нрав и диктаторские замашки. Первый же опыт

создания и развития коммунистических общин показал, что реальное обобществление собственности может осуществляться только через тиранию – лидер подавляет своей волей естественные устремления и моральные принципы доверившихся ему сограждан, заставляя их жить с верой в правильность избранного пути и с надеждой на лучшее будущее.

Коммунизм как идеал для динамично развивающегося социалистического общества был описан в трудах немецких философов XIX века, выросших на книгах ныне забытого мыслителя Людвига Фейербаха, который знаменит прежде всего тем, что прошел длинный и последовательный духовный путь: от теологии – к метафизике, от метафизики – к материализму. Вполне естественно, что точно такой же путь проделали верные ученики Фейербаха – Карл Генрих Маркс и Фридрих Энгельс.

Настоящее имя Карла Маркса – Мардохей Леви. Ради выгод общественного положения юный Мардохей Леви, несколько поколений предков которого по мужской линии являлись раввинами, был окрещен и получил имя Карл Генрих Маркс.

Рис.1.1. Карл Маркс в 1840-е годы

В молодости Маркс считался правоверным христианином. Первая из его известных сегодня работ называется «Единение верующих с Христом» и посвящена подробному анализу Евангелия от Иоанна. В ней Маркс пишет: «Сочетание со Христом состоит в самом тесном и живом общении с Ним. В том, что мы всегда имеем Его перед глазами и в сердце своем. И, проникнутые величайшей любовью к Нему, обращаем, в то же самое время, сердца наши к нашим братьям, которых Он теснее связал с нами, за которых Он также принес себя в жертву. <...> Сочетание со Христом внутренне возвышает, утешает в страданиях, успокаивает и дает сердце открытое человеческой любви. Сему великому, благородному не из-за честолюбия, не из стремления к славе, а только ради Христа!»

Когда Маркс окончил гимназию, в его характеристике под рубрикой «Религиозные познания» было записано: «Знания христианского вероучения и нравоучения довольно ясны и обоснованы. И он, до известной степени, знает историю христианской Церкви».

Однако вскоре после получения этого аттестата в жизни будущего теоретика коммунизма произошло нечто загадочное. Задолго до того, как Моисей Гесс в 1841 году привел его к социалистическим убеждениям, Маркс стал глубоко антирелигиозным человеком. Этот образ мысли стал проявляться в нем в студенческие годы. В одном из своих стихотворений того периода он писал: «Я жажду отмстить Тому, Кто правит свыше». Значит, он оставался при убеждении, что «Правящий свыше» существует, но уже спорил с Ним.

Чем же была вызвана ненависть к Богу? Личные мотивы нам не известны. Но кое-что проясняется, если рассмотреть один момент в поэме «Оуланем», написанной Марксом также в его студенческие годы. Характерно, что «Оуланем» – это искажение священного имени, анаграмма Еммануил, ветхозаветного имени Иисуса Христа, означающего по-еврейски «с нами Бог». Маркс писал:

Всё сильнее и смелее я играю танец смерти,

И он тоже, Оуланем, Оуланем

Это имя звучит как смерть.

Звучит, пока не замрет в жалких корчах.

Скоро я прижму вечность к моей груди

И диким воплем изреку проклятие всему человечеству...

Оуланем – это Христос наоборот, то есть антихрист. Нет ли в этой поэме указания на то, что молодой студент вступил в тайное общество оккультной направленности – например, в клуб сатанистов? Вполне возможно.

Историк Роберт Пейн так пишет об этом в своей книге «Карл Маркс»:

«“Оуланем”, вероятно, – единственная драма в мире, в которой все действующие лица уверены в своей порочности и щеголяют ею, как на празднике. В этой драме нет белого и черного. В ней всё и все обнаруживают черты характера Мефистофеля. Все участники ее демоничны, порочны и обречены на гибель. Когда Маркс писал эту поэму, ему было всего лишь 18 лет. Программа его жизни уже вполне установилась. Здесь не было и речи о служении человечеству, пролетариату или социализму. Он хотел разрушить мир, хотел воздвигнуть себе престол, основанием которого были бы человеческие содрогания. На этой стадии формирования взглядов Маркса обращают на себя внимание некоторые загадочные места в переписке его с отцом. Так, в письме от 10 ноября 1837 года сын пишет: “Завеса спала, моя святая святых была опустошена, необходимо было поместить туда новых богов”...»

Когда Маркс заканчивал «Оуланем», он еще не думал о социализме или коммунизме. Больше того, он боролся с этими идеями. Будучи редактором «Рейнской газеты», он пропускал такие перлы: «Попытки масс воплотить коммунистические идеи в жизнь, как только они станут опасными, могут быть остановлены пушками».

Увлечение социализмом началось после знакомства с Моисеем Гессом, который считается основателем германской социал-демократической партии. Помимо проповеди социалистических идей, Гесс активно боролся с клерикализмом и религиозностью. В «Красном катехизисе для немецкого народа» Гесс писал: «Что черно? Черно духовенство. Эти богословы – худшие аристократы. Поп учит князей порабощать людей во имя Божие. Во-вторых, он учит народ позволять порабощать себя и эксплуатировать во имя Божие. В-третьих, и главным образом, он обеспечивает себе с Божией помощью привольную жизнь на земле, тогда как людям рекомендуется ждать ее на небе. Красный флаг символизирует непрекращающуюся революцию вплоть до окончательной победы рабочего класса во всех

цивилизованных странах. Социалистическая революция – моя религия. Когда рабочие добьются победы в своей стране, они должны помочь своим братьям и в остальном мире».

Людвиг Фейербах и Моисей Гесс повлияли на мировоззрение не только Маркса, но и второго столпа коммунизма – Фридриха Энгельса.

Энгельс, как известно, вырос в чрезвычайно набожной семье и в юности писал духовные стихи. Однако впоследствии он стал самым последовательным сторонником Маркса в деле уничижения религиозного мировоззрения.

Но были ли основоположники коммунистического учения искренни, когда отрицали всякую связь своей «религии» с метафизикой? Известно, что любимая дочь Маркса – Элеонора — была убежденным теософом и вышла замуж за Эдуарда Эвелинга, состоявшего в Теософском обществе.

Теософия – эзотерическое учение, созданное в XIX веке Еленой Петровной Блаватской и провозглашавшее своей целью познание божественного плана через возвращение утраченной мудрости древнего оккультного мира. Теософия казалась европейским интеллигентам наиболее современным и своевременным взглядом на происходящие в мире процессы, а потому нашла в их среде большое число поклонников. Елена Блаватская предприняла попытку объединить модную в то время теорию астрального мира с открытиями ученых, палеофантастические гипотезы с восточной эзотерической традицией. Она пыталась примирить религию с наукой, создав принципиально новое вероучение, что было очень актуально в середине XIX века.

Рис.1.2. Елена Блаватская и Генри Олькотт – основатели Теософского общества

Поскольку теософия Блаватской представляла собой развернутую компиляцию из множества религиозных представлений – как западных, так и восточных, – она была близка по духу учению Маркса, который тоже претендовал на формирование единого взгляда на окружающий мир, на его происхождение и развитие, основанный на множестве других философских учений, появившихся еще до Маркса. Вот почему, чувствуя «революционное» родство, теософы неоднократно посылали своих эмиссаров в Советскую Россию (а бывало, что те ехали сами) в надежде найти свое место в здании коммунистической идеологии, насаждавшейся с момента прихода большевиков к власти. Но впервые «контакт» был установлен еще в семье Маркса.

Таким образом, теософский идеализм вполне мог заменить материализм в марксизме – однако этого не произошло. Наоборот, мировоззрение Маркса последовательно изменилось в сторону отрицания вообще каких-либо идеалистических взглядов. Из юноши-сатаниста он превратился в убежденного сторонника материальных и атеистических взглядов, вступив с религиозными взглядами (в любой их форме) в непримиримую борьбу.

Почему был сделан именно такой выбор? Похоже, всё дело в том, что Карл Маркс в зрелом возрасте пришел к выводу: его учение – не просто еще одна попытка описать эволюционные и общественные процессы, а первая научная теория нового времени, дающая рекомендации на все случаи жизни, подобно еврейской Торе. У Маркса собственно история начинается с момента, когда люди начнут строить цивилизацию сознательно, познав общественные законы. А кто открыл эти законы? Маркс. Поэтому, перефразируя, можно сказать, что до Маркса была только предыстория. А начиная с него и с его открытия, начинается собственно история.

Маркс не мог не понимать, что при таком подходе у него будет только один реальный и главный враг – религиозное мировоззрение, ведущее отсчет истории от сотворения мира неким сверхсуществом, которому нет дела ни до Маркса, ни до его «новой истории».

На следующем уровне проникновения в суть враждебным становится вообще любой идеализм (в том числе и сатанизм, и теософия), ведь он подразумевает примат духа над материей, а следовательно, в той или иной степени отрицает существование каких-то независимых от духа, объективных и абсолютных, эволюционных законов, открытие которых Карл Маркс приписывал себе.

Претендуя на звание абсолютной истины, учение Маркса тем не менее не было избавлено от догматизма. Так, высшей ценностью был объявлен прогресс – не прогресс живущего ныне человека и объединения людей в человечестве, а прогресс некоей абстрактной человеческой цивилизации сам по себе. Как философский догмат подобное упрощение реальности еще оправдывает себя, но в практическом применении оно ведет к перекосам в морально-нравственной сфере. В ленинизме это выразилось через признание людей «смазкой истории», в сталинизме человек был вообще низведен до послушного и обточенного по стандарту «винтика» государственной машины. Понятие «прогресса для человека» (а не «человека для прогресса») было навсегда исключено из марксистско-ленинского мировоззрения, что в исторической перспективе и привело это учение к краху – даже чисто методологически оказалось затруднительным описывать всё многообразие реальности с помощью тех законов и моделей, которые предложил Карл Маркс и развивали затем Фридрих Энгельс с Владимиром Лениным.

Марксизм оказался очень привлекательным для «недоучек» – для тех, кто не сумел получить полноценное высшее образование. Сам Ленин – экстернант, с первого курса университета он был исключен. Другой марксист-теоретик – Николай Бухарин – дальше первого курса университета тоже не пошел, революционная деятельность помешала. Говорливый Лев Троцкий закончил всего лишь реальное училище.

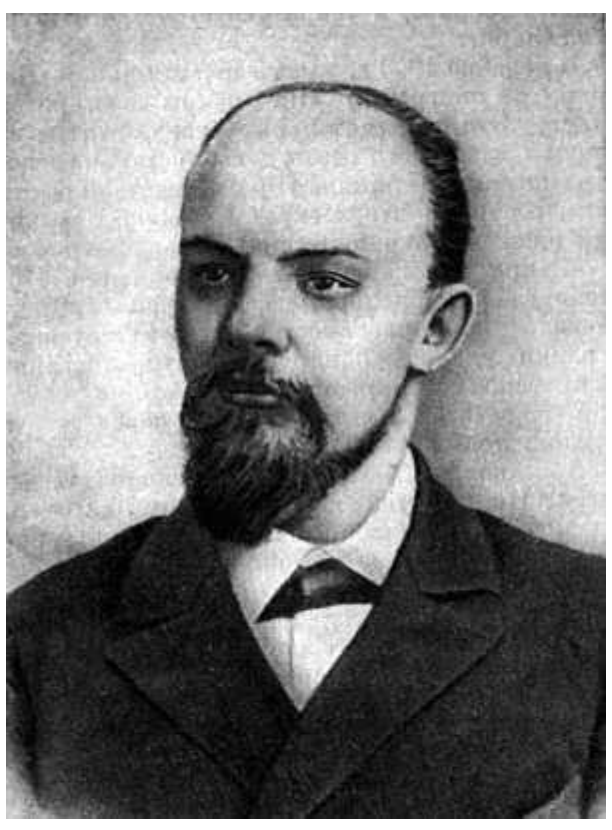


Рис.1.3. Владимир Ульянов (Ленин) в 1897 году

И для этих людей представлялось совершенно очевидным, что марксистская философия как «всеобъемлющая» не может существовать на одном идеологическом поле с идеализмом, всякая религиозность должна быть изжита, выкорчевана с корнем – и прежде всего в мировоззрении тех, кто будет нести «знамя» коммунистической революции.

Накал страстей по этому вопросу хорошо характеризуют записки Федора Достоевского о Конгрессе Лиги мира и свободы, который состоялся 9 сентября 1867 года в Женеве. «Это было четыре дня крику и ругательств. Начали с предложения, что не нужно больших монархий, потом, что не нужно веры. И что эти социалисты и революционеры врали с трибуны перед 5000 слушателей – невыразимо. И эта-то дрянь волнует несчастный люд работников? Начали с того, что для достижения мира на земле нужно истребить христианскую веру».

Примечательно, что современники и многие соратники Маркса хорошо понимали агрессивную антирелигиозную направленность его учения. В письме к Бертольду Ауэрбаху Моисей Гесс так характеризует Маркса: «Доктор Маркс – так называется мой кумир, – еще совсем молодой человек, самое большее около 24 лет. Он нанесет окончательный удар средневековой религии и философии». Георг Юнг, друг Маркса тех лет, формулирует ту же мысль еще яснее в письме к Арнольду Ругге от 18 сентября 1841 года: «Маркс непременно прогонит Бога с небес».

Необходимость непримиримой борьбы с религиозностью уже на самом первом этапе мировой войны за «светлое коммунистическое будущее» понимали и те, кто пришел в марксисты со скамьи в духовном учебном заведении. Таким был, например, Феликс

Дзержинский, который в юности готовился к сану ксендза. Таким был Иосиф Сталин, несостоявшийся православный священник, превративший марксизм в катехизис для советского человека.

Карл Маркс прогнал Бога с небес и занял его место, став для миллионов людей настоящей иконой, на которую следовало молиться вопреки реальности.

Вампирская революция Александра Богданова

Подобно любой другой «всеобъемлющей» теории, марксизм быстро оброс дочерними теориями. Их было так много и некоторые из них настолько отходили от «магистральной линии», что сам Маркс однажды был вынужден заявить, что не является марксистом. Естественным образом внутри этого поля теорий стали появляться идеалистические ереси. Одной из таких ересей был «эмпириомонизм» Александра Богданова.

Под псевдонимом А.Богданов публиковался профессиональный революционер Александр Александрович Малиновский.

Во время революции 1905 года Богданов-Малиновский возглавлял боевую техническую группу большевистской партии и считался настоящим коммунистом. Однако после поражения этой первой революции в России дали о себе знать общефилософские разногласия с ортодоксами-материалистами, которых представлял сам Владимир Ленин. Дело в том, что Богданов отказался от чистого материализма, не приняв аксиому о независимом существовании материальных объектов и доказывая, что если человечество, изменяя мир, способно к теоретическому исследованию и практическому воспроизводству любого вида материи, то нет никакой необходимости в концепции материи, которая стоит над научным познанием. Ленин, наоборот, утверждал, что философствования Богданова – это уход в идеализм, поскольку через человека материя познает материю и не более того.

Рис.1.4. Ленин играет в шахматы с Александром Богдановым, 1908 год

Одно время идеалистический «эмпириомонизм» Богданова-Малиновского был в среде профессиональных революционеров куда популярнее диалектического материализма Ленина. Богданов нашел очень изящную форму для выражения своих взглядов – написал утопический роман «Красная звезда». Это был очень своевременный роман.

«Был ноябрь 1907 года, – вспоминал старый большевик в рецензии, подписанной инициалами С.Д., – когда появилась "Красная звезда": реакция уже вступила в свою права,

но у нас, рядовых работников большевизма, всё еще не умирали надежды на близкое возрождение революции, и именно такую ласточку мы видели в этом романе. Интересно отметить, что для многих из нас прошла совершенно незамеченной основная мысль автора об организованном обществе и о принципах этой организации. Всё же о романе много говорили в партийных кругах».

Рис.1.5. Марсианин Александра Богданова (иллюстрация Г.Метченко к роману «Красная звезда», издание 1979 года)

Сюжет романа таков. Революционер Леонид Н. повстречался с инженером и товарищем по партии Мэнни. По ходу сюжета выясняется, что Мэнни – марсианин, и он приглашает Леонида посетить Красную планету, чтобы познакомить с высокоразвитой культурой марсиан, которые построили у себя коммунизм.

Технократическая утопия, вполне по Марксу, поражает воображение. Нетворческая работа передоверена машинам, пролетарии давно исчезли как класс, превратившись в высококвалифицированных инженеров, бдящих над этими машинами. Системы управления производством достигли такого совершенства, что стало возможным довольно точно определять, на каком направлении деятельности переизбыток человеко-часов, а на каком – недостача. А рабочее самосознание и ответственность перед обществом у марсиан столь развиты, что они могут тут же сменить место работы, восполнив недостачу человеко-часов. Соответственно потребление у таких ответственных работников ничем не ограничено, и деньги давным-давно утратили какой-либо смысл...

Роман «Красная звезда» был обречен на успех. По нескольким причинам.

Во-первых, Богданов ознакомился с опытом предшественников, описывавших высокоразвитое марсианское общество (Ананий Лякидэ, Курт Лассвиц, Герберт Уэллс, Порфирий Инфантьев), и активно использовал его при «проектировании» своей утопии.

Во-вторых, он эксплуатировал модные теории эволюции: формирование Солнечной системы по Канту-Лапласу, естественный отбор по Дарвину, социальные преобразования через классовую борьбу по Марксу.

В-третьих, в утопии Богданова описываются не только внешние признаки марсианского благополучия, но показано, что благополучие это формируется через устранение привычных, традиционных, но совершенно дискриминационных законов, принятых как в Императорской России, так и в Просвещенной Европе. Решение многих социальных проблем за счет

устранения, к примеру, единобрачия и замены его свободным выбором партнера вызвало яростную полемику в рядах читателей, но интуитивно большинство из приверженцев революционной утопии понимали, что отмена устаревших традиций, основанных на капиталистических взаимоотношениях по системе «товар-деньги-товар», при коммунизме неизбежна, и нравится это или нет, но кое-чем придется поступиться.

Однако представления Богданова не исчерпывались видениями грядущего коммунизма. Он по-своему попытался разрешить противоречие между категориями «дух» и «материя», отбросив его как несуществующее. Будучи всё-таки марксистом, Богданов полагал, что общественный опыт определяет человеческое сознание. Однако в отличие от ленинцев считал, что человек в ходе своего развития вполне может достигнуть поистине «божественных» высот и начать изменять объективные законы мироздания под себя. Коллективный индивид (одновременно – субъект и объект новой пролетарской культуры), который возникнет при коммунизме, сможет организовать свой жизненный опыт так, чтобы материя устремилась к идеальной гармонии. Делая акцент на братстве как основе общества будущего, Богданов мечтал буквально сплавить человечество в единую семью посредством... переливания крови.

В этой его эксцентричной фантазии этика объединялась с физиологией: молодая кровь вылечит больных и поддержит стариков. Технология омоложения описывается в «Красной звезде» следующим образом:

«Мы устраиваем обмен крови между двумя человеческими существами, из которых каждое может передавать другому массу условий повышения жизни. Это просто одновременное переливание крови от одного человека другому и обратно <...> Кровь одного человека продолжает жить в организме другого, смешиваясь там с его кровью и внося глубокое обновление во все его ткани.

<...> Молодой человек не стареет от крови пожилого: то, что в нем есть слабого, старческого, быстро преодолевается молодым организмом, но в то же время из нее усваивается многое такое, чего не хватало этому организму».

Вот о таком «прогрессивном» вампиризме мечтал Богданов. И не только мечтал, но пытался воплотить свои странные идеи в жизнь. После революции в Москве будет создан первый в мире Институт переливания крови. И его директором станет Богданов! А еще через несколько лет, в мае 1928 года, он умрет, обменявшись кровью с больным малярией.

«В институте многое было сделано впервые в мире, – рассказывает Валерий Канюка. – В том числе и полное переливание крови от одного человека другому. В числе добровольцев, на которых ставились эти опыты, был сын Богданова, Александр Александрович Малиновский (впоследствии – известный генетик). В эксперименте отца он участвовал в возрасте 25 лет. Его собственную кровь заменили на кровь сорокалетнего атлета. Вскоре конституция Малиновского, который был хил от рождения, стала меняться. Мне он помнится мощным, ширококостным мужчиной».

В свете красной звезды

Впрочем, главной заслугой Богданова-Малиновского для коммунистического движения стало прежде всего то, что он впервые озвучил смысловой ряд: Марс – красная звезда – революция – светлое коммунистическое будущее. Позднее этот ряд станет привычным, а еще позднее его изначальный смысл будет утрачен. Смутная связь между этими понятиями сохранится лишь где-то в темной глубине общественного бессознательного.

Однако во времена Богданова всё было ново и прозрачно. И – донельзя логично.

Согласно теории Канта-Лапласа, Марс – древняя планета, вдвое старше Земли. Американский астроном-любитель Персиваль Лоуэлл доказал, что на Марсе есть каналы, которые построила высокоразвитая цивилизация. Марксистская теория смены общественных формаций утверждает, что высшая форма развития цивилизации – коммунизм.

Следовательно, марсиане уже сегодня живут при коммунизме. Высшая форма развития цивилизации подразумевает также осуществление космической экспансии. Следовательно, коммунизм и космонавтика связаны друг с другом. Марсиане, скорее всего, уже освоили Солнечную систему и вскоре пожалуют к нам. Что последует за этим визитом, большой вопрос. Возможно, колонизация. Возможно, экспорт революции. В любом случае, с нами будут разговаривать на равных, только если мы сами сделаем у себя революцию и коммунизм...

Сегодня по-разному описывают происхождение красной пятиконечной звезды. Кое-кто из публицистов утверждает, будто бы большевики приняли для своего государства масонскую символику и на этом успокоились. Отчасти это правда, влияние масонских организаций на революционную деятельность в Европе трудно переоценить. Но вопрос о символике молодого государства куда сложнее, чем принято считать: всё-таки она формировалась годами, и самые разные люди принимали участие в этом процессе. Например, свастика, которую поначалу пытались внедрить как символ коммунистического движения, пришла не от масонов, а от сторонников теософии Елены Блаватской.

Существует несколько толкований смысла красной пятиконечной звезды.

Звезда как понятие европейского мышления служила изначально символом вечности, позднее стала символом высоких устремлений, идеалов.

Еще древние пифагорейцы, верившие, что в основе мира лежит число, сделали открытие: пропорции пятиконечной звезды основаны на принципе необычайной привлекательности для глаза. Позднее эти пропорции назвали «золотым сечением».

Пятиконечная звезда антропоморфна (то есть человекоподобна): на знаменитом рисунке Леонардо да Винчи человек с сомкнутыми ногами и раскинутыми руками похож на крест; с разомкнутыми ногами – на звезду.

Звезды в геральдике различались как по числу образующих их лучей, так и по цвету. Сочетание того и другого придает различные смысловые и национальные значения каждой звезде. Пятиконечная звезда (пентальфа, пентаграмма, звезда, повернутая «главой», то есть одним из лучей вверх) – древнейший символ защиты, охраны и безопасности. И наоборот, пятиконечная звезда, повернутая одним лучом вниз, а двумя вверх, приобретает зловещий и дурной смысл – в Западной Европе со времен Средневековья было принято считать такую перевернутую звезду знаком дьявола.

Происхождение символа сокрыто. Ныне считают, что европейцы позаимствовали звезду из культур Древнего Египта или Китая. Но оказывается, пятиконечная звезда издревле была знакома народам Севера. Например, у саамов Русской Лапландии пятиконечная звезда считалась универсальным оберегом, защищающим оленей – основу жизненного уклада большинства северян. В Северной Карелии еще в середине XIX века засвидетельствован факт почитания пятиконечной звезды охотниками-карелами. Наткнувшись в зимнем лесу на медведя, охотник быстро чертил на снегу три пятиконечные звезды в ряд и отступал за них. Считалось, что медведь не сумеет перейти эту линию. А у русских язычников красная пятиконечная звезда считалась знаком весеннего бога Ярилы, покровителя земледельцев и воинов.

Профанами пентальфа воспринималась как главный символ масонства, поскольку «имеет связь с традицией каббалы и восходит к “печати Соломона”, которой он отметил краеугольный камень своего Храма». Однако это ошибочное представление – в символике братства каменщиков пятиконечная звезда имела подчиненное значение.

Масоны и другие европейские оккультисты особенно ценили не красную, а «пламенеющую» звезду. О ней известный мистик доктор Папюс сообщал: «Братья узнавали о существовании света невидимого, который представляет собою источник неизвестных сил и энергий – этот тайный свет изображается в виде пятиугольной звезды. Она была символом

человека, излучающего из себя таинственный свет, и устанавливала таким образом эту чудную эмблему».

В советской символике красная звезда появилась после того, как Всероссийская коллегия по организации и формированию Красной армии, образованная 20 декабря 1917 года предложила ее в качестве воинской эмблемы. Конкретно за нее выступал Константин Еремеев – первый советский командующий войсками Петроградского военного округа, председатель Комиссии по формированию РККА. По другой версии, автором идеи был военный комиссар Московского военного округа Полянский.

Приказом Наркомата по военным делам от 19 апреля 1918 года красная пятиконечная звезда была введена в качестве нагрудного знака для всего личного состава РККА. Его ношение подтверждено приказом Реввоенсовета Республики за № 310 от 7 мая того же года.

Ношение знака регламентировалось и приказом Наркомата по военным делам за № 321 от 7 мая 1918 года за подписями Троцкого, Механошина, Подвойского и Склянского. Приказ гласил: «Красноармейский значок есть принадлежность лиц, состоящих на службе в войсках Красной армии. Лицам, не состоящим на службе в составе Красной армии, указанные знаки предлагается немедленно снять. За неисполнение сего приказа виновные будут преданы суду военного трибунала. Приказ входит в силу со дня его опубликования».

К приказу прилагались описание и рисунок красноармейского знака.

Согласно статье в газете ВЦИК «Красная Звезда», красная звезда символизировала борьбу трудящихся за освобождение «от голода <...> войны, нищеты и рабства», являлась эмблемой «рабоче-крестьянской Советской власти, защитницы бедноты и равенства всех трудящихся». Разъясняя этот символ, Военный отдел ВЦИК издал специальную листовку с изображением звезды. В ней, между прочим, говорилось:

«Эта красная звезда – знак рабоче-крестьянской Красной Армии, защитницы всех трудящихся, всей бедноты. Ты видишь на красной звезде молот и плуг. Знаешь, что это? Молот и плуг означают единение городского рабочего и деревенского пахаря, заключивших союз, чтобы до последней капли крови защищать свою землю и волю, свою рабоче-крестьянскую власть и социалистическое Отечество от врагов и палачей трудового народа».

Однако вряд ли на Реввоенсовете обошли вниманием еще одно значение символа: красная звезда – Марс – бог войны. И почти наверняка многие революционеры легко приняли красную пятиконечную звезду, потому что помнили популярный роман Богданова, в котором красная звезда была знаком утопии, лучшего и более справедливого будущего.

Позднее появились и другие, порой курьезные, толкования.

Так, некто М.Коган в статье «Заслуги еврейства перед трудящимися», опубликованной в харьковской газете «Коммунист» 12 апреля 1919 года, так объяснял значение красной пентальфы: «...Символ еврейства, веками борющегося против капитализма, стал и символом русского пролетариата, что видно хотя бы в установлении "Красной пятиугольной звезды", являющейся раньше, как известно, символом и знаком сионизма – еврейства. С ним – победа, с ним – смерть паразитам буржуям...»

В 1923 году символ пятиконечной звезды включили в герб СССР в качестве бэджа как фигурное дополнение к девизу «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Пять лучей звезды при этом объяснялись, как пять континентов, где идет борьба между трудом и капиталом. С этого момента красная звезда стала считаться эмблемой международной солидарности трудящихся. Красная звезда вновь обрела космополитичность, не завязанную на национальную армию конкретного государства. Бога войны сменил бог грядущего всемирного единения...

Рис.1.6. Герб Союза Советских Социалистических Республик (СССР)

Мистические тайны мавзолея Ленина

Согласно документам, Владимир Ильич Ленин скончался в Горках в 18 часов 50 минут 21 января 1924 года. Уже в 22 часа в Кремле с участием Дзержинского, Куйбышева, Аванесова, Енукидзе, Ярославского и других состоялось совещание, на котором рассматривался вопрос об организации похорон. Экстренный пленум ЦК утвердил первые мероприятия. В 3 часа 30 минут ночи состоялось заседание ЦИК Союза ССР, на котором была избрана Комиссия по организации похорон В.И.Ленина. Председателем назначили Феликса Дзержинского.

Рис.1.7. Советский плакат «Ленин – будет жить!»

В 4 часа утра скульптор Меркуров снял гипсовую копию с лица и рук Ленина. В полдень профессор патологической анатомии Абрикосов произвел бальзамирование тела.

26 января открылся II Всесоюзный съезд Советов, на котором в числе прочих было принято постановление о сооружении склепа для помещения тела Ленина. Под склепом понималось место для захоронения, но никак не будущий мавзолей в самом сердце Москвы. Решено было использовать временное бальзамирование тела лишь для организации похорон. В постановлении Президиума ЦИК Союза ССР от 25 января говорилось о склепе, доступном для посещения.

И вдруг происходит непонятное. Бонч-Бруевич в своих воспоминаниях пишет: «Утром, часов в одиннадцать, 23 января 1924 года я собрал первое заседание специалистов по вопросу об устройстве могилы для Владимира Ильича, хоронить которого решено было на Красной площади возле Кремлевской стены, а над могилой соорудить Мавзолей».

Архитектор Алексей Щусев сообщает, что получил задание на проектирование и строительство временного мавзолея в ночь с 23 на 24 января, а уже утром 24 января эскизный проект якобы был утвержден, да еще и правительственной комиссией. Бонч-Бруевич при этом добавляет, что во время спешной постройки мавзолея не велось никаких протоколов, а сооружение было возведено всего за четыре дня.

Поздние советские источники по этому поводу сообщали, что только с 23 по 25 января были получены тысячи писем и телеграмм с просьбой трудящихся увековечить тело Ленина. Но при этом 27 января телеграфные агентства Советского Союза сообщили: «Встаньте, товарищи, Ильича опускают в могилу!» Опять же в официальном сообщении – ни слова об увековечении тела в мавзолее.

Рис.1.8. Прощание с Владимиром Лениным

Напрашивается вывод: мысль об увековечении тела Ленина возникла у очень узкой группы лиц еще до смерти вождя, а общественности она была подана задним числом – как инициатива самой же общественности.

Профессор Абрикосов (непререкаемый авторитет в области анатомии) считал борьбу за сохранение тела бессмысленной, ибо на нем появилась пигментация и начался процесс высыхания тканей. Он говорил, что наука не обладает методами сохранения тела человека на долгие сроки. Секретарь Президиума ВЦИК Енукидзе официально заявлял, что из тела Ленина не собираются делать «мощи». Надежда Крупская и Климент Ворошилов также открыто говорили о недопустимости подобного.

И тут Дзержинский вмешивается в ход событий с предложением о подключении современной науки. 4 февраля 1924 года Леонид Красин предлагает использовать метод низких температур. По его проекту в саркофаг с телом должен поступать охлажденный воздух из холодильной камеры.

Но этот проект был отвергнут. 26 марта 1924 года начинается мумификация по методу, о котором в России догадывались лишь смутно, по аналогии с обрывочными знаниями о мумиях древнеегипетских фараонов.

На выбор повлияли, по-видимому, красочные журналистские репортажи о вскрытии гробницы Тутанхамона, которое случилось за пятнадцать месяцев до этого, – корреспонденты различных изданий живописали ее убранство и восхищались мастерством древних египтян, сумевших отправить своего фараона в путешествие сквозь века и тысячелетия.

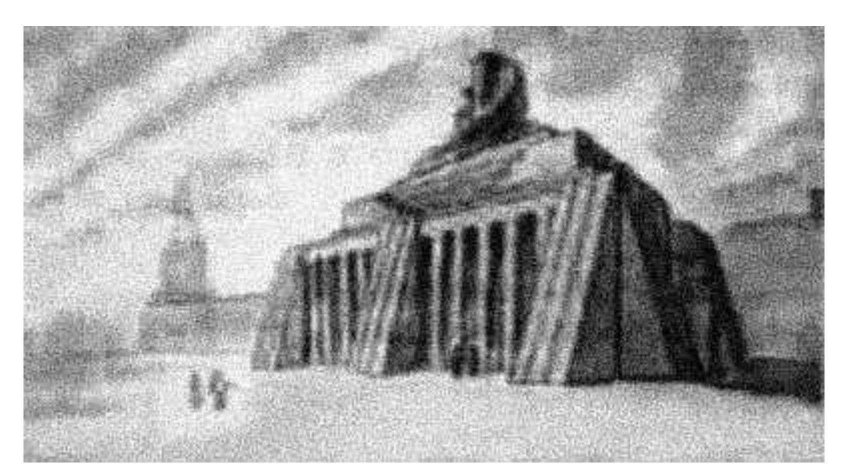


Рис.1.9. Один из вариантов мавзолея Ленина

Во временный дощатый мавзолей спускаются трое: патологоанатом Владимир Воробьев, биохимик Борис Збарский и прозектор анатомического театра Шабадаш. О содержании их работ над телом ничего не известно, однако основная техническая идея принадлежала Збарскому, а Воробьев и Шабадаш выполняли лишь анатомические манипуляции.

К 26 мая все было закончено, и делегаты XIII съезда партии посетили мавзолей. Дмитрий Ульянов, брат Ленина, выбежал после посещения в состоянии крайнего аффекта и воскликнул: «Я сейчас ничего не могу сказать, я сильно взволнован! Он лежит таким, каким я его видел тотчас после смерти!»

И это правда. Несмотря на прежние заявления специалистов о начавшемся разложении, труп по прошествии четырех месяцев посвежел и помолодел. Нарком здравоохранения Семашко огласил акт правительственной комиссии: «Общий вид значительно улучшился по сравнению с тем, что наблюдалось перед бальзамировкой, и приближается в значительной мере к виду недавно умерших».

Всё это вызывает ощущение присутствия некоей тайны.

Исследователь В.Авдеев показал, что идеологическая основа тех манипуляций, которые претерпело тело Ленина, были изложены в книге биолога еврейского происхождения Пауля Каммерера «Смерть и бессмертие». Она увидела свет в Вене в феврале 1923 года, а после смерти Ленина автора тут же пригласили в Советскую Россию. Книга этого «парабиолога» снабжена огромным количествам оккультных терминов, в том числе явно восходящих к магии Древнего Египта.

Большая Советская энциклопедия посвятила Каммереру внушительную панегирическую статью, величая его «передовым прогрессивным ученым», подвергающимся незаслуженным нападкам реакционной буржуазной науки. На русском языке было опубликовано пять его книг, что свидетельствует об определенном протекционизме идей Каммерера со стороны советского правительства. В этом нет ничего удивительного, ведь они вполне созвучны идеям Богданова, которые уже легли камнями в фундамент новой идеологии.

Рис.1.10. Современный вид на Красную площадь

Так, в книге «Омоложение и продление личной жизни» (1922) автор подробно рассматривает вопрос пересадки половых органов свежих трупов живым людям с целью омоложения последних.

Однако наибольший интерес вызывает книга «Смерть и бессмертие», которая на русском языке была опубликована в 1925 году.

Сама книга начинается с утверждения «о смерти и ее обнадеживающей светлой стороне – органическом бессмертии». Бессмертие понимается Каммерером именно в органическом смысле – как сосуществование живых и мертвых клеток.

Академик Лопухин в своей книге «Болезнь, смерть и бальзамирование В.И.Ленина» (1997) недоумевает: после вскрытия тела медицинская комиссия поставила необычный диагноз: «склероз изнашивания». Но именно в книге Каммерера мы встречаем точно такой же термин — с него начинается перечень причин летального исхода.

Далее исследуются процессы жизнедеятельности человека при удаленном мозге – а ведь Ленин лежит в мавзолее без мозга. Большое значение Каммерер уделял также вопросам удаления частей мозга и влиянию этих изменений на процесс жизнедеятельности организма.

Замечателен и фрагмент, объясняющий, что «собственные продукты распада необходимо выводить наружу», и что они вызывают понижение жизнеспособности окружающего населения.

Если развивать мысль Каммерера, то получится, что при сохранении мертвого тела неизбежно должны образовываться продукты распада. Посетители мавзолея физически, биологически и оккультно становились носителями этих продуктов, которые через них «выводились наружу», поддерживая тело вождя в рабочем состоянии.

Наконец, в книге Пауля Каммерера имеется глава «Смерть рас и видов». В ней раскрываются метафизические принципы всей концепции органического бессмертия: «Если мы вымирание видов признаем за одну из форм смерти, которая как высшая категория включает в себя отдельные случаи смерти, то мы должны признать и низшие ступени индивидуальной смерти за маленькие периодические отчисления, которые заставляют частями отмирать тело, покуда не будет исчерпана окончательно его способность к жизни».

Как черный оккультист Пауль Каммерер откровенно заявляет, что органическое телесное бессмертие индивида возможно только за счет всего народа в целом.

Именно в этом и заключено, если суммировать все прежние высказывания Каммерера, истинное значение мумии Ленина. «Вампирить» народ, выпить его жизненные соки – чтобы сохранить и поддержать мумифицированную нежить.

Согласно вычислениям академика Лопухина, на сегодняшний день мавзолей уже посетили свыше 70 миллионов человек, обеспечивая функционирование этой оккультно-некрофилической системы.

Каммерер отмечал, что эти «продукты распада» негативно сказываются на окружающей популяции. И действительно, жизнь нашего народа за все эти годы является тому наглядным подтверждением – такая «святыня» ведет к деградации.

Лопухин указывает еще на два интересных факта. Во-первых, тело Ленина вскрывали украдкой в неподготовленном помещении, составив для этих целей два стола, покрытых клеенкой, что вполне могло указывать как на сокрытие подлинных причин смерти, так и на возможные магические манипуляции с трупом. Во-вторых, самым непонятным образом из истории болезни исчезли все многочисленные анализы крови. Кровь, как мы помним по работам Богданова-Малиновского, является главным индикатором жизненных процессов – неслучайно она занимает особое место во всех оккультных акциях.

Подведем итоги. Збарский, используя загадочный биохимический метод, известный, по всей видимости, и «парабиологу» Паулю Каммереру, осуществил операцию по омоложению трупа. Ассистировал ему человек с чудной фамилией Шабадаш.

В своей неоднократно переизданной книге «Мавзолей Ленина» Борис Збарский с гордостью пишет: «У египтян, финикиян бальзамированием занимались особые люди, составлявшие касту и державшие в секрете свои способы бальзамирования». Естественно, автор подразумевал, что к этой древнейшей касте относится и он сам – верховный жрец погребального культа красного фараона.

По этому поводу В.Авдеев пишет: «Напрашивается аналогия с практикой Древнего Египта, где мумия фараона служила оккультным источником передачи всему народу той мощи, которой он был наделен при жизни. (В частности, специальный жрец контролировал детородные функции владыки. При их ослабевании его свергали, так как неплодность могла передаться всей стране.) Напротив, мумия Ленина, который при жизни был отягощен многими неприятными болезнями, является источником деградации народа, особенно при прохождении через мавзолей больших масс людей...»

Рождение коммунистического сверхчеловека

Возведение мавзолея стало первым шагом на пути к фактическому обожествлению личности Ленина. Человек, воплотивший теоретические концепции Маркса и Энгельса в практику революционной борьбы, которая привела к возникновению государства нового типа, должен был стоять в истории много выше обычных революционеров, не говоря уж о нормальных людях.

Возникновение культа произошло как-то само собой.

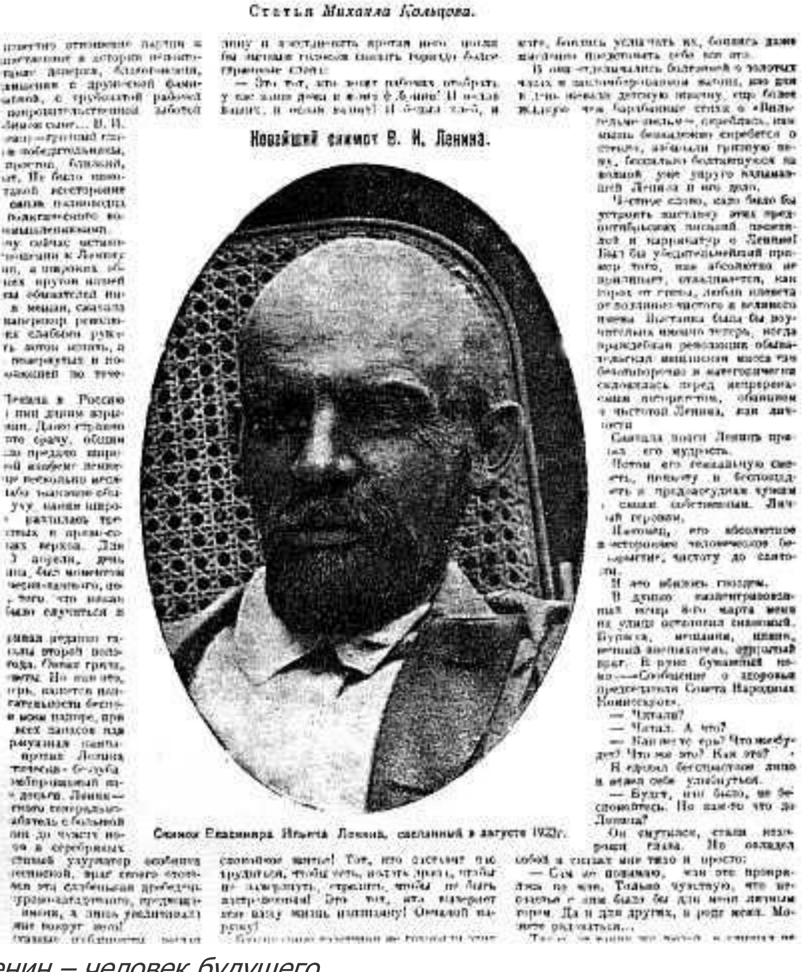
В похоронной истерии соратники вспоминали о необычных прижизненных качествах Ленина. Убежденный материалист Бухарин отмечал у Владимира Ильича экстраординарные (почти паранормальные!) для человека качества:

24 9-го сентября 1923 г. № 24.

Человек из будущего.

Статья Михаила Кольцова.

Новейший снимок В. И. Ленина.



Снимок Владимира Ильича Ленина, сделанный в августе 1922 г.

Рис.1.11. Ленин – человек будущего

«Точно было у Ленина какое-то неведомое шестое чувство, которое позволяло ему чутким ухом прислушиваться, как растет под землей трава, как бегут и журчат подземные ручейки, какие думы, какие мысли бродят в головах бесчисленных тружеников земли. По случайному разговору с деревенской старухой он угадывал биение пульса в крестьянке».

Тот же Бухарин указывал на наличие у вождя не головы, а «мощного головного аппарата».

Ему вторил член Политбюро Лев Каменев, нахваливавший содержимое ленинского черепа: «Этот удивительный, поразительный мозг, мощность которого не знает себе равного».

Даже Лев Троцкий, боровшийся против большевистского фетишизма, теперь вспоминал, как «могучий лоб, переходивший в купол еще более могучего черепа, придавал из ряда вон выходящую значительность».

Из описаний соратников вождя выходило, что Ленин имел голову, размеры которой во много раз превышали среднестатистические. Отсюда возникла уже и рабочая гипотеза для исследования: может быть, Владимир Ильич представлял собой еще неизвестный науке антропологический тип человека?

Миф об особенностях мозга и черепа Ленина не был плодом личной фантазии коммунистических лидеров. Они были достаточно начитанными людьми, знакомыми с современными им футурологическими концепциями и фантастическими романами. Именно в произведениях фантастов они могли почерпнуть идею о том, что человек будущего будет обладать огромной головой, вмещающей невероятно развитый мозг.

Рис.1.12. Люди будущего по Альберу Робиде (иллюстрация к роману «Электрическая жизнь», 1883 год)

Достаточно вспомнить прекрасно иллюстрированные романы французского футуролога Альбера Робиды, которые издавались большими тиражами на русском языке. Вот что он писал по этому поводу в книге «Электрическая жизнь» («La vie electrique», 1883), вкладывая свои мысли в уста персонажей, живущих в середине XX века:

«Нельзя отрицать, что нынешнее слишком торопливое и скороспелое, до чрезвычайности занятое и раздражающее нервы электрическое существование переутомило человеческую расу и вызвало у нас нечто вроде общего упадка сил.

– Это объясняется мозговым перевозбуждением, – заметил министр.

– У современного человека нет более мышц, – презрительно заметил Сюльфатен. – Работает один только мозг, который и поглощает все питательные соки в ущерб остальному организму, неизбежно подвергающемуся вследствие этого процессу так называемой атрофии и вырождения. Если своевременно не будут приняты должные меры, то человек обратится в громадный мозг под куполообразным черепом, подпертым самыми тоненькими ножками!»

После Робиды на эту тему много и плодотворно думал знаменитый британский писатель Герберт Уэллс. Его кровососущие марсиане, прилетевшие на Землю в романе «Война миров»

(«The War of the Worlds», 1897), представляют собой один огромный мозг на маленьких слабых щупальцах.

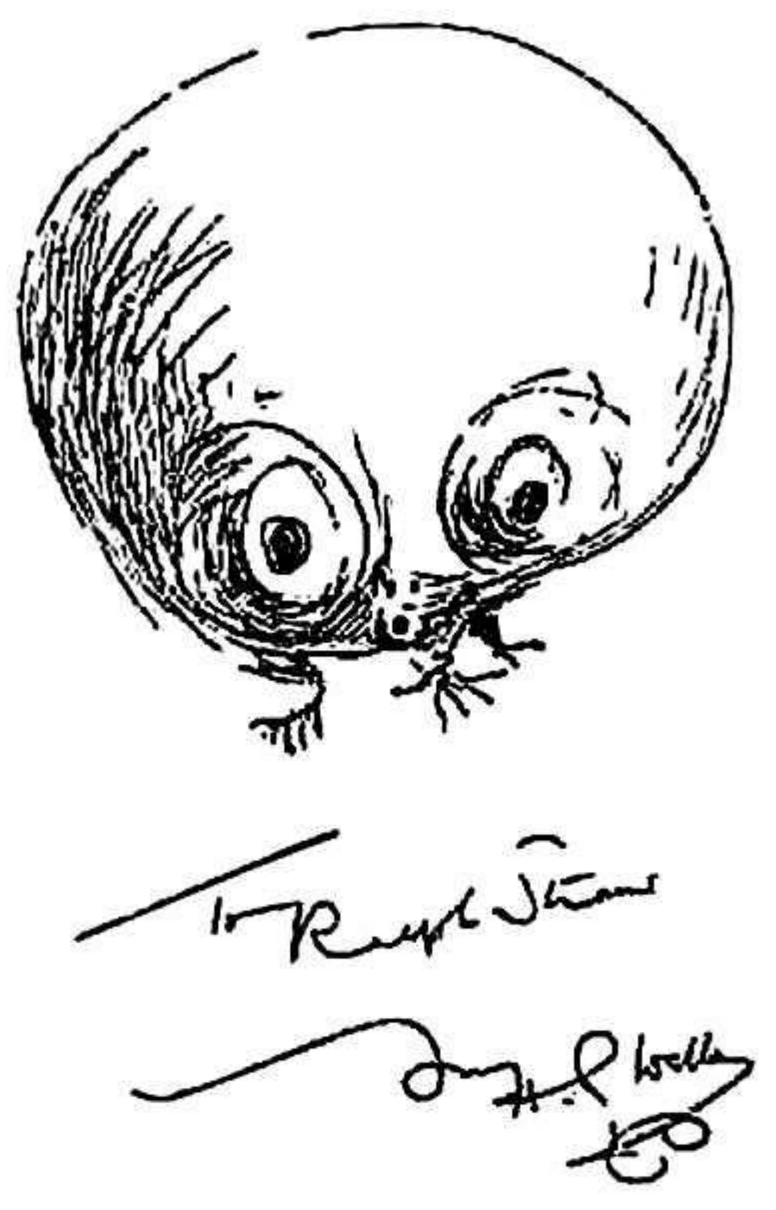


Рис.1.13. Марсиане Герберта Уэллса из романа «Война миров» (автограф Уэллса)

Аналогично выглядят и «высокоразвитые» обитатели Луны из романа «Первые люди на Луне» («The First Men in the Moon», 1901):

Рис.1.14. Селениты Герберта Уэллса (иллюстрация к роману «Первые люди на Луне»)

«Его голова <…> обычного лунного типа, но странно видоизмененная. Зияющий рот необыкновенно мал и расположен чрезвычайно низко, лицевая маска состоит почти из одного широкого плоского носа-пятачка. С каждой стороны по маленькому глазу.

Голова в целом представляет собой огромный шар, но вместо шероховатого кожистого покрова, как у пастухов лунных стад, на голове его тонкая мембрана, через которую можно наблюдать все движения пульсирующего мозга. Это – существо с уродливо гипертрофированным мозгом на теле карлика».

Не нужно думать, будто бы Уэллс представлял такими уродцами одних инопланетян – нет, в этих существах он видел прежде всего людей будущего. Еще в 1887 году он писал в очерке «Человек миллионного года»:

«Человек миллионного года окажется еще более непохож на нас, чем мы на обезьяну. <…> Необычайно увеличится голова – вместилище разросшегося мозга. При этом она не сохранит прежних пропорций. Черты лица сгладятся, уши, нос, надбровные дуги не будут более выступать вперед, подбородок и рот станут крошечными».

Несмотря на очевидную антинаучность главного тезиса (давно доказано, что непропорционально большие размеры головы у человека скорее могут быть признаком генетических или анатомических аномалий, чем выдающихся способностей), советские идеологи подхватили идею о необычных свойствах мозга Владимира Ленина. В своих статьях они всячески подчеркивали имевшуюся у него «нечеловеческую волю», «нечеловеческий ум», «нечеловеческую способность к мышлению». Таким образом, они откровенно заявляли: Ленин был существом иной породы. Намекали на наличие у него свойств, не характерных для вида Homo sapiens, а то и прямо называли его «сверхчеловеком».

Идеологи утверждали, что феномен Ленина должен быть изучен с точки зрения биологии и других современных наук, которые смогли бы на основе антропологического и анатомического материала разработать подробную инструкцию по селекции подобных выдающихся существ. Позднее эту странную идею выделил и сформулировал в своей статье «Человек будущего» (1928) приват-доцент 2-го Московского государственного университета Николай Шамильевич Мелик-Пашаев. Он предсказывал массовое появление в СССР «грядущего сверхчеловека, для которого гениальность поистине станет ординарным явлением».

На самом деле даже простое изучение биографии Ленина позволяет сделать вывод, что он был вполне обыкновенным человеком, не сильно выделявшимся из числа российских интеллигентов своего времени. Его книги и полемические статьи также не содержат в себе каких-то выдающихся открытий. Полноценного образования он не получил. Адвокат из него вышел аховый. Как политик он был излишне прямолинеен и предпочитал простые грубые решения. Его успехи на поприще революции можно объяснить общеполитической ситуацией в России 1917 года, когда власть фактически валялась под ногами, и наличием крепкой команды жестоких боевиков, которые захотели эту власть взять. Тем не менее именно бывшие боевики, ставшие министрами, больше остальных оказались зачарованы мнимой гениальностью своего вождя.

Еще в ночь вскрытия из тела Ленина были извлечены мозг, сердце и часть других органов. Все они были разложены по особым сосудам и сами по себе являлись «святынями». Кроме того, с мозга были сделаны специальные слепки, которые также прилагались к анатомическому материалу и полноправно входили в коллекцию советских мощей.

Гениальный мозг требовал особого изучения. Главная трудность заключалась в том, что будущему исследователю на основе разрушенного болезнью мозга предлагалось описать его в здоровом состоянии, составив некоторую теоретическую реконструкцию.

Вспомнили рекомендацию германской коммунистки Клары Цеткин. Она еще во время болезни Ленина советовала обратить внимание на своего земляка – невропатолога Оскара Фогта.

В Германии Фогт был известен как практикующий гипнотизер. Одно время он даже издавал журнал «Zeitschrift fuer Hypnotismus» – там печатались работы по вопросам гипноза и других необычных явлений психики. С 1919 года Фогт руководил Институтом исследования мозга Общества содействия наукам имени кайзера Вильгельма. В 1920 году он опубликовал крупную работу по анатомии центральной нервной системы. Профессор доказывал, что кора больших полушарий мозга делится на 2000 структурно различных полей. Метод его исследования состоял в том, чтобы с помощью особого прибора производить несколько десятков тысяч тончайших срезов с мозга трупа и подвергать полученный материал изучению под микроскопом.

Кроме своей непосредственной специализации, Фогт занимался исследованиями в области генетики и евгеники. Изучая мозги выдающихся людей, с одной стороны, и генетические механизмы, с другой, немецкий ученый пытался создать нечто вроде теории научного формирования элиты. Его мечтой было обнаружение в генетическом аппарате механизма, дающего ключ к созданию идеального представителя человеческого рода. А Ленин, по мнению большевиков, был именно таким «идеальным» человеком.

В середине февраля 1925 года директор Нейробиологического института Берлинского университета Оскар Фогт прибыл в Москву и уже 17-го числа участвовал в заседании светил советской медицины в Институте В.И.Ленина. На заседание были приглашены не просто медики, а все те, кто был посвящен в тайну ленинской болезни, бывал на консультациях в Горках, присутствовал на вскрытии тела, подписывал заключение о смерти.

Собрание открыл главврач 2-й Градской больницы Борис Вейсброд. Первый вопрос, который он задал присутствующим светилам науки, звучал впечатляюще: «Может ли цитоархитектоническое исследование дать указание на материальное обоснование гениальности В.И.ЛЕНИНА?» Ответ последовал незамедлительно: «Проф. ФОГТ и все присутствующие высказываются положительно. Уже с первых шагов исследования можно будет определить особенность клеточного строения; но вместе с тем нужно указать на то, что исследование не должно ограничиться однократным осмотром, но по мере развития техники окраски и науки должны повторно подвергаться исследованию новые срезы. Изучение этих срезов должно вестись путем сравнения со срезами других мозгов, а также (психоанализа) психологического изучения».

Профессор Фогт представил план своих работ с «препаратом». Он предложил разрезать хранившийся мозг Ленина на слои толщиной 1,8 сантиметра, залить их парафином, чтобы в дальнейшем производить тонкие срезы для фотографирования и патологического исследования. Фогт настаивал на том, чтобы мозг Ленина отправился в Берлин, где в Нейробиологическом институте есть опытные сотрудники и уникальная аппаратура.

Советские власти крайне негативно отреагировали на идею экспорта мощей Ленина в Германию. Их указание от 19 февраля звучало категорично: «а) Отклонить предложение врачей о вывозе мозга В.И.Ленина за границу для исследования, б) Предложить поставить исследования мозга Владимира Ильича в России».

В конечном итоге было решено, что Фогт вместе с женой и германской лаборанткой переедет на время исследования в Москву. Сюда же будет доставлено ценное оборудование из Германии. Так, решением Кремля было положено начало организации сверхсекретной лаборатории по изучению мозга «человека будущего».

Фогту выделили шесть комнат в Институте В.И.Ленина. Церемония передачи драгоценного мозга иностранцу сопровождалась заключением в мае 1925 года договора между ним и Институтом. Деньги для закупок дорогостоящего оборудования в Германии перечислялись из запасного фонда Совнаркома (Совета Народных Комиссаров).

Мозг Ленина был фиксирован в формалине и спирте, разделен на блоки и залит в парафин. Блоки разложены на 30 963 среза, которые были сделаны с помощью особого резательного аппарата – микротома. Срезы были специально окрашены контрастным веществом и помещены между тонкими стеклами. Это позволяло более четко видеть структуру мозга и даже демонстрировать эти препараты как слайды. Сотрудники Института скрупулезно сравнивали ленинские срезы со срезами обычных людей и некоторых представителей советского аппарата и интеллигенции. Даже малейшая деталь, отличавшая вождя от простых смертных, могла свидетельствовать о его «необычных способностях». Ученые не сомневались в уникальности борозд, извилин, количества мозговых клеток, их послойного расположения и величины. И действительно, в ходе исследований обнаружилась хорошая развитость третьего и пятого слоев клеток мозга. Ободренный успехом, Наркомздрав рапортовал: «Исследование мозга т. ЛЕНИНА, согласно постановлению ПБ, уже производится. Закуплены и закупаются специальные аппараты и приборы. Сделана часть срезов. Работает немка-лаборантка, командированная проф. Фогтом. Прошли курс учебы у проф. Фогта два врача-коммуниста (т.т. Сапир и Саркизов), которые приступили к работе в Москве. Получены уже некоторые предварительные результаты».

В Кремле внимательно следили за исследованиями немца. И те, кто быстро научился улавливать пожелания нового руководства, поспешили выступить с сенсационными заявлениями. Так, к третьей годовщине со дня смерти Ленина в вечернем выпуске «Красной газеты» появились мемуары академика Осипова, в которых он сообщал: «Уже макроскопическое исследование мозга В.И.Ленина при вскрытии тела показало высокое совершенство его строения, которым и объясняется его духовная мощь, так отчетливо проявившаяся в течение болезни».

В 1927 году профессор Фогт выступил с докладом о своих открытиях в узком кругу членов правительства СССР. И хотя информация об этом событии была тут же засекречена, 15 ноября 1927 года «Известия» опубликовали небольшую заметку. Она разъясняла простым гражданам суть работ Фогта: «Метод этот, так называемый цитоархитектонический, основан на изучении расположения и строения нервных клеток в головном мозгу. Профессор Фогт поставил себе задачей на основе такого изучения определить материалистическое основание для объяснения гениальности Ленина и его психических особенностей».

Газета сообщала и об уникальных находках, обнаруженных немецким ученым в третьем слое коры головного мозга. Именно тут имели особенное распространение так называемые пирамидальные клетки. В них, по мнению ученого, и скрывалась «материальная база психической одаренности». Казалось, что разгадка тайны «сверхчеловека будущего» наконец-то раскрыта.

Допущенный к кремлевским тайнам советский футуролог Мелик-Пашаев, знакомый со стенограммой секретного заседания, с восхищением писал об открытиях Фогта: «Тщательное изучение мозга нашего гениального современника В.И.Ленина и сравнение тонкого архитектурного строения его с мозгом людей среднего психического уровня – выявляет необычайное богатство материального субстрата – архитектуры строения и развития нервных клеток и нервных отростков коры мозга В.И.Ленина, который (то есть мозг) является, несомненно, прототипом мозга грядущего сверхчеловека».

Но случился казус. В 1929 году Фогт выступил со своими сообщениями в Германии, где продемонстрировал как диапозитив тончайший срез с мозга Ленина и фотографии с других срезов. Его выводы оказались в центре оживленной научной дискуссии, и профессор Шпильрейн в авторитетной «Энциклопедии душевных болезней» указал, что такие же «ленинские» пирамидальные клетки имеются и у слабоумных. Этот ученый не знал, что оказался весьма близок к истинной картине последних месяцев ленинского существования. Статья Шпильрейна была замечена немецкой политической прессой – там сразу появились уничижительные заметки о мозге советского вождя.

Происходившее в Германии вызвало скандал в Москве. Кремль обескуражило то, что Фогт даже не вступил в полемику с Шпильрейном и пассивно наблюдал, как враги революции охаивают священный мозг. В 1929 году лабораторию Фогта реорганизовали и присоединили к Институту высшей нервной деятельности в качестве отдела морфологии. Самому немцу было отказано в посещении Москвы.

Вся эта история закончилась только 27 мая 1936 года, когда в Политбюро ЦК ВКП(б) на имя Сталина поступил развернутый доклад «Изучение мозга Ленина». Семен Саркизов представлял вождю плод усилий сотрудников двух институтов по изучению главного мозга планеты. В этом исследовании мощность одного мозга Ленина приравнивалась к мощности десяти полушарий «средних людей». Что же касается голов известных в Советской стране личностей, то и здесь первенство Ильича над ними было убедительно доказано научными выводами. «Измерение борозд лобной доли и борозд остальных долей обнаружило самый высокий процент борозд лобной доли в мозгу В.И.Ленина в сравнении со всеми другими исследованными нами в этом направлении мозгами (Куйбышев, Луначарский, Менжинский, Богданов, Мичурин, Маяковский, акад. Павлов, Клара Цеткин, акад. Гулевич, Циолковский). Также очень богата извилинами и в то же время богата уклонениями от среднего типа и нижняя теменная область».

Количественные показатели, полученные при исследовании ленинского вместилища мудрости, убедительно доказывали его абсолютное превосходство над всеми иными: «Так, в лобной области процент лимитрофных адаптаций по отношению к поверхности всей коры составляет 2,06%, а по отношению к поверхности лобной доли – 8,07%. В мозгу Богданова соответствующие цифры – 1,3% и 5,3%, в мозгу Скворцова-Степанова – 1% и 4,1%, и в мозгу Маяковского – 1,1% и 4, 7%».

Больше того, даже разрушенный болезнью мозг Ленина, по мнению угодливых исследователей, работал не только исправно, но даже лучше, чем здоровые мозги средних людей! Облик сверхчеловека окончательно сформировался и был канонизирован. С момента своей смерти Ленин перестал быть просто политическим деятелем или вождем рабочего класса – он превратился в нового мессию, богочеловека, предвестника наступления Царствия Небесного на Земле. Неслучайно в советской идеологической мифологии закрепились так называемые «заветы Ильича», которые в чем-то напоминают заповеди Иисуса Христа, но касаются вопросов построения коммунизма.

«Мавзолей Владимира Ильича Ленина, – писали пропагандисты в 1980-е, – дорогая святыня советских людей, всего прогрессивного человечества. Каждый день нескончаемым потоком сюда идут трудящиеся нашей страны, многочисленные зарубежные гости. Ежегодно в дни празднования годовщин Великого Октября и первомайских демонстраций мимо Мавзолея проходят трудящиеся Москвы, чтобы сказать основателю нашего государства: “Спи спокойно, дорогой Владимир Ильич. Мы выполним все твои заветы!..”»

Глава вторая
В тисках русского космизма

Большевики предполагали преобразовать по моделям Маркса – Ленина не только всю Землю, но и окружающее космическое пространство. Энергия народных масс, которая согласно коммунистической мифологии, должна была высвободиться сразу после падения оков царизма и капитализма, имела бы совершенно фантастический преобразовательский потенциал. Многие из революционеров и им сочувствующих всерьез верили в то, что затеваемое ими дело имеет космические масштабы и когда-нибудь «комиссары в пыльных шлемах» доберутся до звезд. Предпосылки к надмирной идеологии межзвездного прорыва можно обнаружить в работах русских космистов, которых коммунисты очень уважали.

«Общее дело» Николая Федорова

Одним из основоположников русского космизма считается Николай Федорович Федоров – незаконный сын князя Петра Ивановича Гагарина.

Федоров родился в 1828 году. Окончив Ришельевский лицей в Одессе, преподавал историю и географию в разных уездных училищах. В 1868 году Федоров стал помощником библиотекаря в Чертковской библиотеке, вместе с ней перекочевав в библиотеку Румянцевского музея.

Федоров до самозабвения любил свою работу. А его эрудиция не знала границ. С ним советовались историки и писатели, поэты и математики.

Слава о Николае Федорове шла по Москве, его называли мудрецом, богословом, философом. Лев Толстой сказал о нем: «Я горжусь, что живу в одно время с подобным человеком». Познакомившись в 1881 году с Федоровым, великий писатель пометил в дневнике: «Ник. Фед. – святой. Каморка. Исполнять? Это само собой разумеется. Не хочет жалованья. Нет белья. Нет постели».

«Исполнять»? «Это само собой разумеется»? Может быть, речь идет о жизненных принципах Федорова, близких самому Толстому?..

Философ действительно жил в каморке, ходил в поношенной одежде, питался хлебом и чаем.

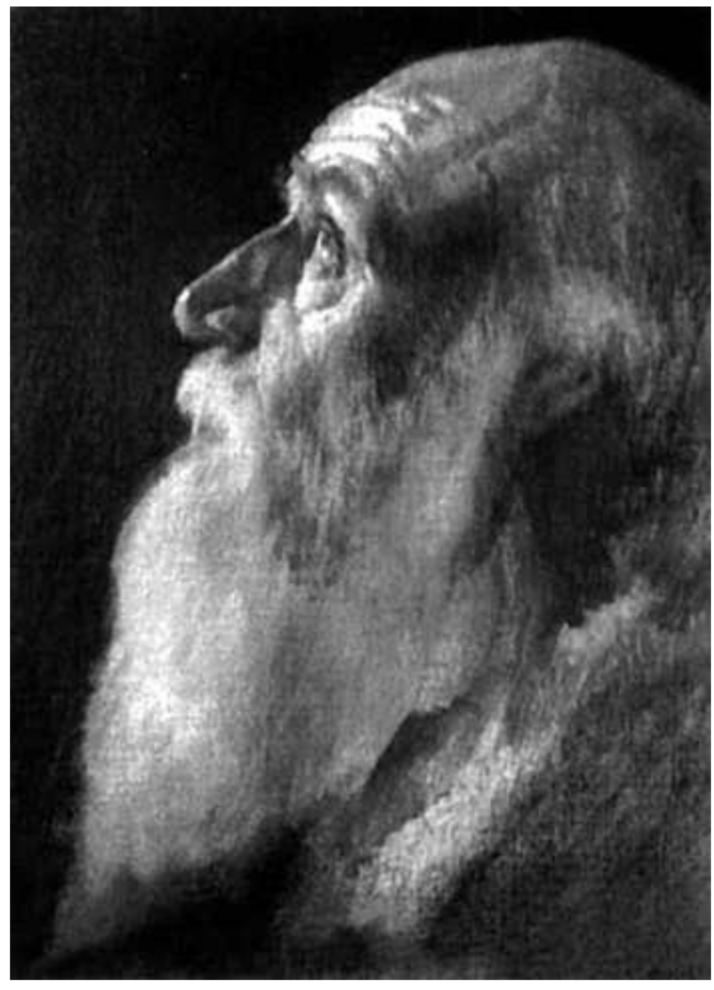


Рис.2.1. Николай Федоров (портрет работы С.А.Коровина, 1902 год)

Впрочем, скромность Федорова была совершенно особого рода. Внешне неприметный заведующий каталогом искренне и непоколебимо верил, что всё человечество, миллиарды людей, в течение тысячелетий будут работать над претворением в жизнь его учения, изложенного в фундаментальном труде «Философия общего дела».

В этом труде Николай Федорович доказывал, что раньше или позже восторжествует супраморализм (сверхмораль), суть которого в обожествлении предыдущих поколений («отцов») и в нестерпимом желании вернуть эти поколения к жизни. Все люди, когда-либо жившие на Земле, должны быть воскрешены!

«Воля к воскрешению, – писал Федоров, – или когда вопрос о возвращении жизни ставится целью разумных существ, – приводит к морализации всех миров вселенной, ибо тогда все миры, движимые ныне бесчувственными силами, будут управляемы братским чувством всех воскрешенных поколений; в этом и будет заключаться морализация всех миров, равно как и рационализация их, ибо тогда миры вселенной, движимые ныне бесчувственными и слепыми силами, будут управляемы не чувством только, но и разумом воскрешенных поколений...»

Цель, конечно, благородная, но как это осуществить на практике?

Федоров считал, что если два атома были когда-то рядом в одном организме, то от этой близости в них остается след, и по этому следу можно когда-нибудь будет их найти и воссоединить.

Допускал Федоров и другой путь воскрешения – генетический, непосредственно из материи тела сыновей воссоздать их отцов, а из тех – их отцов и так далее.

Однако и тут возникает вопрос: где разместить миллиарды воскрешенных людей? Ответ только один – в бескрайнем космосе. Так, в супраморализм Федорова проникает космизм.

Главной идеей «русского космизма» есть идея непосредственного взаимодействия человека и космоса – причем, двусторонняя.

До Федорова космос и космическое в философском сознании обычно были воплощением беспредельного, абсолютного и недоступного ограниченному человеческому пониманию, оставаясь предметом медитации, высокого восхищения, смешанного с трепетом ужаса перед бездной небытия. Созерцательное отношение к космосу, уходящее в глубокую древность, преобладало многие века. И только начиная с Федорова, в философию и науку входит требование преобразовательной активности со стороны человечества, направленной на макрокосмос.

«Борьба с разъединяющим пространством» для мыслителя – «первый шаг в борьбе со всепоглощающим временем». Две глобальные победы человечества: над пространством и временем – взаимосвязаны и взаимозависимы. Полем преображенной бессмертной жизни может быть не только вся Вселенная, бесконечная и неисчерпаемая в своих энергетических и материальных возможностях, а также и долгоживущие, а потом и бессмертные создания с биологически гибким, переделанным организмом, которые смогут жить и творить в самых невероятных внеземных условиях. Федоров писал, что предстоит «не только посетить, но и населить все миры вселенной».

Однажды Лев Толстой рассказывал об учении Федорова членам Московского психологического общества. На недоуменный вопрос: «А как же уместятся на маленькой Земле все бесчисленные воскрешенные поколения», Толстой ответил: «Это предусмотрено: царство знания и управления не ограничено Землей». Его заявление было встречено смехом...

Такой реакции следовало ожидать. Космонавтика в Императорской России была уделом чудаков, воспринималась юмористически, и Федоров, поддерживая ее своей философией, ставил себя в ряд с другими «сумасшедшими». Но, вопреки общему мнению, Николай Федорович верил, что Россия будет когда-нибудь лидировать в космосе. И даже предлагал свою программу по приобщению населения Империи к идее межпланетных перелетов. Он писал:

«Тот материал, из коего образовались богатырство, аскеты, прокладывавшие пути в северных лесах, казачество, беглые и т. п., это те силы, которые проявятся еще более в крейсерстве и, воспитанные широкими просторами суши и океана, потребуют себе необходимо выхода, иначе неизбежны перевороты и всякого рода нестроения, потрясения. Ширь Русской земли способствует образованию подобных характеров; наш простор служит переходом к простору небесного пространства, этого нового поприща для великого подвига...»

Несмотря на то что книги Федорова при его жизни не публиковались, влияние идей «первого космиста» на московскую интеллигенцию начала XX века трудно переоценить. Интересовались ими и наиболее образованные из числа революционеров. В опубликованных воспоминаниях видного большевика Ольминского содержится любопытное свидетельство о публичном заявлении Леонида Красина, «мага и волшебника большевицкой партии» (по выражению Ленина), входившего впоследствии в Комиссию по увековечиванию памяти вождя и наблюдавшего за сооружением Мавзолея и бальзамированием трупа. Однажды

Красин заявил, что верит, подобно Федорову, в грядущее воскрешение мертвых, но не всех, а только «великих исторических личностей». Столь смелое высказывание прозвучало в 1921 году на похоронах Льва Карпова – руководителя первой Химической лаборатории, на базе которой и была создана лаборатория Мавзолея.

Обратим внимание! Именно Леонид Красин принадлежал к той группе большевиков, которая еще при жизни Ленина предложила законсервировать тело вождя после смерти в надежде на будущие достижения науки, которая научится оживлять покойников. В эту группу входили генеральный секретарь партии Иосиф Сталин (недоучившийся семинарист, ставший материалистом) и нарком просвещения Анатолий Луначарский (материалист, пришедший к сатанизму). Таким образом, направленный в будущее супраморализм Федорова давал коммунистам надежду на воскрешение в обществе, для которого они будут подобны богам. Можно представить, что Ленин стал первым из них, проторив дорогу остальным. Но для того чтобы мечта о воскрешении в бессмертном облике воплотилась в жизнь, требовалось создать практически вечную и не подверженную кризисам социальную систему. Такой системой, по их мнению, должен был стать коммунизм. Что является уже предметом веры, а не чистого знания...

«Панпсихизм» Константина Циолковского

Космизм Николая Федорова был антропоцентричен – в его вселенной нет места для более развитых инопланетных рас. Только человек способен подняться до звезд и заселить космос, обеспечив место под многочисленными солнцами для себя и своих воскрешенных предков.

Несколько иного мнения о порядке вещей был «космист номер два» Константин Эдуардович Циолковский – основоположник российской (да и мировой) космонавтики.

Рис.2.2. Константин Циолковский в возрасте 45 лет

Коротко напомню читателю вехи жизненного пути этого необыкновенного человека.

Циолковский родился 5 сентября 1857 года в семье польского дворянина, служившего по ведомству государственных имуществ.

В 1860 году семья Циолковских переехала в Рязань. Отец, Эдуард Игнатьевич, был определен делопроизводителем Лесного отделения Рязанской палаты государственных имуществ. В 1866 году маленький Костя заболел скарлатиной. В результате осложнения после болезни он потерял слух. Тугоухость лишила мальчика многих детских забав и впечатлений, привычных его здоровым сверстникам. В 1869 году он поступил в гимназию. Большими успехами будущий ученый там не блистал. Предметов было много, и полуглухому мальчику учиться было очень непросто. Потому в 1871 году его отчислили из гимназии с характеристикой «для поступления в техническое училище». Но именно в это время Константин Циолковский нашел свое истинное призвание и место в жизни: он занялся самообразованием. В 1873 году отец дал ему денег, чтобы Циолковский продолжил обучение в Москве. Ежедневно с десяти утра и до трех-четырех дня трудолюбивый юноша штудировал науки в Чертковской библиотеке. За первый год жизни в Москве им были пройдены физика и начала математики. На втором Константин освоил дифференциальное и интегральное исчисление, высшую алгебру, аналитическую и сферическую геометрию.

В 1876 году Циолковский вернулся домой и стал зарабатывать на жизнь репетиторством, а еще через четыре года сдал экзамены на учительское звание и переехал в Боровск по назначению от Министерства просвещения на свою первую государственную должность.

20 августа 1880 года Константин Циолковский женился на Варваре Евграфовне Соколовой. Все эти годы молодой учитель занимался физическими опытами и техническим творчеством. В доме у Циолковского сверкали электрические молнии, гремели громы, звенели колокольчики, плясали бумажные куколки. Посетители дивились также на «электрического осьминога», который хватал каждого своими ногами за нос или за пальцы. Надувался водородом резиновый мешок и тщательно уравновешивался посредством бумажной лодочки с песком. Словно живой, этот импровизированный аэростат бродил из комнаты в комнату, следуя воздушным течениям, подымаясь к потолку и опускаясь к полу.

В 1890 году VII отдел Русского технического общества рассмотрел проект цельнометаллического дирижабля Циолковского и, хотя в денежной субсидии автору было отказано, сама идея и теоретические расчеты были признаны верными.

В 1892 году семья Циолковских переехала в Калугу в связи с переназначением Константина Эдуардовича по службе. В то время ученый-самоучка уже работал над основными положениями теоретической космонавтики. В итоге 10 мая 1897 года Циолковский вывел важнейшую формулу, доказывающую возможность космических полетов с использованием ракеты и получившую впоследствии его имя.

Эта формула была опубликована в 1903 году в первой части труда «Исследование мировых пространств реактивными приборами». После чего приоритет Циолковского уже никто не смог бы оспаривать.

Дальнейшие его работы, а также переписка с ведущими русскими и европейскими учеными, занимающимися проблемами ракетостроения, закрепили этот приоритет, сделав Циолковского ведущим специалистом по теоретической космонавтике. Таким он и вошел в историю науки.

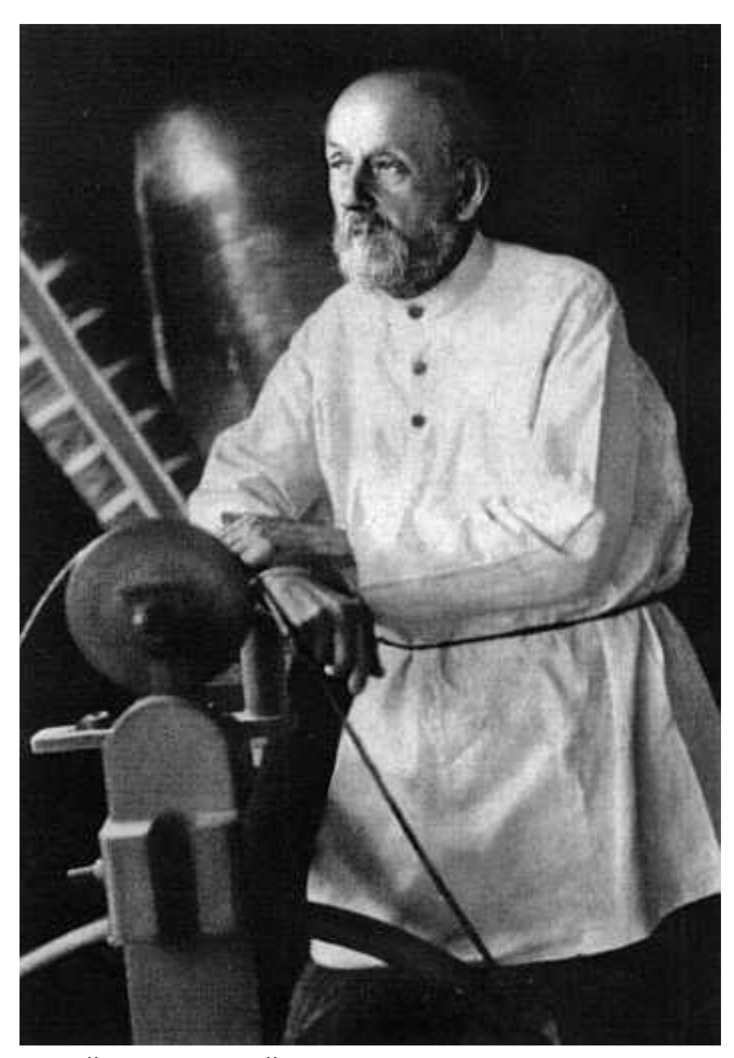


Рис.2.3. Циолковский в мастерской

Однако далеко не все статьи, книги и письма Циолковского составили фонд его трудов. Многие из материалов никогда не публиковались, а доступ к ним был ограничен. Почему? Ответ прозаический – в этих «закрытых» работах Константин Циолковский представал не убежденным материалистом, идеи которого вполне соответствовали марксистско-ленинской философии, а мистиком с уклоном в космизм, основы которого ему преподал Николай Федоров, работавший в той самой московской библиотеке, где самообразовывался Циолковский.

Николай Федоров утверждал, что смерть не изначальна в природе. Она – лишь приспособительное средство, выработанное в процессе эволюции, поскольку смена поколений – эффективнейший механизм усовершенствования рода. Но он исчерпывает себя. Ибо в дело вступает активная преобразующая сила в виде разума, который по своей сути требует бесконечного личностного совершенствования. Отсюда – потребность жить вечно.

«Почему бы и нет?! – восклицал Федоров. – Ведь на элементарном уровне жизни существует практическое бессмертие – периодически омолаживающиеся одноклеточные».

Константин Циолковский усовершенствовал «русский космизм». Будучи всё же в глубине души верующим человеком и православным, он попытался «научно обосновать» религию и чудеса христианства.

Центральным в религии Циолковского стало учение о «чувствующем атоме» («панпсихизм»). В представлении ученого это — тонкие материи, невидимые невооруженным глазом, которым свойственно испытывать радость, горе, счастье, восторг, блаженство. Любое живое существо, включая человека, – это совокупность «чувствующих атомов».

Атомы, по Циолковскому, являются первичными носителями духа и вечно путешествуют из неорганической материи в органическую, из тела в тело, вечно живут, однако обретают разное качество жизни в зависимости от того, куда их забросит непредсказуемый круговорот вещества.

«Возьмем ли мы сложную молекулу, атом, электрон, частицу эфира, – писал Циолковский, – всё это составлено из более простой и единой сущности и способно чувствовать горе и радость, приятное и неприятное – при некоторых условиях. Именно, когда эта сущность, атом, молекула, электрон или другая группа попадет в сложную комбинацию органических существ: в животное, растение, человека или другое высшее существо».

В одном из писем ученый объяснял свою позицию более подробно:

«Отрицать эволюцию атома так же странно, как отрицать эволюцию животных или течение времени. Но из этого нельзя делать вывод, что смерть человека или животного оставляет после себя какое-то легкое подобие. <…> Ничего кроме химических атомов не остается <…> Вы говорите о резкой границе между живым и мертвым. Но этой границы нет, что неоднократно доказывалось. <...> Животные и их "мысль" бывает разных сортов, разной высоты. Это непрерывная лестница. Границ между ее ступенями нет. Повторять скучно, но мне опять приходится перечислять эти ступени. 1. Существа выше человека (потомки человека и некоторые небесные жители). 2. Люди. 3. Животные (длинная лестница со множеством ступеней). 4. Бактерии и растения. 5. Очень сложные молекулы. 6. Атомы современных химических элементов. 7. Водородный атом. 8. Ещё длинная цепь неведомых простейших атомов (например, электрон или атом эфира). Нет ни начала, ни конца этой цепи. Где же в ней начинается и кончается мысль? Где в ней начинается и кончается чувствительность (боль и радость)? Где начинается и кончается отзывчивость (механичность, рефлексия)? Да, конечно, нигде! Они везде есть. Поэтому и нет резкой границы между живым и мертвым. <...> Атомы и прочее могут считаться только условно нечувствительными. В математическом же смысле везде проявляется панпсихизм. Только сила его различна, как различны числа и всякие величины».

Ученому казалось несправедливым то, что атомы человека – существа, достигшего высокого уровня развития, – в рамках естественного круговорота неизбежно будут попадать в тела несовершенные, несознательные, в тела растений и животных, и будут страдать еще больше, чем страдает человек. Он не видел (или не замечал) прогресса в естественном круговороте атомов, а только вращение колеса жизни на одном и том же месте. Потому в своей философской системе Циолковский поставил цель разорвать этот круг и ввести на его место своего рода «спираль». Если нельзя избежать пребывания атомов человека после смерти в неорганической природе, полагал ученый, то вполне возможно сократить, уменьшить время их пребывания в составе низших живых существ.

Предназначение и космический долг любой цивилизации – действовать так, чтобы чувствующим атомам было хорошо.

Именно для этого человек и должен, по замыслу Циолковского, выходить в космос. Развивая космонавтику и захватывая одну планету за другой, земная цивилизация будет преобразовать Вселенную, заполнять ее высокоразвитыми формами жизни, проводящими свои годы в относительном комфорте и благополучии, что доставит удовольствие всем чувствующим атомам.

Дальнейшее развитие этой странной идеи привело Циолковского к совершенно антигуманной философии, которую отдельные горячие головы называют «фашистской».

Дело в том, что для уменьшения страданий чувствующих атомов Циолковский предлагал уничтожать целые классы растений и животных, тем самым сведя к минимуму их общее количество и сохранив только то, что необходимо для поддержания жизнедеятельности человека.

«И Землю, и другие планеты придется привести к порядку, чтобы они не были источником мучения для атомов, живущих в несовершенных существах».

«Мы истребляем насекомых, не чувствуя угрызений совести. И инстинкт нас, вероятно, не обманывает. Смешно было бы плакать и мучиться при виде издыхающей мухи или раздавленного клопа. Их слабые ощущения не стоят слез; но нельзя того же сказать о жестоком истреблении крыс, мышей и других высших паразитов. Оно неизбежно, но мыслящих оно не может не огорчать. Со временем жилища будут так устраиваться, что паразитам не будет места, не будет возможно проникнуть в жилище и размножаться. Тогда человеку нечего будет истреблять. Гуманнейший способ уничтожения – лишение животного способности производить потомство – не мучительное воздержание, не грубое оскопление, а что-то более тонкое, не совсем еще сейчас достигнутое ни в отношении человека, ни в отношении животных».

Однако похожая участь ожидала и «несовершенных людей», то есть калек, генетических уродов, преступников и тому подобных. В первую очередь Циолковский предлагал ограничить способность к размножению этих «асоциальных» членов общества. Затем планировал ввести искусственный подбор родителей, осуществляемый имеющими на то право руководителями общества:

«И вот начинается искусственный подбор родителей – для получения совершенного потомства. Все женаты и живут с любимыми женами по-настоящему, даже лучше. Но детей имеют только избранные люди: более здоровые, долголетние, способные к обильному размножению, склонные к плодотворной деятельности, к усвоению истины. Чем более этих свойств, тем более они могут иметь детей. Контролирует эту возможность размножения общество, его представители и основанные ими законы».

В итоге должно быть сформировано кастовое общество на основе избранности лучших людей и запрещение браков между кастами:

«Дети избранных, достигшие совершеннолетия, помещаются в основные общества. Там они своими заслугами и качествами могут возвышаться и переходить в высшие общества, насколько хватит сил и таланта. Иногда они снова достигают родителей, а иногда и подымаются выше их. Браки возможны только между членами обществ одного класса, например, женщина третьего класса не может выйти замуж за мужчину второго класса. Цель – улучшение пород на основании явлений наследственности. Этот закон можно облегчить, допустив браки для близких классов. Например, третьим и четвертым, первым и вторым».

Но и это еще не всё. Циолковский верил в множественность обитаемых миров и населенность галактики. При этом он разделял обитаемые миры на две части:

«Живые миры распадаются на две группы: одна, большая, населена существами совершенными; другая, в миллиарды раз меньшая, подобная Земле, состоит из существ незрелых, но подающих надежду. <...>

Могущество совершенных проникает на все планеты, на всевозможные места жизни и всюду. Оно без страданий уничтожает несовершенные зачатки жизни. Эти места заселяются их собственным зрелым родом. Не подобно ли это тому, как огородник уничтожает на самой земле все негодные растения и оставляет только самые лучшие овощи!

В этом заключается главный акт деятельности совершенных, главная их нравственность.

Но ими же оставляется некоторая, совершенно ничтожная часть планет с несовершенными или такими живыми существами, от которых ожидается прекрасное и необходимое пополнение совершенных...»

Ко второй группе планет Циолковский относил и нашу Землю. Развивая свою мысль, он пришел к выводу, что исторический процесс на нашей планете направляется не только энергией объединенной воли человеческих единиц и уж тем паче не протекает сам по себе, – на него влияют существа из иных, более развитых миров, а также верховная воля Вселенной. Существа, достигшие в результате космической эволюции совершенства и заселившие своим потомством весь космос, сами стали направлять эту эволюцию. В их мирах зла нет, ибо всякое зло связано с несовершенством, с муками биологического и исторического развития и становления, с сумбуром страстей существ, не достигших мудрости. Но на некоторых планетах (Земля в их числе) совершенные позволяют жизни возникнуть самозарождением – во имя поддержания генетического многообразия жизненных форм. На таких планетах живым существам приходится терпеть «чашу страданий». В случае если космическим мудрецам не удается так спрямить путь молодой цивилизации, чтобы ее представители сами решились на совершенствование своего жизнеустройства, планета беспощадно уничтожается:

«Эти зачинающие планеты, т. е. их существа, подвергнуты мукам самозарождения, мукам развития, как, например, мир земных существ... Видно, некоторой доли страданий избежать нельзя.

Второй акт нравственности совершенных состоит в уменьшении числа таких планет, в непрерывной поддержке таковых, в наблюдении за их развитием и движением к совершенству. Тайные их силы порою вмешиваются и исправляют ошибочные шаги зарождающих существ. То вмешательство это очевидно, то оно невидимо. Если и вмешательство не помогает, и ничего кроме страданий не предвидится, то и весь живой мир безболезненно уничтожается. Так натуралист, добивающийся вывести лучшую породу растений или животных, при неудаче уничтожает все свои труды, чтобы начать их снова. Так писатель рвет рукопись сочинения, которой он недоволен...»

Циолковский намекал своему читателю, что, возможно, час Земли пробил, нам уже сейчас следует определиться с выбором – иначе мы будем низведены до уровня чувствующих атомов...

Циолковский не раз и не два пытался привлечь внимание властей к своей необычной философии. Он считал ее вполне естественно-научной и искренне не понимал, почему советские идеологи не спешат взять ее на вооружение.

Заслуги Циолковского в области теоретической аэродинамики, воздухоплавания и космонавтики были признаны властью. Пожизненную пенсию ему выписал Владимир Ленин самолично. Работы Циолковского издавались, а статьи о нем писали лучшие научные популяризаторы Советской России. Однако на философские статьи был наложен негласный, но строгий запрет. В архиве скопилось множество рукописей, над которыми ученый продолжал неустанно трудиться: то начинал и не заканчивал новые, то делал дополнения к старым. Пришло время подумать, как ими распорядиться. О том, чтобы их напечатать, не могло идти речи. Тогда Циолковский решил разослать некоторые свои эссе постоянным корреспондентам с просьбой сделать по одной машинописной копии и отправить напечатанное другим. Всего в записных книжках Константина Эдуардовича насчитывается свыше тысячи адресов – он выбрал из них тридцать два и 2 мая 1933 года написал письмо, озаглавленное «Моим Друзьям»:

«Ваши отзывы на полученные вами от меня труды доказали, что вы понимаете их и потому можете быть их хранителями и распространителями. Издать их я не в силах, в Академии Наук они затеряются или будут забыты.

Вы молоды и, может быть, сумеете и успеете передать их людям после моей смерти или еще при жизни. Так они не пропадут, а принесут добрые плоды. Но если вы сочувствуете новым мыслям (или старым, лишь бы они были полезны людям), то принесите маленькую

жертву: отдайте переписать их на машине и в доказательство пришлите мне ОДИН экземпляр (вместо полученного вами).

Посылать буду по одной статье и начну с самых малых и самых ценных. Только после получения от вас копии 1-й работы вышлю вторую. Согласны ли вы на это, напишите. С пятью полученными вами копиями делайте что хотите. Подарите их друзьям или оставьте у себя.

Хотя вы услышите многое, вам уже известное, но иным сочетанием слов изложенное поможет вам усвоить истину. Поверьте мне потому, что мне 75 лет и ждать уже от жизни, кроме горечи, нечего. Значит, мне нет интереса быть пристрастным.

Я бы принял на себя все расходы по печатанию, но, во-первых, не хватает сил и средств, во-вторых, можно обмануться в друзьях, раз они неспособны к маленьким жертвам».

Интересен список адресатов, составленный Циолковским. Он начинается фамилией инженера Бернарда Кажинского, работавшего над проблемой передачи мысли на расстоянии, и заканчивается фамилией Альберта Эйнштейна, против последней поставлен знак вопроса. Это означает скорее всего, что письмо не было отослано (или же не дошло до адресата) из-за того, что как раз в 1933 году Эйнштейн покинул Германию в знак протеста против политики, проводимой пришедшими к власти нацистами.

В списке самые разнообразные адресаты: инженеры и ученые, писатели и художники. Достоверно известна реакция лишь одного из них – уже упомянутого Бернарда Кажинского, автора нашумевшей книги «Биологическая радиосвязь», с ним Циолковский активно обсуждал проблему телепатии. Тот перепечатал полученную статью, распространил ее среди единомышленников, а контрольный экземпляр прислал Константину Эдуардовичу.

Этот самиздат был оставлен без последствий – власти прекрасно понимали: Циолковский слишком стар и немощен, чтобы представлять хоть какую-то опасность в идеологическом противостоянии.

После смерти Константина Эдуардовича его архив был передан на обработку инженеру Борису Воробьеву, который стал автором биографии калужского учителя, вышедшей в 1940 году в серии «Жизнь замечательных людей», ученым секретарем Комиссии по разработке научного наследия и подготовке к изданию трудов Циолковского. Прекрасно понимая, насколько «панпсихизм» Циолковского расходится с материалистическими доктринами и не испытывая желания рисковать головой ради чужих идей, Воробьев сделал всё, чтобы не допустить не только публикации философского наследия Циолковского, но даже и упоминания о нем в какой бы то ни было форме...

«Единый природный субстрат» Александра Чижевского

На самом деле Циолковскому очень повезло. В начале 1930-х годов началась «зачистка» идеологического поля под Иосифа Сталина, который счел, что философская система социализма определена раз и навсегда. По-иному и быть не могло: такой большой проект как индустриализация, усугубленная коллективизацией, требовал общественного единства и абсолютной веры в правильность избранного курса. Для уничтожения инакомыслящих был запущен огромный и довольно громоздкий репрессивный аппарат.

Будь Циолковский помоложе и попробуй он пропагандировать свой «панпсихизм» среди ученых, нет никаких сомнений – очень скоро его, невзирая на заслуги в теоретических изысканиях, арестовали бы, осудили и отправили в один из многочисленных лагерей ГУЛАГа. Вслед за ним, кстати, пошли бы по этапу и все те, кто когда-либо писал о нем хвалебные статьи и не успел откреститься от новоиспеченного «врага народа».

Впрочем, сломить столь убежденных людей было непросто. Показательным примером противостояния советских властей и русского космиста нам послужит судьба Александра Чижевского, которого ныне называют основоположником науки «гелиобиологии».

Александр Леонидович Чижевский родился 7 февраля 1897 года. Среди его детских увлечений особое и почетное место занимала астрономия. В начале XX века широкую

известность в Европе приобрело имя популяризатора Камилла Фламмариона. В одном из заграничных путешествий семья Чижевских навестила обсерваторию Фламмариона, возведенную в окрестностях Парижа. Впечатления ребенка были, очевидно, слишком туманны, и до нас дошло лишь упоминание о данном факте. Но книгами знаменитого популяризатора будущий гелиобиолог буквально зачитывался, а в десятилетнем возрасте сам написал «Популярную космографию по Клейну, Фламмариону и другим». Естественно, что при этом Чижевский увлекался и астрономическими наблюдениями – в доме появились телескопы.

Сделавшись в 1916 году вольнослушателем Московского археологического института, Александр научился вести зарисовки солнечной поверхности.

«Отчего я обратился к Солнцу – сказать сейчас трудно, – писал он впоследствии, – но верно лишь то, что мои студенческие занятия не давали еще пищи для ума, особенно зубрежка исторических и археологических дисциплин».

Рис.2.4. Александр Чижевский

С 1913 года семья Чижевских жила в Калуге. Здесь располагался артиллерийский дивизион, которым командовал отец, дослужившийся до чина полковника. Здесь же состоялось первое знакомство Александра Чижевского с Константином Циолковским, перешедшее потом в тесную дружбу.

В программу Московского археологического института входило изучение древних летописей, анналов, хроник, и Александр пристрастно углубился в эти источники, всё чаще обнаруживая одновременность «взрывов» событий на Земле и на Солнце. Продолжая учиться на археолога, юноша поступил действительным слушателем в Московский коммерческий

институт, где было хорошо поставлено преподавание математической статистики и естественных наук. Тогда же он обратил внимание: на живые организмы влияет ионизация воздуха.

О некоем влиянии Солнца на природу Земли Чижевский вычитал в старинных монографиях, сохранивших сведения о необычайных явлениях на Солнце и массовых стихийных бедствиях на Земле. Он стал вести тщательные наблюдения за своим физическим состоянием, ежедневно фиксируя те или иные особенности или отклонения. Предложил и некоторым своим знакомым делать то же самое по специальной, составленной им анкете. Когда спустя несколько месяцев он сопоставил полученное с данными по солнечной активности (числами Вольфа), то был поражен совпадением пиков кривых.

Результаты своих наблюдений Чижевский изложил в докладе «Периодическое влияние Солнца на биосферу Земли», прочитанном в Калуге в октябре 1915 года.

Однако данных для более широких обобщений и анализа явно не хватало, и Чижевский взялся за доступную ему статистику массовых явлений самой разнообразной природы. К началу 1917 года у него накопился солидный запас информации. И снова он пришел к выводу, что за сильными возмущениями на Солнце следовали возмущения в живой природе. Например, вспышки и протекание эпидемий напрямую зависят от солнечных вспышек.

Примечательно, что сам Чижевский считал себя прямым продолжателем дела астрологов прошлого.

«Еще в глубокой древности было замечено, – писал он, – что выпадают эпохи, когда ничто не нарушает мирного течения жизни, чему способствует не только человек, но и сама природа. Но бывают времена, когда и мир природы, и мир человеческий приходят в волнение: стихийные катастрофы, наводнения или засухи, землетрясения или извержения вулканов, массовые налеты вредных насекомых, повальные болезни среди животных и людей потрясают целые страны. В такие времена пытливому взору наблюдателя представляется несомненным существование связи между организмом и окружающей его средой. Эта мысль о связи живых организмов и внешней природы проходит красной нитью по всему огромному историческому опыту человечества: ее мы встречаем и в области донаучного мышления, и в трудах естествоиспытателей.

По-видимому, идея о связи между человеком и силами внешней природы возникла на заре человеческого существования. На фундаменте этой идеи родилась и пышно расцвела древнейшая из наук – астрология, которая (если отбросить все ее мистические заблуждения) учила о связи всех вещей и всех явлений. Одна из ветвей астрологического знания – астрологическая медицина – утверждала, что болезненные процессы, протекающие в живом организме, находятся под непосредственным воздействием космических сил благодаря их могучему и таинственному “влиянию”. Это “влияние” – influentia, как говорили римляне,– обусловливает собою состояние организма как во время здоровья, так и при болезни. И в современном медицинском термине “инфлюэнца” слышится еще отголосок магической связи между явлениями природы и человеческим организмом».

Весной 1917 года Чижевский защитил в Московском археологическом институте кандидатскую диссертацию на тему «Русская лирика XVIII века». И сразу же договорился с ведущими профессорами о составлении докторской диссертации. Но уже на совершенно другую тему: «О периодичности всемирно-исторического процесса». Через год диссертация была успешно защищена, и Чижевский начал читать лекции, которые, в частности, посвящались физическим методам в археологии. Одновременно он основательно взялся за естественные науки – стал обучаться на физико-математическом и медицинском факультетах Московского государственного университета. Дело в том, что его смелые доклады о влиянии солнечной деятельности на земные процессы вызвали неоднозначную реакцию: по мнению одних, молодой ученый подавал большие надежды; другие считали, что он заблуждается.

Чижевский решил перестроить ход своих поисков – от статистического анализа перейти к целенаправленным биофизическим исследованиям.

Не найдя поддержки в кругу московских специалистов, он задумал собственными силами у себя дома, в Калуге, осуществить ряд работ. Своими планами поделился с Циолковским и получил его полное одобрение. Поддержала его и семья. В домашней лаборатории в 1918—1919 годах Чижевским были поставлены эксперименты, позволившие убедиться в активном влиянии отрицательных и положительных ионов воздуха на животных и человека, был установлен терапевтический эффект искусственно ионизированного воздуха.

В 1920-х годах доминантой всех творческих устремлений Чижевского вновь стало Солнце, точнее – солнечно-земные связи во всей полноте их проявлений.

В докладе «Влияние периодической деятельности Солнца на возникновение и развитие эпидемий», прочитанном в 1922 году, Чижевский впервые описал общие характеристики этого влияния и высказал теоретические соображения. Солнечная активность оказывалась регулятором массовых заболеваний людей, животных и растений в масштабах планеты.

Рис.2.5. Солнечный протуберанец высотой 235000 км – снимок сделан 7 июля 1917 года. Белый диск – сравнительны размеры Земли.

В изданной спустя два года книге «Физические факторы исторического процесса» Чижевский рассказал в сжатой форме о своем исследовании, посвященном динамике развития азиатской холеры. Эта книга в значительной мере касалась не только биологических, но и социальных процессов в их связи с космическим влиянием. Понятно, что она сразу оказалась под обстрелом критики.

С пониманием и сочувствием отнесся к Чижевскому нарком здравоохранения Николай Семашко – в 1927—1928 годах в редактируемом им «Русско-немецком медицинском журнале» появился целый цикл статей Чижевского.

Впоследствии Чижевский вспоминал: «В конце 20-х годов И.В.Сталину была доложена суть моих работ в грубо извращенной форме, но после его личного разговора с Н.А.Семашко дело уладилось без каких-либо последствий. Однако мои недоброжелатели еще долгое время обрушивали свой гнев на меня, чем премного вредили».

Сам факт обсуждения работ Чижевского на столь высоком уровне говорит о многом. Если Сталину докладывали о научных изысканиях Чижевского – значит, Иосиф Виссарионович проявлял некоторый интерес к такого рода проблемам. Понятно, что связь

между возникновением эпидемий и вспышками на Солнце вождя мирового пролетариата интересовала мало. А вот возможность предсказывать поведение отдельных людей, социальных групп и целых народов по видимым изменениям в космическом пространстве могла дать многое.

Механизмом передачи космического воздействия в сферу социальной психологии Чижевский считал внушение.

В книге «Физические факторы исторического процесса», принесшей ему много неприятностей, Александр Леонидович склоняется к мысли, что «Явления внушения – единичного и массового – могут быть объяснены путем электромагнитного возбуждения центров одного индивида соответствующими центрами другого».

Вслед за этим ученый затрагивает очень по тем временам «щекотливый» вопрос: «История изобилует красноречивыми фактами массового внушения. В сущности, не совершилось ни одного исторического события с участием масс, где нельзя было бы отметить внушения, подавляющего волю единиц. Это внушение в некоторых случаях не ограничивалось только какой-либо группой людей, но охватывало города и целые страны, и следы его на протяжении долгого времени сохранялись в политических или военных партиях, передаваясь из рода в род и отражаясь в различных произведениях искусства. Так внушение в ходе исторического процесса и психической эволюции человечества приобретает огромное значение первостепенной важности».

Чижевский предположил, что «сила внушения – влияние единичных лиц на массы – возрастет с усилением пятнообразовательной деятельности Солнца». Анализ многочисленных исторических событий, пишет ученый, показал, что «влияние на массы ораторов, народных вождей, полководцев не всегда имеет одинаковую силу и колеблется не только периодически по этапам солнечного цикла, но даже и по временам года <...>. Поэтому возникает предположение, что увеличение пятнообразовательной деятельности Солнца, связанное с увеличением его электрической энергии, оказывает сильнейшее влияние на состояние электромагнитного поля Земли, так или иначе возбуждая массы и способствуя внушению».

Обосновываемая Чижевским «теория зависимости поведения масс от космического влияния» рассматривалась им не как некая теоретическая отвлеченность, а как руководство к действию: «Государственная власть должна знать о состоянии Солнца в любой данный момент. Перед тем как вынести то или иное решение, правительству необходимо справиться о состоянии светила: светел, чист ли его лик или омрачен пятнами? Солнце – великий военно-политический показатель: его показания безошибочны и универсальны. Поэтому государственная власть должна равняться по его стрелкам: дипломатия – по месячной, стратегия – по суточной. Военачальники перед каждым боем должны знать о том, что делается на Солнце».

Хотя взгляды Чижевского были куда более материалистичны, чем представления его старшего товарища Циолковского, он всё равно тяготел к космизму в метафизическом духе.

Идея единства живого и неживого, человека и космоса, психического и физического была основной для Чижевского. Единство мироздания должно основываться на едином природном субстрате, единой «стихии» – Чижевский видит субстрат-первооснову в открытой в конце XIX века структурной субатомной единице вещества – электроне.

«Материальный мир есть арена последовательных, а потому закономерных, комбинаций, единого субстрата-электрона! – отмечает Чижевский. – Если мы всмотримся в окружающий нас мир животных и растений, какое безграничное разнообразие увидим мы! Но во всём этом внешнем разнообразии мы находим единую для всех организмов основу – живую клетку и всеобщность коллоидного состояния. Последнее мало того, что учит нас великому единству природы, оно учит нас верить в вечное ее существование, целесообразность и гармонию; <...> мы имеем единство живого вещества; <...> нисходя в глубину всего живого и далее – в

глубину материи, мы познаем единое начало, единую основу всего сущего – единство материи – электрон».

Единство мироздания должно основываться, по мнению Чижевского, не только на «едином природном субстрате», но и на едином мировом принципе. Чижевский считал, что «механика природы должна покоиться на едином, всеобъемлющем принципе» – принципе всеобщего кругообращения, которому подчинено всё окружающее нас. Таким образом Чижевский поднимал пифагорейскую идею кругооборота до уровня всеобщего мирового принципа. «Очевидно, что вселенная или ее отдельные части – звездные миры – подвержены тому же космическому принципу, который мы наблюдаем в царстве органической и неорганической материи. Человек, животное и растение рождаются, живут и умирают <...> То же самое совершается и со звездными системами: они созидаются, живут и погибают, чтобы вновь <...> создать новую систему или новый мир. <...> Нам важно лишь установить факт той общности всех явлений в природе, каковая и приведет нас в конце концов к признанию вечного круговорота вещей – этого бессмертия Космоса как Великого Целого».

В своих работах Чижевский неоднократно подчеркивал значение «монизма», которого придерживался. Главный принцип монизма, сформулированный Циолковским, звучал так: «Материя едина, и основные свойства ее во всей Вселенной должны быть одинаковы». Монизм подразумевает, что всё в окружающем мире: и в макрокосме, и в микрокосме – строится по одному и тому же эталону. Вселенная похожа по строению на атом, атом же включает в себя целую вселенную. Из монизма выводится логичное предположение, что и человеческое общество формируется по некоему образцу, одинаковому и для высших цивилизаций (если он вправду существуют), и для низших, вроде нашей.

Чижевский считал, что «вскоре должны будут отпасть все метафизические школы, и ненаучный дуализм должен будет уступить место научному монизму». Именно по этому пункту ученый начинал расходиться с материализмом сталинского образца. Сталинские идеологи, упрощая марксистско-ленинскую философию возведением ее в звание абсолютной истины, не могли согласиться с тем, что «объективные законы» развития общества изменяются под воздействием внешних космических факторов. То есть не классовая борьба за средства производства двигают мировой прогресс, а пятна на Солнце или (страшно подумать!) положение звезд. Однако гелиобиология покушалась не только на общефилософские понятия марксизма – она ставила под сомнение теорию революционной борьбы, увязывая кризисы не с движением к коммунизму через революцию, а с появлением солнечных пятен.

Чем дальше, тем больше идеи Чижевского подвергались критике. Его отговорки, что речь идет о чисто научном изучении взаимодействия живых организмов с космической средой на микроскопическом уровне, больше не принимались.

Главным оппонентом Чижевского стал тогдашний директор Всесоюзного института животноводства Борис Завадовский, который сначала подверг деятельность гелиобиолога «погромной» проверке, устраивая в подчиненной последнему Центральной научно-исследовательской лаборатории (ЦНИЛИ) ежегодные комиссии, перед которыми Чижевский должен был отчитываться, а затем организовал публикацию нескольких критических статей в «Правде».

В 1935 году в той же «Правде» появилась статья Завадовского «Враг под маской ученого», в которой он обвинял Чижевского в контрреволюционной деятельности. Ученого в то время спасло только то, что он одновременно был крупнейшим специалистом по ионной аэрации и в его обязанности входило конструирование аэроионизаторов для Дворца Советов в Москве.

Летом 1941 года Чижевский с семьей эвакуировался в Челябинск. Однако и там ему не дали спокойно работать – 21 января 1942 года он был арестован и осужден на восемь лет за антисоветскую деятельность.

Свой срок Александр Леонидович отбывал сначала в Ивдельлагере Свердловской области, а с 1945 года – в Карлаге в степях Казахстана. После освобождения еще восемь лет находился в ссылке в Караганде. Примета того времени – несмотря на довольно суровые условия содержания, ссыльный Чижевский продолжал работать по специальности, писал статьи и рисовал картины (кстати, живописи он учился у французского импрессиониста Нодье). Именно там он сделал ряд новых открытий в области гематологии – науки о крови.

Реабилитировали Чижевского только в 1961 году. Тогда же его имя возвращается на страницы печати. Он снова работал над проблемами ионофикации. Однако советские идеологи ничего не забыли – травля продолжилась. За три дня до смерти Чижевского 20 декабря 1964 года газета «Партийная жизнь» опубликовала статью «Темные пятна» с очередным разгромом идей ученого.

Сегодня гелиобиология считается признанной наукой. Разумеется, она избавлена от налета астрологии и не претендует на то, чтобы предсказывать геополитические пертурбации по количеству пятен на Солнце. Однако исследования западных ученых подтвердили однозначную связь между физиологическими процессами в организмах земных существ и солнечной активностью. И сегодня уже никого не удивляет, когда вместе с прогнозами погоды по телевидению сообщают о росте солнечной активности и предупреждают больных сердечно-сосудистыми заболеваниями о том, чтобы берегли себя и лишний раз не напрягались. Благодаря Чижевскому, приоритет в этой области знания остается за Россией.

Что касается космизма на базе монизма, то советские идеологи его изрядно обкорнали и выпотрошили – в таком лишенном души виде эта философия стала обслуживать идею космической экспансии, превратившуюся со временем в одну из центральных коммунистических доктрин…

Глава третья

Оккультные общества Советского Союза

То, что многие из российских эзотериков и оккультистов примкнули к большевистской революции, не спасло их от репрессий. Наоборот, когда коммунисты разобрались с явными врагами в лице конкурирующих политических партий, они принялись за идеологических «диверсантов», пытавшихся протащить «поповство» (то есть идеализм в разных видах) в мировоззрение нового человека. Примечательно, что разгромом эзотерики в СССР частенько занимались те, кто позднее сам отправится в подвал за приверженность «антисоветским» идеям...

Дело ленинградских мартинистов

В начале XX века идеология масонов («вольных каменщиков») была столь популярна среди российских интеллигентов, что даже знаменитый «красный» террор начала 1920-х годов оказался не в состоянии сразу искоренить ее.

Известно, что, по крайней мере, восемь тайных масонских или полумасонских организаций действовали в двадцатые годы в СССР: «Орден мартинистов», «Орден Святого Грааля», «Русское автономное масонство», «Воскресенье», «Братство истинного служения», «Орден Света», «Орден Духа», «Орден тамплиеров и розенкрейцеров». И пять первых из названных обществ обосновались в Ленинграде.

Самой крупной оккультной организацией 1920-х годов считается «Орден мартинистов», представлявший собой ветвь одноименного французского общества. Одним из наиболее эрудированных и последовательных адептов мартинизма в Советской России считался выходец из Лифляндии, барон Григорий Оттонович Мёбес.

С 1906 года Мёбес преподавал математику в Пажеском корпусе и Николаевском кадетском корпусе. Это не помешало ему в конце 1910 года стать Генеральным инспектором (секретарем) петербургского отделения Ордена мартинистов.

Революция практически ничего не изменила в жизни Григория Оттоновича. Его Орден рос. Он сам читал неофитам лекции по основам оккультных наук. А его жена, Мария Нестерова (Эрлангер), – по истории религии. Помимо чисто теоретических занятий, в его самодеятельной «школе» велась и практическая работа по развитию у членов Ордена способностей к телепатии и психометрии.

Всего известны имена 43 человек, прошедших «школу» Мёбеса в период с 1918 по 1925 годы Среди них выделялись известный военный историк Габаев и поэт Пяст. Однако в целом состав Ордена был вполне зауряден: студенты, бухгалтеры, юристы, домохозяйки, малоизвестные художники и журналисты.

Роковую роль в судьбе ленинградских мартинистов сыграл некто Борис Астромов (настоящая фамилия – Кириченко), считавшийся одним из руководителей Ордена.

Борис Викторович Астромов родился в 1883 году в городе Богучаре (воронежская губерния) в обедневшей дворянской семье. В 1905 году он уехал к двоюродному дяде в Италию, где поступил на юридический факультет Туринского университета. Там он, кстати, познакомился со знаменитым криминалистом и масоном Чезаре Ломброзо.

В 1910 году Борис Астромов возвратился в Россию, но в работе русских масонских лож, по его собственным словам, участия не принимал. Посвящение его в Орден мартинистов состоялось только в 1918 году, после знакомства с Григорием Мёбесом. В следующем году Мёбес назначил Астромова Генеральным секретарем (инспектором) Ордена.

Несмотря на поддержку Мёбеса, положение Астромова среди мартинистов было непрочным. Дело в том, что, хотя Григорий Мёбес являлся номинальным руководителем Ордена, практическое руководство осуществлялось его женой Марией Нестеровой. В сложившемся оккультно-семейном дуэте Мёбес-Нестерова фигура честолюбивого и склонного к авантюрам Генерального секретаря была явно лишней. Поводом же для разрыва послужило закрытие в 1921 году возглавляемой Астромовым ложи «Кубический камень», так как он, Астромов, по мнению Мёбеса, не справился с возложенными на него обязанностями.

Отлучение от Ордена не помешало Астромову сформировать из «свободных братьев» собственную, независимую от Мёбеса и Нестеровой ложу под названием «Три северные звезды». Параллельно с этим Борис Астромов предпринимал энергичные усилия, направленные на объединение под своим руководством других масонских лож Ленинграда: «Пылающего льва», «Дельфина», «Золотого колоса». И хотя состав этих лож был крайне малочисленным и существовали они в основном на бумаге, это дало основание честолюбивому Борису Викторовичу объявить о создании новой независимой от мартинистов организации «Автономное русское масонство» во главе с «Генеральной ложей Астрея».

И вдруг в мае 1925 года Борис Викторович появляется в приемной Объединенного Главного Политического Управления (ОГПУ) в Москве и предлагает свои услуги по освещению деятельности «советского» масонства в обмен на разрешение покинуть СССР. Его предложение заинтересовало чекистов. После допросов и бесед в московском ОГПУ Борис Астромов отправляется в Ленинград, где и начинает «работать» под контролем этой организации. Оперативную связь с ОГПУ Астромов осуществлял через некоего Лихтермана, встречаясь с ним время от времени в конспиративной квартире на Надеждинской улице.

Чтобы как-то мотивировать (или «облагородить»?) свое решение стать секретным осведомителем ОГПУ, Астромов подготовил специальный доклад для чекистов, целиком посвященный возможному сотрудничеству между большевиками и масонами:

«В современной России масонству не уделяется почти никакого внимания и только изредка промелькнет отзыв о нем, как о мелкобуржуазном направлении. Это и не удивительно

– мало кто из теперешних деятелей вообще слышал о существовании масонства, а из тех, кто знает о нем, почти никто не знаком с его целями, стремлениями и идеологией. Между тем всё это далеко небезынтересно для правительства СССР. И если кто-либо вдумается в сущность этой вековой ассоциации, то он придет к неоспоримому выводу, что считать масонство врагом коммунизма вообще и Советской власти в частности совершенно не приходится.

Так что же сближает Автономное Русское масонство с коммунизмом? Прежде всего – пятиконечная звезда, являющаяся малым гербом СССР и принятая в Красной Армии. Эта звезда – весьма почитаема в масонстве, как символ гармонично развитой человеческой личности, победившей свои страсти и нейтрализовавшей крайности добра и зла.

Дальше, коммунизм на своем знамени начертал: ВСЕОБЩЕЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И БРАТСТВО УГНЕТЕННЫХ НАРОДОВ. Русские масоны тоже призывают к такому братству, называя себя гражданами мира, – и в этом заключается новое сходство между указанными двумя направлениями.

Наконец, стремясь к установлению равенства воспитания и жизненных условий, масонство ничем не отличается от коммунизма, ставящего себе те же задачи, причем лозунг коммунизма об УНИЧТОЖЕНИИ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ встречает полный отклик в масонстве, которое также (правда, по другим соображениям) – против частной собственности, развивающей излишний эгоизм и другие инстинкты, которые привязывают людей к жизни.

Итак, преследуя одни и те же цели, признавая справедливыми и подлежащими проведению в жизнь одни и те же воззрения, коммунизм и Р [русское] масонство совершенно не должны подозрительно смотреть друг на друга, наоборот, пути их параллельны и ведут к одной вершине».

Как видите, Астромов всячески выпячивал некоторое сходство между коммунистическими идеями и теми доктринами, которые проповедовало его «Автономное русское масонство». На то же самое он указывал и в своих беседах с чекистами.

Семь месяцев продолжалась провокационная деятельность Бориса Астромова, пока наконец работавшие с ним чекисты не поняли, что их подопечный явно не та фигура, с которой можно иметь серьезные отношения. Дело в том, что Астромов пользовался у масонов незавидной репутацией неуравновешенного, лживого и морально нечистоплотного человека. Ни о каком уважении к нему со стороны учеников не могло быть и речи. Весь авторитет Астромова среди «братьев» основывался на присущей ему силе гипнотического воздействия на собеседника. Особенно же много нареканий вызывало практикуемое Астромовым принуждение своих учениц к вступлению с ним в половую связь в извращенных формах – так называемое «трехпланное посвящение», якобы распространенное в некоторых эзотерических ложах Западной Европы.

Впрочем, моральный облик Астромова мало интересовал следствие. Другое дело – секреты Ордена, политические взгляды отдельных мартинистов и их заграничные связи.

«Братья» очень быстро догадались о контактах Астромова с ОГПУ и, разумеется, не одобрили их. Смута, возникшая в связи с этим в масонской среде, закончилась в конце концов тем, что 16 ноября 1925 года астромовская ложа была закрыта. Это означало конец Астромова, поскольку как частное лицо он чекистов совершенно не интересовал.

И действительно, 30 января 1926 года Борис Астромов был арестован. Следом начались усиленные допросы ленинградских оккультистов: Мёбеса, его жены Нестеровой и других.

Григорий Оттонович и Мария Нестерова держались на допросах стойко. Не скрывая собственного отношения к оккультизму, они при этом отказались раскрывать псевдонимы своих учеников. Принципиальная позиция отказа от «сотрудничества» с органами, занятая руководителями мартинистов, заслуживает всяческого уважения. Однако это уже не могло спасти Орден: Астромов сделал свое черное дело, а чекисты были настроены решительно.

Сам Астромов, сообразив, что сотрудники органов не только не собираются продолжать «взаимовыгодное» сотрудничество, но и намерены повесить на него всех собак, предпринял дерзкую попытку спастись, предложив свои услуги лично Иосифу Сталину. 11 февраля 1926 года он подготовил письмо вождю, в котором развивал старую мысль об использовании «красного» масонства для объединения коммунистически мыслящих интеллигентов.

Сразу же после ареста Бориса Астромова дошла очередь и до других членов «Русского автономного масонства» и Ордена мартинистов.

В ночь с 16 на 17 апреля 1926 года ОГПУ провело обыски на квартирах наиболее активных деятелей этих лож. «Улов» чекистов поражал всякое воображение: огромное количество книг, масонских значков, мечей, шпаг, плащей, ленточек и других предметов масонского ритуала, которые были немедленно изъяты. Сложнее обстояло дело с масонским алтарем и молельней, обнаруженными на квартире у Мёбеса, – было решено оставить их на месте под расписку хозяина.

После этого ленинградских оккультистов стали одного за другим вызывать для дачи показаний в ОГПУ. Причем под арестом держали одного только Бориса Астромова: нравы тогда были еще очень мягкие.

20 мая 1926 года Борису Астромову, Григорию Мёбесу и другим оккультистам Ленинграда было предъявлено официальное обвинение.

Опасения, что широкая огласка этого дела могла бы привлечь к нему внимание «еще не окрепших идеологически» групп населения привели к тому, что судьба ленинградских мартинистов была решена во внесудебном порядке. 18 июня 1926 года дело было рассмотрено Особым совещанием Президиума коллегии ОГПУ. Самое тяжелое наказание – три года лагерей по статье 61 УК РСФСР получил Борис Астромов. Остальные обвиняемые подлежали административной ссылке в отдаленные местности СССР сроком на те же три года.

ОГПУ против московских тамплиеров

18 марта 1314 года состоялся суд над гроссмейстером Ордена тамплиеров Жаком де Молэ и его товарищами. Несмотря на показания о поклонении членов Ордена дьяволу, выбитые под пыткой, гроссмейстер Ордена отказался признать себя виновным и был сожжен на костре. На этом закончилась история одного из самых могущественных рыцарских обществ Европы. Однако его традиция не умерла. Через шесть столетий в Москве появился свой Орден тамплиеров.

У истоков московского Ордена тамплиеров стоял Аполлон Андреевич Карелин, известный в определенных кругах под эзотерическим именем Сантей. Модный писатель, он начинал как народник, позже перешел к эсерам, а к 1905 году окончательно сформировался как анархист.

Эмигрировав за границу, Карелин читал лекции в Высшей школе социальных наук в Париже, где и был, видимо, посвящен в «вольные каменщики». В Россию Карелин вернулся осенью 1917 года с репутацией теоретика анархо-коммунизма. Здесь он сразу же был введен в состав ВЦИК и развернул кипучую деятельность. При его участии была учреждена Всероссийская Федерация анархистов и анархо-коммунистов, создан «Черный крест» (организация, оказывавшая помощь анархистам) и знаменитый клуб анархистов в Леонтьевском переулке.

Среди знавших его Аполлон Карелин пользовался репутацией человека, принятого Советской властью и вполне лояльного. Он жил в 1-м Доме Советов и не скрывал своих хороших отношений с секретарем Президиума ЦИК Авелем Енукидзе и другими высокопоставленными советскими работниками.

Взгляды Карелина были весьма отвлечены и туманны. По утверждению одного из его учеников, «они касались, главным образом, проблем подсознательной работы, проблем

душевных и духовных сущностей». Тем не менее очень скоро вокруг Аполлона Андреевича организовался мистический кружок. На его заседаниях Карелин пересказывал древние легенды, потом слушатели задавали вопросы и беседовали.

Весной 1924 года этот кружок был реорганизован в Орден тамплиеров, возглавил который Александр Сергеевич Поль – преподаватель Экономического института.

Штаб-квартирой тамплиеров стал Музей имени Кропоткина. Это не было случайностью: почти все руководители Ордена (Григорий Аносов, Алексей Солонович, Александр Уйттенховен, Николай Проферанцев, Николай Богомолов) были видными анархистами с большим «дореволюционным» стажем политической борьбы, состояли членами Кропоткинского, Бакунинского и Карелинского комитетов и членами анархистской секции музея.

Обряд посвящения в Орден был довольно прост. Проводивший посвящение старший рыцарь с белой розой в руке рассказывал неофитам легенду о Древнем Египте. К посвящаемому подходили два других старших рыцаря, мужчина и женщина, призывая его быть мужественным, блюсти честь и хранить молчание. Затем принимавший ударял неофита рукой по плечу, имитируя удар плашмя мечом в рыцарском посвящении, и предлагал ему выбрать орденское имя. При вступлении неофиту сообщались сведения о структуре Ордена, его иерархии и целях.

Всего степеней посвящения в Ордене было семь, и каждой из них соответствовала определенная орденская легенда: об атлантах, потомки которых жили в подземных лабиринтах в Древнем Египте; об эонах, взявших на себя роль посредников между миром духов и людей; о Святом Граале и тому подобное.

Помимо обряда посвящения в Ордене проводились и другие ритуальные акты. В архивно-следственном деле имеются описание рождественской трапезы, происходившей в конце 1924 года:

«Мы сидели за круглым столом, накрытым скатертью, в середине которого стояла чаша с вином, накрытая белым покровом с черным крестом посреди. Сверху лежала какая-то веточка. На столе лежало Евангелие, заложенное голубой лентой. Праздник начался с вопроса младшего из присутствовавших о том, есть ли совершенная красота. Все остальные по очереди отвечали на этот вопрос, после чего можно было приступить к еде. Затем руководитель рассказывал какой-то миф, содержание которого совершенно не помню. Праздник закончился пением хором гимна архангелу Михаилу. Надо прибавить, что на стене висело изображение рыб, а в руке корифея была небольшая черная палочка, которой давался знак к действию».

Московские тамплиеры довольно непринужденно смешивали в одну кучу анархо-коммунистические идеи, христианство, гностицизм, теософию, антропософию, розенкрейцерство, средневековое рыцарство и даже оккультную египтологию.

Рядовые тамплиеры никогда не упускали случая «поагитировать» народные массы в свою пользу. Поскольку среди членов Ордена был актер Юрий Завадский, в качестве одной из своих трибун они использовали Белорусскую государственную драматическую студию, находившуюся в Москве. Первоначально студия была создана при Московском художественном академическом театре. Однако в связи с тем, что его основная труппа гастролировала за рубежом, опекуном студии утвердился 2-й Московский художественный театр.

Уже первый спектакль Белорусской студии – «Царь Максимилиан» по Ремизову (1924) – был решен в форме средневековой мистерии с использованием рыцарской символики. В таком же мистическом духе был поставлен и второй спектакль – «Апраметная».

После смерти основоположника Ордена тамплиеров Аполлона Андреевича Карелина в марте 1926 года духовным лидером движения стал Алексей Александрович Солонович,

преподаватель математики МВТУ имени Баумана. Наиболее крупным и, к сожалению, не сохранившимся теоретическим трудом Солоновича является его трехтомное исследование «Бакунин и культ Иальдобаофа» (Иальдобаоф – одно из воплощений Сатаны), ходившее в машинописном виде по рукам среди членов сообщества. Впоследствии именно эта работа будет цитироваться в обвинительном заключении как главное доказательство вины тамплиеров перед советской властью.

Посмотрим, что же выбрал помощник начальника 1-го отделения СО ОГПУ Кирре из пухлого машинописного труда для того, чтобы изобличить руководителя Ордена:

«Благодаря союзу рабочих и крестьян с интеллигенцией русская революция победила в октябре. А затем большевики вогнали клин государства между рабочими и крестьянами, разъединили город и деревню, благодаря мероприятиям эпохи военного коммунизма и затем в 20—21 гг. подавили революцию, шедшую глубже... Последние всплески революции раскатились громами Кронштадтского восстания, махновщины, крестьянских восстаний и так называемых голодных бунтов <...>. Удушив революцию, погубив революционные элементы крестьянства, большевики тем самым подготовили себе прочную и бесславную гибель в объятиях буржуазно-мещанского элемента и того же крестьянства, а растоптав все элементы общественной самодеятельности, они отрезали себя и от пролетариата, как массы, как революционного класса в городах. Они, таким образом, выделили и обособили сами себя в новый, неслыханно беспощадный и глубоко реакционный отряд иностранных завоевателей. <...>

Человек есть "гроб Господень" – его надо освободить новыми крестовыми походами и должно для этого возникнуть новое рыцарство, новые рыцарские ордена – новая интеллигенция, если хотите, которая положит в основу свою непреоборимую волю к действительной свободе, равенству и братству всех в человечестве».

Разгром Ордена тамплиеров и связанные с этим аресты во многом были обусловлены борьбой, которую развернули против Солоновича его противники во главе с видным анархистом Боровым. Стремясь во что бы то ни стало убрать Солоновича из Кропоткинского музея, Боровой не стеснялся в средствах, выставляя в печати Солоновича и Кропоткинский комитет как цитадель реакции и черносотенства.

По-настоящему же за Орден взялись только в августе 1930 года. В течение нескольких суток были арестованы тридцать три человека.

В ходе допросов некоторые члены сообщества пытались оправдаться тем, что деятельность Ордена носила несерьезный, «игровой» характер.

«В период 1924—25 годов, – рассказывал на допросах тамплиер Леонид Никитин, – увлеченный формами романтического искусства, я близко подошел к представлениям о рыцарстве как универсальной форме романтической культуры <...> Никаких организационных форм, никакой мысли о воссоздании рыцарства в орденском смысле у меня не было, и потому никаких уставов, никаких программ какого-либо действия тоже не предполагалось...»

Успеха, однако, избранная тактика не имела. Это связано с тем, что сами следователи не слишком интересовались орденскими делами. Главное внимание их было сосредоточено на констатации нелегального характера собраний и антисоветских высказываниях членов кружка. К моменту ареста ОГПУ, уже давно следившее за московскими анархо-мистиками, имело среди них своего агента – некоего Шрайбера. Существенную помощь следствию оказали и некоторые из арестованных, которые не только дали откровенные показания, но и охотно изобличали своих несговорчивых товарищей.

Обвинительное заключение по делу «контрреволюционной организации тамплиеров» было утверждено 9 января 1931 года, а уже 13 января Особым совещанием Коллегии ОГПУ

была решена и участь арестованных: руководители получили по пять лет тюрьмы, остальные по три года. В отношении тех, кто активно помогал следствию, дело было прекращено.

Мечтания «красных» теософов

Последователи теософского учения Елены Петровны Блаватской сначала довольно неплохо чувствовали себя в Советской России, а некоторые из них пользовались прямой поддержкой большевистских лидеров. Главным покровителем теософов стал нарком просвещения Анатолий Васильевич Луначарский, который, изображая на публике атеиста, был на самом деле поклонником различных мистических учений, увлекался сатанизмом и оккультизмом.

Когда пришло время, именно к нему обратился за помощью Николай Константинович Рерих – ученый, художник, путешественник.

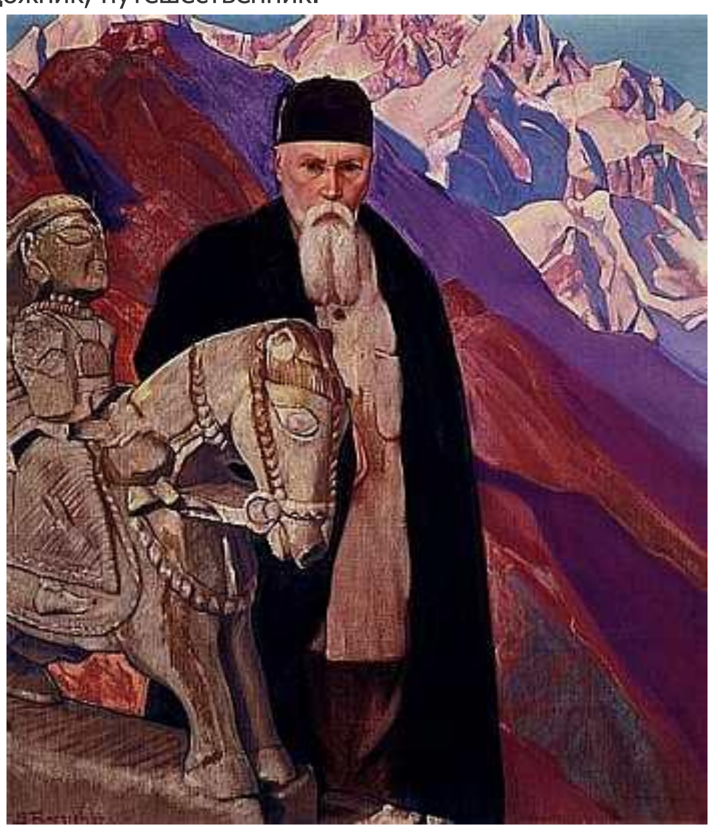


Рис.3.1. Николай Константинович Рерих (портрет работы С.Н.Рериха)

Тут надо сказать, что Николай Рерих был наиболее ценным приобретением теософов за всю их историю. Будучи представителем элиты российского общества, известнейшим деятелем эпохи, вхожим во многие кабинеты, он продвигал теософские идеи в массы лучше, чем кто-либо другой. Глядя ретроспективно, видишь, что уважение к этому устаревшему вероучению в среде российского народа сохранилось лишь благодаря уважению к творчеству семьи Рерихов.

Однако Рерих был слишком масштабной фигурой, чтобы оставаться лишь чьим-то последователем. Он сам, его жена Елена Ивановна Рерих (Шапошникова), его сыновья всю жизнь разрабатывали учение Живой Этики, в которой теософия смыкалась с русским космизмом, а индуизм — с православием.

Согласно основным положениям Живой Этики, наша планета вступила в эпоху Огня, где возрастает роль психических и вообще космических энергий. Овладение психической

энергией предполагает нравственное преобразование природы. Оум – психическая энергия трех миров. Сердце – средоточие психической энергии, которая является частью общей, космической, энергии. Необходимо соединить сердца и соответственно психические энергии «в хоровод согласия». Поэтому духовное преображение человека осуществляется не в одиночестве, а в общине, в сотрудничестве с космической иерархией.

В то же время Николай Константинович Рерих, будучи очень активным человеком, не собирался ждать, когда эпоха Огня сама по себе «придет в каждый дом». Он выступал сторонником преобразования мира на всех его уровнях.

«Можно весь государственный и общественный строй утвердить на законе космическом, – писал Рерих. – Наука дает все направления, и лишь чуткость приложения может открыть столько граней для строительства! Если бы вместо мнимых нововведений и установлений, человечество обратило внимание на законы космические, можно было бы установить равновесие, которое всё больше и больше нарушается, начиная с закона зарождения и до космического завершения. Законы утвержденные едины. На всех планах можно утвердить единство. Путь эволюции проходит, как нить, через все физические и духовные степени.

Потому государственный и общественный строй могут применить все космические законы для усовершенствования своих форм. На пути к Миру Огненному нужно проникнуться мощью единства в Космосе».

На пути утверждения «космического закона» в обществе Николай Рерих собирался реализовать «Великий План» – создать в центре азиатского материка большое монголо-сибирское государство, «Новую Страну». Эта страна должна была стать оплотом обновленного миропорядка, построенного по буддийскому образцу, местом пришествия Будущего Будды. Перед тем Рерихи предполагали отыскать легендарную страну Шамбалу, якобы существующую где-то в горах Тибета, и наладить связь между древними мудрецами-махатмами и большевистской Россией.

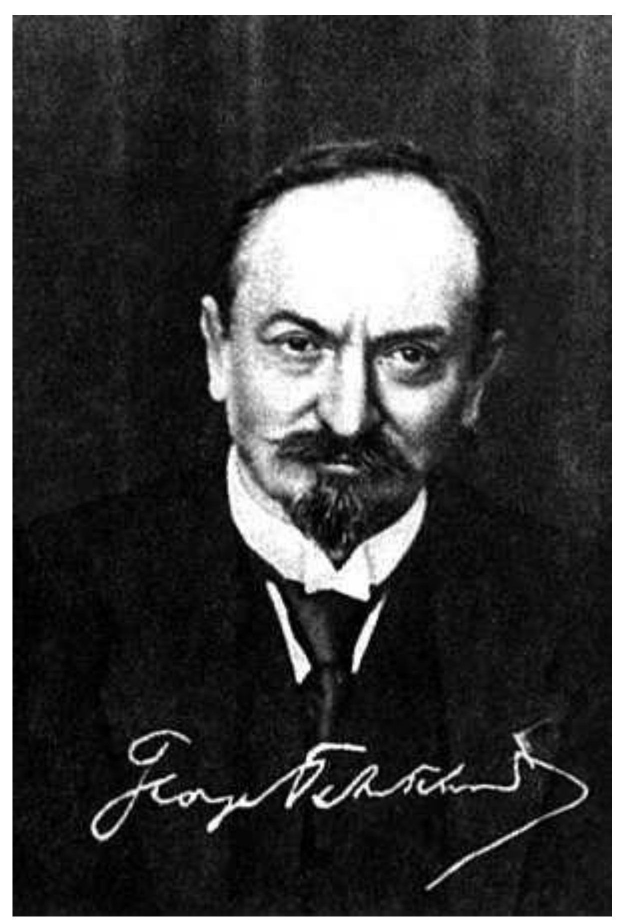


Рис.3.4. Георгий Васильевич Чичерин, нарком иностранных дел

Рис.3.5. Анатолий Васильевич Луначарский, нарком просвещения

Во время поездки в Москву летом 1926 года Николай Рерих вел переговоры по этому поводу с представителями советского правительства – Чичериным и Луначарским. В то же время Рерих пытался побудить большевиков принять «высокое покровительство Гималайских Учителей» с целью привлечения миллионов буддистов Азии к мировому революционному движению и осуществления в мировых масштабах идеалов Коммуны.

О своих целях Николай Константинович проговорился в дружеской беседе с Генеральным консулом СССР в Китае Александром Быстровым-Запольским. Тот запишет в дневнике следующее:

«Сегодня приходил ко мне Рерих с женой и сыном. Рассказывал много интересного из своих путешествий. По их рассказам, они изучают буддизм, связаны с махатмами, очень часто получают от махатм директивы, что нужно делать. Между прочим они заявили, что везут письма махатм на имя т. Чичерина и Сталина. Задачей махатм будто бы является объединение буддизма с коммунизмом и создание великого восточного союза республик. Среди тибетцев и индусов, буддистов, ходит поверье (пророчество) о том, что освобождение их от иностранного ига придет именно из России от красных (Северная красная Шамбала). Рерихи везут в Москву несколько пророчеств такого рода.

Из слов Рерихов можно понять, что их поездки по Индии, Тибету и Зап. Китаю – выполнение задач махатм, и для выполнения задания махатм они должны направиться в СССР, а потом якобы в Монголию, где они должны связаться с бежавшим из Тибета в Китай "Таш-ламой" (помощником Далай-ламы по духовной части) и вытащить его в Монголию, а уже оттуда двинуться духовным шествием для освобождения Тибета от ига англичан».

Николай Рерих нисколько не сомневался в реальности существования Шамбалы, полагая, что вступившие в контакт с ним и его женой восточные учителя Мория и Кутхуми как раз и являются «представителями Гималайского Братства». Вообще Шамбала для Рериха – это прежде всего великий символ Грядущего, «знак нового Времени», «новой эры могучих энергий и возможностей». Учение же Шамбалы (то есть Калачакра) – «высокая йога овладения высшими силами, скрытыми в человеке, и соединение этой мощи с космическими энергиями».

Рис.3.2. «Тень Учителя» – картина Николая Рериха (1932 год)

Во время своего тибетского путешествия, задуманного как религиозное посольство западных буддистов к главе буддистов Востока (к Далай-ламе) с целью объединения тех и других, Рерих то и дело мысленно уносится в направлении Шамбалы, которой отводит совершенно конкретное место на карте – северо-западная часть Тибетского нагорья (по-тибетски «Чантанг»). Едва перевалив хребет Поющей Раковины – Думбуре, Рерих тут же указывает своим спутникам, что поблизости начинается «запретная область» Гималайского Братства, «неведомая европейцами». Доступ на эту заповедную территорию, охраняемую самой природой (посредством ядовитых испарений многочисленных гейзеров и вулканов, разбросанных вдоль ее границ) закрыт для непосвященных, а вернее «незваных», ибо придти в Шамбалу без приглашения – «зова» ее владык – невозможно.

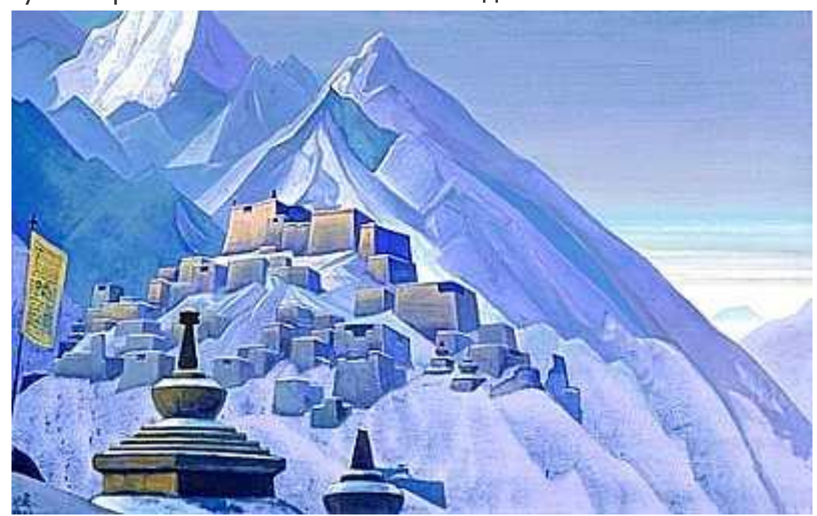


Рис.3.3. «Тибет» – картина Николая Рериха (1920-30 годы)

В дневнике одного из спутников Рериха мы находим довольно реалистичное, на первый взгляд, описание Шамбалы:

«За обедом Н. К. Р. говорит о месте нахождения Шамбалы – прекрасной, закрытой со всех сторон долине с субтропической растительностью, окруженной холодными и дикими пустынями, тянущимися на сотни квадратных миль и перерезанными неприступными горными системами. Приблизительно в таких же условиях находится и Национальный парк Североамериканских штатов. После красивой Аризоны поезд пробегает неприглядную печальную пустыню с жалкой растительностью и чахлыми кустами. Наконец последняя остановка, и нигде ничего особенного. Через несколько сот шагов от станции – балюстрада. Подойдите, взгляните вниз, и перед вами в глубине обрыва долина, и в ней – вся красота, вся роскошь залитого солнцем южного пейзажа».

Однако в конце экспедиции Рерих, под впечатлением от картин полного упадка буддизма в Тибете и в то же время глубоко оскорбленный поведением тибетских властей, не пропустивших его посольский караван в Лхасу, резко меняет свое мнение. Шамбала, как он теперь заявляет, не имеет ничего общего с Тибетом – этой «музейной редкостью невежества».

Будучи эмигрантами, Рерихи избежали репрессий, оставшись в стороне от происходивших в СССР событий. Что касается российских теософов, придерживавшихся более традиционных взглядов в духе Елены Блаватской, то их ждала незавидная участь. Филиалы Теософского общества, функционировавшие с 1908 года в Москве и Петербурге, были официально закрыты в 1923 году. Теософам пришлось перейти на «нелегальное»

положение – они собирались небольшими группами, как клуб по интересам, обмениваясь книгами и журналами, музицируя, читая друг другу стихи и обсуждая новости.

Такой кружок имелся, например, в Киеве – им руководила медиум София Александровна Слободинская, привлекшая к изучению теософии мужа и других родственников.

Ее родной брат, Усов Александр Александрович – неплохой детский писатель, выпустивший несколько рассказов о животных под псевдонимом Чеглок, – много путешествовал, был знаком с Луначарским и в 1914 году вместе с единомышленниками основал на Кавказе маленький теософический ашрам в Лазаревской, близ города Сочи. Пытался построить в местечке Гуарек храм Солнца в виде звезды, где через систему зеркал солнечный свет освещал бы все помещения. По вечерам теософы разжигали костер на берегу моря, пели гимны, медитировали, обсуждали проблемы. В числе побывавших в том ашраме был поэт Максимилиан Волошин.

Сын Софии Александровны Слободинской, агроном Леонид Конрадович, состоял в «Ордене Звезды на Востоке», «детской ложе» – движении духовных рыцарей и «пажей». Теософические идеи стали для него основой мировоззрения, и он принимал участие в строительстве теософского центра в Лазаревской.

Среди других участников этого кружка можно назвать чету дворян Обнорских, создавших в Ленинграде еще один подпольный филиал Теософского общества, просуществовавший аж да начала 1950-х годов (!). Алексей Николаевич Обнорский был высокообразованным человеком, знал шесть языков, глубоко интересовался философией. У него имелась неплохая библиотека по теософии, сам переводил работы Джидду Кришнамурти. Ольга Борисовна Обнорская считалась, подобно Елене Блаватской и Елене Рерих, необычайно сильным медиумом. Получала информацию путем «телепатической связи» с Учителями Востока, оформляя ее в виде поэтической рукописи «Сад Учителя».

В ленинградский клуб Обнорских хаживали генерал санитарной службы Павел Ильич Тимофеевский, друг известного академика Бехтерева, и поэтесса Катерина Павловна Тимофеевская.

Московский кружок теософов организовала художник-анималист Ариадна Александровна Арендт. Она была дружна с Волошиным, прониклась идеями и учением Живой Этики Рерихов. Дом ее всегда был открыт для молодежи, а библиотека была к услугам всякого интересующегося. Книги Блаватской, Рерихов, переводы Кришнамурти, Рамачараки, оккультные произведения, романы Крыжановской (Рочестер) можно было всегда найти у нее. В этот кружок входили: музыкант Евгения Дементьева, певица Кора Антарова, чета педагогов Антонюк, профессор-физиолог Василий Ефимов и многие другие московские интеллигенты.

Особый интерес представляет калужское отделение Российского Теософского общества. Возглавляла его Елена Федоровна Писарева (Рагозина) – философ и переводчик. Она свободно владела несколькими языками, до сих пор в ее переводе переиздается книга Эдуарда Шюре «Великие посвященные». Смолоду Писарева увлеклась идеями Блаватской, прочла ее «Тайную доктрину» и сделалась горячим пропагандистом теософии. Елена Федоровна перевела громадное количество мистической литературы, опубликовала несколько собственных произведений, самое известное из которых — «Сила мысли и мыслеобразы».

20 сентября 1908 года все теософские кружки, разбросанные по Российской империи, объединились в Российское теософское общество. Писарева стала его вице-президентом. Одновременно она возглавила Калужское теософское общество, превратив его в один из мощных филиалов и издательских центров в России.

Калужское теософское общество существовало двадцать лет, с перерывом с 1918 по 1922 годы. Тогда же Писарева уехала из России в Италию. Последнее ее письмо на родину к

ученикам и последователям относится к 1926 году, после чего следы ее теряются, а судьба до сих пор остается неизвестной.

Деятельность этого отделения неразрывно связана с биографией основоположника теоретической космонавтики и последователя «русского космизма» Константина Циолковского. И хотя Константин Эдуардович ни разу не упоминал о своих контактах с теософами, обойти это общество вниманием он никак не мог. О их лекциях и диспутах постоянно информировали калужские газеты. Одна и та же любопытствующая публика ходила и на выступления Циолковского, и на выступления Писаревой. Судя по сочинениям ученого, он был хорошо знаком с книгой «Великие посвященные», а само словосочетание, заимствованное из заглавия, использовалось в беседах с единомышленниками как устоявшееся и хорошо знакомое. Дважды в Калуге издавалась книга Блаватской «Голос безмолвия», содержавшая беллетризированный пересказ древнеиндийских афоризмов и притч, касающихся совершенствования разума и нахождения оптимальных путей познания истины. Известно, что по крайней мере один из членов калужской организации теософов регулярно бывал у Циолковского, интересовался его идеями, изобретениями и публикациями. Очевидно, теософия сыграла определенную роль в формировании идеологии «панпсихизма», которую разрабатывал Циолковский. Поэтому нет ничего удивительного в том, что сегодня исследователи объединяют теософию, Живую Этику и русский космизм Федорова-Циолковского в единое учение.

Воцарение сталинистов во власти привело к тому, что русский космизм замалчивался, а теософия подлежала полному искоренению. В 1929 году практически все члены Калужского теософского общества были арестованы ОГПУ и осуждены на разные сроки. Одна из главных статей обвинения – хранение нелегальной литературы, к каковой отнесли нераспроданные тиражи дореволюционных теософских изданий.

Понятно, что Калуга в этом смысле не была чем-то особенным. Аресты подпольных теософов начались в 1927 году, а своего пика репрессии против них достигли в 1931 году, когда большая часть сторонников этого учения оказалась в ссылках и лагерях. Лишь немногим из них повезло вернуться домой...

Кремлевские масоны

Советская власть столь рьяно преследовала любые идеалистические учения и философии, что наводила посторонних наблюдателей на размышления: что-то здесь нечисто, очень уж похоже на то, как одни религиозные фанатики вырезают других.

В среде белоэмигрантов вообще никто не сомневался: к власти в России пришли последователи масонской мистической традиции. Это мнение изложил в своей книге «От Петра до наших дней (Русская интеллигенция и масонство)» эмигрант Василий Иванов, пользовавшийся, по его утверждению, источниками информации, близкими к французскому политическому масонству.

«В 1918 году, – писал Иванов, – над Россией восходит пятиконечная звезда – эмблема мирового масонства. Власть перешла к самому злобному и разрушительному масонству – красному во главе с масонами высокого посвящения – Лениным, Троцким и их приспешниками – масонами более низкого посвящения: Розенфельдом, Зиновьевым, Парвусом, Радеком, Литвиновым <...>. Программа борьбы “строителей” сводится к уничтожению православной веры, искоренению национализма, главным образом великорусского шовинизма, разрушению быта, русской православной семьи и великого духовного наследия наших предков».

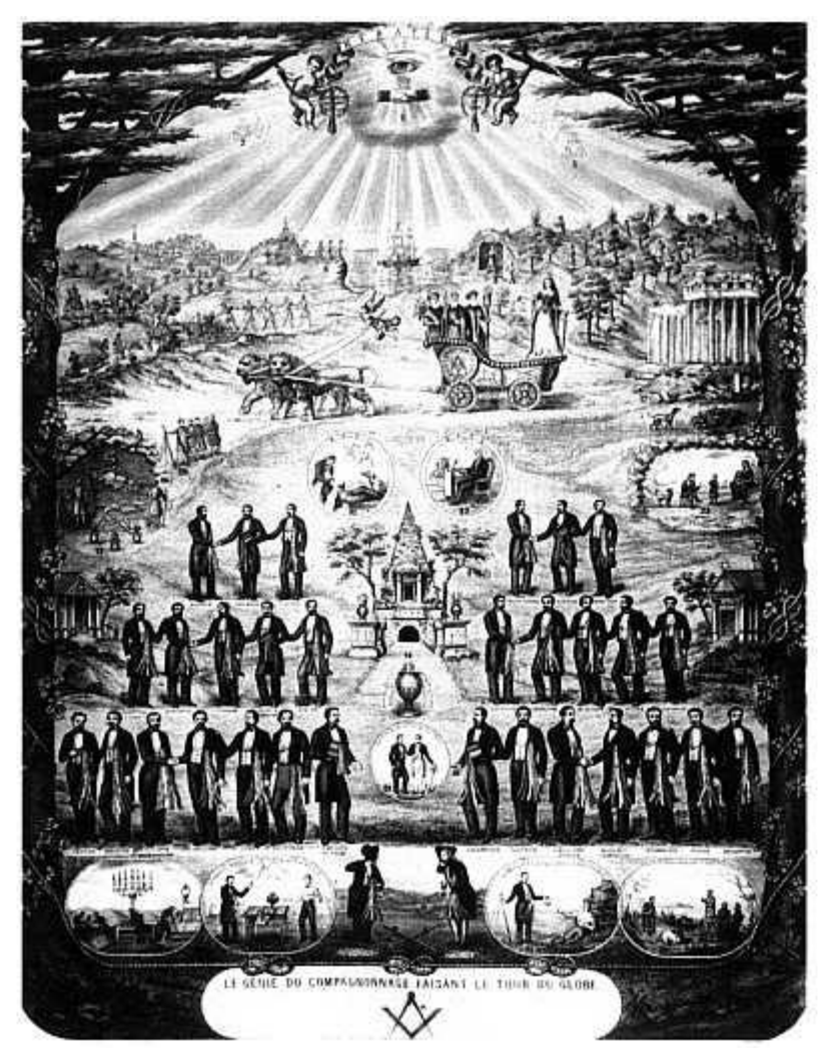


Рис.3.6 Картина, изображающая всемирное масонское общество

По мнению Иванова, в начале 1930-х годов Россия превращается в «самое чистое и самое последовательное масонское государство, которое проводит масонские принципы во всей их полноте и последовательности».

Заявление более чем смелое. И как любое смелое заявление представляет собой ту крайность, которая может только очертить проблему в целом, но не дать правильного ответа.

Что же происходило на самом деле? И насколько сильным было влияние масонских идей на идеологию первого коммунистического государства?

Вождь большевистской революции Лев Троцкий длительное время увлекался изучением масонских объединений. Он писал довольно объемные конспекты по истории данного мистико-политического направления, которые, к сожалению, не сохранились. На этом основании некоторые современные исследователи даже говорят о принадлежности к масонству самого Троцкого, хотя документальных подтверждений этому нет. Тем не менее показателен интерес коммунистического лидера к масонской мистике.

Другой видный большевик – Николай Бухарин – признавался, что в детстве на полном серьезе считал себя Антихристом и изводил свою мать вопросом: не Блудница ли она. Само собой, такие ранние духовные переживания не могут не влиять на отношение человека к религии.

Существуют и другие свидетельства из этого ряда. Так, публицист Николай Вольский сообщал, что масоном был большевик Середа – будущий нарком земледелия.

Секретарь российского масонского Верховного Совета с 1916 года меньшевик Гальперн указал на известного масона-большевика Скворцова-Степанова – будущего наркома финансов. Кроме того, Гальперн засвидетельствовал, что масонские собрания часто посещал пролетарский писатель Максим Горький.

Из книги Нины Берберовой «Люди и ложи» узнаем, что Горький был близок к масонам через жену-масонку и приемного сына. Там же опубликовано свидетельство, что Николай Бухарин, выступая в 1936 году перед эмигрантами в Праге, сделал масонский знак – «давал знать аудитории, что есть связь между нею и им, что прошлая близость не умерла».

В один из масонских биографических словарей включен Карл Радек, правда с оговоркой, что «его принадлежность к масонству, часто упоминаемая, никогда не была доказана».

Менее всего фактического материала на интересующую нас тему дает Владимир Ильич Ленин. Тем не менее европейские оккультисты были в восторге от него и считали вождя «своим человеком».

Рассказывают и о масонской ложе «Союз Бельвиля» Великого Востока Франции, членом которой до 1914 года Ленин якобы числился. Согласно другой версии, ложа, в которую входили Ленин и Зиновьев, называлась «Искусство и труд» («Art et Travail»). И хотя документального подтверждения эти сведения также не получили, каких-либо препятствий для вступления большевиков в заграничные масонские ложи я, например, не вижу.

Однако гипотеза Иванова, будто бы не только отдельные масоны примкнули к революции, но и сама революция была их деянием, не выдерживает серьезной критики. При всем сходстве целей и программ большевики и масоны были непримиримыми врагами, видевшими друг в друге злейших конкурентов.

Рис.3.7. Масоны-коммунисты (Карикатура из английского еженедельника «Экономист»)

Профессор Николай Первушин сообщает, что даже в 1950-е годы эмигранты-масоны отказали ему в опубликовании списка масонов, «так как в Советском Союзе остались члены

этой группы и, в частности, в самых высших партийных кругах (!), и они не вправе поставить их жизнь под угрозу»

Получается, оставшиеся в Советском Союзе масоны тщательно скрывали свое прошлое, а не правили страной, иначе бы никакие заграничные «разоблачения» не могли быть для них опасны. А после уничтожения Сталиным старой «ленинской гвардии» шансы на то, что на партийных верхах остался хоть один масон, были практически сведены к нулю.

Что касается сотрудничества масонов и коммунистов за границей, то исследователи истории тайных обществ указывают, что коммунисты не поддерживали ложи, когда те пребывали у власти, но они шли на контакт с масонами в тех странах, где ложи были в оппозиции, надеясь, очевидно, использовать их в борьбе против существующих правительств...

Глава четвертая

В поисках Древней Науки

Эзотерические учения, возникшие или получившие развитие в XIX—XX веках, опирались прежде всего на обещание адептов раскрыть тайное оккультное знание, которое сохранили мудрецы древних рас, некогда обитавших на Земле. Через этот аспект современные эзотерики делали частью своего предания легенды о могущественных государствах, которые правили всем миром, но погибли в результате ужасного катаклизма...

Оккультная археология

Трагическая история Атлантиды была рассказана известным древнегреческим философом Платоном более двух тысяч лет назад. Вот что писал Платон об Атлантиде в диалоге «Тимей»:

«Тогда ведь море это [Атлантическое. – А.П.] было судоходно, потому что перед устьем его, которое вы по-своему называете Геракловыми Столпами [Гибралтарский пролив. – А.П.], находился остров. Остров этот был больше Ливии [северо-западной Африки. – А.П.] и Азии [Малой Азии.– А.П.], взятых вместе, и от него открывался плавателям доступ к прочим островам, а с тех островов – ко всему противолежащему материку [к Америке? – А.П.], которым ограничивался тот истинный понт [море. – А.П.]. Ведь с внутренней стороны устья, о котором говорим, море представляется бухтой, чем-то вроде узкого входа, а то, что с внешней стороны, можно назвать уже настоящим морем, равно как и окружающую его землю, по всей справедливости,– истинным и совершенным материком».

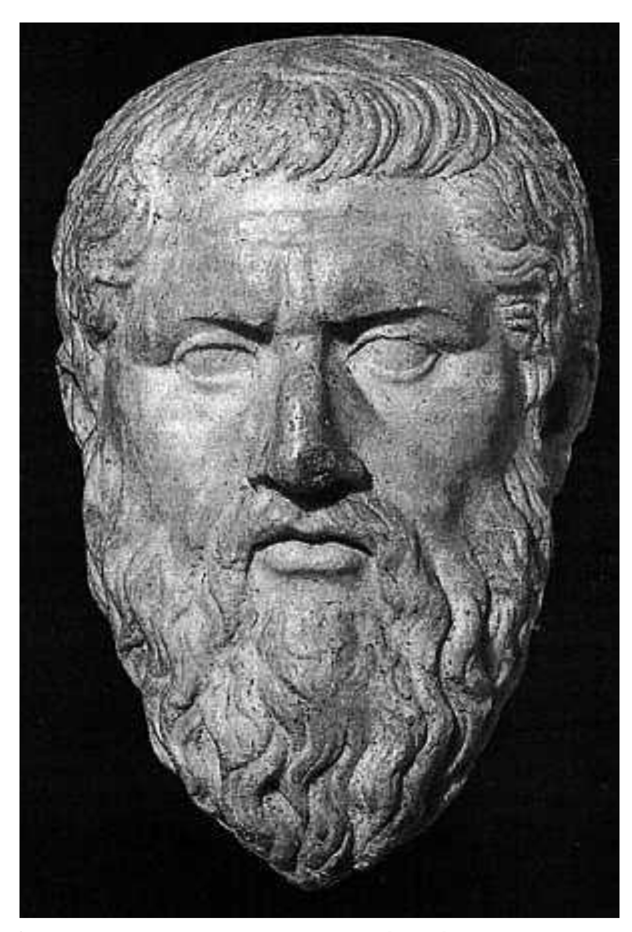


Рис.4.1. Платон – бюст из Ватиканского музея (Рим)

Из вышеприведенного текста можно сделать следующий вывод.

Платон ясно указывает, что так называемое «Атлантическое море» является не чем иным, как Атлантическим океаном в нашем понимании, – недаром он называет это море «истинным понтом». В то же время он четко указывает, что внутреннее, то есть Средиземное море является как бы «бухтой» внешнего Атлантического океана.

Из текста также следует, что «остров Атлантида» находился именно в Атлантическом океане, где-то к западу от Гибралтарского пролива, «по ту сторону устья», «перед устьем», а не в Средиземном море, то есть «по эту сторону устья». Следовательно, Атлантиду Платона нужно искать только в Атлантическом океане.

Платону также известно о существовании дальше на западе, за пределами Атлантиды, огромного заатлантического материка, то есть Америки.

В диалоге «Тимей» свое повествование Платон заканчивает следующими словами: «Впоследствии же времени, когда происходили страшные землетрясения и потопы, в один день и бедственную ночь вся наша воинская сила [праафинян, на которых пошли войной атланты.– *А. П.*] разом провалилась в землю, да и остров Атлантида исчез, погрузившись в море. Поэтому и тамошнее море оказывается теперь несудоходным и неисследимым: плаванию препятствует множество окаменелой грязи, которую оставил за собой осевший остров».

Рис.4.2. Реконструкция столицы Атлантиды по описанию Платона (Р.Авотин): 1 – царский дворец; 2 – храмы Клито и Посейдона; 3 – роща Посейдона; 4 – ипподром; 5 – разные храмы; 6 – разные памятники; 7 – мосты и крытые каналы.

Следовательно, Атлантида погибла, опустившись на дно океана; опускание это не было очень глубоким, поскольку выпавший вулканический пепел и пемза образовали труднопроходимые мели. Можно предположить, что Атлантида, будучи уже погруженной, продолжала и в дальнейшем опускаться всё глубже и глубже...

Платон нигде не указывает дату гибели Атлантиды, приводится только дата мифической войны между праафинянами и атлантами (атлантологи утверждают, что между окончанием войны и гибелью Атлантиды прошло не очень много времени). Однако есть некоторые основания предполагать, что, основываясь на сведениях о позднейшем состоянии культуры на остатках Атлантиды, Платон считал, что такая же культура существовала и в то время, которым он датирует мифическую войну, то есть 12 тысяч лет назад.

Свидетельство Платона не единственное в своем роде. В античной древности об огромной земле «за Геракловыми Столпами», окруженной архипелагом малых островов, писали Стратон и Плиний, Элиан и Плутарх, Диодор Сицилийский и Аммиан Марцеллин.

Открытие Америки в XV веке, естественно, наводило на мысль, что новый материк и есть Атлантида Платона. В XVI—XVII веках это мнение было самым распространенным.

В XVIII веке появились новые версии, Атлантиду искали на юго-западном берегу Африки, на Скандинавском полуострове, в Палестине и даже на Кавказе.

В конце XVIII века Делиль де Саль сделал обзор всего, написанного об Атлантиде, посвятив ей особую часть своего гигантского труда в 52 томах «История всех народов мира или история людей» (1779).

В том же XVIII веке были предприняты попытки истолковать сообщение Платона на основании точных научных данных. Показание диалогов, что Атлантида лежала «за Геракловыми Столпами», давало повод видеть ее остатки в островах, находящихся на запад

от Африки. Например, ряд ученых считали вершинами гор затонувшей Атлантиды острова Вознесения и Святой Елены.

В начале XIX века большинство ученых придерживались мнения, что Атлантида – просто сказка, измышленная Платоном, желавшим воодушевить афинян рассказом о подвигах их предков. Был, правда, Александр Гумбольдт, который считал, что миф о гибели Атлантиды основан на некоем правдивом историческом факте, преувеличенном фантазией.

В середине XIX века появилась одна из самых фундаментальных работ об Атлантиде, написанная русским автором, но по-немецки, – языковед и путешественник Авраам Норов выпустил работу «Атлантида в греческих и арабских источниках», в ней сделан кропотливый свод всех свидетельств об Атлантиде.

Однако интерес широкой публики к теме Атлантиды появился только после выхода популярной книги американского конгрессмена Игнациуса Донелли «Атлантида – допотопный мир» (1882). Благодаря хорошей рекламе в прессе, эта работа стала считаться классической, а за Донелли закрепилась слава чуть ли не отца атлантологии.

Проанализировав материал, собранный по вопросу учеными, конгрессмен выдвинул гипотезу, что Платон описывал реально существовавший остров, на котором возникла самая первая и самая древняя человеческая цивилизация. Воспоминания о ней сохранились в мифологии всех народов мира, ведь античные, индусские, скандинавские и все прочие боги были всего лишь гражданами Атлантиды. Самой древней колонией Атлантиды был, вероятно, Египет, цивилизация которого была отражением цивилизации острова Атлантида. Бронзовый век в Европу пришел из Атлантиды, также атланты первыми начали применять железо. Атлантида была начальным местом поселения арийской индоевропейской семьи, а также семитских и некоторых других народов. Атлантида погибла в результате ужасной катастрофы – остров и почти все его население были затоплены водами океана.

Теория Донелли вызвала огромный интерес, у него появились продолжатели и подражатели. Печатались сочинения, в которых авторы давали волю своей фантазии, описывая различные варианты истории мифических атлантов.

В русскую литературу предание об Атлантиде пришло в оккультной интерпретации теософов и антропософов.

В начале XX века на русский язык стали переводиться опусы таких авторов, как Элифас Леви, Луи Лукас, Анна Безант, доктор Папюс, Рудольф Штайнер, Вильям Скотт-Эллиот, – именно эти оккультисты активно пересказывали Платона, дополняя его скудные описания цветистыми подробностями.

Оккультисты не считали нужным объяснять, на основании каких данных они воспроизводят обычаи и образ жизни сгинувшего народа. По их утверждению, всякое событие оставляет «отпечаток» в окружающем мире, и при помощи ясновидения, доступного немногим избранным («посвященным»), оккультисты высших рангов могут увидеть картины прошлого и разобраться в их содержании.

Наиболее полное оккультное предание об Атлантиде было опубликовано в 1896 году Скотт-Эллиотом в его книге «История Атлантиды». Скотт-Эллиот уверял, что сообщаемые в его труде факты соответствуют действительности, поскольку получены из архива древнего оккультного «Белого братства». Однако сразу обращает на себя внимание, что произведение Скотт-Эллиота имеет характер историко-утопического труда, изобилующего огромным количеством подробностей, слишком подозрительных для пересказа столь древней хроники, как история Атлантиды.

Основная концепция, положенная в основу труда Скотт-Эллиота, заключается в принятии идеи о существовании на Атлантиде за много тысячелетий до нашего времени цивилизации, превосходившей современную по ее состоянию на конец XIX века.

Согласно Скотт-Эллиоту, забытый континент миллион лет назад занимал большую часть Атлантического океана. Экваториальные области включали Бразилию и все пространство океана до Золотого Берега Африки. Северной своей частью Атлантида простиралась на несколько градусов восточное Исландии, а южной доходила до того места, где сейчас находится Рио-де-Жанейро.

800 тысяч лет назад произошел первый катаклизм. Атлантида потеряла свои полярные области, ее средняя часть уменьшилась и раздробилась, Америка отделилась образовавшимся проливом; сама Атлантида еще простиралась вдоль Атлантического океана от северных широт до экватора. Из оторвавшейся северо-восточной части ее образовалась Великобритания, включавшая, кроме Британских островов, еще также Скандинавию, север Франции и ближайшие моря.

Вторая геологическая катастрофа постигла Атлантиду около 200 тысяч лет назад. За исключением некоторых изменений на континентах Атлантиды и Америки и затопления Египта, процессы опускания и поднятия материков в эту эпоху были незначительны. Остров Скандинавия тогда присоединился к материку. Сама же Атлантида разделилась на два острова: северный, больший, называвшийся Рута, и южный, меньший, именовавшийся Даитья.

Далее Скотт-Эллиот сообщает, что наибольший по грандиозности катаклизм произошел 80 тысяч лет назад. Атлантида продолжала еще существовать в виде относительно небольшого острова – Посейдониды, остатка Руты. Это та Атлантида, о которой писал Платон. А от Даитьи остался ничтожный кусочек суши.

Наконец в 9564 году до нашей эры произошла четвертая катастрофа. Атлантида погрузилась на дно океана, а границы суши и моря приняли современный вид.

Излагая далее историю оккультной Атлантиды, Скотт-Эллиот приводит множество подробностей последовательности заселения Атлантиды разными народами. Первыми были рмоагалы – гиганты с темно-красным цветом кожи и ростом свыше трех метров, населявшие Атлантиду еще 4—5 миллионов лет назад; они жили рыболовством и охотой.

Около трех миллионов лет назад рмоагалов сменил народ тлаватлей, пришедших с острова, лежащего к западу от Атлантиды (на месте части Америки). Это был народ горцев с кожей красно-коричневого цвета.

Третьим народом, заселившим Атлантиду после тлаватлей, были тольтеки, распространившиеся по Атлантиде 850 тысяч лет назад с ее западного побережья. Оккультисты считают своих тольтеков праотцами племени тольтеков, которые, в свою очередь, были предшественниками ацтеков в Мексике, и относят ко времени их господства на Атлантиде пик расцвета мексиканской цивилизации.

Затем начинается период упадка Атлантиды, и тольтеков последовательно сменяют семиты, аккадийцы, монголы. Следует отметить, что оккультные представления об этих народах сильно отличаются от принятых в науке. Примером могут служить аккадийцы, которые, по данным современной науки, были народом семитического происхождения. Отличие оккультных аккадийцев от семитов было вызвано тем, что во времена написания книги Скотт-Эллиота наука еще очень мало знала о существовании шумеров, предшествовавших аккадийцам – семитам в Вавилонии.

Согласно Скотт-Эллиоту, столицей Атлантиды со времени тольтеков становится Город Ста Ворот, якобы располагавшийся на территории с координатами 15° с.ш. и 40° з. д. Между прочим, батиметрия этого места Атлантического океана не показывает ничего даже приближенно похожего на описание главного царства Атлантиды по Платону. Нет ни намека на окружающие его огромные горы с севера, запада и юга. Лишь далеко на западе проходит подводный Северо-Атлантический хребет.

По Скотт-Эллиоту, Город Ста Ворот имел население в два миллиона человек. Он был окружен местностью, похожей на парк, а вокруг города было много вилл правящего класса (общество оккультной Атлантиды имело резко выраженный кастовый характер и было основано на рабстве). Столица Атлантиды погибла при втором катаклизме. Похоже, само название и описания Города Ста Ворот были позаимствованы из реконструкции древнего Вавилона, тоже, по преданию, имевшего сто ворот, а по населенности не уступавшего фантастической столице Атлантиды...

Ясно, что подобная голословная реконструкция вызвала серьезные возражения со стороны ученых. Так, в 1912 году российский исследователь Богачев, рассказывая в своей брошюре «Атлантида» об оккультном предании, неоднократно подчеркивал, что карты, которыми Скотт-Эллиот снабдил свой труд, не имеют ничего общего с геологическими картами описываемых им эпох и что все это предание изобилует огромным количеством ошибок и несуразностей.

Неотъемлемой частью предания является легенда о высокой цивилизации атлантов. При этом оккультисты вводят в свои повествования сведения о новых и якобы еще неизвестных науке видах энергии, открытых атлантами и применявшихся ими для технических целей. Внимательное рассмотрение всех этих «новых» видов энергии показывает, что они представляют собой причудливый гибрид из модных фантазий о «жизненной силе» и устаревших представлений о «внутриатомной энергии».

В этом отношении особенно постарался основатель антропософии Рудольф Штайнер, который, следуя духу времени и соответственно модернизировав уже устаревшую палеофантастику теософов, выдвигал утверждение, что физика атлантов, дескать, отличалась от современной! Видимо, это означает, что в те времена законы природы были иными, чем сегодня!

Общественный интерес подогревали многочисленные (и часто ложные) сообщения о находках, сделанных археологами и якобы подтверждающих существование древнего острова и его цивилизации. Самый громкий скандал вызвала статья Пауля Шлимана – внука известного немецкого археолога Генриха Шлимана, открывшего развалины Трои. Статья была напечатана в одном из октябрьских номеров американской газеты «Нью-Йорк Американ» за 1912 год под интригующим заголовком «Как я нашел потерянную Атлантиду».

По уверению Шлимана-младшего, его знаменитый дед оставил запечатанный конверт с тем, чтобы его вскрыл тот из членов семьи, кто даст торжественное обещание посвятить всю свою жизнь исследованиям, указания на которые найдет в этом конверте. Пауль Шлиман дал такую клятву, вскрыл конверт и прочел находившееся в нем письмо. В письме Генрих Шлиман сообщал, что он предпринял исследование остатков Атлантиды, в существовании которой не сомневается и которую считает колыбелью всей нашей цивилизации. Летом 1873 года Генрих Шлиман при раскопках Трои будто бы нашел бронзовый сосуд больших размеров, внутри которого имелись глиняные сосуды меньшего размера, мелкие фигуры из особенного металла, деньги из того же металла и предметы, «сделанные из ископаемых костей». На некоторых из этих предметов и на бронзовом сосуде было написано «финикийскими иероглифами»: «От царя Атлантиды Хроноса». Затем, в 1883 году Генрих Шлиман обратил внимание в парижском Лувре на коллекцию предметов, найденных в Центральной Америке. Среди них оказались глиняные сосуды, совершенно такой же формы, как открытые в 1873 году в Трое, и предметы «из ископаемой кости» и «из особенного металла», также «линия в линию» совпадающие с троянскими. «Особенный металл» оказался сплавом из платины, алюминия и меди, античной древности безусловно неизвестного. Наконец, Генрих Шлиман нашел еще какие-то «папирусы», подтверждающие действительность легенды об Атлантиде и хранящиеся якобы в фонде петербургского Эрмитажа. В итоге Генрих Шлиман поручал тому из своих потомков, кто будет читать это

письмо, продолжать начатые исследования, а в частности, разбить один из сосудов его коллекции и обратить особое внимание на содержащееся внутри.

На эту историю прежде всего откликнулись теософы – они отнеслись к ней с полным доверием и несколько раз перепечатывали статью Пауля Шлимана; она была опубликована и в русском «Вестнике теософии» (1913).

Однако ученые восприняли рассказ Шлимана-младшего скептически. Прежде всего, эта история не согласовывалась с характером авантюриста от археологии Генриха Шлимана, до крайности тщеславного и неспособного долго скрывать от мира свои открытия. Особенно трудно ожидать такой скрытности по отношению к находкам 1873 года, когда Шлиман заканчивал первый этап своих раскопок и когда ему необходимо было любыми способами доказать ученому миру значение своих работ. Далее, несообразным кажется присутствие в сосуде древнейших времен металлических денег – предмета, незнакомого ранней древности. Но всего невероятнее представляется поразительная финикийская надпись. Дело в том, что финикийцы появились на сцене мировой истории довольно поздно, за тысячу лет до Рождества Христова, то есть по меньшей мере через три-четыре тысячелетия после прекращения всякого влияния Атлантиды на развитие цивилизации. Каким же образом получилось, что дар «царя Атлантиды Хроноса» имеет на себе надпись на языке, который вошел в обиход сорок столетий спустя? Это столь же странно, как если бы на пирамиде Хеопса красовалась надпись, сообщающая о дате ее строительства на русском языке!

Позднее расследование этой истории, предпринятое знаменитым советским атлантологом Николаем Феодосьевичем Жировым, показало, что статья «Как я нашел потерянную Атлантиду» является мистификацией от начала до конца. Все данные, приводимые в статье, оказались вымышленными. Больше того, у знаменитого археолога Шлимана не было внука! Очевидно, статья, принятая теософами на веру, была написана каким-то ушлым американским журналистом, тонко чувствующим конъюнктуру. Удивляться тут не приходится. Большинство поклонников оккультных учений вообще склонны доверять различным мистификациям и создавать на их основе глубокомысленные теории, что в итоге дискредитирует любую тему, на которую они обращают свое «просвещенное» внимание.

Атлантида: российская ветвь предания

В развитие российской (а затем – советской) атлантологии весьма значительный вклад внес знаменитый поэт и литературовед Валерий Яковлевич Брюсов.

Рис.4.3. Поэт Валерий Яковлевич Брюсов (портрет работы С.В.Малютина, 1913 год)

Свое видение этой темы Брюсов изложил в пространной работе «Учителя учителей», первые наброски к которой датированы 1914 годом. Однако, с некоторыми оговорками, можно считать, что поэт занимался Атлантидой всю жизнь. Его жена вспоминала: «К величайшему моему сожалению, я не могу в точности установить даты, когда Брюсов начал проявлять интерес к этой погибшей Атлантиде. Я готова всё же утверждать, что с первых дней моего знакомства с Валерием Яковлевичем он, с присущей ему увлекательностью, много рассказывал мне об Атлантиде, о материке, опустившемся на дно океана...»

Это увлечение исчезнувшим материком не могло не отразиться на творчестве поэта. Еще в августе 1895 года в записной книжке Брюсова появляется первый набросок обращения к музе эпической поэзии («Муза в измятом венке, богиня, забытая миром...»), которым позднее будет начинаться поэма «Атлантида», посвященная Бальмонту. Через два года при встрече с Бальмонтом, по свидетельству очевидцев, оба поэта предавались бесконечным рассуждениям об Атлантиде. После отъезда друга Валерий Яковлевич выписал из Франции, Германии и Англии целый набор научно-исторических книг, касавшихся Атлантиды.

Впрочем, ни поэма «Атлантида», ни более поздняя трагедия в пяти действиях «Гибель Атлантиды» (1910) не были закончены, зато до нас дошли «Учителя учителей», опубликованные в журнале Максима Горького «Летопись» в 1917 году.

По образованию Брюсов был историком. После окончания Московского университета он начинал трудовую деятельность в редакции исторического журнала «Русский архив». Его как профессионала не могла не заворожить гипотеза, позволяющая объяснить сходство в

культурах множества изолированных друг от друга народов (например, египтян и майя) через доказательство существования в седой древности могучей империи, подчинившей мир.

Брюсов отстаивал мысль о полной достоверности «Диалогов» Платона.

«Если допустить, – писал он, – что описание Платона – вымысел, надо будет признать за Платоном сверхчеловеческий гений, который сумел предугадать развитие науки на тысячелетия вперед, предусмотреть, что когда-то ученые-историки откроют мир Эгейи и установят его сношения с Египтом, что Колумб откроет Америку, а археологи восстановят цивилизацию древних майя и т. п. Надо ли говорить, что при всем нашем уважении к гениальности великого греческого философа такая прозорливость в нем нам кажется невозможной и что мы считаем более простым и более правдоподобным другое объяснение: в распоряжении Платона были материалы (египетские), шедшие от глубокой древности».

Рис.4.4. Затопление Атлантиды (теософское предание)

Брюсов пришел к выводу, что большую часть сведений, содержащихся в «Диалогах», Платон мог получить только у людей, которым было известно о существовании Атлантиды: «Древний философ пишет, что Атлантида была расположена за Гибралтарским проливом и от нее можно было, плывя дальше на запад, попасть на другой материк. Но ведь древние греки ничего не знали об Америке!»

Однако, будучи ученым, Брюсов вполне справедливо критиковал измышления теософов на темы древних цивилизаций, показывая (на примере «сенсационной» статьи несуществующего Пауля Шлимана), сколь далеко оккультные археологи ушли от процесса подлинного научного поиска.

Деятельность Брюсова по изучению и распространению предания не ограничилась работой «Учителя учителей». Он решил использовать готовый материал для публичных лекций. Первая из таких лекций состоялась 24 января 1917 года в Баку. Она вызвала

необычайный интерес аудитории. Рецензент бакинской газеты Иоаносиан писал: «Лекция Брюсова о древнейших культурах была ошеломляюще интересна. Переполненный театр замер в сладком очаровании, навеянном художником-лектором, мановением волшебного жезла вызвавшего Духа Земли. Я не знал, на кого смотреть, на лектора, который целиком завладел моим вниманием, или на зачарованный зрительный зал. <...> Слушая Брюсова, я понял, как велика роль популяризатора научных истин».

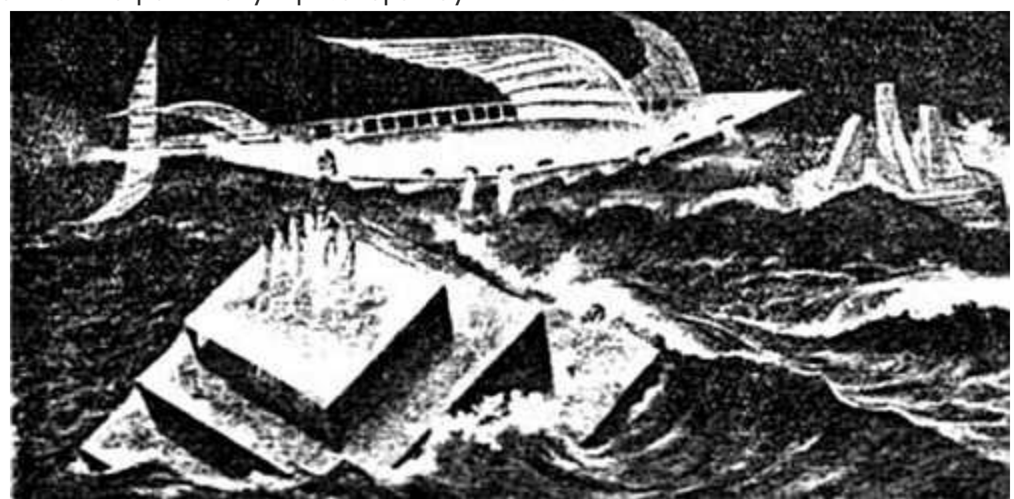


Рис.4.5. Спасение избранных атлантов на воздушном корабле (теософское предание)

Не меньший резонанс вызвала и публикация «Учителей...» в «Летописи» Горького. После выхода номера с первыми главами издатель Тихонов в письме от 26 июля 1917 года сообщал автору: «"Учителя учителей" – возбуждают всеобщий интерес и пользуются большим успехом – мы очень рады печатать их, хотя статья и несколько велика для журнала, и очень Вам за них благодарны».

Вклад Брюсова в атлантологию важен еще и тем, что он как бы перекинул мостик между теософским преданием, имеющим черты в большей степени художественного вымысла, и научным изучением вопроса. Публикация же в журнале Горького сделала этот пласт культуры востребованным при советской власти – в истории нет примеров, чтобы за увлечение атлантологией отправляли в лагерь или ссылку. Наоборот, сюжет поисков Атлантиды оказался востребован и советской наукой, и советской литературой.

Разработки Брюсова оказали несомненное и значительное влияние на формирование взглядов отечественных атлантологов, потому важно зафиксировать, какой он видел Атлантиду и ее цивилизацию.

Подытоживая свои выкладки, Брюсов писал:

«В отдаленнейшую эпоху древности, которую, пока, мы еще не можем определить в цифрах, центром культурной жизни на земле был материк, лежавший в Атлантическом океане и населенный красной расой атлантов. В течение тысячелетий возрастала их мощь и развивалась их культура, достигнув высоты, которой, быть может, не достигал после ни один из земных народов. На Атлантиде стояли великолепные города с многомиллионным населением, процветали науки, искусства, все формы техники, жизнь граждан была разнообразна и утонченна. В конце периода этого пышного развития атланты, обладавшие сильным флотом, вступили в сношения с другими народами соседних земель, частью покорили их военной силой, частью наложили на них могущественное влияние своей высокоразвитой культуры. Народы Центральной Америки (предки будущих майев) находились в полной зависимости от Атлантиды, духовной и, кажется, политической; в Юго-западной Африке, в

Гвинее, у атлантов была большая колония, откуда они получали слонов и разные произведения страны; подчинялись влиянию атлантов и праарийцы <...>, которые, вследствие оледенения Европы в ледниковый период, теснились на западном побережье Пиренейского полуострова; влияние атлантов простиралось и далее на Запад, доходя до Египта, до равнин Месопотамии, до Кавказских гор и еще глубже в центр Азии; возможно, что атланты находились в сношениях с народами, жившими по берегам Тихого океана, выработавшими своеобразную тихоокеанскую (китайскую) культуру. Таким образом, народы всей земли, как к средоточию и источнику знаний и власти, обращались к Атлантиде. Оттуда разливался по земле свет науки, откровения религии, начатки художества. И, запечатлевая заветы своих учителей, разные народы, на разных концах земли, воспринимая религию будущей жизни ("культ смерти"), поклонение единому небесному богу ("богу-громовнику" и "богу-солнцу"), уважение к одним и тем же символам (крест с загнутыми концами, спираль, треугольник), как внешнее выражение этих заветов, отдельные народы воздвигали в своей стране каменные символы – пирамиды.

В 6-м или 5-м тысячелетии до Р. Х. происходит какой-то гигантский катаклизм на земле, в силу которого материк (или остров) Атлантиды гибнет, исчезает в глубях океана. Действительно ли этому предшествовал поход соединенных атлантских сил, с целью завоевать Восток Европы и Африки, мы не знаем. Во всяком случае, Атлантида исчезает со сцены истории, и народы, бывшие у нее в порабощении, духовном и материальном, получают свободу. Но семена атлантской культуры заложены слишком глубоко в душах народов, так или иначе соприкасавшихся с Атлантидой. Уменьшение ледяного покрова в Европе позволяет племенам начать свое расселение. И в свои новые местожительства эти народы несут заветы Атлантиды, ею внушенные начала. Наука, искусство, мастерство – всё это развивается в различных странах, под различными новыми влияниями, но исходя от толчка, когда-то данного Атлантидой. Так расцветают культуры "ранней древности": майская – в Центральной Америке, египетская – в долине Нила, эгейская – на побережьях Эгейского моря и на материке Греции, малоазийских племен – в Малой Азии, те же влияния сказываются в более удаленных культурах: вавилонской – в Месопотамии, яфетидской, в горах Кавказа и на берегах озера Вана, индийской – на Деканском полуострове, может быть, и тихоокеанской. Памятуя заветы учителей, египтяне запечатлевают их учение в великих Гизехских пирамидах, поклоняются Солнцу Аммону-Ра, свято чтут загробную жизнь ("культ смерти"). Эгейцы, под тем же воздействием, строят свои купольные гробницы, аналогии пирамид, чтут бога-громовника, веруют в жизнь за гробом. Быть может, вспоминая столицу в стране своих учителей, дивный Город Золотых Ворот, критские миносы пытаются создать нечто подобное у себя на новой родине, и строят свои запутанные лабиринты. Маленькие подобия лабиринтов создают и этруски в центральной Италии, где они воздвигают также и настоящие пирамиды. Такие же пирамиды воздвигают майи в Мексике и на Юкатане. Сотни аналогий связывают между собою все другие народы, получившие толчок к развитию из Атлантиды. Вот почему по всей земле оказываются раскинуты одни и те же символы, одинаковые религиозные обряды, родственные стили художества...»

Атлантиду ищите на Марсе!

Оккультное предание не ограничивалось описаниями расцвета и гибели рабовладельческой империи, раскинувшейся на островах в Атлантическом океане.

Скотт-Эллиот сообщал, что в конце золотого века Атлантиды (при тольтеках) особое развитие получила реактивная авиация, заменившая морскую навигацию. Сторонники концепции высокого уровня развития цивилизации атлантов трактуют многочисленные свидетельства об огнедышащих, летающих с шумом и грохотом драконах и змеях, известных у греков, германцев, славян, китайцев, индейцев и других народов, как отдаленные воспоминания о реактивных кораблях Атлантиды и карательных экспедициях атлантов с применением тактики воздушного налета.

Располагая столь совершенной техникой, атланты, конечно, попытались бы избежать гибели. И действительно в трудах теософов можно встретить упоминания о том, как во время погружения Атлантиды часть высшего сословия (короли-жрецы) спаслись на реактивных кораблях, перелетев в Америку и Африку, а другая часть на космических ракетах улетела на другие планеты – на Венеру и Марс. Поскольку реактивные корабли находились в распоряжении весьма ограниченного круга лиц и, в общем, число кораблей было незначительно, на них спаслось лишь небольшое число атлантов, и все они потеряли былое могущество. Материальная часть кораблей износилась, иссякли запасы горючего, и остатки уже бесполезных кораблей были уничтожены народами, помнившими карательные экспедиции атлантов.

Иллюстрацией к этой палеофантастической концепции может служить предание о древнеегипетском боге Тоте. Оккультисты предполагали, что Тот прибыл в Египет из погибавшей Атлантиды, где занимал одно из высших мест в касте жрецов. Умирая, он якобы пожелал передать высшие знания человечеству, еще находившемуся в состоянии дикости, и изложил их в так называемых «Изумрудных таблицах» – тексте неустановленного происхождения, который якобы цитируют средневековые алхимиками.

«Таблицы» перевел с французского на русский Николай Александрович Морозов – народоволец, популяризатор науки и автор фантастических рассказов, прославившийся своим многолетним сидением в Шлиссельбургской крепости. Уже он отмечал, что текст не характерен для эпохи средневековых алхимиков и больше соответствует взглядам эзотериков-космистов XIX века. Похоже, «Изумрудные таблицы» являются актуальной фальшивкой, как и многие другие «документы», на которые обожают ссылаться последователи Блаватской и Скотт-Эллиота...

Если легенда о земных колониях атлантов встречается уже в сочинениях основоположников теософии, то интригующая идея, будто бы часть атлантов могла переселиться на Марс, появилась позднее. Первым ее изложил англичанин Фредерик Спенсер Оливер (псевдоним Филон Тибетец) в романе «Житель двух миров», вышедшем в 1894 году. В дальнейшем идея получила развитие в книгах писательницы-медиума Веры Ивановны Крыжановской, писавшей на французском под псевдонимом В. Рочестер. Так, в романе «На соседней планете» (1903) представлена теократическая утопия, построенная на Марсе по образцу монархической Атлантиды, а в романе «Смерть планеты» (1910) описан отлет «великих посвященных» из Тибета в космическое пространство на кораблях, использующих «вибрационные силы эфира».

Идея об атлантах, живущих на Марсе, едва ли имела бы шансы закрепиться в более поздней, советской, культуре, если бы не была положена в основу ряда глав фантастического романа «красного графа» Алексея Николаевича Толстого «Аэлита (Закат Марса)» (1922).

Рис.4.6. Алексей Толстой

Толстой и сам интересовался оккультизмом, а кроме того, был знаком с поэтом Валерием Брюсовым – в 1917 году они встречались в комиссариате Временного правительства по регистрации печати, разбирали «какие-то архивы» и наверняка обсуждали публикацию брюсовских «Учителей...» в «Летописи» Максима Горького. О теософском предании мог поведать Толстому и Максимилиан Волошин, увлекавшийся эзотерикой и числившийся в составе Антропософского общества.

Историю атлантов («магацитлов»), сбежавших с Земли на Марс, в романе рассказывает Аэлита – дочь марсианского самодержца:

«На земле был всеобщий мир. Силы земли, вызванные к жизни Знанием, обильно и роскошно служили людям. Сады и поля давали огромные урожаи, плодились стада, труд был легок. Народ вспоминал старые обычаи и праздники, и никто не мешал ему жить, любить, рожать, веселиться. В преданиях этот век назван золотым. <...>

Раскол между двумя путями Знания был велик. Началась борьба. В то время было сделано изумительное открытие, – найдена возможность мгновенно освобождать жизненную силу, дремлющую в семенах растений. Эта сила, – гремучая, огненно-холодная материя, – освобождаясь, устремлялась в пространство. Черные воспользовались ею для борьбы, для орудий войны. Они построили огромные летающие корабли, наводившие ужас. Дикие племена стали поклоняться этим крылатым драконам.

Белые поняли, что гибель мира близка, и стали готовиться к ней. Они отбирали среди простых людей наиболее чистых, сильных и кротких сердцем и стали выводить их на север и на восток. Они отводили им высокие, горные пастбища, где переселенцы могли жить первобытно и созерцательно.

Опасения белых подтверждались. Золотой век вырождался, в городах Атлантиды наступало пресыщение. Ничто не сдерживало более пресыщенную фантазию, жажду извращений, безумие опустошенного разума. Сила, которою овладел человек, обратилась против него. Неизбежность смерти делала людей мрачными, свирепыми, беспощадными.

И вот, настали последние дни. Начались они с большого бедствия: центральная область города Ста Золотых Ворот была потрясена подземным толчком, много земли опустилось на дно океана, морские волны отделили навсегда страну Перистого Змея.

Черные обвинили Белых в том, что силою заклинаний они расковали духов земли и огня. Народ возмутился. Черные устроили ночное избиение в городе, – более половины жителей, носивших полотняную тиару, погибло смертью, остальные бежали за пределы Атлантиды, многие ушли в Индию.

Властью в городе Ста Золотых Ворот овладели богатейшие из граждан черного ордена, называвшиеся Магацитлами, что значит "беспощадные". Они говорили: "Уничтожим человечество, потому что оно есть дурной сон разума". Чтобы во всей полноте насладиться зрелищем смерти, они объявили по всей земле праздники и игрища, раскрыли государственные сокровищницы и магазины, привезли с севера белых девушек и отдали их народу, распахнули двери храмов для всех, жаждущих противоестественных наслаждений, наполнили фонтаны вином и на площадях жарили мясо. Безумие овладело народом.

Это было в осенние дни сбора винограда.

Ночью, на озаренных кострами площадях, среди народа, исступленного вином, плясками, едой, женщинами – появились Магацитлы. Они были в высоких шлемах, в панцирных поясах, без щитов. Правою рукою они бросали бронзовые шары, разрывавшиеся холодным, разрушающим пламенем, левою рукою погружали меч в пьяных и безумных.

Оргия была прервана страшным подземным толчком. Рухнула статуя Тубала, треснули стены, повалились колонны акведука, из глубоких трещин вырвалось пламя, пеплом заволокло небо.

На утро кровавый, тусклый диск солнца осветил развалины, горящие сады, толпы измученных излишествами, сумасшедших людей, кучи трупов. Магацитлы бросились к летательным аппаратам, имеющим форму яиц, и стали покидать землю. Они улетали в звездное пространство, в родину абстрактного разума. Несколько сотен аппаратов улетело. Раздался четвертый, еще более сильный, толчок земли. С севера поднялась из пепельной мглы океанская волна, и пошла по земле, уничтожая все живое.

Началась буря, молнии падали в землю, в жилища. Хлынул ливень, летели осколки вулканических камней.

За оплотом стен великого города, с вершины уступчатой, обложенной золотом, пирамиды Магацитлы продолжали улетать сквозь океан падающей воды, из дыма и пепла в звездное пространство. Три подряд толчка раскололи землю Атлантиды. Город Золотых Ворот погрузился в кипящие волны...»

Рис.4.7. Плакат к фильму «Аэлита»

В этом описании представлена рационалистическая версия теософского предания. Толстой попытался реконструировать мир Атлантиды как реально существовавший, хотя и значительно продвинувшийся на пути постижения законов и сил природы. Его фантастика ближе к науке, чем к оккультизму. И в то же время писателю было важно использовать романтико-поэтический потенциал, заложенный в эзотерических легендах о древних цивилизациях, что он с успехом и проделал.

Рис.4.8. Инженер Лось и красноармеец Гусев прибыли на Марс (иллюстрация С.А.Пожарского к роману «Аэлита», издание 1963 года)

Окончательный отказ советской литературной атлантологии от эзотерических и оккультных элементов произошел в повести знаменитого советского фантаста Александра Романовича Беляева «Последний человек из Атлантиды» (1925). Толчком к возникновению приключенческого сюжета, положенного в основу романа, послужила заметка в «Фигаро»: «В Париже организовано общество по изучению и финансовой эксплуатации Атлантиды». Беляев описывает похожее коммерческое предприятие, отправляя хорошо оснащенную экспедицию на поиски в глубинах Атлантики артефактов, переживших гибель Атлантиды. Повесть представляет собой реконструкцию жизни и гибели Атлантиды, сделанную одним из участников гипотетической экспедиции. На самом же деле эта реконструкция прямо почерпнута из популярной книги Роже Девиня «Атлантида, исчезнувший материк». Сюжет, в свою очередь, служит обрамлением главной мысли, тоже взятой у Девиня (Беляев приводит ее в экспозиции романа): «Необходимо <...> найти священную землю, в которой спят общие предки древнейших наций Европы, Африки и Америки».

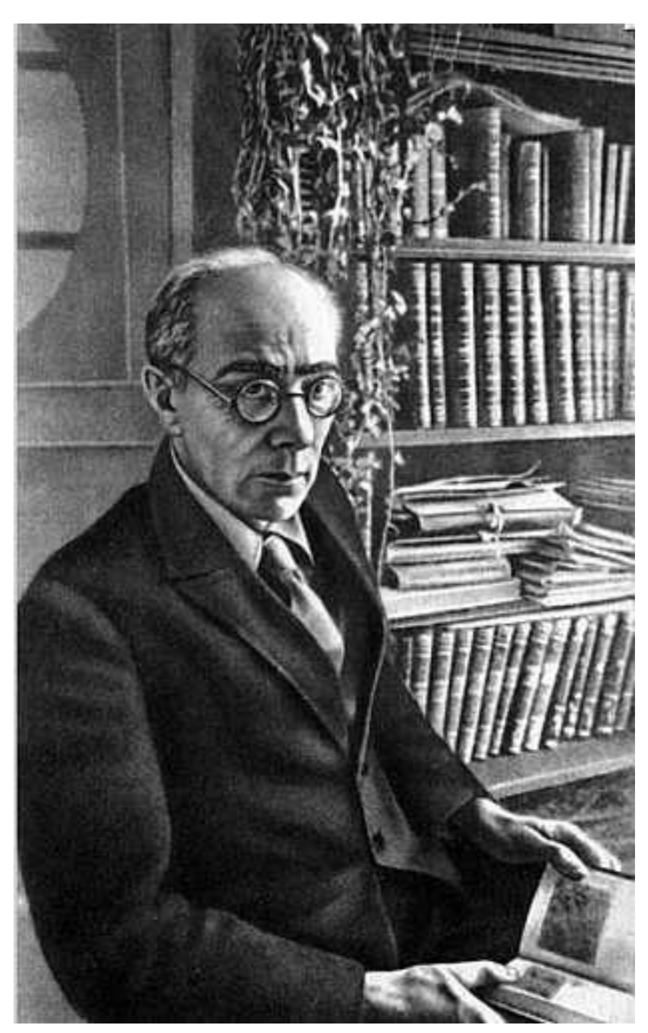


Рис.4.9. Александр Романович Беляев

Разумеется, Беляев подверг текст Девиня серьезной литературной редактуре, а некоторые малозначительные частности развертывал в полноценные образы. Например, Девинь упоминает, что на языке древних аборигенов Америки (предполагаемых потомков атлантов) Луна называлась Сель, – под пером Беляева Сель превращается в прекрасную дочь властителя Атлантиды.

Советский фантаст отказался от оккультного предания. Для Беляева важно правдоподобие, выраженное через соответствие описываемых реалий описываемой эпохе. Он воссоздает облик исчезнувшей культуры из каких-то крупиц возможной исторической правды и логических догадок. Поэтому в его романе нет ни реактивных летательных аппаратов, ни прочих вещей, которые по определению не могли возникнуть в ту эпоху.

Атлантолог Николай Жиров писал: «Мне кажется, что Беляев ввел в роман много своего, особенно – использование в качестве скульптур природы горных массивов. Этим самым он как бы предвосхитил открытие моего перуанского друга, д-ра Даниэля Русо, открывшего в Перу гигантские скульптуры, напоминающие беляевские (конечно, меньших масштабов)».

Кроме того, Беляев нашел социальную пружину сюжета, введя атлантологию в идеологическое поле марксизма и привязав эпоху атлантов к известной теории смены общественных формаций. У Девиня к веслам армады, покидающей гибнущую Атлантиду, прикованы каторжники, а у Беляева – рабы. Атлантида в его повести – сердце колоссальной

рабовладельческой империи. Через историю Атлантиды писатель показывает, как рушились такие империи. Геологический катаклизм лишь приводит в действие клубок противоречий, в центре которого – восстание рабов.

Рис.4.10. Разрушение Атлантиды (иллюстрация к роману «Последний человек из Атлантиды»)

Гибель Атлантиды описана с большим драматизмом, но, по мысли Беляева, это еще не конец атлантической культуры. Наоборот, развивая идею Донелли-Брюсова, писатель говорит о преемственности: великие цивилизации Средиземноморья и Южной Америки многое почерпнули из мудрости самых образованных атлантов. Он приводит читателя к суровым берегам Старого Света – туда прибило полуразрушенный корабль с уцелевшим мастером. Странный пришелец рассказал белокурым северянам «чудесные истории о Золотом веке, когда люди жили <...> не зная забот и нужды <...> о Золотых Садах с золотыми яблоками». Люди сберегли переданное знание, а приблудный атлант «завоевал своими знаниями их глубокое уважение <...> он научил их обрабатывать землю <...> он научил их добывать огонь». Оказывается, библейский миф о божественном происхождении разума может быть объяснен очень рационально. Огонь знания кружил по свету, то замирая, то разгораясь, медленно поднимая человека над природой...

Таким образом, Беляев вместо палеофантастической концепции Атлантиды предложил научно-археологическую, определив черты советской атлантологии на десятилетия вперед.

Сталинская атлантология

Известно, что гитлеровцы всерьез верили, будто бы высокая арийская культура ведет свое происхождение из Атлантиды. В Третьем рейхе даже готовилась экспедиция в Южную Америку, в древний город Тиахунако, в котором немецкие оккультисты предполагали отыскать доказательства этнической связи между атлантами и арийцами.

Советская атлантология в эпоху Сталина подобными вещами не занималась, увлекшись чистым теоретизированием. Разумеется, в качестве отдельной научной дисциплины она существовать не могла, а потому оставалась предметом увлечений определенных ученых: археологов, геологов и океанологов. При этом предание об Атлантиде рассматривалось как правдивое свидетельство существования в глубоком прошлом большого острова, на котором проживала некая примитивная цивилизация, погрязшая в рабовладении.

Первым советским ученым, ясно заявившим о реальности былого существования Атлантиды, был геолог Мушкетов. В книге «Региональная геотектоника» (1935) он подытоживал: «Таким образом, весь Атлантический океан является элементом весьма недавнего опускания, обрушения. Эта идея известна еще с весьма древних времен и выражена в известном мифе о погибшей Атлантиде».

Другой известный советский геолог Мазарович в монографии «Основы региональной геологии материков» (1952) писал: «Примечательна также древнегреческая легенда о погибшем государстве Атлантиде, располагавшемся где-то к западу от Гибралтарского пролива. Вероятнее всего, это было окончательное погружение, может быть, когда-то обширной суши, созданной верхнемеловой складчатостью».

Аналогичного взгляда придерживалась также и известный советский геолог моря профессор Кленова: «Значительного размера континентальная глыба, погрузившаяся под уровень океана, находится в районе островов Канарских, Азорских и островов Зеленого Мыса. В ней видят ту Атлантиду, о катастрофическом погружении которой известно из древнегреческих источников» («Геология моря», 1942).

Известнейший советский геолог и географ, академик Владимир Афанасьевич Обручев был убежденным сторонником представления о реальности Атлантиды. В 1947 году, разбирая возможность геологических катастроф, он писал: «Легенда правдоподобна, потому что острова восточной части Атлантического океана все вулканические, и в пользу прежнего существования большой суши между Европой и Америкой говорят некоторые геологические и зоологические данные».

Несколько лет спустя, в 1954 году, академик Обручев опять возвращается к теме Атлантиды в своей статье «Загадка Сибирского Заполярья»: «Погружение под уровень океана значительной площади суши, происшедшее 10—12 тысяч лет тому назад (т. е. в 8—10 тысячелетии до нашей эры), уже не может удивлять геологов и географов, возбуждать их недоверие или резкое отрицание. Поэтому сказание об Атлантиде, гибели большого государства, населенного культурным воинственным народом, вовсе не является чем-то необычайным, невозможным, недопустимым с геологической точки зрения. Погружение Атлантиды, может быть, не такое внезапное и быстрое, как изложил греческий философ Платон в древнегреческом предании, а продолжавшееся несколько недель или даже месяцев, или лет, с точки зрения неотектоники вполне возможно, а его последствия в виде сокращения и затухания оледенения северного полушария совершенно допустимы, закономерны, неизбежны. Современное оледенение южного полушария не противоречит предположению, что оледенение северного полушария было прервано и прекращено благодаря тому, что теплые воды Гольфстрима получили доступ в область Северного Ледовитого океана в связи с погружением Атлантиды».

Атлантология стала частью советской геологии, отказавшись от эзотерических мотивов, содержащихся в старинной легенде. Произошло это, благодаря творчеству Брюсова, Толстого

и Беляева — талантливые писатели ввели ее в поле научного обсуждения, но при этом само предание так и осталось фантастикой. За рамками дискуссии каким-то образом осталась самая первая (ее высказал еще Аристотель) и, похоже, самая достоверная гипотеза: Платон придумал Атлантиду, чтобы проиллюстрировать некоторые свои мысли по поводу государственного устройства, и его современникам это было вполне очевидно.

Легенда о Гиперборее

Атлантида – далеко не единственный мифический континент, легендами о которых подпитываются всевозможные палеофантастические и оккультные теории. Можно вспомнить Лемурию и Му, Туле и Гиперборею. Для российских эзотериков особое значение всегда имела Гиперборея – ее часто называют «Северной Атлантидой» или даже «русской Атлантидой».

Само слово «гиперборейцы» означает «те, кто живет за Бореем (Северным ветром)», или просто – «те, кто живет на Севере». О гиперборейцах сообщали многие античные авторы. Когда читаешь о Гиперборее в трудах одного из самых известных ученых Древнего мира – Плиния Старшего, то можно подумать, что речь идет о реально существующей стране у полярного круга:

«За этими [Рипейскими горами — А.П.], по ту сторону Аквилона, счастливый народ (если можно этому верить), который называется гиперборейцами, достигает весьма преклонных лет и прославлен чудесными легендами. Верят, что там находятся петли мира и крайние пределы обращения светил, Солнце светит там в течение полугода, и это только один день, когда солнце не скрывается (как то думали бы несведущие) от весеннего равноденствия до осеннего; светила там восходят только однажды в год при летнем солнцестоянии; а заходят только при зимнем. Страна эта находится вся на солнце, с благодатным климатом и лишена всякого вредного ветра. Домами для этих жителей являются рощи, леса; культ богов справляется отдельными людьми и всем обществом; там неизвестны раздоры и всякие болезни. Смерть приходит там только от пресыщения жизнью. После вкушения пищи и легких наслаждений старости с какой-нибудь скалы они бросаются в море. Это – самый счастливый род погребения. Некоторые помещают гиперборейцев не в Европе, но в передней части Азиатского побережья, поскольку там есть народ аттакоров, подобный им по своим обычаям и местоположению. Другие помещают их между двумя солнцами – между заходом солнца у антиподов и восходом солнца у нас; но этого никоим образом не может быть, поскольку их разделяет огромное море. Те, которые помещают их ни в каком другом месте, кроме как там, где солнце светит шесть месяцев, говорят, что они сеют утром, в полдень жнут, с заходом солнца собирают урожай с деревьев. ночью же, говорят, они скрываются в пещерах. Нельзя сомневаться в существовании этого народа».

Современные исследователи тем не менее в этом сомневаются, указывая, что легенда о Гиперборее и гиперборейцах образовалась из мифа об Аполлоне, а следовательно, можно говорить только о некоей воображаемой стране, «где всё устроено лучше и правильнее, чем у нас».

На тот факт, что античная Гиперборея была, скорее, вымыслом и своеобразной утопией, указывает и наличие огромного количества совершенно фантастических подробностей. Тимаген рассказывал, что в Гиперборее идет дождь медными каплями, которые собираются и используются в качестве монет. Гекатей сообщает, что Луна в Гиперборее отстоит совсем на небольшом расстоянии от Земли и на ней даже заметны некоторые выступы Земли. Сатирик Лукиан добавляет к уже сложившейся картинке несколько потрясающих воображение штрихов:

«Я считал совершенно невозможным верить им, и однако, как только впервые увидал летающего иностранца, варвара, – он называл себя гиперборейцем – я поверил и оказался побежденным, хотя долго противодействовал.

И что, в самом деле, оставалось мне делать, когда на моих глазах днем человек носился при мне по воздуху, ступал по воде и медленным шагом проходил сквозь огонь? – Ты видел это? – спросил я, – видел летающего и стоящего на воде гиперборейца? – Еще бы, – ответил Клеодем, – гипербореец имел даже обычную кожаную обувь. О мелочах, которые он показывал, говорить не стоит, – как он напускал любовные желания, призывал духов, вызывал давно похороненных покойников, делал видимой даже Гекату и низводил с неба Луну».

Полеты гиперборейцев довольно часто встречаются в материалах, которые связывают с легендой о стране Аполлона. Это позволило современным палеофантастам сделать вывод, что народ Гипербореи как минимум обладал авиационными технологиями. Почему-то эти деятели не оставляют древним грекам (а особенно сатирику Лукиану!) права на вымысел и забывают, что эллинская мифология прямо-таки кишит летающими существами, которые обходятся без всяких технологий.

Многочисленные попытки ученых локализовать Гиперборею на географической карте привели к тому, что стало ясно: страна Аполлона вовсе не имела какого-нибудь определенного местоположения. Она мыслилась в самых разнообразных местностях из известных тогда стран. И самим греческим писателям была отнюдь не чужда мысль о полной географической неопределенности представления о гиперборейцах. Так, Страбон говорит, что греческие географы «называли гиперборейцами, савроматами и аримаспами всех живших выше Эвксинского Понта, Истра и Адриатического моря». Гипербореей называли и Македонию, и Италийские Альпы, и территорию «между Пиренеями и Альпами» (нынешняя Франция или ее север), и так далее и тому подобное.

Точку в мифической истории Гипербореи поставил советский профессор Александр Лосев. В своем фундаментальном труде «Античная мифология в ее развитии» (1957) он показал, что само этимологическое толкование греческого слова «гиперборейцы» как «живущие за Бореем», (то есть «живущие на севере»), скорее всего, ошибочно. Он обращает внимание на то, что в календаре Крита имелся седьмой месяц «гипер-берет», а в календаре Македонии и Пергама – последний месяц «гипер-беретей». Это летние или позднеосенние месяцы, связанные с жатвой и культом Аполлона. С точки зрения македонского языка, «гипер-беретей» вполне тождественен с «гиперферей». А это последнее слово близко к «перферей» – служитель Аполлона. Следовательно, «гиперборейцы» – не что иное, как «служители» Аполлона, его жречество.

В то же время географическая неопределенность и невероятные подробности из жизни «северного народа» оставляют широчайшее поле для безудержного фантазирования. Потому не приходится удивляться, когда палеофантасты начинают сооружать собственные (и довольно громоздкие) конструкции на основании тех скудных сведений, которые остались нам в наследство от античных авторов с их мифологизированным сознанием.

Возрождение легенды о Гиперборее пришлось на XIX век. Французский астроном Байи (он был мэром Парижа, а затем его казнили на гильотине во времена Революции) полагал, что перед ледниковым периодом Шпицберген населяли могущественные атланты, согнанные со своей земли наступившими холодами.

Блаватская называла Гипербореей доисторическую страну, «которая простерла свои мысы в южном и западном направлении от Северного Полюса, чтобы принять Вторую Расу, и вмещавшая всё, что известно сейчас как Северная Азия».

Поздний классик эзотерической мысли Рене Генон в своей знаменитой книге «Король Мира» пишет о Гиперборее следующее: «Речь всегда идет об одном регионе, который, подобно земному раю, стал недоступен обычным людям и который расположен в месте, недостижимом для катаклизмов, сотрясающих человеческий мир в конце некоторых циклических периодов. Это настоящая "страна на краю света"; впрочем, некоторые

ведические и авестийские тексты говорят о том, что ее положение было попросту полярным, даже в буквальном смысле слова, и, как бы ни определялось ее местоположение в течение разных фаз истории земного человечества, она всегда оставалась полярной и в символическом смысле, поскольку в сущности представляет собой неподвижную ось, вокруг которой совершались вращения всех вещей».

Доисторические цивилизации де Альвейдра

Веру в северный континент, на территориях которого обитала высокоразвитая цивилизация древности, разделял маркиз Сент-Ив де Альвейдр. В историю он вошел как автор мистических трактатов, в заглавие которых непременно входило слово «миссия»: «Миссия Европы», «Миссия Индии», «Миссия рабочих» и так далее.

Де Альвейдр имел обширные контакты с представителями европейских и восточных эзотерических обществ, откуда и почерпнул многие аспекты своей доктрины. Суть этой доктрины такова.

Изначальное правление на Земле осуществляла Черная раса. Она имела своим центром южные регионы, а северные земли, населенные Белой расой, были оккупированы Черными господами, обратившими всех Белых в рабство. Конец эре Черной расы положил ариец Рам, появившийся в землях Севера около 8—6 тысяч лет до нашей эры.

Именно с прихода Рама начинается собственно интересующая Сент-Ива де Альвейдра тайная история человечества. Божественный Рам основал гигантскую теократическую Империю Овна («Рам» на древнем сакральном языке означало «Овен»), в которую входили все прежние сакральные центры.

Рам устроил систему управления Империей по трехчастному образцу, в соответствии с сакральной и основополагающей идеей Троичности. На три части делилась также Великая Священная Коллегия, высший орган власти Империи, имевший свои аналоги и подобия в различных имперских владениях. Высший уровень коллегии – Пророческий, чисто Метафизический и Трансцендентальный. Это уровень непосредственной Божественности, Короля Мира, прообразом которого был сам белый аватара Рам. Второй уровень – Жреческий, Солнечный, Мужской. Это – сфера Бытия, Света. Этот уровень служит восприемником невидимых влияний Пророческого плана и их адаптаций к низшим планам Проявленного мира. Он относится ко Второй Ипостаси Троицы, к Сыну. И наконец, третий уровень Коллегии – Царский – это сфера Луны, так как земные Цари служат восприемниками жреческого Света и устроителями общественного порядка. Он соответствует Третьей Троической Ипостаси – Святому Духу.

Де Альвейдр назвал такую структуру синархией, то есть «совместным правлением», что подчеркивает синтетическое объединение трех функций – Пророческой, Жреческой и Царской – в вопросах имперского устройства. Именно Синархия являлась для де Альвейдра сакральным, духовным, традиционным, религиозным и политическим идеалом, который необходимо реализовать, несмотря на все внешние обстоятельства, так как в синархии запечатлена в ее чистейшем виде абсолютная Воля Провидения, не зависящая от исторической конкретики.

Через несколько веков после отставки Рама в Индии произошла политическая катастрофа, послужившая деструктивным импульсом для всего устройства Империи. Это было восстание принца Иршу. Принц не только преследовал цели захвата власти, но и совершил религиозную революцию – «первореволюцию», ставшую прототипом всех последующих исторических революций. Символами восстания стали Красный Цвет, Бык, Красная Голубка и Лунный Серп. В Индии Иршу и его сторонники потерпели поражение, но волна революции прокатилась по материкам, уничтожив древнюю цивилизацию.

Вся человеческая история после восстания Иршу рассматривается де Альвейдром как противостояние двух религиозно-политических парадигм: синархии и анархии. Анархические

тенденции выступают не только и не столько как самостоятельные религии или государственные идеологии, сколько как элементы социально-религиозных структур, способных в зависимости от обстоятельств либо выходить на поверхность и декларировать Анархию, либо скрыто подтачивать устои Синархического правления через культы Матери Земли.

Так, христианская цивилизация, восстановившая в определенных аспектах Империю Рама не только духовно, но и географически (показательно, что огромную роль в этом де Альвейдр отводил Русскому Православию и вообще славянам – сам он был женат на русской аристократке) была подвергнута внутреннему и внешнему воздействию «неоиршуистов», что окончательно проявилось во Французской Революции, в Красном Знамени, в материализме и социализме, в дехристианизации Запада. Последними осколками Империи Рама де Альвейдр считал католическую Австро-Венгрию и православную Россию...

Некоторые из идей Сент-Ива де Альвейдра использовались при создании идеологии Третьего рейха. Кроме того, зерна его умозрительной теории дали всходы сначала в царской, а затем и в Советской России.

Русские оккультисты проявляли определенный интерес к работам маркиза и, насколько можно судить, поддерживали связь с ним через его русскую жену графиню Келлер и ее сына графа Александра Келлера. Благодаря их усилиям в 1915 году был опубликован русский перевод «Миссии Индии».

С учением о синархии имели возможность познакомиться в годы эмиграции и лидеры русской левой социал-демократии. Российский конспиролог Александр Дугин, изучавший творчество де Альвейдра, даже высказывает любопытное предположение о заимствовании большевиками у Сент-Ива термина «Советы» (le Conseil), входящего в название трех высших институтов власти в Империи Рама. Уже в наше время другой его ключевой термин – «Социальное Государство» (1'Eiat Social) – неожиданно появился в новой Конституции Российской Федерации (статья 7), хотя в этом случае, конечно же, едва ли можно говорить о каком-либо сознательном заимствовании...

Древняя Наука Александра Барченко

После Октябрьской революции главным проводником идей Сент-Ива де Альвейдра в России выступил ученый с оккультными наклонностями Александр Барченко.

— Но вѣдь вы сами нѣсколько минутъ тому назадъ сказали, чѣмъ вызванъ этотъ трепетъ. Почтовыя сумки и бараны. Причины очень уважительныя для испанскихъ мужиковъ, но слишкомъ мало говорящія королю французскому...

— Ну, не скажите,—баранья лопатка и бѣлоа вино были не безразличны Генриху, по крайней мѣрѣ, когда онъ еще жилъ въ Наваррѣ...

— Не въ этомъ дѣло... Сопротивленье Лиги кончилось, она разбита; Испанія, лишенная поддержки, не въ состояніи вести продолжительной войны; черезъ мѣсяцъ, а, можетъ быть, и черезъ недѣлю миръ будетъ заключенъ... Но до того я, во что бы то ни стало, долженъ достичь своей завѣтной цѣли. И я хочу...

— Пройти въ Эскуаріалъ,—иронически подхваталъ д'Антрагъ,—плѣнить несчастнаго Филиппа и привести его въ Парижъ... Не много ли?

— Да, это много,—невозмутимо согласился съ нимъ донъ Пабло.—Я хочу только взять Сарагоссу, а это гораздо меньше.

Гасконецъ мгновенно вскочилъ на ноги.

— Послушайте,—воскликнулъ онъ, глядя на своего собесѣдника широко-раскрытыми глазами.—Вы это серьезно говорите...

— Какъ нельзя болѣе. Если хотите, повторю.

— Благодарю васъ,—подпрыгивать выше у меня нѣтъ желанія. Будьте только добры отвѣтить мнѣ на одинъ вопросъ: сколько человѣкъ у васъ?

— Сорокъ девять, считая и насъ обоихъ.

— Но не сорокъ девять тысячъ и даже не четыре тысячи девятьсотъ, не такъ ли?

— Къ счастью для насъ, что это такъ. Всякая армія разбилась бы у этихъ стѣнъ.

— А мы?

— Мы вступимъ въ Сарагоссу.. И если хотите, я объясню, какимъ путемъ. У меня эта мысль явилась, когда мы встрѣтились съ тѣмъ толстенькимъ монахомъ, помните? Такъ вотъ, судя по возрасту, онъ, вѣроятно, самый обыкновенный инокъ, а между тѣмъ по объе.у онъ равенъ обоимъ намъ; слѣдовательно. въ монастырѣ у нихъ не особенно заботятся объ умерщвленьи плоти. Вещественныя доказательства этого печальнаго явленія, въ видѣ остатковъ коровьихъ и бараньихъ тушъ, препровождаются, конечно, въ Эбро. Но какъ? За монастырскую ограду ихъ вывозить не станутъ, во избѣжаніе огласки... Значитъ—въ самой обители есть какой-нибудь каналъ, всего вѣроятнѣе, подземный, который соединяется съ рѣкой. Дѣлать его слишкомъ узкимъ преподобные отцы не стали бы, чтобы избѣжать возможныхъ засореній, и потому я полагаю, что мы въ него проникнемъ безъ труда .

— Прекрасно, мы проберемся въ монастырь. Но что же дальше?..

— Прежде всего лишимъ монаховъ возможности намъ повредить, для чего устроимъ ихъ въ какомъ-нибудь надежномъ мѣстѣ, а сами постараемся не возбуждать лишнихъ подозрѣній и удержать монастырь въ своихъ рукахъ, пока къ намъ, тѣмъ же путемъ не подоспѣютъ остальные... Когда же насъ окажется не пятьдесятъ, а триста человѣкъ, и притомъ за городскими стѣнами, то, полагаю, вы не найдете Сарагоссы слишкомъ неприступной..

(До слѣд. №-ра).

Рис. 3. а и b — мѣдныя пластинки; с — мѣдная раковина; d—алюминій; е—шелковые ободки.

ПЕРЕДАЧА МЫСЛЕЙ НА РАЗСТОЯНІЕ.

Опыты съ „мозговыми лучами".

Очеркъ А. Барченко.

II.

Двигательные нервные пути, несущіе мышцамъ „приказанія" отъ головного мозга, перекрещиваются—одни, проникая въ продолговатый мозгъ, другіе — въ сѣромъ веществѣ спинного мозга.

Результатомъ этого является то, что центры, вѣдающіе движеніе правой половины тѣла, сидятъ въ лѣвомъ полушаріи, а лѣвой — въ правомъ.—Заставьте испытуемаго двигать правой ногой, и пробирка-экранъ вспыхнетъ ярче, будучи поднесена къ лѣвой сторонѣ головы (рис. 2). Предложите испытуемому вдуматься хорошенько въ смыслъ какого-либо слова. Пробирка усилитъ свѣченіе у лѣваго виска (тотъ же рисунокъ), такъ какъ работаетъ, а, стало-быть и излучаетъ N, „центръ запоминанія смысла словъ", сидящій въ 1-й височной лѣвой извилинѣ (рис. 3 а). Заставьте говорить какъ можно громче, и пробирку придется передвинуть ближе ко лбу, такъ какъ „центръ запоминанія движеній, необходимыхъ для процесса рѣчи", лежитъ у основанія третьей лобной извилины (рис. 3 в).

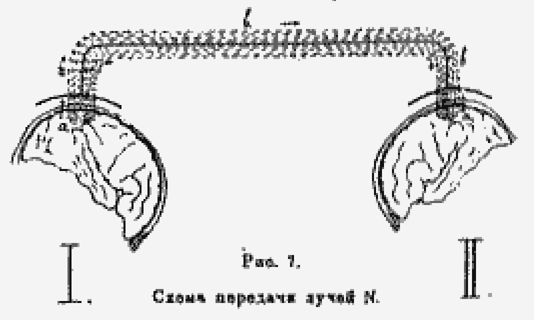


Рис. 7.

Схема передачи лучей N.

Рис.4.11. Очерк Александра Барченко «Передача мыслей на расстояние»

Александр Васильевич Барченко родился в 1881 году в городе Елец (Орловская губерния) в семье нотариуса окружного суда. Предметом его увлечений с ранней юности стали оккультизм, астрология, хиромантия. В те далекие времена граница между оккультизмом и естественно-научными дисциплинами была еще в достаточной степени размыта, поэтому для углубления своих знаний Александр решил заняться медициной, отдавая предпочтение изучению паранормальных человеческих способностей – феноменам телепатии и гипноза.

В 1904 году Барченко поступает на медицинский факультет Казанского университета, а в 1905 году – переводится в Юрьевский университет.

Особую роль в дальнейшей судьбе Барченко сыграло знакомство с профессором римского права Кривцовым, преподававшим на кафедре Юрьевского университета. Профессор Кривцов рассказал новому другу о своих встречах в Париже с известным мистиком Сент-Ивом де Альвейдром.

Рис.4.12. Маркиз Сент-Ив де Альвейдр

Сам Барченко впоследствии поведает об этом следователю НКВД в таких словах:

«Рассказ Кривцова явился первым толчком, направившим мое мышление на путь исканий, наполнивших в дальнейшем всю мою жизнь. Предполагая возможность сохранения в той или иной форме остатков этой доисторической науки, я занимался изучением древней истории, культуры, мистических учений и постепенно ушел в мистику. Увлечение мистикой доходило до того, что в 1909—1911 годах, начитавшись пособий, я занимался хиромантией – гадал по рукам».

Под воздействием откровений Кривцова и им же «благословленный» Барченко приступает к изучению паранормальных способностей человека. Но перед тем ему довелось немало постранствовать по свету. В качестве «туриста, рабочего и матроса» Барченко объехал, по его собственным словам, «большую часть России и некоторые места за границей». Одной из таких стран была Индия, будоражившая в то время воображение многих молодых европейцев.

С 1911 года Александр начинает публиковать результаты своих изысканий, время от времени (а тогда в среде ученых это было принято) перемежая чисто теоретические статьи художественными произведениями на сходную тему. Его рассказы появляются на страницах таких уважаемых журналов, как «Мир приключений», «Жизнь для всех», «Русский паломник», «Природа и люди», «Исторический журнал». Интересно, что именно беллетристика была для Барченко основным средством существования в те годы.

Рис.4.13. Александр Барченко (1922 год)

Круг интересов Барченко был необычайно широк и охватывал все стороны естествознания как совокупности наук о природе. Есть, однако, одна тема, которой молодой естествоиспытатель уделял особое внимание, – это разнообразные виды «лучистой энергии», оказывающие влияние на жизнь человека.

Свое понимание «энергетической проблемы» Барченко изложил в очерке «Душа Природы», опубликованном в 1911 году. Начинался он с рассказа о роли солнечного светила – источника жизни на Земле, а возможно, также и на других планетах, например, на Марсе. Далее Барченко сообщал своим читателям о присутствии растительности на Красной планете, о выпадении и таянии там снегов и, конечно же, о загадочных марсианских каналах. Всё это позволяло ему высказать предположение, что на Марсе обитают «существа, по разуму не только не уступающие людям, но, вероятно, далеко их превосходящие».

Столь же уверенно говорил он и о существовании эфира – «тончайшей, наполняющей вселенную среде». В то же время процессы, идущие в недрах Солнца – «этой ослепительной Душе природы, – чудовищные взрывы и вихри, тотчас отражаются на электромагнитном состоянии земли. Стрелки магнитных приборов мечутся, как безумные, вспыхивают северные сияния <...> Доходит до того, что телеграфы отказываются работать и трамваи двигаться <...> Кто знает, – восклицает далее Барченко, – не установит ли когда-нибудь наука связи между такими колебаниями (напряжения солнечной деятельности) и крупными событиями

общественной жизни?» Фактически молодой энтузиаст предугадал скорое пришествие гелиобиологии.

В статье Барченко рассматривались и другие виды «лучистой энергии»: свет, звук, теплота, электричество. Немалое место в статье отводилось и рассказу об открытых французом Блондло «N-лучах» как особой разновидности психофизической энергии, излучаемой человеческим мозгом. Исследования французских ученых Шарпантье и Андрэ показали, что практически любая мозговая деятельность человека сопровождается обильным излучением. Загадочные «мозговые лучи» интересовали науку прежде всего потому, что они, как считалось, имеют непосредственное отношение к проблеме передачи мысли на расстояние. Хорошо знакомый с работами на эту тему, Барченко поставил собственные эксперименты, несколько усовершенствовав «способ исследования».

Методика экспериментов была следующая: два наголо обритых добровольца надевали на голову алюминиевые шлемы оригинальной конструкции, разработанной самим Барченко. Шлемы участников опыта соединялись медной проволокой. Перед испытуемыми устанавливались два овальных матовых экрана, на которых им предлагалось сосредоточиться. Один из участников был «передающим», другой – «принимающим». В качестве теста предлагались слова или изображения. По сообщению Барченко, в случае с изображениями положительный результат угадывания был близок к 100 процентам, а в случае со словами фиксировалось много ошибок. Частота ошибок увеличивалась, если использовались слова с шипящими или глухими буквами.

Доложив о результатах, Барченко, однако, дал читателю понять, что было бы неверным считать N-лучи «исключительным двигателем мысли» – «смотреть на „N‟, как на самые мысли, нельзя, но нельзя также отрицать их тесной связи с последними».

В конце статьи, размышляя над важностью открытий в области «лучистой энергии», Барченко неожиданно возвращается к вдохновлявшей его идее о том, что древнему миру, возможно, были известны многие тайны природы, еще не познанные современным человеком.

«Существует предание, – пишет он, – что человечество уже переживало сотни тысяч лет назад степень культуры не ниже нашей. Остатки этой культуры передаются из поколения в поколение тайными обществами. Алхимия – химия угасшей культуры».

Позже появляются и другие очерки Александра Барченко, озаглавленные еще более красноречиво: «Загадки жизни», «Передача мысли на расстоянии», «Опыты с мозговыми лучами», «Гипноз животных» и так далее. Параллельно Барченко публикует и два мистических романа, связанных общей сюжетной канвой: «Доктор Черный» и «Из мрака». Оба эти произведения изобиловали автобиографическими реминисценциями и по сути отражали теософско-буддийское мировоззрение.

Изыскания молодого естествоиспытателя были прерваны Первой мировой войной. Однако после ранения и демобилизации в 1915 году он продолжил работу. Теперь Барченко собирал материалы, штудировал первоисточники, по которым впоследствии составил законченный курс «История древнейшего естествознания», послуживший основой для его многочисленных лекций на частных курсах преподавателей в Физическом институте Соляного городка в Санкт-Петербурге.

Революционная буря вырвала Барченко из привычного круга забот, перевернула всю его жизнь. Первый шок от октябрьских событий, испытанный Александром Васильевичем, однако, вскоре прошел, и он начал рассматривать революцию в более позитивном свете – как «некоторую возможность для осуществления христианских идеалов» в противоположность «идеалам классовой борьбы и диктатуры пролетариата». Эту свою позицию Барченко определил как «христианский пацифизм», заключающий в себе идеи «невмешательства в

политическую борьбу и разрешения социальных вопросов индивидуальной нравственной переделкой себя».

В конце 1917 и в начале 1918 годов Барченко часто посещал различные эзотерические кружки, продолжавшие регулярно собираться в Петрограде, несмотря на хаос революционного времени. Позднее он называл три таких кружка: известной теософки и мартинистки Данзас, доктора Бобровского и общество «Сфинкс». Их посетители, собравшись за плотно закрытыми дверьми, горячо обсуждали как религиозно-философские вопросы, так и актуальные политические темы. В целом в кружках царила резко антибольшевистская атмосфера. Однажды в «Сфинксе» Барченко пришлось вступить в полемику с критиками революции, однако его «христианско-пацифистское выступление» не встретило понимания у присутствующих.

В поисках заработка Барченко был вынужден читать лекции на судах Балтфлота. Оказалось, что конспирологическая концепция французского эзотерика вполне позволяет заработать на хлеб насущный.

«Золотой век, то есть Великая Всемирная Федерация народов, построенная на основе чистого идейного коммунизма, господствовала некогда на всей Земле, – поучал моряков Барченко. – И господство ее насчитывало около 144 000 лет. Около 9000 лет тому назад, считая по нашей эре, в Азии, в границах современного Афганистана, Тибета и Индии, была попытка восстановить эту федерацию в прежнем объеме. Это та эпоха, которая известна в легендах под именем похода Рамы...»

Лекции пользовались популярностью, и вскоре на Александра Васильевича обратили внимание чекисты. В секретных оперативных сводках, составляемых сотрудниками ВЧК, фамилия Барченко появляется уже в 1918—1919 годах:

«Барченко А. В. – профессор, занимается изысканиями в области древней науки, поддерживает связь с членами масонской ложи, со специалистами по развитию науки в Тибете, на провокационные вопросы с целью выяснения мнения Барченко о Советском государстве Барченко вел себя лояльно».

Больше того, в октябре 1918 года Барченко вызвали в Петроградскую ЧК. Дело происходило во время одного из пиков красного террора и поэтому такой вызов не сулил, мягко говоря, ничего хорошего. В кабинете, куда пригласили Барченко, присутствовали несколько чекистов: Александр Рикс, Эдуард Отто, Федор Лейсмер-Шварц и Константин Владимиров. С последним Барченко был уже знаком. Его Александру Васильевичу в свое время представил профессор Петербургского университета Лев Красавин, охарактеризовав, как неофита, страстно жаждущего приобщиться к таинствам древнего Востока.

Четверо чекистов сообщили Александру Барченко, что на него поступил донос. В этой «бумаге» осведомитель сообщал об «антисоветских разговорах» Барченко. К удивлению Александра Васильевича, чекисты вместо того, чтобы взять его «в оборот», заявили о своем недоверии доносу. Больше того, они просили разрешения Барченко посещать его лекции по мистицизму и древним наукам. Разумеется, тот легко дал согласие и после этого неоднократно видел сотрудников ВЧК на своих выступлениях...

В 1919 году Александр Васильевич завершил высшее образование, окончив Высшие одногодичные курсы по естественно-географическому отделению при 2-м Педагогическом институте. По геологии и основам кристаллографии он держал в свое время экзамен в Военно-медицинской академии и получил оценку «отлично».

Экспедиция Александра Барченко

В 1920 году Барченко был приглашен выступить с научным докладом «Дух древних учений в поле зрения современного естествознания» на конференции Петроградского Института изучения мозга и психической деятельности (Институт мозга). Там судьба свела

его с еще одним замечательным и талантливейшим человеком, академиком Владимиром Михайловичем Бехтеревым.

Академик Бехтерев и Александр Барченко не могли не сойтись. С 1918 года Институт мозга под руководством академика занимался поиском научного объяснения феноменов телепатии, телекинетики, гипноза. Сам Бехтерев провел серию работ по изучению телепатии в опытах на человеке и животных. Наряду с клиническими исследованиями в Институте мозга проходили «обкатку» методы электрофизиологии, нейрохимии, биофизики, физической химии.

В Институте мозга Александр Васильевич работал над созданием нового универсального учения о ритме, одинаково применимом как к космологии, космогонии, геологии, минералогии, кристаллографии – так и к явлениям общественной жизни. Позднее он назовет свое открытие «синтетическим методом, основанным на древней науке». В сжатом виде это учение будет изложено в его книге «Дюнхор».

30 января 1920 года на заседании Ученой конференции института, по представлению академика Бехтерева, Александр Барченко был избран членом Ученой конференции «на Мурмане» и командирован в Лапландию для исследования загадочного заболевания «мерячение», наиболее часто проявляющегося у районе Ловозера.

Ловозеро расположено в самом центре Кольского полуострова и тянется с севера на юг. Вокруг – тундра, заболоченная тайга, местами – сопки. Зимой тут властвует глухая и ледяная полярная ночь. Летом не заходит солнце. Жизнь теплится лишь в маленьких поселках и стойбищах, в которых живут лопари. Они промышляют рыбалкой и пасут оленей.

Именно здесь, в этом вымороженном пустынном краю, распространено необычное заболевание, называемое мерячением (или арктической истерией). Им болеют не только туземцы, но и пришлые. Это специфическое состояние похоже на массовый психоз, обычно проявляющийся во времена справления шаманских обрядов, но иногда способное возникать и совершенно спонтанно. Пораженные мерячением люди начинают повторять движения друг друга, безоговорочно выполняют любые команды.

В конце XIX и в начале XX веков на крайнем севере России и в Сибири состояние мерячения охватывало довольно большие группы населения. В связи с этим даже был введен термин «психическая зараза».

В 1870 году сотник Нижне-Колымского казачьего отряда так писал местному врачу: «Болеют какою-то странною болезнью в Нижне-Колымской части до 70 человек. Это их бедственное страдание бывает более к ночи, некоторые с напевом разных языков, неудобопонятных; вот как я каждодневно вижу 5 братьев Чертковых и сестру их с 9 часов вечера до полуночи и далее; если один запел, то все запевают разными юкагирскими, ламутскими и якутскими языками, так что один другого не знает; за ними их домашние имеют большой присмотр» .

А вот как описывает типичный припадок у женщины-якутки один из исследователей этого явления Мицкевич: «Сознание делается спутанным, появляются устрашающие галлюцинации: больная видит черта, страшного человека или что-нибудь подобное; начинает кричать, петь, ритмично биться головой об стену или мотать ею из стороны в сторону, рвать на себе волосы».

Мерячение может продолжаться от одного-двух часов до целого дня или ночи и повторяться в течение нескольких дней. Якуты обычно объясняют припадки порчей или вселением в тело злого духа («мэнэрика») и потому говорят в таких случаях: «бес мучает». По информации Мицкевича, про «мэнэряков» ходят среди населения разные рассказы, например, что они могут себя прокалывать насквозь ножами и это не оставляет следов, могут плавать, не умея плавать в обычном состоянии, петь на незнакомом языке, предсказывать будущее и так далее. Одержимый «духом» во многом подобен шаману и обладает силой и

способностями шамана, что, несомненно, роднит мерячение и шаманство. Различие между ними состоит лишь в том, что «мэнэрик» вселяется в больного против его воли, а шаман вызывает «духа» по собственному желанию и может повелевать им.

Русские ученые, в том числе Владимир Бехтерев, обратили на мерячение внимание еще в конце XIX века. Появлявшиеся время от времени публикации о «странной болезни», возможно, были известны и Барченко. Во всяком случае он без колебаний принял заманчивое предложение Бехтерева.

Барченко пробыл на Севере около двух лет. Работал на биостанции в Мурмане – изучал морские водоросли с целью их использования в качестве корма для крупного и мелкого рогатого скота. Вел работы по извлечению агар-агара из красных водорослей. Выступал с лекциями, в которых горячо пропагандировал употребление в пищу морской капусты. Кроме того, занимал должность заведующего Мурманским морским институтом краеведения – изучал прошлое края, быт и верования лопарей. Это стало частью подготовки к экспедиции в глубь Кольского полуострова.

Экспедиция, снаряженная при участии Мурманского Губэкосо (Губернского экономического совещания), началась в августе 1922 года. Участие в ней вместе с ученым приняли три его спутницы: жена Наталья, секретарь Юлия Струтинская и ученица Лидия Шишелова-Маркова, а также специально приехавшие из Петрограда репортер Семенов и астроном Александр Кондиайн (Кондиайни), представлявший также общество «Мироведение».

Рис.4.14. Александр Кондиайн (1920 год)

Основной задачей экспедиции было обследование района, прилегающего к Ловозерскому погосту, населенному лопарями или саамами. Здесь находился центр русской Лапландии, почти не изученный учеными.

Тут нужно заметить, что русский Север давно уже привлекал к себе внимание Барченко. В романе «Из мрака» (1914) он пересказал древнее предание о племени чудь, ушедшем под землю, когда чухонцы завладели его территорией. С тех пор чудь подземная «живет невидимо», а перед бедой или несчастьем выходит на землю и появляется в пещерах («печорах») на границе Олонецкой губернии и Финляндии.

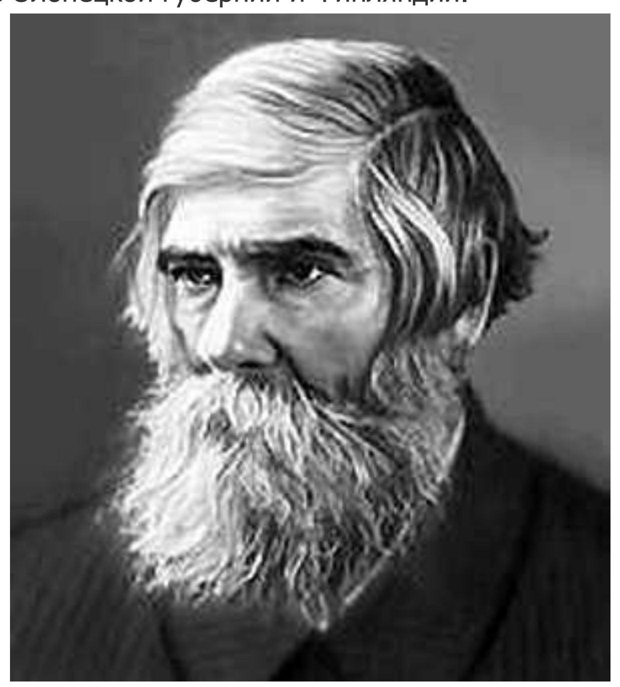


Рис.4.15. Владимир Михайлович Бехтерев, директор Института Мозга

О чуди Барченко услышал вновь по пути к Ловозеру от молодой лопарской шаманки Анны Васильевны: «Давным-давно лопари воевали чудь. Победили и прогнали. Чудь ушла под землю, а два их начальника ускакали на конях. Кони перепрыгнули через Сейдозеро и ударились в скалы, и остались там на скалах навеки. Лопари их называют "Старики"».

Уже в самом начале экспедиции, во время перехода к Ловозеру, ее участники натолкнулись в тайге на довольно странный памятник – массивный прямоугольный гранитный камень. Всех поразила правильная форма камня, а компас показал к тому же, что он ориентирован по странам света. В дальнейшем Барченко выяснил, что, хотя лопари поголовно исповедуют православную веру, втайне они поклоняются богу Солнца и приносят бескровные жертвы каменным глыбам-менгирам, по-лопарски – «сейдам».

Переправившись на парусной лодке через Ловозеро, экспедиция двинулась дальше в направлении близлежащего Сейдозера, почитавшегося священным. К нему вела прорубленная в таежной чаще прямая просека, поросшая мхом и мелким кустарником. В верхней точке просеки, откуда открывался вид одновременно на Ловозеро и Сейдозеро, лежал еще один прямоугольный камень.

Александр Кондиайн записал в своем дневнике:

«С этого места виден по одну сторону в Ловозере остров – Роговой остров, на который одни только лопарские колдуны могли ступить. Там лежали оленьи рога. Если колдун пошевелит рога, поднимется буря на озере. По другую сторону виден противоположный крутой скалистый берег Сейдозера, но на этих скалах довольно ясно видна огромная, с Исаакиевский собор, фигура. Контуры ее темные, как бы выбиты в камне. Фигура в позе

"падмаасана". На фотографии, сделанной с этого берега, ее можно было без труда различить».

Рис.4.16. «Чёрный человек» (Куйва) над Ловозером, обнаруженный экспедицией Барченко

Фигура на скале, напомнившая Кондиайну индусского йога, – это и есть «Старики» из лопарского предания.

Участники экспедиции заночевали на берегу Сейдозера в одном из лопарских чумов. Наутро решили подплыть к обрыву скалы, чтобы лучше рассмотреть загадочную фигуру, но лопари наотрез отказались дать лодку.

Всего у Сейдозера путешественники провели около недели. За это время они подружились с лопарями, и те показали им один из «подземных ходов». Однако проникнуть в подземелье так и не удалось, поскольку вход в него оказался завален землей.

До наших дней дошли странички из «Астрономического дневника» Александра Кондиайна с рассказом об одном дне экспедиции, который заслуживает того, чтобы процитировать его целиком:

«10/IX. "Старики". На белом, как бы расчищенном фоне, напоминающем расчищенное место на скале, в Мотовской губе выделяется гигантская фигура, напоминающая темными своими контурами человека. Мотовская губа поразительно, грандиозно красива. Надо себе представить узкий коридор версты 2—3 шириной, ограниченный справа и слева гигантскими отвесными скалами, до 1 версты высотой. Перешеек между этими горами, которым

оканчивается губа, порос чудесным лесом, елью – роскошной, стройной, высокой до 5—6 саженей, густой, типа таежной ели. Кругом горы. Осень разукрасила склоны вперемежку с лиственницами пятнами серо-зеленого цвета, яркими кущами берез, осин, ольхи; вдали сказочным амфитеатром раскинулись ущелья, среди которых находится Сейдозеро. В одном из ущелий мы увидели загадочную вещь: рядом со скитами, там и сям пятнами лежащими на склонах ущелья, виднелась желтовато-белая колонна вроде гигантской свечи, а рядом с ней кубический камень. На другой стороне горы с севера виднеется гигантская пещера, сажень 200, а рядом нечто вроде замурованного склепа.

Солнце освещало яркую картину северной осени. На берегу стояли 2 вежи, в которых живут лопари, выселяющиеся на промысел с погоста. Их всего, как на Ловозере, так и на Сейдозере, ок. 15 человек. Нас, как всегда, радушно приняли, угостили сухой и вареной рыбой. После еды завязался интересный разговор. По всем признакам мы попали в самую живую среду седой жизни. Лопари вполне дети природы. Дивно соединяют в себе христианскую веру и поверья старины. Слышанные нами легенды среди них живут яркой жизнью. "Старика" они боятся и почитают.

Об оленьих рогах боятся и говорить. Женщинам нельзя даже выходить на остров – не любят рога. Вообще же они боятся выдавать свои тайны и говорят с большой неохотой о своих святынях, отговариваясь незнанием. Тут живет старая колдунья, жена колдуна, умершего лет 15 назад, брат которого, до сих пор еще глубокий старик, поет и шаманствует на Умб-озере. Об умершем старике Данилове говорят с почтением и страхом, что он мог лечить болезни, насылать порчу, отпускать погоду, но сам он однажды взял задаток у "шведов" (вернее чуди) за оленей, надул покупателей, т. е. оказался, по-видимому, более сильным колдуном, наслав на них сумасшествие.

Нынешние лопари имеют несколько другой тип. Один из них имеет немного черты ацтеков, другой – монгол. Женщины – с выдающимися скулами, слегка приплюснутым носом и широко расставленными глазами. Дети мало отличаются от русского типа. Живут здешние лопари много беднее ундинских. Много их обижают, и русские и ижемцы. Почти все они неграмотные. Мягкость характера, честность, гостеприимство, чисто детская душа – вот что отличает лопарей.

Вечером после краткого отдыха пошел на Сейдозеро.

К сожалению, мы пришли туда уже после захода солнца. Гигантские ущелья были закрыты синей мглой. Очертания "Старика" выделяются на белом фоне горы. К озеру через тайболу ведет роскошная тропа. Везде широкая проезжая дорога, кажется даже, что она мощеная. В конце дороги находится небольшое возвышение. Всё говорит о том, что в глубокой древности роща эта была заповедной и возвышение в конце дороги служило как бы алтарем-жертвенником перед "Стариком".

Погода менялась, ветер усилился, облака собирались. Надо было ожидать бури. Часов в 11 я вернулся на берег. Шум ветра и порогов реки сливались в общем шуме среди надвигающейся темной ночи. Луна поднималась над озером. Горы оделись чарующей дикой ночью. Подходя к веже, я испугал нашу хозяйку. Она приняла меня за "Старика" и испустила ужасный вопль и остановилась как вкопанная. Насилу ее успокоил. Поужинав, мы обычным порядком залегли спать. Роскошное северное сияние освещало горы, соперничая с луной».

На обратном пути Барченко и его спутники попытались вновь совершить экскурсию на «запретный» Роговой остров. Парнишка, сын местного священника, согласился перевезти членов экспедиции на своем паруснике. Но стоило им только приблизиться к острову, как поднялся сильный ветер, отогнал парусник и сломал мачту. В конце концов путешественников прибило к крошечному, совершенно голому островку, где они, дрожа от холода, и заночевали. А утром уже на веслах кое-как дотащились до Ловозерска.

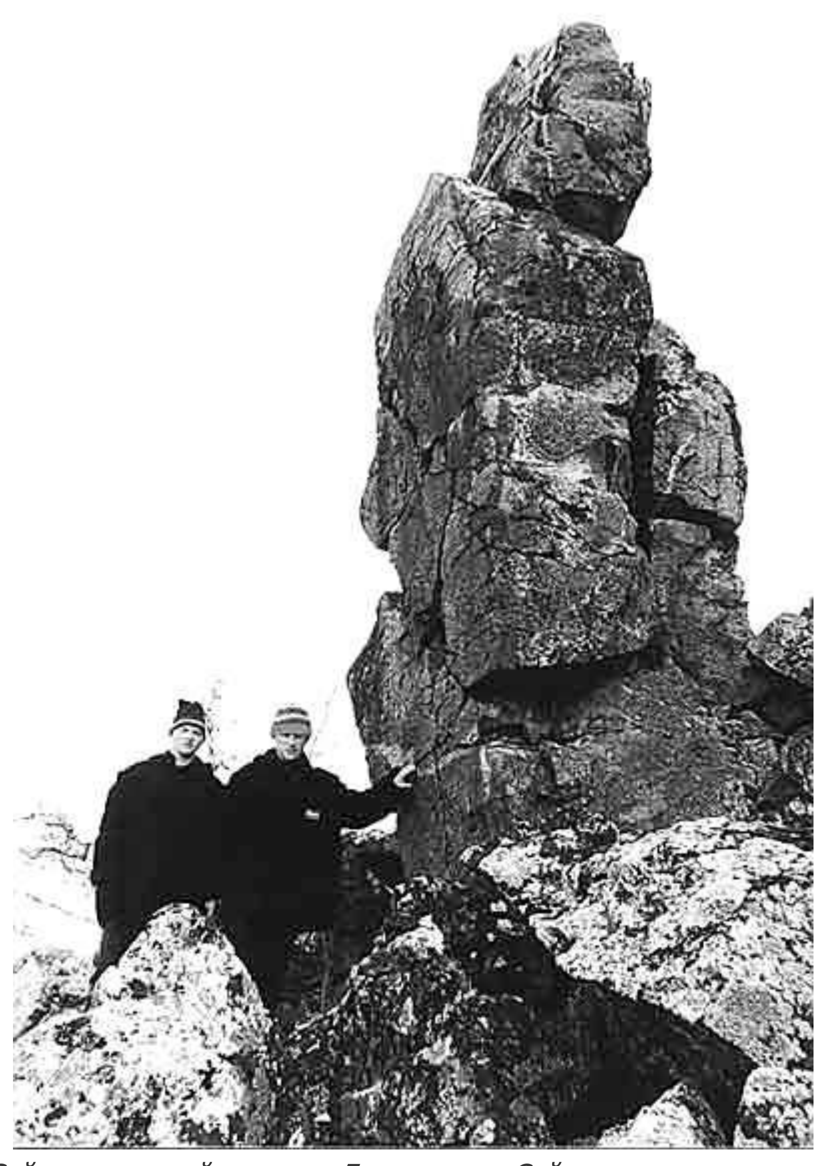


Рис.4.17. Сейд на перешейке между Ловозером и Сейдозером

Участники Лапландской экспедиции вернулись в Петроград глубокой осенью 1922 года. 29 ноября Кондиайн выступил на заседании географической секции общества «Мироведение» с докладом о результатах своей поездки, который назывался «В стране сказок и колдунов». В нем он рассказал о сделанных экспедицией удивительных находках, свидетельствующих, по его мнению, о том, что местные жители-лопари происходят «от какой-то более древней культурной расы».

А через некоторое время в петроградских газетах появилось сенсационное интервью с руководителем экспедиции и изображения загадочных памятников «древней лапландской культуры».

«Проф. Барченко открыл остатки древнейших культур, относящихся к периоду, древнейшему, чем эпоха зарождения египетской цивилизации», – ничтоже сумняшеся, сообщила читателям «Красная газета» от 19 февраля 1923 г.

О своих находках сам первооткрыватель рассказывал так:

«До сих пор лопари русской Лапландии чтут остатки доисторических религиозных центров и памятников, уцелевших в недоступных для проникновения культуры уголках края. Например, в полутораста верстах от железной дороги и верстах в 50 от Ловозерского погоста экспедиции удалось обнаружить остатки одного из таких религиозных центров – священное озеро Сейдозеро с остатками колоссальных священных изображений, доисторическими просеками в девственной тайболе (чаще), с полуобвалившимися подземными ходами-траншеями, защищавшими подступы к священному озеру.

Местные лопари крайне недружелюбно относятся к попыткам более тщательно обследовать интересные памятники. Отказали экспедиции в лодке, предостерегали, что приближение к изваяниям повлечет всевозможные несчастия на наши и их головы».

Рассказ Барченко заканчивался утверждением со ссылкой на мнение «ряда авторитетных этнографов и антропологов», что лопари являются «старейшими предками народностей, покинувших впоследствии северные широты». При этом он отмечал, что «в последнее время упрочивается теория, согласно которой лопари, параллельно с карликовыми племенами всех частей света, представляются древнейшими прародителями ныне значительно более высокорослой белой расы».

Экспедиция Арнольда Колбановского

Невзирая на огромный интерес публики к открытиям, сделанным экспедицией Барченко, почти сразу появились и скептики. Летом 1923 года один из сомневающихся, некто Арнольд Колбановский, организовал собственную экспедицию в район Ловозера, дабы воочию убедиться в существовании памятников «древней цивилизации».

Вместе с Колбановским в заповедные места отправилась и группа объективных наблюдателей: председатель Ловозерского волисполкома, его секретарь и волостной милиционер. Первым делом Колбановский попытался добраться до «заколдованного» Рогового острова. Вечером 3 июля отряд отважных путешественников, несмотря на «колдовские чары», переплыл через Ловозеро и высадился на Роговом острове. Полуторачасовое обследование его территории, однако, не дало никаких результатов.

«На острове – поваленные бурями деревья, дико, никаких истуканов нет – тучи комаров. Пытались отыскать заколдованные оленьи рога, которые издавна – по легендам лопарским – потопили наступавших шведов. Эти рога насылают “погоду” на всех, кто пытается приблизиться к острову с недобрыми намерениями (а также с целью обследования), особенно на женщин».

В отчете о поездке ничего не говорится о том, удалось ли Колбановскому найти хоть одну из перечисленных реликвий. Ночью, чтобы не привлекать к себе внимания, отряд двинулся к соседнему Сейдозеру. Обследовали загадочную фигуру «Старика» – выяснялось, что это «не что иное, как выветренные темные прослойки в отвесной скале, издали напоминающие своей формой подобие человеческой фигуры».

Но оставалась еще каменная «пирамида», служившая одним из главных аргументов в пользу существования древней цивилизации. К этому «чудесному памятнику старины» Колбановский и отправился. И вновь неудача: «Подошли вплотную. Глазам представилось обыкновенное каменное вздутие на горной вершине».

Выводы Колбановского, развенчавшие открытия Барченко, были опубликованы мурманской газетой «Полярная правда» сразу же после окончания экспедиции. При этом редакция газеты в своем комментарии довольно язвительно охарактеризовала сообщения

Барченко как «галлюцинации, занесенные под видом новой Атлантиды в умы легковерных граждан гор. Петрограда».

Экспедиция Валерия Демина

Уже в наше время, ровно через 75 лет после Барченко, к Ловозеру отправилась экспедиция «Гиперборея-97», возглавляемая доктором философских наук Валерием Деминым.

Главной целью экспедиции Демина было не только подтвердить или опровергнуть данные Барченко, но и найти следы «Прародины человечества» – Гипербореи. В своем отчете об экспедиции, вошедшем частью в книгу «Тайны русского народа» (1999), Демин пишет следующее:

«И вот я на древней гиперборейской земле, в самом центре Кольского полуострова. Дорога через перешеек тянется прямо к священному саамскому Сейдозеру. Она как бы мощеная: редкие булыжники и плиты аккуратно утоплены в таежный грунт. Сколько же тысяч лет ходят по ней люди? Или, быть может, десятков тысяч лет? "Здравствуй, Гиперборея! – говорю я. – Здравствуй, Заря мировой цивилизации!" Слева, справа наливается мириадами рубинов брусничник. Ровно 75 лет назад здесь прошел отряд Барченко-Кондиайна. Навстречу неизвестности. Теперь идем мы – экспедиция "Гиперборея-97", четыре человека.

Места заповедные. "Снежный человек? Да на него тут кто только не наталкивался, – говорит проводник Иван Михайлович Галкин. – В прошлом году совсем рядом детвору до смерти напугал: загнал в избушку да еще в окна и двери всю ночь толкался. Пока егеря поутру не подоспели. Но стрелять не стали – человек ведь..." Позже то же самое подтвердили и "профессионалы", помногу лет выслеживающие реликтового гоминоида. А бабушка-лопарка отреагировала совсем просто: "Да отец мой одного такого много лет подкармливал".

Еще не доходя Сейдозера, видим на обочине хорошо обтесанный камень. На нем едва проступают загадочные письмена – трезубец и косой крест. <...>

Вот и Сейдозеро – спокойное, величавое и неповторимое в своей северной красоте. По гребням гор одиноко маячат сейды – священные саамские камни-менгиры. <...>

Если подняться повыше в горы и побродить по скалам и осыпям, обязательно встретишь пирамиду, искусно сложенную из камней. Повсюду их множество. Раньше они попадались и внизу, по берегу озера, но были уничтожены (разобраны по камешку) где-то в 20-30-е годы, во времена борьбы с "пережитками темного прошлого". Точно так же были изничтожены и другие лопарские святилища – сложенные из оленьих рогов. <...>

Наша первая цель (пока Солнце благоприятствует фотографированию) – гигантское человекоподобное изображение на отвесной скале на противоположной стороне вытянутого на 10 километров озера. Черная, трагически застывшая фигура с крестообразно раскинутыми руками. Размеры можно определить лишь на глазок, сравнивая с высотой окрестных гор, обозначенной на карте: метров 70, а то и поболее. Добраться до самого изображения на почти абсолютно вертикальной гранитной плоскости можно разве что со специальным скалолазным оборудованием.

При лобовом солнечном освещении таинственная фигура заметна уже издалека. Менее чем с половины пути она отчетливо из разных точек предстает перед изумленным взором во всей своей загадочной непостижимости. Чем ближе к скале, тем грандиозней зрелище. Никто не знает и не понимает, как и когда появился в центре Русской Лапландии гигантский петроглиф. Да и можно ли его вообще считать петроглифом? По саамской легенде это – Куйва, предводитель коварных иноземцев, которые чуть было не истребили доверчивых и миролюбивых лопарей. Но саамский шаман-нойд призвал на помощь духов и остановил нашествие захватчиков, а самого Куйву обратил в тень на скале. <...>

А на другой день (это случилось 9 августа 1997 г.) русский офицер Игорь Боев, поднявшись на гору Нинчурт ("Женские Груди") к языкам нерастаявших снегов, на полпути к вершине нашел руины Гипербореи! Целый культурный очаг, выветренный, полузасыпанный

скальным грунтом и тысячекратно проутюженный наледями и сходами лавин. Циклопические руины. Останки оборонительных сооружений. Гигантские отесанные плиты правильной геометрической формы. Ступени, ведущие в никуда (на самом деле мы пока просто не знаем, куда они вели двадцать тысячелетий тому назад). Стены с пропилами явно техногенного происхождения. Ритуальный колодец. "Страница" каменного манускрипта со знаком трезубца и цветком, напоминающим лотос (точно такой же знак был на чашеподобном талисмане экспедиции Барченко-Кондиайна, но, к сожалению, в запасниках Мурманского краеведческого музея следы той реликвии не отыскались).

И наконец, пожалуй, самая впечатляющая находка. Останки древнейшей обсерватории (и это в безлюдных горах за Полярным кругом!) с 15-метровым желобом, уводящим вверх, к небу, к звездам, с двумя визирами – внизу и вверху...»

Таким образом, экспедицией «Гиперборея-97» были подтверждены и запечатлены на фотопленке открытые Александром Барченко артефакты: двухкилометровая мощеная дорога, ведущая через перешеек от Ловозера к Сейдозеру, пирамидальные камни, изображение гигантской черной фигуры на отвесной скале В то же время участники новой экспедиции сделали и несколько собственных открытий. Например, они обнаружили некое сооружение, напоминающее «остатки древней обсерватории»...

Рис.4.18. Развалины «древней обсерватории»

Насколько справедливы выводы, сделанные Деминым? Действительно ли в сердце Кольского полуострова имеются следы древней цивилизации или участники новой экспедиции, вслед за Барченко, выдают желаемое за действительное?

Не в пользу Валерия Демина как ученого говорит хотя бы такой фрагмент его воспоминаний:

«Хотелось внести ясность и в вопрос по поводу болотной пирамиды, вокруг которой в 20-е годы развернулась публичная полемика между Барченко и академиком Ферсманом. Последний отрицал искусственное происхождение чего бы то ни было в окрестностях Сейдозера. Я специально выкроил время, чтобы побывать у спорного пирамидального камня и даже, дабы легче было сравнивать, сфотографировался на нем. Высота – чуть ниже человеческого роста. Покрыт такой плотной коростой мха и лишайников вперемешку с наносным грунтом, что наверху сумела вырасти и закрепиться карликовая березка. <...> Мое

первое впечатление совпадает с выводом Ферсмана: пресловутая болотная пирамида естественного происхождения. Но потом всё-таки засверлила крамольная мысль: за десятки тысяч лет любой искусственно обработанный камень мог подвергнуться такой деформации и выветриванию, что все следы человеческих рук стерлись начисто».

Однако Демин и его сторонники делают еще один шаг к тому, чтобы вывести тему прошлого Кольского полуострова за рамки серьезного обсуждения. Через год они возвращаются к Ловозеру и Сейдозеру с экспедицией «Гиперборея-98», в состав которой вошли «специалисты по аномальным явлениям», репутация которых в кругах, даже далеких от науки, всегда была невысокой:

«Где-то здесь еще в 1922 году экспедиции Барченко был показан священный лаз под землю, при приближении к которому возникало чувство страха. Участники той давней экспедиции сфотографировались у входа в подземное убежище, напоминающего берлогу. Нам же вот уже второй год не удается обнаружить этот таинственный проход в "подземное царство", несмотря на то, что такая задача ставилась перед каждым вновь прибывавшим отрядом. <...>

Пытались помочь нам уфологи и экстрасенсы, волею судеб оказавшиеся в зоне работы экспедиции. Очаровательная студентка из Нальчика – Валерия, "ведьма в десятом поколении", как она сама себя представляла, утверждала, что видит неуловимый лаз, ведущий в обширное подземное убежище, но оттуда поступает запретительная информация: таинственные подземные обитатели дают "красный свет на продолжение поисков". Патрон "ведьмы", уфолог с мировым именем – тоже Валерий – уточнял: там, глубоко внизу, подземная база инопланетян. Оккультистам вторили серьезные ученые. Вадим Чернобров, прибывший из Москвы со множеством хитроумных приборов, обнаружил таинственный каменный куб и места посадок двух НЛО. <...> Другой ученый-москвич, эксперт-геолог, заявлял, что чувствует, как за ним упорно наблюдает какое-то неуловимое существо. Более того, таинственный незнакомец несколько раз переставлял оставленные на ночь удочки и перепутывал снасти. Однако, в отличие от уфологов, опытный ученый склонен был приписать эти деяния не космическим пришельцам, а "снежному человеку" – невидимке, которого на этот раз никто из участников экспедиции так не повстречал...»

Правда о Гиперборее

Однако двумя экспедициями Демин и его сторонники не ограничились. Практически каждое лето к Ловозеру отправляются десятки любознательных с намерением отыскать следы мифической Гипербореи. Местные власти, недовольные наплывом «безбашенных» туристов в госзаказник «Сейдозеро», еще летом 2000 года пригласили из Москвы четырех докторов наук – биологических, технических, геологических и военных – и попросили выяснить, как же в действительности обстоят дела с Гипербореей.

Вот что рассказал один из членов этой экспедиции:

«Признаюсь, я сам мечтатель и, конечно же, очень хотел бы увидеть следы протоцивилизации. Когда я вышел на перешеек между Ловозером и Сейдозером и сквозь золото берез увидел дорогу из огромных плит, остатки каких-то циклопических сооружений, загадочные арки подземных ходов, я был потрясен. Ну откуда, скажите на милость, всё это взялось в труднодоступном и безлюдном месте? На какое-то время я поверил – да, это действительно могут быть остатки древней цивилизации! Но увы... Даже признаков Гипербореи мы при всем старании не отыскали.

При внимательном знакомстве с местностью сразу стало ясно, как образовалась дорога из огромных плит. Дело в том, что горный массив тут сложен из графитового сланца. В незапамятные времена в скалах выветривалась порода, в трещины попадала вода, постепенно выламывались плоские геометрические блоки, которые сползали со склона. Блоки эти, наползая один на другой, соскальзывали вниз, вплоть до дна озера, и образовали "дорогу". Если внимательно посмотреть на скальный склон, там видны следы "съезда" этих блоков.

Добрались мы до стометрового изображения Бога и Провидца (другое его название – Бегущий лопарь) и огорчились. Два разлома (вертикальный и горизонтальный) в скале, выше них площадка, поросшая мхом, – издалека при наличии воображения их на самом деле можно принять за фигуру человека с нимбом над головой. Но вблизи ясно видно, что это – система трещин, то есть природное явление, а не творение рук человеческих или инопланетных.

Побывали мы на острове Роговом, проникновение на который якобы грозит смертью простым людям. С давних времен шаманы тут проводили свои ритуалы, а чтобы посторонние сюда не лезли, распускали слухи о табу. Но экзальтированные интеллигенты, верящие в протоцивилизацию, в магические силы, действительно начинают трепетать вблизи таких мест. На нашей же экспедиции пребывание на острове никак не отразилось.

"Гиперборейцы" с восторгом описывали нам свои встречи со снежным человеком. По их рассказам, огромное, высотой пять метров, лохматое человекообразное существо время от времени скакало по берегу Ловозера, гугукая и издавая вопли.

Нашли мы этого "йети", пообщались. Лешак оказался щуплым местным парнишкой. Жизнь в тех местах веселой не назовешь, вот он и придумал себе развлечение. Сшил из

оленьей шкуры одеяние и в белые ночи, приняв на грудь, с удовольствием носится у озера (по прибрежной воде, чтобы не оставить следов), вызывая изумление у приезжих.

Известно, что на Ловозере неоднократно гибли байдарочники, но нет никаких оснований связывать их гибель с какими-то мистическими явлениями. Погода в этих краях может поменяться в течение нескольких минут, при этом на озере внезапно подымается высокая, до пяти метров, волна. Местные жители знают, что может возникнуть волна, но не знают, в какой момент она подымется, а потому они никогда не идут по зрительно доступному пути. Они ходят вблизи от берега, по безопасному фарватеру. А приезжим подавай простор. Вот в своих утлых байдарках они и попадают под эту волну, переворачиваются. Никакой надувной жилет в этой ситуации не выручит. В безлюдных местах на помощь прийти некому, а в ледяной воде человек долго не протянет.

Люди гибнут и в скалах. Что касается туннелей – они имеют место быть, но это не ходы в Гиперборею, а очередная обманка.

В районе Ловозера во время войны работали заключенные из Ревдинских лагерей, добывали уран для бериевской программы. При этом штольни они били из пещер. Рассказывают, что попадалось там и золотишко, и платина. После обнаружения более богатых месторождений урана заключенных оттуда вывели, перед уходом взорвали входы. Эти места поросли мхом и кустарником, но они видны. "Гиперборейцы" и золотоискатели втайне от всех расчищают входы, проникают внутрь штолен, крепь в которых сгнила, и гибнут под завалами.

Что до видений, которые посещают "гиперборейцев" во время медитации в местах, избранных шаманами для камлания, то, по авторитетному заявлению аборигенов, снабжающих приезжих спиртными напитками, после трех бутылок водки может еще не такое пригрезиться...»

Эти наблюдения только подтверждают старую истину о том, что каждый видит только то, что хочет увидеть. Поклонники идей Барченко, развитых Деминым, видят следы цивилизации там, где их никогда не было...

Глава пятая

Призраки на службе у НКВД

Многие люди нуждаются в вере в потусторонние силы, и никакие события в нашем мире не способны поколебать их убежденность в существовании астрального мира, в котором обитают духи. Атеизм, выраставший из ленинского материализма, не устраивал их. Те, кто поменял большевистское мировоззрение на метафизику, с самого начала не были убежденными материалистами. Другие пришли к этому с возрастом. В числе последних можно назвать профессионального революционера и опытного чекиста Глеба Бокия, попытавшегося поставить спиритизм и телепатию на службу своего Спецотдела.

Глеб Бокий – революционер и чекист

Имя Глеба Ивановича Бокия стало необычно популярным в последнее время. Дело в том, что этого профессионального революционера и видного чекиста ныне считают мистиком, адептом оккультных наук, мечтавшим о привнесении эзотерических доктрин в идеологию Советской России. Это мнение, впрочем, не разделяет ряд исследователей, которые полагают, что увлечение Бокия мистикой и оккультизмом было приписано ему следователями НКВД в период подготовки материалов уголовного дела о тайной антиправительственной организации «Единое Трудовое Братство».

Рис.5.1. Глеб Бокий, начальник Спецотдела при ОГПУ-НКВД

Истина, как обычно, находится посередине. Скорее всего, Бокий совмещал одно с другим. Вряд ли он фанатично и до конца верил в потусторонний мир и в возможность управления сверхъестественными силами, но по роду службы ему приходилось сталкиваться с людьми, которые верили в это, а значит, волей-неволей ему приходилось выслушивать их мнение и в той или иной форме принимать и использовать его.

Лев Разгон в своих воспоминаниях о Бокии, которого он знал лично, рисует образ интеллигентного (учился в Горном институте, дворянин) и весьма скромного человека, никогда и никому не пожимавшего руки и отказывавшегося от всех привилегий: жил с женой и старшей дочерью в крошечной трехкомнатной квартире, зимой и летом ходил в плаще и мятой фуражке. И даже в дождь и снег, свидетельствует Разгон, на его открытом «паккарде» никогда не натягивался верх. В то же время странности эти органично сочетались у Бокия с присущей ему неуемной энергией и недюжинными организаторскими способностями.

Родился Глеб Иванович в 1879 году в Тифлисе (Тбилиси) в семье дворянина, действительного статского советника Ивана Дмитриевича Бокия и его супруги Александры Кузьминичны. Деятельность предков Глеба непосредственным образом связана со становлением Российского государства. Так, Федор Бокий-Печихвостский, владимирский подкоморий (третейский судья) в Литве, упоминается в переписке Ивана Грозного с Андреем Курбским. Прадедом Глеба Бокия был известный русский математик Михаил Васильевич Остроградский. Отец Глеба Бокия – Иван Дмитриевич – действительный статский советник, ученый и преподаватель, автор учебника «Основания химии», по которому училось не одно поколение гимназистов. Старший брат и сестра Глеба пошли по стопам отца. Борис Бокий окончил Санкт-Петербургский горный институт, стал квалифицированным инженером, потом преподавал в том же институте. Он считается одним из основоположников отечественного горного дела. Сестра Наталья выбрала специальность историка, она не один год преподавала в Сорбонне.

Казалось бы, такая же блестящая карьера ожидает и юного Глеба. И действительно, поначалу Глеб вел себя вполне подобающим образом. В 1896 году, после окончания реального училища, он, вслед за своим старшим братом, поступил в Горный институт. Но уже в следующем году стал членом петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Именно участие в делах этого революционного общества определило выбор жизненного пути Глеба Бокия.

Справедливости ради следует сказать, что настоящим революционером Глеб стал всё-таки с подачи своего добропорядочного брата. В 1898 году Борис пригласил его и сестру принять участие в демонстрации студентов. Произошло столкновение с полицией, все трое были арестованы. Глеба к тому же еще и избили. Их освободили по ходатайству отца, но его больное сердце не выдержало позора, и спустя несколько дней отец скончался.

Потрясенные этим горем, братья приняли диаметрально противоположные решения. Если Борис, считая себя виновником смерти отца, совсем отошел от политики, то Глеб, наоборот, окончательно встал на путь профессионального революционера.

С 1900 года он – член Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП). В 1902 году был сослан в Восточную Сибирь за подготовку демонстрации. В 1904 году Бокий введен в состав Петербургского комитета РСДРП как организатор объединенного комитета социал-демократической фракции высших учебных заведений. В апреле 1905 году арестован по делу «Группы вооруженного восстания РСДРП». Амнистирован по октябрьскому манифесту, но в 1906 году вновь арестован по делу «Сорока четырех» (Петербургского комитета и боевых дружин). Всего большевик Бокий двенадцать раз (!) подвергался арестам, провел полтора года в одиночной камере, два с половиной года – в сибирской ссылке, от побоев в тюрьме он получил травматический туберкулез. Но каждый раз, оказавшись на свободе, вновь включался в революционную борьбу. На протяжении 20 лет (с 1897 по 1917 годы) Бокий являлся одним из руководителей петербургского большевистского подполья.

В декабре 1916 года Бокий вошел в состав Русского бюро ЦК РСДРП. А сразу после падения самодержавия он возглавил в Русском бюро отдел сношений с провинцией. В октябре 1917 года он – член петербургского военно-революционного комитета, один из руководителей вооруженного восстания.

Из близких знакомых Бокия раннего периода особо следует отметить Павла Васильевича Мокиевского – известного журналиста и врача, возглавлявшего отдел философии журнала «Русское богатство». В более узком кругу он был известен еще и своими оккультными увлечениями, основанными на теософских доктринах. Кроме того, есть сведения, что он числился членом ложи мартинистов.

Со студентом Бокием Мокиевский познакомился как с одним из товарищей своего сына, также учившегося в Горном институте. На близость отношений Бокия с Мокиевским указывает то, что, когда после одного из арестов Глеб оказался за решеткой, крупный залог в размере трех тысяч рублей за него внес именно Мокиевский.

Возможно, именно этот доморощенный масон повлиял на атеиста Бокия, заставив его впервые усомниться в том, что современная материалистическая наука исчерпывающе описывает окружающий мир. Но до того момента, когда сомнения переросли в уверенность, должны были пройти еще годы и годы.

В феврале—марте 1918 года, в период наступления немецких войск, Бокий становится членом Комитета революционной обороны Петрограда. С марта он – заместитель председателя Петроградской ЧК, а после убийства Моисея Урицкого – председатель. Затем Бокий возглавлял Особые отделы Восточного и Туркестанского фронтов, был членом Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР и полномочным представителем ВЧК. Однако вскоре Бокию была поручена совершенно новая работа.

Реалии Спецотдела

Сразу после прихода к власти большевистское правительство столкнулось с проблемой сохранения тайны при передаче оперативных сообщений. Советское государство и его армия не имело надежной системы шифров. Вот как охарактеризовал ситуацию нарком иностранных дел Чичерин в своем письме Ленину от 20 августа 1920 года: «Иностранные правительства имеют более сложные шифры, чем употребляемые нами. Если ключ мы постоянно меняем, то сама система известна многим царским чиновникам и военным, в настоящее время находящимся в стане белогвардейцев за границей. Расшифровывание наших шифровок я считаю поэтому вполне допустимым»

Поэтому 5 мая 1921 года постановлением Малого Совнаркома была создана советская криптографическая служба в виде Специального отдела при ВЧК. Начальником новой структуры и одновременно членом коллегии ВЧК был назначен проверенный большевик Глеб Бокий.

В течение 20-30-х годов органы государственной безопасности неоднократно реорганизовывались, меняли свою структуру и название. Соответственно менялось и название отдела: с 5 мая 1921 года по 6 февраля 1922 года – 8-й спецотдел при ВЧК; с 6 февраля 1922 года по 2 ноября 1923 года – спецотдел при ГПУ; со 2 ноября 1923 года по 10 июля 1934 года – спецотдел при ОГПУ; с 10 июля 1934 года по 25 декабря 1936 года – спецотдел при ГУГБ НКВД СССР; с 25 декабря 1936 года по 9 июня 1938 года – 9-й отдел при ГУГБ НКВД СССР.

Однако, несмотря на все реорганизации, в отличие от других подразделений, спецотдел был при ВЧК—ОГПУ, то есть пользовался обозначенной автономией. Это выражалось в том, что Бокий сообщал информацию и адресовал ее непосредственно в Политбюро, ЧК, правительство самостоятельно, а не через руководство ведомства, при котором отдел находился.

Размещался отдел не только на Малой Лубянке, но и в здании на Кузнецком мосту, дом 21, в помещении Народного комиссариата иностранных дел, где занимал два верхних этажа. Официальными его задачами являлись масштабная радио– и радиотехническая разведка, дешифровка телеграмм, разработка шифров, радиоперехват, пеленгация и выявление вражеских шпионских передатчиков на территории СССР. Пеленгаторная сеть камуфлировалась на крышах многих государственных учреждений, и таким образом осуществлялось слежение за радиоэфиром Москвы. В сфере внимания Спецотдела находились не только автономные неофициальные передатчики, но и передающие устройства посольств и иностранных миссий. В посольствах устанавливалась подслушивающая аппаратура и отслеживались телефонные разговоры. Отделу непосредственно подчинялись и все шифроотделы представительств СССР за рубежом.

Достаточно подробные сведения о Спецотделе Бокия дает бежавший в 1930 году на Запад бывший сотрудник Иностранного отдела ОГПУ Агабеков:

«Специальный отдел (СПЕКО) работает по охране государственных тайн от утечки к иностранцам, для чего имеет штат агентуры, следящий за порядком хранения секретных бумаг. Важной задачей отдела является перехватывание иностранных шифров и расшифровка поступающих из-за границы телеграмм. Он же составляет шифры для советских учреждений внутри и вне СССР. <...>

Начальником отдела состоит Бокий, бывший полпред ВЧК, буквально терроризировавший Туркестан в 1919—1920 годах. О нем еще и сейчас, десять лет спустя, ходят легенды в Ташкенте, что он любил питаться сырым собачьим мясом и пить свежую человеческую кровь. Несмотря на то что Бокий только начальник отдела, он, в исключение из правил, подчиняется непосредственно Центральному Комитету партии и имеет колоссальное влияние в ОГПУ. Подбор сотрудников в Специальном отделе хорош, и работа поставлена образцово».

«Информация Агабекова, – комментирует этот опус бывшего чекиста современная исследовательница Татьяна Грекова, – сомнений не вызывает, если не считать слухов о сыром мясе и человеческой крови, которые, впрочем, и сам автор называет легендой. Скорее всего, Бокий просто употреблял в пищу собачье мясо».

Принимая во внимание, что собачье мясо считается эффективным средством для лечения туберкулеза, которым страдал Глеб Бокий, ничего мистического и свидетельствующего об особой кровожадности чекиста в данном факте нет.

Тем не менее деятельность Бокия на этом посту должна была раньше или позже вывести его на людей не совсем обычных. Снова свидетельствует писатель Лев Разгон:

«Бокий подбирал людей самых разных и самых странных. Как он подбирал криптографов? Это ведь способность, данная от Бога. Он специально искал таких людей. Была у него странная пожилая дама, которая время от времени появлялась в отделе. Я также помню старого сотрудника охранки статского советника (в чине полковника), который еще в Петербурге, сидя на Шпалерной, расшифровал тайную переписку Ленина. В отделе работал и изобретатель-химик Евгений Гопиус. В то время самым трудным в шифровальном деле считалось уничтожение шифровальных книг. Это были толстые фолианты, и нужно было сделать так, чтобы в случае провала или других непредвиденных обстоятельств подобные документы не достались врагу. Например, морские шифровальные книги имели свинцовый переплет, и в момент опасности военный радист должен был бросить их за борт. Но что было делать тем, кто находился вдали от океана и не мог оперативно уничтожить опасный документ? Гопиус же придумал специальную бумагу, и стоило только поднести к ней в ответственный момент горящую папиросу, как толстая шифровальная книга превращалась через секунду в горку пепла...»

Личный состав отделений Спецотдела проходил по гласному и негласному штату. К негласному штату относились криптографы и переводчики, для которых были установлены должности «эксперт» и «переводчик». Работники же отделений, непосредственно не связанные с криптографической работой (секретари, курьеры, машинистки), представляли гласный состав. К 1933 году в Спецотделе по штату числилось 100 человек, по секретному штату – еще 89.

Были в структуре Спецотдела и подразделения, информация о которых считалась особо секретной. В частности, была создана группа из ученых самых разных специальностей. Все они формально находились в подчинении заведующего лабораторией Спецотдела и старого члена компартии Евгения Гопиуса, который формально возглавлял 7-е отделение и числился заместителем Бокия по научной работе.

Круг вопросов, изучавшихся подразделениями, работавшими на лабораторию Гопиуса, был необычайно широк: от изобретений всевозможных приспособлений, связанных с радиошпионажем до исследования солнечной активности, земного магнетизма и проведения различных научных экспедиций. Здесь изучалось всё, имеющее хотя бы оттенок таинственности. Всё – от оккультных наук до «снежного человека».

Оккультные эксперименты Спецотдела

Зимой 1924 года Глеб Бокий привлек к работе на Спецотдел ученого-мистика Александра Барченко. Основные научные интересы этого исследователя были сосредоточены в области изучения биоэлектрических явлений в жизни клетки, в работе мозга и в живом организме в целом. Свои лабораторные опыты Барченко совмещал с должностью эксперта Бокия по психологии и парапсихологии. В частности, им разрабатывалась методика выявления лиц, склонных к криптографической работе и к расшифровке кодов.

Ученый выступал и консультантом при обследовании всевозможных знахарей, шаманов, медиумов, гипнотизеров и прочих людей, утверждавших, что они общаются с призраками. С конца 1920-х годов Спецотдел активно использовал их в своей работе. Для проверки этих

«экстрасенсов» одно из подразделений службы Бокия оборудовало «черную комнату» в здании ОГПУ по Фуркасовскому переулку, дом 1.

Исследования и методика Барченко применялись и в особенно сложных случаях дешифровки вражеских сообщений – в таких ситуациях даже проводились групповые сеансы связи с духами.

Барченко привнес в жизнь Бокия метафизические теории и уговорил видного чекиста вступить в тайную оккультную организацию «Единое Трудовое Братство», изучающую Древнюю науку (Дюнхор), которая якобы превосходила современное знание, но принципы которой были утрачены с течением времени.

Рис.5.2. Александр Барченко с учениками в Крыму (1927 год)

На допросе у следователя Бокий говорил, что изменил свое мировоззрение с материалистического на идеалистическое после смерти Ленина:

«Решающее влияние в дальнейшем имела смерть Ленина. Я видел в ней гибель Революции. Завещание Ленина, которое мне стало известно не помню от кого, мешало мне воспринять Сталина как вождя партии, и я, не видя перспектив для Революции, ушел в мистику. К 1927—28 гг. я уже отошел от партии настолько далеко, что развернувшаяся в это время борьба с троцкистами и зиновьевцами прошла мимо меня, и я в ней никакого участия не принял. Углубляясь под влиянием Барченко всё более и более в мистику, я в конце концов организовал с ним масонское сообщество и вступил на путь прямой контрреволюционной деятельности...»

И действительно — в конце 1925 года для передачи эзотерического знания наиболее «достойным» представителям большевистской партии Александр Барченко при участии Бокия организовал в недрах ОГПУ небольшой кружок по изучению Древней науки. В него вошли ведущие сотрудники Спецотдела: Гусев, Цибизов, Клеменко, Филиппов, Леонов, Гопиус, Плужницов. Занятия с сотрудниками Спецотдела продолжались недолго, поскольку, по словам самого Бокия, ученики оказались «не подготовленными к восприятию тайн Древней

науки». Кружок Барченко распался, но энергичному руководителю Спецотдела вскоре удалось подыскать новых, более способных, учеников «из числа своих старых товарищей по Горному институту». В состав второй группы входили Кострыкин, Миронов (оба инженеры), Стомоняков (зам. наркоминдела в 1934—1938), Москвин (член Оргбюро и секретариата ЦК, заведующий орграспредом ЦК), Сосовский. Несколько раз занятия кружка посещал Генрих Ягода – будущий шеф НКВД.

О том, что конкретно изучали «ученики» Барченко на этих занятиях, мы узнаем из писем этого оккультиста, в которых говорится, что созданная им группа в течение двух лет «занималась изучением теории Дюнхор в основных ее пунктах и сравнением с теоретическими основами западной науки».

В свою очередь Глеб Бокий на допросах показал:

«Барченко выдвигал теорию о том, что в доисторические времена существовало высокоразвитое в культурном отношении общество, которое затем погибло в результате геологических катаклизмов. Общество это было коммунистическим и находилось на более высокой стадии социального (коммунистического) и материально-технического развития, чем наше. Остатки этого высшего Общества, по словам Барченко, до сих пор существуют в неприступных горных районах, расположенных на стыках Индии, Тибета, Кашгара и Афганистана, и обладают всеми научно-техническими знаниями, которые были известны древнему обществу так называемой "Древней Науки", представляющей собой синтез всех научных знаний. Существование и Древней Науки, и самих остатков этого общества является тайной, тщательно оберегаемой его членами. Это стремление сохранить свое существование в тайне Барченко объяснял антагонизмом древнего общества с римским Папой. Римские Папы на протяжении всей истории преследовали остатки древнего общества, сохранившиеся в других местах, и, в конце концов, полностью их уничтожили. Себя Барченко называл последователем древнего общества, заявляя, что был посвящен во всё это тайными посланцами его религиозно-политического центра, с которыми ему удалось однажды вступить в связь».

Помимо чтения лекций и отбора медиумов для Спецотдела оккультист Барченко пытался применять Дюнхор в повседневной практике. И Бокий поддержал его начинания. Например, эти двое всерьез предполагали управлять погодой!

Вот что сообщал астроном и соратник оккультиста Александр Кондиайн: «В 1925 я был командирован Барченко и Бокием в Винницу с заданием познакомиться с проф. Даниловым Леонидом Григорьевичем и выяснить практические результаты его работы, которой он занимается в течение 20 лет. <...> Его работа имеет большое научное значение, т. к. вскрывает весь механизм атмосферы и, в частности, дает возможность предсказывать погоду на долгие сроки». С Кондиайном Данилов послал в Москву для Барченко свое большое исследование «Теория волновой погоды».

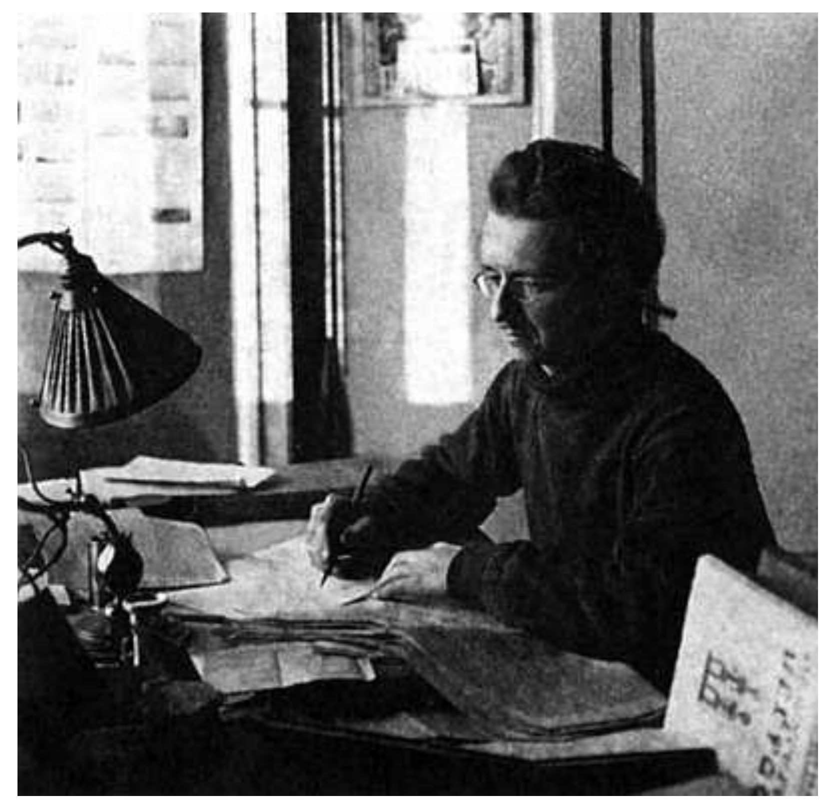


Рис.5.3. Александр Кондиайн в рабочем кабинете (конец 1920-х годов)

Особенно большой интерес Барченко и Бокий проявляли к теории 11-летней периодичности пятнообразования на Солнце. Так, в одном письме в начале 1927 года, ссылаясь на статью французского астрофизика Эмиля Туше «Тайны Солнца», Барченко писал:

«Для посвященного в тайну Дюнхор не может быть сомнений, что западноевропейская наука случайно натолкнулась в этой теории на механизм, составляющий главную тайну Дюнхор. Пока еще аналитический метод европейской науки мешает ей оценить всю важность этой теории. Но достаточно какому-нибудь вдумчивому исследователю сделать попытку перенести на бумагу, на плоскость картину, аналитически вычисленную проф. Туше, чтобы обнаружилась тайна Дюнхор и других механизмов. А в руках современной техники, уже знакомой с применением ультрафиолетовых и инфракрасных лучей, эти механизмы, открывая механизм действия "малых причин", механизм космического резонанса и интерференции, механизм стимуляции космических источников энергии, грозит вооружить буржуазную Европу еще более кровавыми средствами истребления».

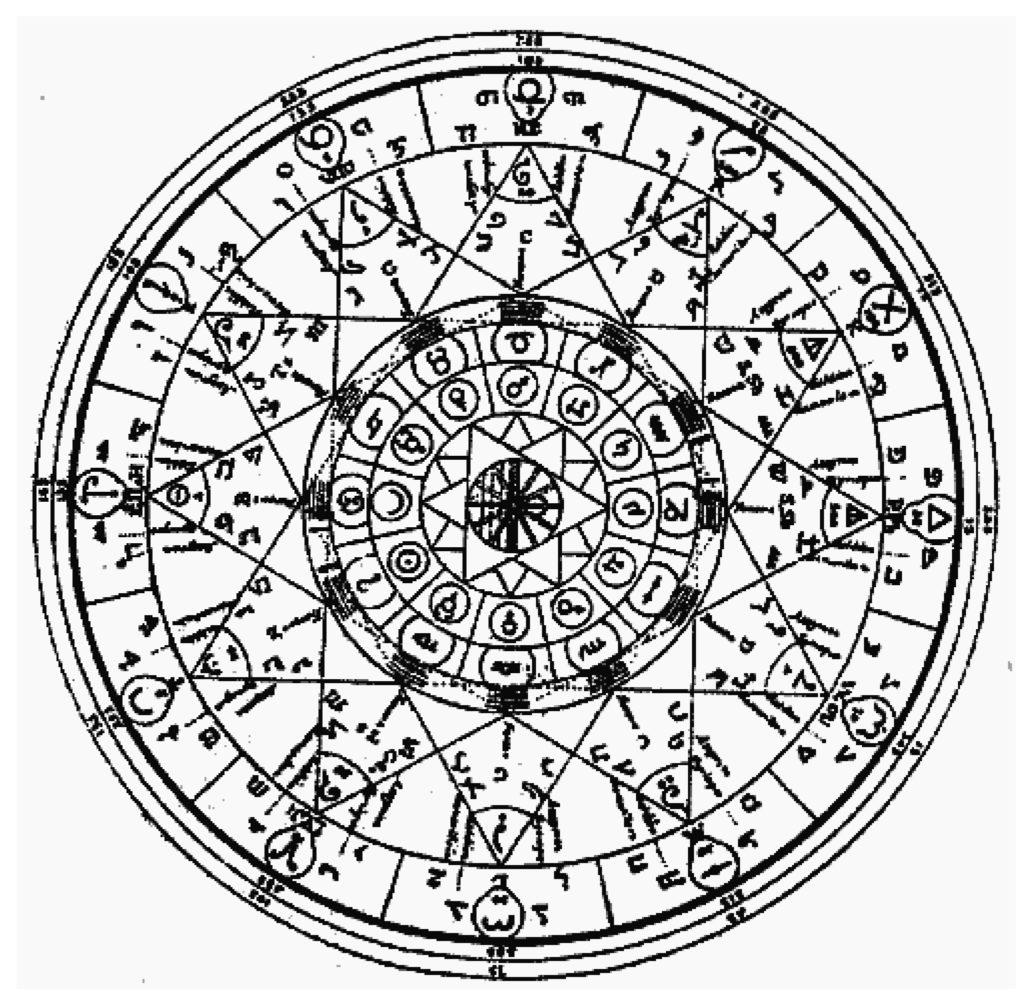


Рис.5.4. Археометр Сент-Ива де Альвейдра

Разгром Спецотдела

16 мая 1937 года был арестован Глеб Бокий. Уже на первых двух допросах 17 и 18 мая Глеб Иванович «покаялся» следователям в своих прегрешениях. Сообщил об организованной в 1925 году вместе с Барченко «масонствующей» ложе. «Органы» отреагировали на последнее заявление Бокия серией арестов – один за другим с небольшими интервалами под стражу были взяты Барченко (22 мая) и другие бывшие члены «Единого Трудового Братства» в Ленинграде и Москве: Шишелова-Маркова (26 мая), Кондиайн (7 июня), Шварц (2 июля), Ковалев (8 июля). Та же участь постигла и наиболее высокопоставленных «учеников» Барченко, входивших в московскую группу, – Москвина и Стомонякова.

Обвинительная формула Барченко звучала совершенно стандартно: создание «масонской контрреволюционной террористической организации Единое Трудовое Братство» и шпионаж в пользу Англии. Что касается Кондиайна, то его обвинили в том, что он являлся участником «контрреволюционной фашистско-масонской шпионской организации и одним из руководителей Ленинградского отделения ордена Розенкрейцеров, связанного с заграничным центром масонской организации “Шамбала”».

Для обвинения Барченко и его «сообщников» руководство НКВД разработало следующую легенду. На территории одного из восточных протекторатов Англии – какого именно, в деле не указывалось – существует некий религиозно-политический центр «Шамбала-Дюнхор». Этот центр имеет широко разветвленную сеть филиалов или ячеек во многих азиатских странах, а также в самом СССР. Его основная задача состоит в том, чтобы

подчинить своему влиянию высшее советское руководство, заставить его проводить угодную центру политику. С этой целью Барченко и участники созданного им «филиала» восточного центра пытались получить доступ к советским руководящим работникам, активно занималась сбором секретных сведений и подготовкой терактов – против тех же самых советских руководителей! Согласно легенде, следователи НКВД без особого труда квалифицировали как акт шпионажа получение Кондиайном от профессора Данилова работы о волновой природе погоды «с последующей ее переправкой за границу».

О сущности учения Дюнхор речи на допросах почти не заходило, поскольку эти темы для следователей большого интереса не представляли. На вопрос, к чему сводятся идеи древней науки, Кондиайн ответил – очевидно, по подсказке следователя: «Наша нелегальная организация пропагандировала мистику, направленную против учения Маркса-Ленина-Сталина».

Рис.5.5. Александр Барченко (снимок из следственного дела, 1937 год)

И Бокий, и Барченко, и его «ученики» были по окончании следствия приговорены к высшей мере и расстреляны...

Глава шестая

Техномагия для Красной армии

Те, кто верят в мир духов и в существование строгих законов, этим миром управляющих, верят и в то, что можно поставить эти законы на службу человеку. Так возникают предпосылки техномагии – паранаучной дисциплины, оперирующей астральными объектами и иллюзорными сущностями.

Техномаги XX века пытались построить аппарат, способный воздействовать на душевное состояние человека. Одни планировали таким образом лечить людей, другие – подчинять их своей воле. Но почти нигде работы по созданию таких аппаратов не вышли за пределы частной инициативы. Единственным исключением стала молодая Советская Республика...

Опыты с «животным магнетизмом»

Началась эта история с электроиндукционной гипотезы «проявляющегося в месмеризме взаимодействия организмов», предложенная в 1875 году знаменитым химиком Александром Михайловичем Бутлеровым.

Рис.6.1. Александр Бутлеров

Месмеризм в те годы был весьма популярен в Европе, в США и в России. Под этим термином понималось учение австрийского врача Антона Франца Месмера о «животном магнетизме». Месмер пытался объяснить некоторые странные явления, которые якобы указывали на существование особой энергии, излучаемой живыми существами и способной передаваться от одного организма к другому. Полагая, что с помощью этого взаимодействия можно внушать «состояние здоровья» больным, Месмер начал разъезжать с «лечебными сеансами» по Европе, но его магнетических пассов оказалось недостаточно, чтобы излечить всех страждущих. Некоторые из высокопоставленных пациентов умерли, случился грандиозный скандал, и Месмеру пришлось вернуться в Австрию, где он провел остаток дней в нищете и безвестности.

Размышляя над опытами Месмера, русский химик Бутлеров задумался над тем, не могут ли взаимодействовать «нервные токи организмов» – подобно взаимодействию электрических токов в проводниках. На основе его выкладок уже в 1887 году с развернутым обоснованием электроиндукционной гипотезы мысленного внушения выступил профессор философии, психологии и физиологии Львовского университета Юлиан Охорович.

Однако электроиндукционная гипотеза объясняла взаимодействие организмов только на близких расстояниях. Это затруднение успешно преодолевала электромагнитная гипотеза телепатии. Она была одновременно высказана тремя независимыми друг от друга исследователями: Фаустоном (доклад 1 марта 1892 года в секции электричества Франклиновского института), Шмидкунцем (книга «Физиология внушения», 1892) и Круксом (статья «Некоторые возможности применения электричества», 1982). Более подробно свою «радиационную гипотезу» последний из названных авторов, английский физик Уильям Крукс, изложил в статье «Иной мир – иные существа», напечатанной в апрельском номере «Бюллетеня Астрономического общества Франции» за 1898 год. Статья тут же была опубликована в русском переводе. В ней Крукс, впервые в истории электромагнитной

гипотезы телепатии, указал возможную частоту колебаний мозгового излучения – 1018 колебаний в секунду! Излучения с такой частотой колебаний, отмечал Крукс, «проникают через наиболее плотные среды, не уменьшаясь, так сказать, в своей интенсивности, и проходят их со скоростью света и почти без преломления и отражения».

«Мне кажется, – писал в заключение Уильям Крукс, – что подобными лучами возможна передача мысли. С некоторыми допущениями мы найдем здесь ключ ко многим тайнам психологии».

Электромагнитная гипотеза неоднократно рассматривалась и в начале XX века как в России, так и за рубежом, став почти общепринятой. Оставалась самая малость: получить прямые или косвенные доказательства ее истинности.

«Психомашины» фантастов

Приход к власти большевиков не прекратил исследования в этом направлении. Наоборот, правительство Ленина, зацикленное на идее Мировой революции, было заинтересовано в получении принципиально нового оружия, с помощью которого можно было бы помочь «братьям по классовой борьбе» в других странах. Тем более что кавалерийский наскок Михаила Тухачевского на Польшу весной 1920 года провалился под стенами Варшавы – теперь нужно было подготовиться посерьезнее.

Замечу, что задача прямой регистрации электромагнитного излучения мозга впервые была детально рассмотрена в 1920 году академиком Петром Петровичем Лазаревым.

В статье «О работе нервных центров с точки зрения ионной теории возбуждения» Лазарев предположил, что поскольку «периодическая электродвижущая сила, возникающая в определенном месте пространства, должна непременно создавать в окружающей воздушной среде переменное электромагнитное поле, распространяющееся со скоростью света, то мы должны, следовательно, ожидать, что всякий наш двигательный или чувствующий акт, рождающийся в мозгу, должен передаваться и в окружающую среду в виде электромагнитной волны».

В другой работе, опубликованной в том же году, Лазарев высказался в пользу возможности «уловить во внешнем пространстве мысль в виде электромагнитной волны». Эта задача, считал Петр Петрович, является одной из интереснейших задач биологической физики.

«Конечно, – отмечал он, – a priori можно указать на огромные трудности нахождения этих волн. Потребуется ряд лет напряженной работы для того, чтобы непосредственно открыть эти явления на опыте, но во всяком случае необходимость их предсказывается ионной теорией возбуждения».

Примерно в то же время к этой теме обратились писатели-фантасты. Они читали популярные статьи о телепатии, знали подробности дискуссии о природе излучения мозга. И разумеется, творчески перерабатывали полученную информацию. Например, в 1924 году был опубликован роман Виктора Гончарова «Психомашина». В нем описывается, как ученые-контрреволюционеры изобретают машину, способную аккумулировать и направлять психическую энергию человечества. Но самое страшное, что с помощью этой «психомашины» можно было убивать людей по определенным признакам их психической конституции:

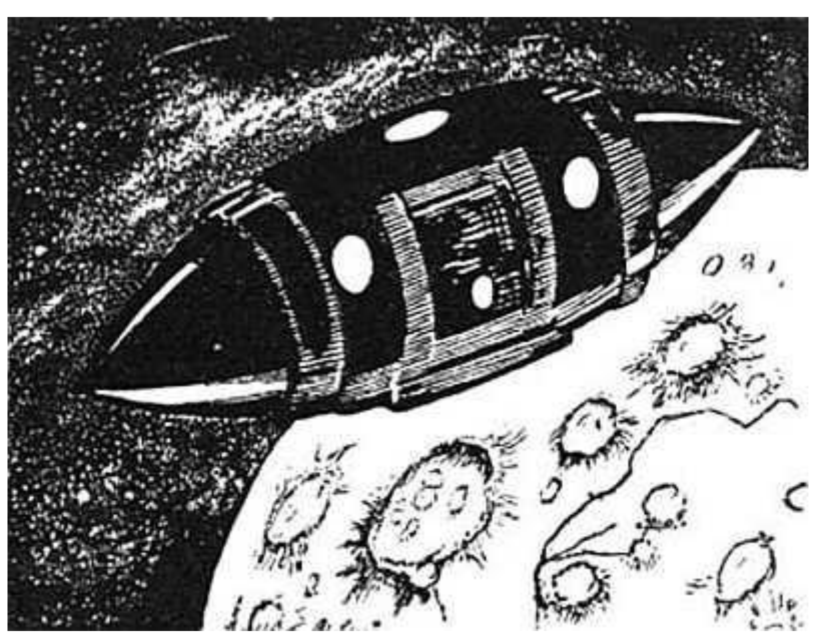


Рис.6.2. «Психо-машина» Виктора Гончарова

«Поставленная же на максимум и заряженная известным образом, она может уничтожить тот или другой класс или сословие человечества, истощая психомагнитом мозг в несколько секунд... Вепрев, кроме того, использовал ее для своего передвижения... Но об этом после... Впрочем, для ясности придется сказать сейчас... Дело в том, что не заряженная никем психомашина поглощает только энергию, которая продуцируется мозговой субстанцией человечества добровольно, в повседневной жизни... Такая – она не опасна, как не опасен и радиомагнит, когда он ловит только излишки радиоволн... Вепрев построил две одинаковых машины; одну он хочет использовать для своего передвижения по воздуху – подобные опыты уже производились и удачно, другую же в качестве орудия истребления нетерпимых им органически большевиков... Он фанатично ненавидит их, но, повторяю, великолепно умеет владеть собой... Вы слышали о смерти собак? Недавно было? Ага! Это был первый опыт... Вепрев исходил из положения, что человек и собака – животные одного и того же происхождения, т. е. млекопитающие... Он зарядил машину собакой... не понимаете как? Очень просто: у собаки вынимается мозг, приводится химическим путем в состояние эмульсии и вливается в бак психомашины... Вот... Заряженная таким образом и пущенная, надо сказать весьма слабо, машина все же истребила всех собак окрестных деревень, радиусом от хутора, как от центра, в 6—7 верст... Вы думаете, что собаки погибли только в вашей деревне? Ошибаетесь...»

Дальше герои Гончарова узнают, что подобными психомашинами злобные аристократы Луны уже сотни тысяч лет угнетают лунных пролетариев. Только мужественное вмешательство останавливает психический террор на Земле и в космосе...

Другие советские писатели подхватили столь плодотворную идею. Владимир Орловский (Грушвицкий) в своем первом романе «Машина ужаса» (1925 год) рассказывал об установке, выплескивающей в эфир волны эпидемии страха. Машина была построена капиталистами с целью захватить власть над миром. Но она же кладет конец капитализму. Анархия, внушенная людям посредством машины ужаса, перерастает в революционный взрыв. Изобретатель машины Эликот, американский архимиллионер, побежден русским ученым Моревым.

Принцип действия аппарата, подчиняющего волю многих людей воле одного изобретателя описывается так:

«Все психические и физиологические процессы в живом организме связаны с электрическими токами, пробегающими по нервным путям, причем эти токи прерывчатые, пульсирующие и посылающие в пространство волны электромагнитных колебаний. Поэтому если два индивидуума настроены в унисон, т. е. способны испускать волны одинаковой длины, то они обязаны также отвечать токами, пробегающими по нервным путям одного из организмов, раз они появились в другом соответственном. В этом кроется причина влияния одного человека на другого».

Морев нашел возможным расширить пределы настройки и, таким образом, изучать психику людей. Он изобрел два прибора: при помощи одного он мог улавливать и записывать электромагнитные волны, излучаемые нервно-мозговыми центрами людей, а при помощи другого – изолировал психику от влияния таких волн.

Призраки Малой Лубянки

В середине 1920-х годов в Москве действовала подпольная группа, которая пыталась установить контакт с потусторонним миром. Возглавляли ее «практикующие розенкрейцеры» Евгений Тегер и Вадим Чеховский.

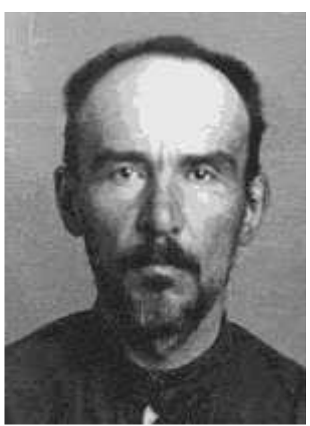


Рис.6.3. Розенкрейцер-анархист Евгений Тегер

Немец, родившийся в Германии, Евгений Карлович Тегер переехал с родителями в Россию. В 1905 году подростком он принял участие в декабрьских боях в Москве на стороне анархистов, был сослан в Якутию и вернулся по амнистии 1913 года в столицу уже будучи мистиком. Поскольку Тегер оставался подданным Германии, после начала Первой мировой войны в августе 1914 года он был интернирован в Вятку, где и встретил революцию. После октябрьского переворота 1917 года Тегер сразу перешел на сторону советской власти, участвовал в гражданской войне. По окончании войны снова вернулся в Москву, работал в Наркомате иностранных дел, был краткое время советским консулом в Кашгаре и в Афганистане, но самое главное, что к середине 1920-х годов он успел познакомиться с членами большинства оккультных кружков Москвы и Ленинграда, и ни одна из этих подпольных организаций его не удовлетворила.

Знакомство с советскими мистиками утвердило Тегера в намерении «восстановить древнее посвящение», то есть попытаться овладеть тайными знаниями средневековых розенкрейцеров. Тегер считал магию практической наукой, будучи скорее атеистом, чем теистом, и с пренебрежением относился к теоретическим знаниям, которые для розенкрейцеров считались обязательными. В своих начинаниях он нашел единомышленника – способного молодого метеоролога Вадима Чеховского.

Чеховский на свой страх и риск вел эксперименты по передаче мысли на расстояние и уже сделал несколько докладов об этом на заседаниях научной комиссии Института мозга в Ленинграде. Благосклонные отзывы специалистов Института вдохновили Чеховского, и он

предпринял попытку открыть в Москве филиал комиссии Института мозга с привлечением лучших научных сил столицы. Для этой цели Чеховский, который жил на Малой Лубянке, вместе с Тегером арендовали у домкома обширный подвал, где и разместилась их лаборатория.

Замысел экспериментаторов был достаточно прозрачен. Комиссия должна была стать легальным прикрытием их деятельности. На самом же деле в подвале приступила к работе небольшая группа оккультистов. Ее целью было восстановление древнего посвящения путем овладения астральными планами и подчинением себе стихийных духов.

По словам самого Чеховского, в их организации существовало девять ступеней посвящения:

«1-я – научное исследование метапсихических явлений, выражавшихся, главным образом, в работах по передаче мыслей на расстояние и работы по ясновидению; 2-я – слушание курса арканологии и начало оккультной тренировки; 3-я – оккультная магическая практика, изучение магии; 4-я – центр "Эмеш Редевивус", не претендующий на достижение полноты оккультных возможностей; 5-я – то же после создания подходящей базы для серьезной оккультно-магической работы в течение ряда лет; 6-я – то же по достижении некоторых результатов и после начала строительства мирового оккультного магического центра на собственной территории в СССР или за границей; 7-я – мировой оккультно-магический центр, овладевающий полностью астральным планом; 8-я – то же при полном овладении ментальным планом; 9-я – то же при полном овладении божественным планом.

Все эти девять ступеней делились на три группы по три последовательных ступени в каждой по признаку: первая группа – периферия, вторая – центр (Эмеш Редевивус) как орудие для создания мирового оккультного центра, обладающего полнотой оккультного знания и реализационных возможностей; наконец, третья группа мирового оккультного магического центра, владеющего этими возможностями и обслуживающего ими культурный прогресс и человечество <...>.

В нашей организации существовало четыре степени.

В первую степень входили лица, не знавшие о существовании организации. Во вторую степень входили лица, которые при прохождении курса начинали подозревать существование неизвестной оккультной организации с магическим уклоном. В третью степень входили лица, знавшие о существовании организации и получавшие некоторые понятия о ее целях, но не знавшие ни наименования, ни строения, ни основных положений организации. В четвертую степень входили лица (только мужчины), знавшие наименование и цели организации и имевшие право знакомиться со всеми материалами, которыми располагала организация, причем за каждым членом этой степени не оставалось права личного владения материалом и сведений, относящихся к другим подобным организациям, если они предварительно имели с ними дело».

Для проведения экспериментальной работы членами общества организовывались сборы дикорастущих «магических» и лекарственных трав в московской области, планировалось их выращивание на плантациях и проводились эксперименты в области галлюциногенных препаратов, ароматов, мазей и так далее.

Подвал, помещавшийся на Малой Лубянке, был тоже выбран неслучайно. Как показывал на очной ставке с Чеховским его ближайший сотрудник по оккультной практике Преображенский, «когда я в первый раз был приведен в подвал дома № 16 по ул. Малая Лубянка вместе с руководителями организации Тегером и Чеховским и спросил их, почему для работы избрано такое неблагоустроенное помещение, то получил ответ, что подвал, во-первых, находится в центре города, во-вторых, он расположен рядом с подвалами ОГПУ, где проливается кровь расстреливаемых, а, как известно, кровью умерших питаются лярвы, создающие царство мрака и тьмы, которое должно быть разрушено токами света от магических операций в генераторе подвала...»

Однако всё это очень скоро закончилось. В феврале 1928 года органы арестовали Тегера и Чеховского, а вместе с ними и еще два десятка молодых людей. Оба руководителя были сосланы на Соловки, откуда Тегера по болезни перевели в Среднюю Азию, а Чеховского, пытавшегося возглавить массовый побег заключенных, расстреляли в октябре 1929 года.

Теория Бернарда Кажинского

Некоторый промежуточный итог в теме телепатического воздействия подвел знаменитый ленинградский фантаст Александр Беляев. В 1929 году он выпустил роман «Властелин мира», ставший классикой жанра.

Герой романа, немец Штирнер, изобрел психомашину и при ее помощи достиг необычайного могущества. Однако, встретив сильного противника в лице русского изобретателя Качинского, с одной стороны, и устав бороться – с другой, он при помощи машины заставляет себя самого забыть всё прошлое и начать новую жизнь с чистого листа. Устройство психомашины объясняется Качинским следующим образом:

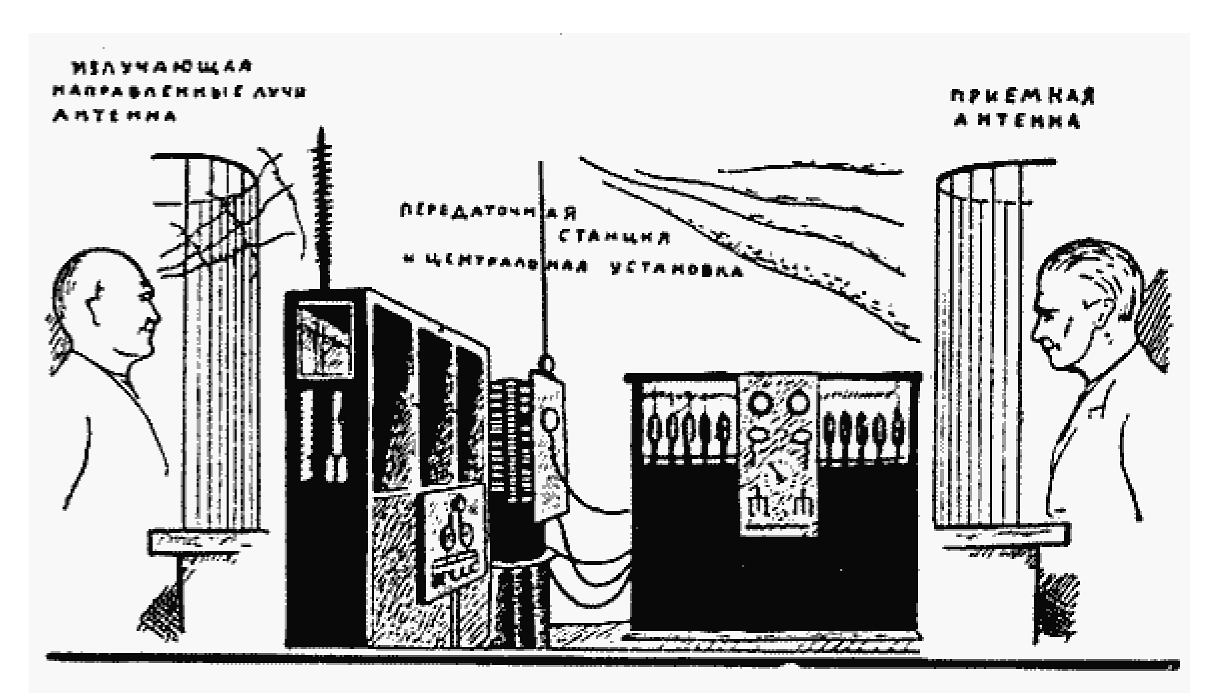
«Я нашел ряд очень близких аналогий в строении нервной системы и мозга с конструкцией радиостанции. Частицы мозга играют роль и микрофона, и детектора, и телефона; фибриллярные нити нейронов имеют на конце виток, удивительно напоминающий проволочную спираль – соленоид; вот вам и самоиндукция... Интересно, что с физиологической точки зрения даже профессор-физиолог, с которым я работал, не в состоянии был удовлетворительно объяснить значение этой спирали. В свете же электротехники она получает вполне логичное объяснение. Природа, очевидно, создала этот виток для усиления электротоков. Есть у нас в теле даже лампы Раунда – это ганглиозные колбочки сердца. Источник энергии сердца соответствует батарее аккумуляторов, а периферическая нервная система – заземлению. Так, изучая строение человеческого тела, я пришел к полному убеждению, что наше тело представляет собой сложный электрический аппарат – целую радиостанцию, способную излучать и принимать электромагнитные колебания.

Я поставил опыты над внушением своей мысли животным. В клетке из густой железной сетки, стоящей на изоляторах, помещался экспериментатор, а перед клеткой находилась собака. Когда клетка не была заземлена, собака удачно выполняла мысленные приказы экспериментатора. Да впрочем, электромагнитная природа мозговых и нервных колебаний была доказана работами Лазарева, Бехтерева и Казамали.

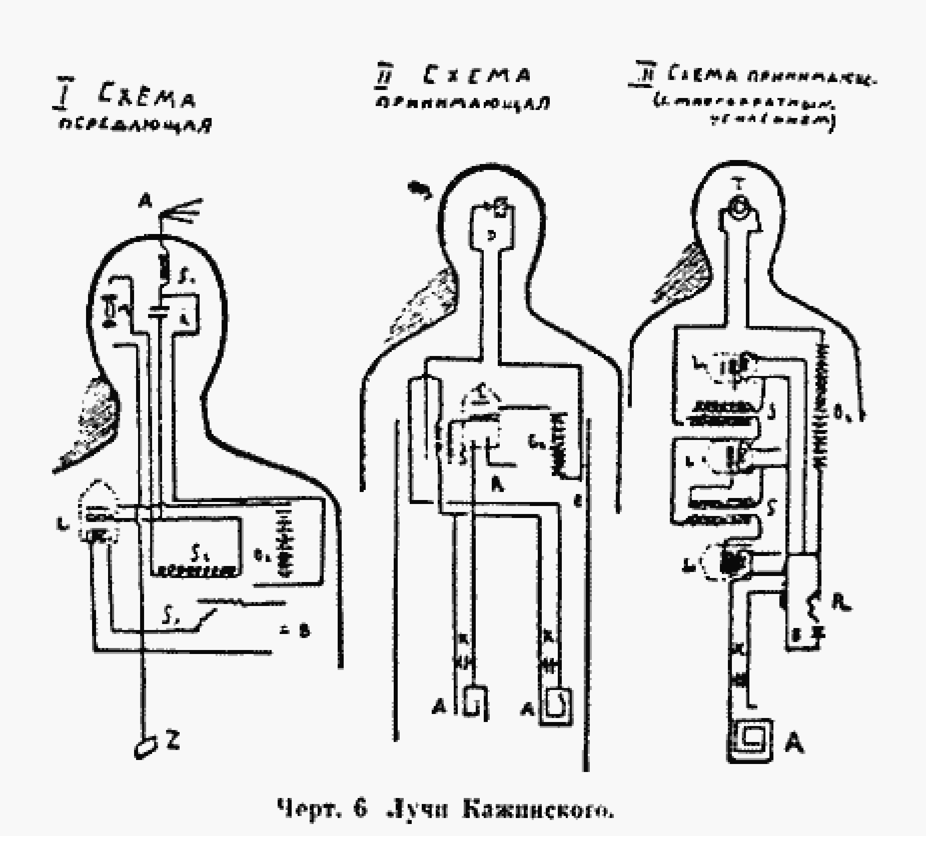
Раз известна природа этих волн, то воспроизвести их механически уже не представляет труда. Усильте их трансформаторами, и мысли-волны потекут, как обычная радиоволна, и будут восприниматься людьми.

Машина моя строится и состоит из антенны усилительного устройства с трансформаторами и катодными лампами и индукционной связи с колебательным контуром антенны. Вы можете излучить определенную мысль на антенну моей "передающей радиостанцией", она усилит это излучение и пошлет в пространство. Эта новая "пушка" и будет действовать на людей и подчинять нам их волю».

Самое интересное в этом описании, что оно вполне реально. Качинский – советский инженер-электрик Бернард Бернардович Кажинский, а все эксперименты, описанные в романе Беляева, он проводил в действительности с 1922 по 1926 год в Москве, в Практической лаборатории по зоопсихологии Главного управления научными учреждениями Народного комиссариата по просвещению.



Черт. 5. Психические лучи Беляева.



Черт. 6 Лучи Кажинского.

Рис.6.4. «Лучи» Александра Беляева и Бернарда Кажинского

Бернард Кажинский лично столкнулся с проявлением телепатии, после чего всю свою жизнь посвятил поискам «ключа» к ее тайнам.

Однажды августовской ночью 1919 года в Тбилиси он проснулся от довольно громкого звона металла, который был подобен звуку серебряной ложечки о тонкий стеклянный стакан. Как потом выяснилось, этот звук должен был слышать в последний момент жизни его девятнадцатилетний друг М., умиравший в то время от брюшного тифа в соседнем квартале.

Случившееся настолько потрясло юношу, что он с головой ушел в изучение вопросов передачи мыслей на расстоянии. Как человек технического склада ума, Кажинский предположил, что передача сверхчувствительной информации от одного организма к другому осуществляется посредством радиоволн, а человеческий мозг является абсолютным подобием радиостанции с передатчиком и приемником. По его мнению, в нервных клетках имеются конденсаторы, сопротивления, индуктивные катушки, колебательные контуры, катодные радиолампы и антенны.

Тут нужно заметить, что в начале 1920-х годов о свойствах радиочастот и законах распространения радиоволн специалистам почти ничего не было известно. Короткие волны, не говоря уж об УКВ-диапазоне, оставались загадкой. Именно поэтому Кажинский посчитал, что телепатические связи осуществляются через УКВ-диапазон. Но самое удивительное во всей этой истории то, что инженер сумел экспериментально доказать свою правоту!

В 1922 году он построил и апробировал экранирующие радиоволны устройства – клетки, сделанные из частой металлической сетки и снабженные заземлением. И первый же проведенный опыт подтвердил электромагнитную гипотезу инженера!

Вот что он пишет в своей книге «Биологическая радиосвязь», изданной в 1923 году:

«Когда дверца клетки была закрыта, сидевшему внутри экспериментатору В. Л. Дурову не удавалось передать подопытному животному (собаке Марсу), находившемуся снаружи, никакого мысленного задания. Но стоило открыть дверцу, как Марс в точности исполнял приказы».

Его современники высоко оценили эти эксперименты. Основоположник теоретической космонавтики Константин Циолковский писал о Кажинском:

«Явления телепатии не могут подлежать сомнению. Не только накопилось огромное количество соответствующего фактического материала, но чуть ли не каждый поживший семьянин не откажется сообщить о лично им испытанных телепатических явлениях. Почтенна попытка объяснить их с научной точки зрения. Такую попытку делает Б.Б.Кажинский. Он сравнивает нервную систему человека с радиотелеграфом. Он находит и соответствующие органы в теле животного...»

Позднее Кажинский работал над проектом «регистратора мыслей». Он писал: «уже одна возможность технического осуществления "регистратора мыслей" должна знаменовать собой эпоху». По его мнению, в случае, если бы удалось создать такой регистратор, можно было бы и построить прибор, воспроизводящий технически те же колебания, то есть воспроизводящий мысль – «искусственную мысль»!

Надо отдать должное Кажинскому он первым из исследователей оценил огромную опасность, которую могут представлять психомашины для человечества. Именно по этой причине он поделился информацией о проводимых опытах с известными писателями-фантастами того времени.

Но Кажинский ошибся. Другой исследователь телепатии – член-корреспондент Академии медицинских наук профессор Леонид Васильев в начале 1930-х годов провел опыты, опровергающие гипотезу Кажинского. Оказалось, что экранирование участников опыта железными или свинцовыми камерами с толщиной стенок в 1—3 мм не препятствовало и даже не ослабляло передачу мысленного внушения сна или пробуждения. Таким образом,

было доказано, что энергия, которая осуществляет мысленное внушение, не связана с электромагнитными волнами.

Возникает вопрос: почему эксперименты Кажинского были успешными и подтверждали его предположение? Оказалось, что в парапсихологических опытах большое влияние на результат оказывает настроение их участников. Исследователи были убеждены, что, закрывая дверь экранирующей клетки, они воздвигают непреодолимый барьер электромагнитным излучениям, создаваемым головным мозгом Дурова. Психологический фактор в опытах Кажинского вообще не рассматривался...

Опыты лаборатории Дурова

Бернард Кажинский принимал участие в опытах по выявлению телепатии под руководством известного дрессировщика и виднейшего зоопсихолога Владимира Леонидовича Дурова. Тот проводил серию экспериментов по мысленному внушению дрессированным собакам заранее задуманных действий.

Уже к началу 1921 года в Практической лаборатории Дурова было проделано 1278 опытов мысленного внушения (собакам), в том числе удачных 696 и неудачных 582. Статистическая обработка материала показала, что «ответы собаки не были делом случая, а зависели от воздействия на нее экспериментатора». Опыты с собаками показали, что мысленное внушение не обязательно должен был проводить дрессировщик – это мог быть любой опытный индуктор. Необходимо только, чтобы он знал и применял методику передачи, установленную дрессировщиком. Внушение проводилось как при непосредственном визуальном контакте с животным, так и на расстоянии, когда собаки не видели и не слышали дрессировщика, а он не видел и не слышал их. (Кстати, опыты проводились не абы как, а с собаками, имеющими определенные изменения в психике, возникшие после специальной дрессировки.)

Классическими в изучении телепатии являются шесть опытов над дрессированной собакой Пикки, проведенные Дуровым в 1919 году и описанные академиком Владимиром Михайловичем Бехтеревым. В четырех опытах передающим задание академика был Дуров, а в двух остальных – сам академик, причем о своем мысленном задании он никому перед опытом не говорил. Опыты проходили в ленинградской квартире Бехтерева, то есть в обстановке, не знакомой подопытному животному. Вот, что пишет сам Бехтерев:

«Третий опыт заключался в следующем: собака должна вскочить на предрояльный круглый стул и ударить лапой в правую сторону клавиатуры рояля. И вот собака Пикки перед Дуровым. Он сосредоточенно смотрит в ее глаза, некоторое время охватывает ладонями ее мордочку. Проходит несколько секунд, в течение которых Пикки остается неподвижным, но будучи освобожден, стремительно бросается к роялю, вскакивает на круглый стул, и от удара лапы по правой стороне клавиатуры раздается трезвон нескольких дискантовых нот.

В четвертом опыте собака должна была, после известной процедуры внушения, вскочить на один из стульев, стоявших у стены комнаты, и затем, поднявшись на стоящий рядом круглый столик, поцарапать лапой большой портрет, висевший на стене над столиком. Казалось бы, что это сложное действие собаке не так-то просто выполнить. Но Пикки превзошел все наши ожидания. После обычной процедуры (Дуров сосредоточенно смотрел в глаза собаке в течение нескольких секунд) Пикки спрыгнул со своего стула, подбежал к стулу, стоящему у стены, затем с такой же легкостью вскочил на круглый столик, и поднявшись на задние лапы, достал правой передней конечностью портрет и стал царапать его когтями.

<...>

Чтобы иметь полную уверенность, я решил сам проделать аналогичный опыт, не говоря никому о том, что я задумаю. Задание же мое состояло в том, чтобы собака вскочила на стоящий неподалеку круглый стул и осталась там сидеть.

Сосредоточившись на форме круглого стула, я некоторое время смотрю собаке в глаза, после чего она стремглав бросается от меня и начинает бегать вокруг стула. Опыт не удался,

и я понял почему: я сосредоточился исключительно на форме круглого стула, упустив из виду, что мое сосредоточение должно начинаться движением собаки к круглому стулу и затем вскакиванием на него.

Ввиду этого я решил повторить опыт, не говоря никому о своей ошибке и поправив себя в вышеупомянутом смысле. Я снова усаживаю собаку на стул, обхватываю ее мордочку обеими ладонями, начинаю думать о том, что она должна подбежать к круглому стулу и, вскочив на него, сесть. Затем отпускаю собаку и не успеваю оглянуться, как она уже сидит на круглом стуле. Пикки разгадал мой "приказ" без малейшего затруднения...»

А вот описание опыта по телепатическому внушению на расстоянии, поставленного в зоопсихологической лаборатории с участием академика Бехтерева в 1926 году:

«Задание состояло в том, что экспериментатор В. Л. Дуров должен передать собаке Марсу мысленный "приказ" пролаять определенное число раз. В.Л.Дуров находится вместе с другими сотрудниками в зале лаборатории. Профессор А.В.Леонтович уводит собаку в другую комнату, отделенную от зала двумя промежуточными комнатами. Двери между этими комнатами А.В.Леонтович плотно закрывает за собой, чтобы достичь звуковой изоляции собаки от экспериментатора.

В.Л.Дуров приступает к опыту. В.М.Бехтерев вручает ему вдвое сложенный листок бумаги, на котором написана одному Бехтереву известная цифра 14. Посмотрев на листок, В.Л.Дуров пожал плечами. Затем достал из кармана блузы карандаш, что-то написал на обороте листка и, спрятав листок и карандаш в карман, приступил к действию. Со сложенными на груди руками он устремляет взгляд перед собой.

Проходит пять минут. В.Л.Дуров в свободной позе садится на стул. Вслед за тем появляется А.В.Леонтович в сопровождении собаки и делает следующее сообщение: "Придя со мной в дальнюю комнату, Марс улегся на полу. Затем вскоре привстал на передние лапы, навострил уши, как бы прислушиваясь, и начал лаять. Пролаяв семь раз, Марс снова улегся на полу. Я уже думал, что опыт закончен и хотел уходить с ним из комнаты, как вдруг вижу: Марс снова приподнялся на передние лапы и опять пролаял ровно семь раз.

Выслушав его, В.Л.Дуров торопливо достал из кармана блузы листок бумаги и подал его Леонтовичу. Все увидели на одной стороне листа цифру 14, на другой стояли дописанные рукой Дурова знаки: 7 + 7. Волнуясь, великий укротитель объяснил: "Владимир Михайлович (Бехтерев) дал мне задание внушить Марсу пролаять 14 раз. Но ведь вы знаете, что передавать число лаев, большее семи, я сам не рекомендую. Я и решил: в уме разбить заданное число пополам – как бы на два задания и передал ощущение лая сначала семь раз, а потом после некоторой паузы, еще семь раз. В таком именно порядке Марс и пролаял"».

Дуров отмечал, что, по его мнению, собаки не воспринимали «приказы» индукторов как нечто внешнее, которому они подчинялись, – а как свою собственную потребность.

Это, кстати, относилось не только к собакам. Вот замечательное описание Бернардом Кажинским опыта по внушению двигательного рефлекса Дуровым своему сотруднику:

«– Владимир Леонидович, вы хорошо умеете передавать мысленное внушение. Заставьте меня мысленно сделать то или иное движение. Интересно, что я при этом буду сознавать или чувствовать. Однако удастся ли это?

– Пустяки, только сидите спокойно! – решительно ответил Дуров, и мы приступили к делу.

Я оставался неподвижным в течение не более двух минут и видел, как мой знаменитый собеседник, не глядя на меня, взял листок бумаги и что-то спешно написал на нем карандашом, который он извлек из кармана своей любимой черной бархатной блузы. Записку он положил на столе надписью вниз, прикрыв ее ладонью, а карандаш водворил на место. Затем Дуров стал смотреть на меня.

Ничего особенного я не почувствовал, только вдруг машинально притронулся пальцем правой руки к коже головы у себя за ухом. Не успел я опустить руку, как Дуров протянул мне

листок, на котором я с изумлением прочитал: "Почесать за правым ухом". Пораженный случившимся, я спросил:

– Как вы это сделали?!

– Вообразите себе, что у меня за правым ухом сильное раздражение кожи и что надо поднять руку и почесать это место. Ощущение зуда за ухом я постарался представить себе наиболее резко. Вот и всё. А что вы почувствовали?

– Конечно, никакой передачи я не почувствовал. Просто мне захотелось почесать за ухом.

Дуров торжествовал:

– В том-то и заключается самое замечательное, что вы восприняли продуманное мной движение, как свою собственную ассоциацию идей и движений, как приказ из своего собственного мозга, да к тому еще и двойного свойства: почувствовали эффект раздражения за ухом и выполнили движение к уху, именно к правому, как я и задумывал».

«Лучи смерти» Григория Календарова

15 марта 1934 года «Ленинградская правда» сообщила, что «за научные заслуги ученые ленинградского филиала Всесоюзного института экспериментальной медицины академик И.П.Павлов, профессор А.Д.Сперанский и молодой научный сотрудник Г.С.Календаров награждены персональными автомобилями».

Рис.6.5. Григорий Календаров (снимок из следственного дела, 1937 год)

Автомобилей в те годы было мало, поэтому для подобной награды требовались серьезные заслуги. Какое же открытие совершил безвестный «молодой научный сотрудник»?

В научных трудах ВИЭМ (ныне – Институт экспериментальной медицины РАМН) упоминаний о его исследованиях не встречается, словно такого сотрудника вообще не существовало. Это означает только одно – Календаров занимался секретными разработками. Из протоколов заседаний институтского Спецбюро можно выяснить, что такие исследования велись под шифрами «Депо», «Корка», «Банка» и «Труба». Две первые темы касались изучения действия ядовитых газов на живой организм. Две другие были окутаны завесой секретности даже для членов Спецбюро. Именно за их выполнение Календарова и наградили персональным автомобилем.

О деятельности Календарова впервые подробно рассказала петербургский историк науки Татьяна Грекова. Вот что ей удалось выяснить.

Григорий Семенович Календаров был специалистом широкого профиля. Работая мастеровым, он обучался в гимназии, превратившейся после революции в опытную школу. Ее Григорий закончил в 1919 году, при этом ухитрившись обучаться на историческом и филологическом факультетах Среднеазиатского университета, а вскоре перевелся на социально-экономический факультет. Здесь он тоже не задержался и осел на медицинском факультете.

Достоверно известно, что Календаров проявлял незаурядное рвение к общественной работе: председательствовал на собраниях, ездил с продотрядом по кишлакам, участвовал в походе на Бухару. Понятно, что за всеми этими делами Григорий совсем запустил учебу. Тогда по личной рекомендации Фрунзе он перевелся в Петроград в Военно-медицинскую академию.

После академии Календаров демобилизовался по состоянию здоровья и, поменяв несколько административных должностей, был избран членом Президиума Бухарского исполкома, а затем членом ЦИК Узбекистана. При этом он якобы проходил интернатуру на медицинском факультете и экстерном закончил физико-математический факультет.

В ВИЭМ Календарова зачислили ассистентом в Отдел экспериментальной биологии. Однако, как и в студенческие годы, он обратил свою кипучую энергию на общественную деятельность. Активный сотрудник сразу приглянулся главе института Льву Николаевичу Федорову, который назначил своего протеже исполняющим обязанности ученого секретаря, посвятил в планы реорганизации института и даже взял на встречу ученых с правительством, которая состоялась в особняке Горького.

На этой встрече Федоров не только представил Календарова как ученого секретаря, но и просил рассказать о наиболее перспективных направлениях исследований. Товарища Сталина так заинтересовали планы Календарова по использованию ультракоротких волн (УКВ) в оборонных целях, что он предложил «ученому» срочно представить свои соображения в письменном виде.

В докладной записке Календаров утверждал следующее:

«Надо изучать действие УКВ на расстоянии. Уже при мощности 10—12 кВт на расстоянии 1—2 метров проволока сжигается, человек, находящийся в поле облучения, может прикосновением пальца зажечь электролампу значительной мощности. Порох за стеной взрывается. Если удастся концентрировать энергию, то границы будут закрыты, ибо всё живое и неживое, попадая в эту зону, сгорит. Можно будет выводить из строя врагов, погружая их в сон или вызывая состояние острого умопомешательства».

Перспективы от внедрения нового оружия казались столь ошеломительными, что Сталин собственноручно внес поправку в представленную смету ВИЭМ, увеличив бюджет института с 20 до 65 миллионов рублей.

Кроме того, наркому внутренних дел Генриху Ягоде, входившему в Комитет содействия ВИЭМ, было приказано начать строительство специальной лаборатории.

Под нее выбрали большой остров неподалеку от Шлиссельбурга. На строительство из средств НКВД было отпущено полмиллиона рублей. Не обидели и в остальном. Зарплата будущих сотрудников была заметно выше, чем у других работников ВИЭМ. Заместитель начальника ленинградского НКВД Иван Запорожец всячески обхаживал Календарова: привозил ему книги из библиотек, подарил охотничье ружье. Самому главе спецлаборатории предоставили квартиру в ведомственном доме НКВД.

Чекисты ревностно оберегали тайны лаборатории. Когда Ворошилов захотел выяснить, как продвигаются работы «по закрытию границ», и послал представителя РККА Синявского ознакомиться с ними на месте, Запорожец велел Календарову сказаться больным и не

появляться в лаборатории. Эта записка, которую Календаров хранил как оправдательный документ, была впоследствии использована в качестве доказательства его преступной связи с «вредителями» Ягодой и Запорожцем, пытавшимися лишить Красную армию «новейших технических средств».

Помимо спецлаборатории Календаров возглавил отдел с претенциозным названием – Отдел колебательной физики и биологии и технической реконструкции советской медицины. При этом вел он себя довольно бесцеремонно, не чтил авторитетов и будоражил коллег туманными намеками о своих «открытиях мирового значения». Ученый совет ВИЭМ не имел возможности проверить, чем занимается Календаров, поскольку его работы шли под грифом повышенной секретности, зато сам он был полностью в курсе исследований, проводившихся в институте, и умело пользовался чужими идеями и результатами. Не скупился он и на дешевые эффекты. Однажды, желая поразить воображение чекистов, Календаров выпросил у коллег из отдела эмбриологии чучело двухголового цыпленка и демонстрировал его на закрытых показах, утверждая, что получил урода, облучая ультракороткими волнами куриное яйцо.

Эксперименты по изучению влияния УКВ на человека Календаров проводил на себе. Вот как он описывает свое самочувствие под воздействием ультракоротких волн:

«В мощном поле возникает ощущение внутреннего тепла и скованность в движениях. Через 2 минуты температура тела повысилась до 38,6, наблюдается учащение пульса, пот, ощущение тепла в суставах переходит в резкую боль. После воздействия в течение суток отмечается головная боль, головокружение, разбитость, нарушение походки, острый голод, который не утоляется даже большим количеством пищи».

У чекистов, однако, этот опыт энтузиазма не вызвал. Их волновало, когда же, наконец, они получат оружие, которое «будет снимать самолеты, как галок, остановит танки и машины, а кавалеристы при попытке обнажить клинки повалятся с лошадей, как снопы».

Запорожец нервничал и торопил своего подопечного. На помощь последнему пришел случай. Однажды при включении высокочастотной установки исчезла телефонная связь со Шлиссельбургом, и Календаров решил извлечь из аварии пользу. Он доложил Запорожцу, что разработал способ выводить из строя средства связи, пережигая аппараты и подвергая телефонисток «смертельному воздействию».

Запорожец немедленно доложил об этом «успехе» Ягоде и, разумеется, попал впросак. Получив от куратора хорошую взбучку, Запорожец в присутствии сотрудников лаборатории назвал Календарова бандитом и аферистом. Тот разыграл из себя обиженного, написал заявление с просьбой освободить его от занимаемой должности, поскольку не может работать в обстановке недоверия и угроз. Ягода тотчас вызвал Календарова в Москву и устроил ему разнос, после чего поставил ультиматум: если Календаров не выполнит обещаний, то отправится гнить в тюрьму; если выполнит, Ягода повесит его портрет в своем кабинете.

История зашла слишком далеко. Календаров мог потянуть за собой не только Федорова, но и руководство НКВД. Поэтому в конце концов дело замяли, перепоручив спецлабораторию военному специалисту.

В ВИЭМ Календарова встретили холодно. Здесь уже давно понимали, что имеют дело с безответственным авантюристом. Почувствовав, что его сторонятся, Календаров направил очередную жалобу Сталину и Молотову. Свои неудачи он объяснял тем, что его затирают, не дают работать, не печатают...

Из ЦК ВКП(б) поступило указание поддержать товарища, и Календарова включили в состав докладчиков на Всесоюзном съезде физиологов. Однако выступление не состоялось – 21 сентября 1937 года Календарова арестовали.

Разумеется, Календаров всеми силами доказывал, что невиновен. Главное обвинение, которое ему предъявили, – участие в антисоветской организации, созданной «врагами народа» Ягодой и Запорожцем, — он отвергал, настаивая, что его отношения с указанными лицами носили чисто служебный характер.

Следователь упорно требовал объяснить отсутствие результатов в исследованиях. Календаров ссылался на недостаточную техническую оснащенность лаборатории и, чтобы представить себя в более выгодном свете, обвинил в этом директора ВИЭМ Федорова.

На всех допросах Календаров утверждал, что действовал в интересах страны и лично товарища Сталина. В своем заявлении на имя начальника ленинградского НКВД он писал: «Решение по моему делу ставит под удар работу, имеющую огромное значение для всей нашей страны, которую мне поручил лично Иосиф Виссарионович Сталин и по которой я несу известные обязательства перед правительством и партией».

От столь серьезного утверждения нельзя отмахнуться – начинаются допросы лиц, причастных к деятельности спецлаборатории. Однако они ничего не знают о контрреволюционной деятельности Календарова – зато готовы свидетельствовать, что «авантюрные опыты Календарова затормозили настоящую постановку дела в СССР».

Все материалы передали прокурору Хайкиной. Поскольку политические обвинения не подтвердились, дело решили прекратить за недостаточностью улик. 29 декабря 1939 года Календаров покинул тюрьму. Вскоре он объявился в московском Институте теоретической геофизики как специалист по физике, затем перебрался в кресло директора Института физиотерапии. Во время войны он служил в госпиталях. После демобилизации переквалифицировался в патофизиолога, переходил с одного места на другое, нигде не задерживаясь больше чем на год. Звезда изобретательного мошенника закатилась навсегда...

Телепаты в Наркомате обороны

В то же время Наркомат обороны проводил свою серию исследований по изучению телепатии. Их принято связывать с именем Леонида Васильева.

Леонид Леонидович Васильев, физиолог-рефлексолог и парапсихолог, увлекался в молодости теософией, выписывал издания Теософского общества в Лондоне, что, по-видимому, и подтолкнуло его к изучению таинственных «психических феноменов». Не меньший интерес Васильева вызывала и тибетская медицина, получившая распространение в Петербурге в начале XX века благодаря успешной практике тибетского врача Петра Александровича (Жамсарана) Бадмаева. Имеются сведения (правда, отвергаемые родственниками Васильева), будто бы незадолго до революции Леонид вместе со своим камердинером совершил путешествие в Тибет, присоединившись к каравану буддийских паломников. Впоследствии он рассказывал об одной довольно необычной водной процедуре, которую ему однажды довелось наблюдать в этой стране: тибетские монахи ходят или стоят неподвижно в проточной воде горного ручья, одновременно вращая установленные там же молитвенные барабаны. Какое-то время пытливый путешественник провел в уединении в пещере, проникаясь медитативной практикой. Позднее Васильев занимался более углубленным изучением тибетской медицины под руководством Николая Бадмаева, лечившего Горького, Алексея Толстого, Бухарина и Куйбышева.

В 1932 году ленинградский Институт мозга «получил задание начать экспериментальное исследование телепатии с целью, по возможности, выяснить ее физическую природу». Научное руководство исследованиями было поручено Леониду Васильеву. Это был удачный выбор. Васильев работал в Институте мозга с осени 1921 года и принимал самое непосредственное участие в исследованиях телепатических явлений, проводимых директором Института академиком Бехтеревым; после его смерти в 1927 году Васильев продолжил эти работы уже по собственному почину, а в 1932 году ему предложили возглавить научное руководство темой.

Исследования в группе Васильева велись в течение почти пяти с половиной лет – с 1932 по 1937 годы включительно.

Аналогичное задание получила и Лаборатория биофизики АН СССР в Москве, подчиненная академику Петру Петровичу Лазареву. Научное руководство темой было поручено профессору Сергею Яковлевичу Турлыгину.

Ни Турлыгин, ни Васильев не знали о работах друг друга. Позже Васильев напишет, что работы Турлыгина «совпали по времени, как мы потом узнали, с аналогичными нашими исследованиями».

Турлыгину удалось впервые обнародовать результаты своих исследований еще в 1939 году в докладе «Об излучении нервной системы человека», сделанном им на заседании биофизической секции Московского общества испытателей природы. Васильеву пришлось ждать до 21 апреля 1960 года, когда он выступил с докладом «Об электромагнитных излучениях мозга» в ленинградском Доме ученых.

В масштабных работах Васильева исследовалось мысленное внушение двигательных актов, зрительных образов и ощущений, сна и пробуждения. Для изучения физической природы носителя применялось экранирование (металлом) мысленно внушающего индуктора или воспринимающего мысленное внушение перципиента, а также увеличение расстояния между индуктором и перципиентом (от 25 метров до 1700 километров). Результат, сообщает Васильев, оказался неожиданным даже для самих исполнителей: ни экранирование, ни расстояние не ухудшали результатов во всех тех случаях, когда они отчетливо проявлялись без экранирования или на малом расстоянии.

В отличие от Васильева Турлыгин получил результаты, которые в основном не противоречили электромагнитной гипотезе. Турлыгину не удалось опубликовать результаты своей работы в полном объеме: рукопись, озаглавленная «Излучение электромагнитных волн человеком», объемом около 70 машинописных страниц, так и осталась в архиве. Ее сокращенный вариант был напечатан в 1942 году.

«Приходится признать, – подводил Турлыгин итоги своих исследований, – что действительно существует некий физический агент, устанавливающий взаимодействие двух организмов между собой. <...> Чисто оптическая картина действия экранов, отражения этого агента от зеркал и дифракционные явления заставляют думать, что этим агентом является электромагнитное излучение, одна из волн которого лежит в области 1,8—2,1 мм».

При подготовке и проведении экспериментов Турлыгин проявил немало изобретательности. В экспериментах участвовало три человека: испытуемый, гипнотизер (индуктор), экспериментатор. Измерительный прибор – секундомер. Задача испытуемого – уловить мысленный приказ индуктора «падать назад». Предоставленный сам себе, испытуемый падал через одну-две минуты после команды «начинаем!»

В случае же, когда к этой команде присоединялся мысленный приказ «падать назад», время начала падения сокращалось до 2-10 секунд. Измеренное секундомером время, прошедшее от начала мысленного воздействия до начала падения испытуемого, было основным критерием результативности воздействия. Эксперименты ставились в звукоизолированной комнате. В одном ее месте стояла сплошь обитая свинцом будка. В ней размещался индуктор. На уровне его лица находилась труба, выходящая из будки наружу. Испытуемые ставились затылком к трубе на расстоянии до двух метров от него. Предполагаемое излучение индуктора должно было проходить через трубу и падать на свинцовый экран, который, предположительно, задерживал излучение.

В других экспериментах излучение направлялось на эбонитовое или медное «зеркало» или между пластин конденсатора. Пройдя через экран, дифракционную решетку, пластины конденсатора либо отразившись от «зеркала», излучение падало на испытуемого. Таким образом исследовалась чисто физическая картина явления.

Оказалось, что свинцовый экран задерживает излучение, что проявлялось в увеличении времени начала падения испытуемого в сравнении со временем падения в опытах без экрана. Опыты с «зеркалом» подтвердили наличие излучения и «оптический» закон его отражения. Опыты с дифракционной решеткой позволили определить длину волны излучения – она оказалась в диапазоне между 1,8 и 2,1 мм. Однако при этом излучение не отклонялось в электрическом поле конденсатора.

Интересен конечный вывод Турлыгина: «С точки зрения физики самым существенным является тот факт, что поведение объекта (испытуемого) – продолжительность экспозиции – дает четкую оптическую картину, которую можно объяснить только наличием лучистой энергии – луча». Ученый не сомневался в реальности зарегистрированного им излучения: «Указанные опыты не оставляют у нас сомнения в наличии излучения, исходящего из организма человека».

Тем не менее оппоненты-скептики упрекали Турлыгина в недостаточной чистоте эксперимента. Они предполагали возможность подсказки, то есть «утечки» информации от индуктора к испытуемому, ведь тот и другой находились в одной комнате...

Впрочем, за отсутствием быстрой практической отдачи оба направления исследований продолжены не были. Работы по изучению феномена телепатии в СССР оказались надолго прерваны.

Секретные эксперименты Института мозга

Соответствующие советские службы интересовались не только телепатией, но и другими способами воздействия на человеческую психику. Так, Леонид Васильев провел целую серию экспериментов по изучению мескалина.

Мескалин является активным галлюциногенным алкалоидом небольшого кактуса, растущего в пустыне и известного в Мексике под названием «пейотль», а в научной литературе – «lophophora williamsi». Название алкалоида происходит от названия индейского племени мескалеро, широко использовавшего этот наркотик. Порции пейотля, приготовленные к употреблению, называются мескалиновыми батончиками.

Некоторые индейские племена и сегодня употребляют мескалин с целью достижения состояния экстаза, способствующего «развитию личности». Духовный наставник известного американского антрополога Карлоса Кастанеды, индеец дон Хуан Матус, рекомендовал своему ученику употреблять пейотль в целях обретения мудрости и знания, как следует жить в этом мире.

В 1925 году французский фармаколог Руийе привез пейотль в Европу, испытал его действие на себе и ряде добровольцев. Все они наблюдали необычайно сильное и длительное возбуждение зрительных центров мозга: при закрытых глазах самопроизвольно возникали и сменяли друг друга, как в калейдоскопе, чрезвычайно яркие и красочные образы.

Леонид Васильев не мог пройти мимо этого феномена. Весной 1946 года в Институте мозга из импортного сырья приготовили мескалиновый экстракт.

«Мы имели возможность поставить несколько опытов с вытяжкой пейотля на двух здоровых испытуемых, студентках 20 и 24 лет», – пишет Васильев.

Пригласив коллег – Терентьева, Гальваса и Периханьянца, профессоров института, – сотрудники группы Васильева скормили девушкам с ложечки горькую, вяжущую рот жидкость и стали ждать.

Дадим слово руководителю группы: «Наступало резкое усиление слуховых ощущений наряду со зрительными: окружающие предметы стали казаться более ярко окрашенными, звуки – более звонкими. Студентки закрывали глаза, и при этом восприятия предметов длительное время сохранялись в виде зрительных образов, которые оказывались не менее

реальными, чем сами предметы. В то же время можно было наблюдать редкий феномен синэстезии: взятые на рояле аккорды различной тональности казались оглушительными и всякий раз при закрытых глазах вызывали ощущение вспышки света, окрашенного в тот или иной цвет. По мере развития отравления нарастало двигательное и эмоциональное возбуждение. Контроль сознания всё время сохранялся, но он не в силах был остановить потока слов и движений. Воля была парализована и не могла подавить неожиданных вспышек эмоций. По заявлению испытуемых, им было очень весело, всё казалось необычайно красивым, и "всё было дозволено". Казалось, что время летит с невероятной быстротой, и поэтому действия и речи окружающих казались раздражающе замедленными. Мысль лихорадочно работала и давала непредвиденные скачки и обороты. Почерк резко изменился, стал более крупным и размашистым. Особенно надо отметить резкое повышение внушаемости – до степени, характерной для гипнотического состояния».

После каждого сеанса испытуемых тошнило, их приходилось откачивать. Предварительную серию исследований мексиканского кактуса свернули, написав статью «К вопросу о психофизиологическом действии пейотля», вышедшую в «Трудах Института мозга».

Позднее Васильев возобновил опыты, пытаясь проверить высказанную гипотезу, что мескалин способен превратить обыкновенного человека в ясновидящего, который может получать информацию о прошлом и будущем непосредственно из окружающего пространства. Испытуемой согласилась стать одна молодая научная сотрудница – физиолог из группы Васильева.

Для проведения эксперимента были изготовлены десять завинчивающихся пеналов из черной пластмассы. Каждый содержал в себе по одному предмету, обернутому белой гигроскопической ватой. Никто из присутствующих не знал, что находится внутри. Предосторожность была необходима, чтобы кто-нибудь, сознательно или бессознательно, не внушил перцепиентке зрительный образ содержимого пенала. Во время опыта капсулы находились в соседней комнате. Одна из них, взятая наугад, давалась испытуемой с предложением в порядке свободных ассоциаций называть приходящие ей на ум образы, а затем попробовать угадать находящийся в коробочке предмет. После каждого опыта ассистент возвращался в другую комнату, отвинчивал крышку и диктовал протоколисту номер обнаруженного предмета по списку. Пронумерованные пеналы выносились из комнаты вразнобой.

19 мая группа засела в лаборатории. Девушка приняла экстракт пейотля.

«При закрывании глаз в поле зрения испытуемой начали возникать, калейдоскопически сменяя друг друга, чрезвычайно яркие и красочные зрительные образы, приводившие испытуемую в восторженное, возбужденное состояние».

В разгар действия мескалина и был поставлен опыт по испытанию внечувственного восприятия. Испытуемой удалось угадать форму и цвет трех предметов из десяти — и лишь в самом начале эксперимента. При этом эксперимент, продолжавшийся двенадцать минут, сильно утомил испытуемую. Две контрольные серии опытов, проведенные за день до применения пейотля и через пять дней после применения, не дали даже таких результатов.

Опыт, казалось, свидетельствовал, что мескалин действительно способствует усилению экстрасенсорных способностей. И это направление требовало дополнительных финансовых вливаний, однако Леонид Васильев не сумел убедить свое руководство в необходимости продолжения экспериментов...

Глава седьмая

Личные колдуны Иосифа Сталина

Большинство современных историков считают руководителя Советского Союза Иосифа Виссарионовича Сталина исключительно здравомыслящим человеком, не верившим ни в

Бога, ни в черта. Но в то же время вождь отличался повышенной подозрительностью, граничащей с паранойей, и вряд ли мог обойти вниманием слухи о том, что некоторые люди, одаренные паранормальными способностями, могут причинить серьезный вред своим врагам, даже не вступая с ними в непосредственный контакт...

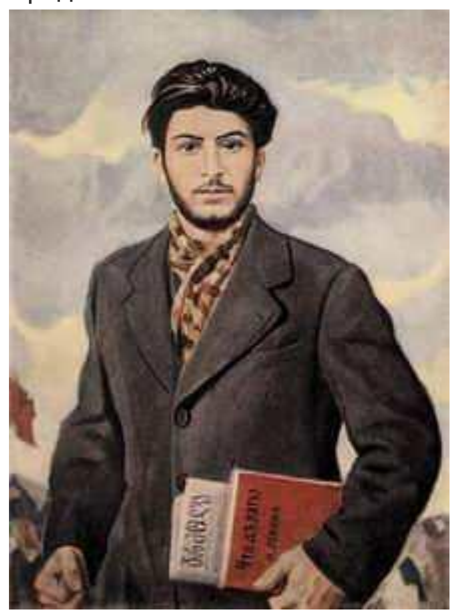


Рис.7.1. Сосо Джугашвили – будущий вождь коммунистов

Суеверия Сталина

Хорошо известно, что Сталин был атеистом. Но при этом имел хорошее духовное образование – то есть должен был разбираться в мистике и эзотерике.

В 1888 году родители отдали Сосо Джугашвили в Горийское духовное училище, после окончания которого в 1894 году тот поступил в Тифлисскую духовную семинарию, причем как отличник был принят «на казенный счет». Он всерьез готовился стать священником, но модная тогда революционная литература увлекла Иосифа, и он начал посещать марксистские кружки. А вскоре проявил себя таким активистом, что 27 мая 1899 года (на пятом году обучения!) его исключили из семинарии за «вольнодумство» и «чтение недозволенной литературы». Сохранившийся до наших дней «Журнал проступков учеников» буквально пестрит записями, подтверждающими, что юный Джугашвили был настоящим бунтарем: «О чтении воспитанником И.Джугашвили запрещенных книг» (в число которых вошел даже роман Гюго «Труженики моря»), «Об издании И.Джугашвили – нелегального рукописного журнала», «Читал недозволенные книги», «Грубое объяснение с инспекцией», «Обыск у Иосифа Джугашвили, искали недозволенные книги».

После изгнания из семинарии Иосиф устроился на работу в Тифлисскую физическую обсерваторию – вычислителем-наблюдателем. Это только способствовало формированию его атеистического мировоззрения. Потом будущий диктатор стал профессиональным революционером и брался за самую грязную работу – например, за подготовку экспроприаций, обычно сопровождавшихся большим количеством жертв как со стороны экспроприируемых, так и со стороны экспроприирующих. Ясно, что в это время он окончательно расстался с верой в Бога и бессмертие души. Но, как это часто случается с атеистами, стал суеверным.

Суеверный человек отличается от глубоко верующего демонстративным пренебрежением к каким-либо церковным обрядам или религиозным ритуалам, сопровождаемым боязливым отношением к всевозможным приметам, пророчествам,

гаданиям и главное – к слухам о странных событиях и явлениях, совершенно не вписывающихся в материалистическую картину мира.

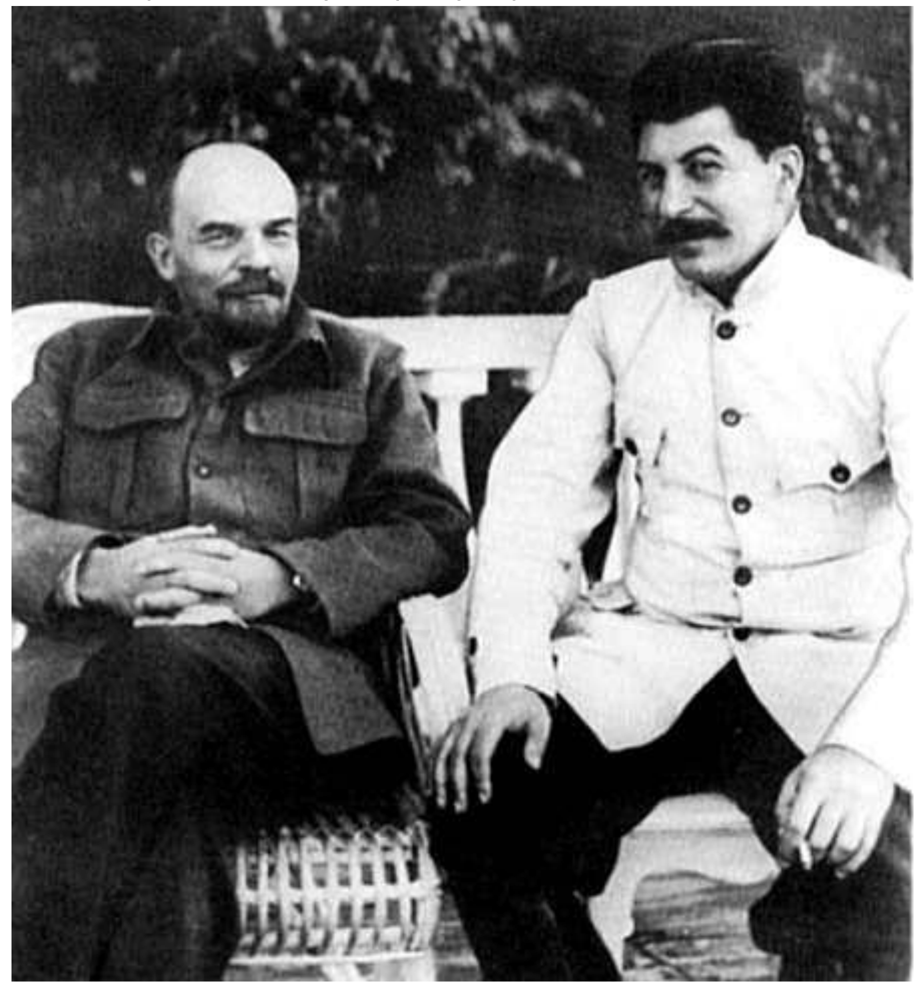


Рис.7.2. Владимир Ленин и Иосиф Сталин – встреча в Горках

Очевидцы, общавшиеся со Сталиным, свидетельствуют: до самой смерти он продолжал интересоваться эзотерической литературой, читал переводы, делал пометки на полях книг, запрещенных в СССР к широкому распространению.

Но вождь никогда не давал повода думать, будто бы он верит этим книгам и этой литературе. Более того, он запретил юбилейное издание сборника своих юношеских стихов, в котором отчетливо прослеживаются эзотерические мотивы. Вот только одно стихотворение оттуда:

Шел он от дома к дому,
В двери чужие стучал.
Под старый дубовый пандури
Нехитрый мотив звучал.
В напеве его и в песне,
Как солнечный луч чиста,
Жила великая правда —
Божественная мечта.

Сердца, превращенные в камень,
Будил одинокий напев.
Дремавший в потемках пламень
Взметался выше дерев.
Но люди, забывшие Бога,
Хранящие в сердце тьму,
Вместо вина отраву
Налили в чашу ему.
Сказали ему: «Будь проклят!
Чашу испей до дна!..
И песня твоя чужда нам,
И правда твоя не нужна!»

Когда читаешь такое, то перед глазами возникает совсем другой образ Сталина – очень отличающийся от того, к которому мы привыкли по книгам и фильмам. Сумел ли он убить в себе это чувствительное отношение к окружающему миру или оно затаилось до поры, проявляясь лишь через отдельные суеверия?

Личная ведьма Сталина

Так или иначе, но даже тайна, которой Сталин окружил свою личную жизнь, не смогла навсегда сокрыть от пытливых исследователей правду о его контактах с представителями мира магов и прорицателей.

Рис.7.3. Иосиф Сталин в 1930 году

Будучи достаточно начитанным человеком, вождь мирового пролетариата, разумеется, знал, что в оккультных кругах популярны практики, позволяющие воздействовать на человека посредством совершения действий с его символической фигурой или фотографией (процедура энвольтования). Чтобы противостоять такому воздействию, следовало заручиться поддержкой более могущественных и опытных магов.

Вот настоящее чудо – сохранилось даже свидетельство, как Сталин беседовал на эту тему с вождем ленинградских коммунистов Сергеем Мироновичем Кировым.

Сталин и Киров часто встречались и не раз отдыхали вместе, тем более что Киров раньше долго работал на Кавказе. Однажды Сталин рассказал Кирову необычную историю, вычитанную в книге.

Осенью 1590 года бервикские ведьмы из Шотландии вызвали бурю на море и потопили корабль короля Эдуарда, плывшего из Кинг-Хорна в Лайз. Корабль короля разбился о скалы, многие вельможи утонули. Таким образом, смерть короля наступила не в результате покушения со стороны могущественных политических противников, мечтавших о его свержении (в любом королевстве найдутся такие противники), а в результате заклинаний слабых женщин, которых в приличном доме не пустят на порог.

Рис.7.4. Иосиф Сталин на охоте

Нет никаких указаний на то, что во время той беседы Сталин прямо просил Кирова подыскать ему подходящего «специалиста» по магии и колдовству, но Сергей Миронович, который действительно был близким другом диктатора, запомнил этот разговор и, вернувшись в Ленинград, дал поручение заняться этим вопросом одному из руководителей местного ОГПУ Медведю (впоследствии расстрелянному по делу об убийстве Кирова).

Долго Медведю искать не пришлось. Всему Ленинграду была известна «потомственная ведьма» Наталья Львова, обладавшая поистине незаурядными способностями и опытом.

Достоверных сведений о ней мало, но по Питеру ходили слухи, что Львова обладала необычной магической силой. Рассказывали о ней следующее. Будто бы Львова умела полностью лишать людей воли и какой-либо способности к сопротивлению. Будто бы она – родственница знаменитого князя Львова, бывшего предводителем дворянства Владимирской губернии. Разумеется, никаких документов, доказывающих это, не было ни тогда, ни теперь.

Подробно о Львовой рассказывает в своих воспоминаниях только один знаменитый современник – поэтесса Анна Андреевна Ахматова. Женщины были знакомы еще с дореволюционных времен и пользовались гостеприимством друг друга.

По свидетельству Ахматовой, Львова имела в своем арсенале различные колдовские принадлежности. Например, у нее всегда под рукой был атаме – тупой и достаточно большой двусторонний нож с черной рукояткой, используемый для направления в окружающее пространство психической энергии, «исходящей из тела самой ведьмы». Видимо, этот инструмент помогал магу сконцентрировать свою энергию, как невидимый луч.

Еще Анна Андреевна упоминает красивый кубок из «сплава красного цвета» – видимо, очень старый, с загадочным орнаментом по краям. Поэтесса не смогла на взгляд определить, в какие времена и какой народ его сделал.

При проведении своих колдовских ритуалов, которые с разрешения хозяйки довелось наблюдать и Ахматовой, Наталья Львова неизменно надевала на голову специальный металлический обруч, украшенный изображением полумесяца.

Еще, как отмечала Ахматова, у ведьмы было множество других предметов, совершенно непонятного назначения: какие-то раскрашенные палочки, высушенные птичьи лапки, ветхие книги в потертых кожаных переплетах с медными золочеными застежками, баночки со снадобьями и прочее. Книги, понятное дело, манили к себе Ахматову – ей страстно хотелось заглянуть в них, но что-то удерживало от этого шага.

Свидетельствует Ахматова и о выдающихся способностях ведьмы: «Наталья Львова при мне выгрызла зубами грыжу у четырехмесячного ребенка. Это была настоящая операция плюс множество заклинаний и какой-то сложный обряд. Ребенок выздоровел».

Разве мог чекист Медведь проигнорировать такую заметную фигуру?

Доподлинно известно, что в 1930 году Наталью Львову по личному распоряжению Иосифа Сталина вызвали из Ленинграда в Москву. В столице ей немедленно выделили отдельную квартиру в центре, что по тем временам неоспоримо свидетельствовало о высочайшей «монаршей милости»: только высокопоставленные партийные и советские работники, орденоносцы и публичные люди имели отдельную жилплощадь. Понятно, что Львова начала усердно работать, выполняя тайные поручения вождя народов.

Какие же услуги могла оказывать «потомственная ведьма» Сталину?

Прежде всего – консультационные. Она могла дать ему советы по охране образа от магического воздействия. Так, на известных картинах и большинстве фотографий изображен не сам Сталин, а его двойники или облагороженный образ, который никак не может быть использован враждебными магами для энвольтования. А единственная подлинная фотография вождя, которую Сталин дарил на память гостям и знакомым, абсолютна защищена от любых воздействий – он сфотографирован на ней вполоборота, сощурившись, раскуривающий трубку. Глаза Сталина – самое уязвимое в магическом смысле место у человека – на этом историческом снимке прикрыты, а так называемый «внешний энергетический контур» защищен огнем.

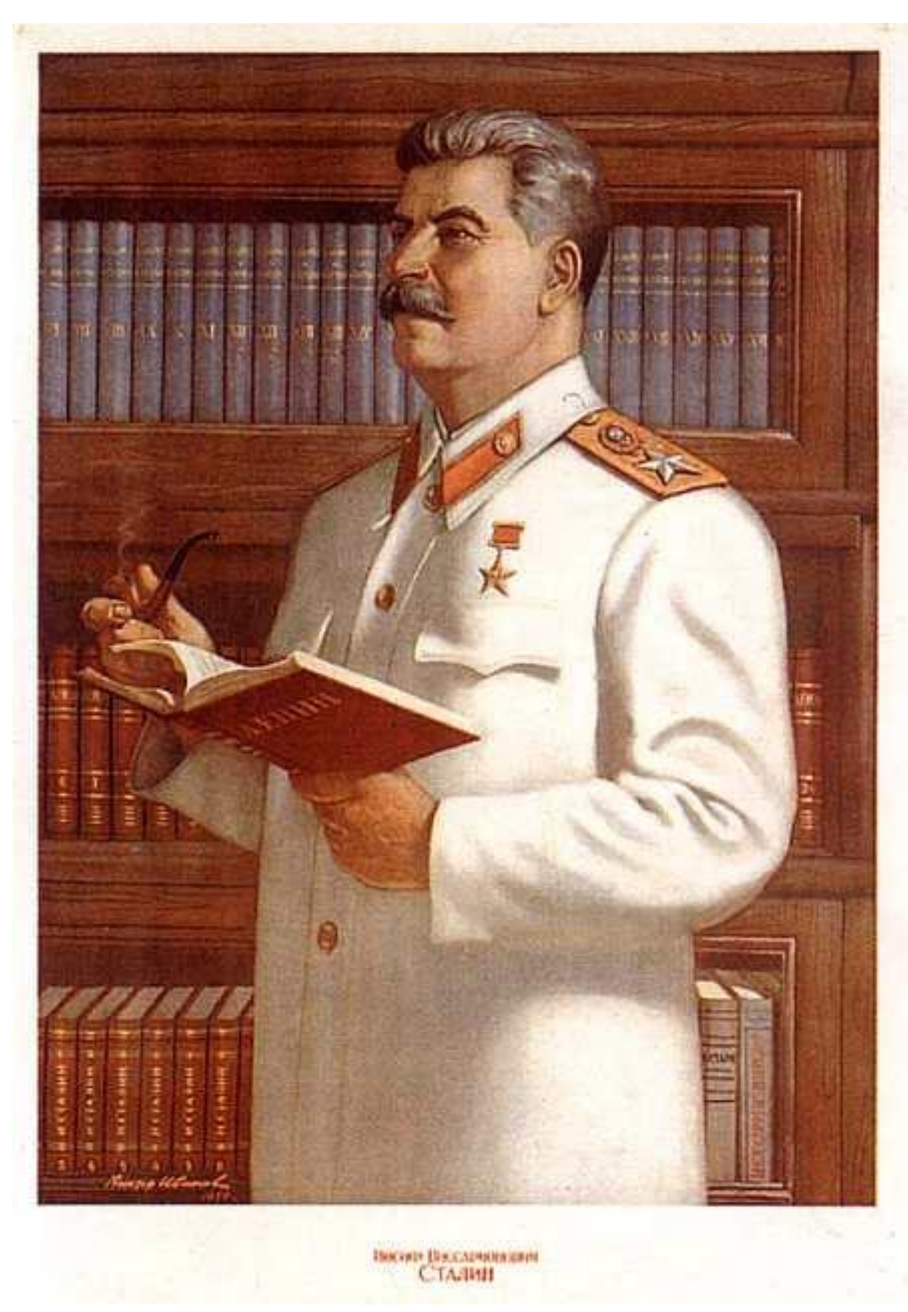


Рис.7.5. Иосиф Сталин (подарочная открытка)

С другой стороны, ведьма могла отслеживать различные попытки совершить метафизическое покушение на вождя и сообщать ему о них. О том, что такое возможно, Сталин знал не понаслышке. Основатель гелиобиологии Александр Чижевский рассказывал, что в 1920 году в одном из домов на окраине Петрограда встретились несколько сильнейших экстрасенсов и «чернокнижников». Они начали совершать с изображениями Ленина, Троцкого и Сталина процедуру энвольтования. Чекисты, которых кто-то предупредил о цели собрания, отнеслись к этому магическому обряду крайне серьезно. Настолько серьезно, что расстреляли всех участников действа – сразу, без допроса.

Кроме того, навсегда осталась засекреченной подлинная дата рождения Сталина – по совету ведьмы Львовой или какого-то другого мистика вождь сделал так, чтобы посторонние астрологи не могли предсказать его судьбу или узнать его слабости.

Некоторые зарубежные авторы сообщают, что вождь использовал знания ведьмы для борьбы с масонами и некоторыми своими политическими противниками, стараясь с их помощью подавить их волю, полностью подчинить себе, заставить совершать роковые ошибки. Будто бы Львова, в магических способностях которой вождь успел убедиться, стала грозным оружием его тайной власти – оружием сильным, страшным и загадочным, от которого непосвященные не имели никакой возможности защититься.

Использовались необычные способности Львовой и при подборе кадров. А ведь именно подбор кадров был главной обязанностью Сталина как секретаря ЦК ВКП(б). Есть непроверенные данные о том, что после каждого ее магического сеанса, проведенного по указанию вождя, в правительстве и ЦК партии большевиков следовали неожиданные кадровые перестановки, суть которых никто из посторонних понять не мог. И уж тем более никто не мог предсказать, что случится завтра и кто какую должность займет...

Дальнейшая судьба Натальи Львовой сокрыта в тумане. Возможно, ее ликвидировали, а возможно, она умерла от естественных причин...

Рис.7.6. Руководство Советского Союза на мавзолее Ленина (24 июля 1938 года)

Магическая охрана Кремля

Есть и другие косвенные доказательства того, что Сталин создавал при Кремле своеобразную «магическую охрану» – само существование которой могло бы успокоить его суеверные опасения, что по нему могут нанести удар посредством какого-нибудь ритуала, концентрирующего психическую энергию врагов и превращающую ее в оружие.

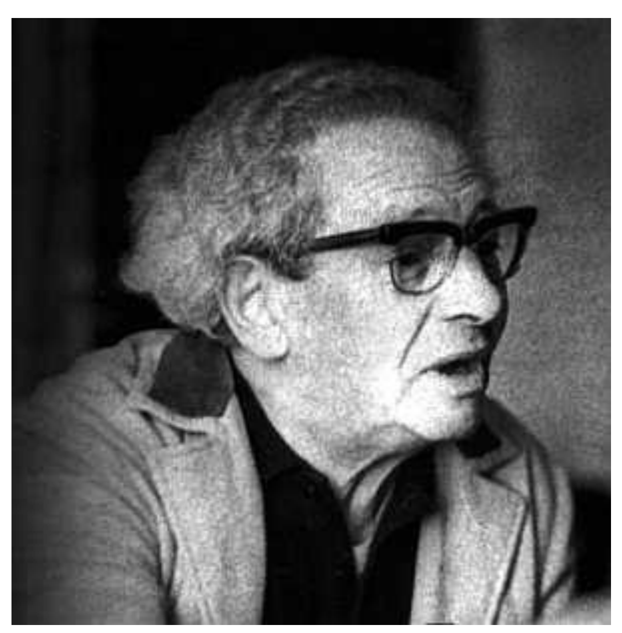


Рис.7.7. Вольф Мессинг, телепат и гипнотизер

Например, известно, что вождь периодически обращался за консультациями к экстрасенсу и «провидцу» Вольфу Григорьевичу Мессингу. Этот человек, выходец из нищей еврейской семьи, прославился публичными выступлениями с демонстрацией «телепатических опытов». Подробностей своих бесед с вождем народов Мессинг не сообщает даже в мемуарах, хотя обо всем остальном хвастается напропалую. Но мы можем составить себе примерное представление о тех задачах, которые ставил перед ним Сталин, на основании монографии Варлена Стронгина «Сталин и ясновидящий Вольф Мессинг». Стронгин реконструирует беседу Мессинга с Берией:

«– Вы служите верно великому Вождю и Учителю всех народов. Я не обижаюсь на вас. Сталин еще увидится с вами. Я в этом не сомневаюсь. А на память о нашей встрече я дам указание повысить вашу концертную ставку.

– У меня высшая ставка, – сказал Мессинг.

– Дадим персональную! – проявил удивительную осведомленность в концертных бухгалтерских делах Берия. – Еще дадим гастрольную надбавку!

– Надбавку платят.

– Тогда получите еще пятьдесят процентов за мастерство! – с видом благодетеля произнес Берия. – Но если заметите явное отклонение в здоровье Вождя, то тут же передайте мне.

– У Сталина свои врачи, – заметил Мессинг.

– Сегодня – врачи, а завтра – убийцы! Шутка! – криво улыбнулся Берия и проводил Мессинга до первого караульного, – доставьте его домой в моей машине...»

Таким образом, Сталин через Берию дал понять Мессингу, что главной его работой отныне будут не эстрадные выступления, а наблюдения за «здоровьем вождя». Но чем тут мог помочь Мессинг, который даже не имел серьезного медицинского образования? Наверное, только одним. «Ясновидец» мог заметить то, чего не увидит ни один врач, а именно – последствия разрушительного психофизического воздействия, легкие нарушения в моторике вождя, несоответствия его поведения определенному эталону.

Интересно, что работа над созданием «магической охраны» велась по многим возможным направлениям. Например, до войны графология (то есть составление

психологического портрета по почерку) считалась одной из разновидностей магии, и серьезными людьми за науку не принималась. Однако Кремль считал иначе, и всячески «подкармливал» профессиональных графологов, держа их на коротком поводке.

Например, в 1920-х годах в доме № 4 по Советскому (Суворовскому) проспекту обитала бывшая баронесса Дидерикс. Она подрабатывала сочинением психологических портретов по почерку. Сидя за маленьким столиком в фойе кинотеатров «Астарте» и «Юпитер», она очень быстро анализировала почерки желающим перед началом сеанса и составляла письменное заключение.

Свидетельствует исследователь «мистического» Петербурга Михаил Шахнович:

«В начале 1933 года я встретил Дидерикс, у которой в детстве учился музыке, очень расстроенную. Начальник милиции предупредил ее, что она как "бывшая", да еще гадалка, не получит паспорта и ей придется покинуть Ленинград.

Мне очень жаль было старуху. Я обещал ей помочь. В то время в московском издательстве "Атеист" должна была быть опубликована моя книга, написанная совместно с А.В.Дубровским, "Тайны спиритизма". Рукопись читал Верховный прокурор СССР П.А.Красиков и дал очень хороший отзыв. Я попросил Ивана Анатольевича Шпицберга, директора издательства, передать П.А.Красикову, что я прошу помочь Дидерикс получить паспорт: милиция не понимает отличия почерковедения от мистической графологии и относит почерковедов к шарлатанам. Я надеялся, что Петр Ананьевич, как бывший петербургский присяжный поверенный, знает о существовании почерковедения, применяемого для экспертизы документов в целях выяснения принадлежности их определенному лицу. Судебный эксперт может установить, в спокойном ли состоянии находился человек во время написания их, а также некоторые другие факты. Такой графолог может установить подложность векселей, писем, анонимных пасквилей.

Мои надежды оправдались. Как-то утром ко мне прибежала Дидерикс и сообщила, что только сейчас у нее был сам начальник милиции Смольнинского района и вручил паспорт, "по приказу, полученному по телефону, из Кремля"...»

К сожалению, исчерпывающих документов, в которых содержались бы все подробности формирования столь необычной спецслужбы, нет даже в секретных архивах. Кое-что Сталин не считал нужным доверять бумаге. История «магической охраны» Кремля из числа тайн, которые так и останутся тайнами...

Глава восьмая

Тайные битвы «Священной войны»

Когда в июле 1941 года Иосиф Сталин обратился к советскому народу, он призвал всех, вне зависимости от вероисповедания и социального положения, вступить в «священную войну» против немецко-фашистских захватчиков. Само это словосочетание «священная война» имеет глубокий сакральный смысл. Даже те из граждан Советского Союза, кто всю свою жизнь придерживался главной заповеди «не убий!», должны были взять в руки оружие и пойти защищать свой дом и семью от агрессора. Священность войны подразумевала прощение грехов, совершенных во имя Победы. Это был самый мудрый ход Сталина за всю его карьеру как политического деятеля – апелляция к глубинным верованиям народов России, к убежденности, что Бог с нами, а значит, мы победим, позволила мобилизовать такие силы, которые, казалось, навсегда исчезли в атеистическом большевистском государстве. Адольф Гитлер рассчитывал, что всё будет иначе, и проиграл...

Православное пророчество о крахе нацистской Германии

Сегодня уже известно, что гитлеровские пропагандисты под руководством Геббельса использовали средневековые пророчества для укрепления веры немцев и их союзников в том, что Третий рейх в буквальном смысле обречен на победу.

Кто-то обратил внимание Геббельса на предсказания знаменитого Мишеля Нострадамуса, жившего в XVI веке и оставившего после себя цикл рифмованных четверостиший (катренов), в которых якобы предсказывалась судьба человечества на несколько тысяч лет вперед. Узнав о том, что немецкий астролог Карл Эрнст Крафт не только хорошо знаком с писаниями Нострадамуса, но и верит в неизбежную победу Германии, Геббельс привлек Крафта к работе в своем министерстве. Умело препарированные стихотворные пророчества средневекового мистика превратились в оружие идеологической войны.

Нострадамус писал крайне туманно, чтобы не выдавать секреты непосвященным. Это позволяло толковать его катрены как кому заблагорассудится. В дневнике Геббельса от 22 ноября 1939 года читаем:

«Эту вещь мы можем использовать в течение длительного времени. Я запретил публикацию всех предсказаний Нострадамуса. Они должны распространяться написанными от руки, тайно <...>. В этом должен быть привкус чего-то запретного <...>. Естественно, что весь этот глупый вздор нужно также забрасывать и во Францию».

Брошюры с расшифровкой текстов Нострадамуса, сделанной Крафтом и, естественно, предрекающей скорую победу Третьего рейха, распространялись во Франции по мере ее оккупации немецкими войсками...

Неизвестно, знали об этом опыте советские пропагандисты или они дошли до идеи своим умом, но оказывается, что нечто подобное делалось и в Советском Союзе. Только обращались они не к писаниям средневекового европейского мистика, а к православным пророчествам, которые были куда ближе и понятнее живущим в нашей стране.

Например, сохранился текст листовки, распространявшейся среди православного населения Белоруссии осенью 1942 года. Привожу его здесь целиком:

«ИЗУМИТЕЛЬНОЕ ПРОРОЧЕСТВО

Православные христиане, читайте изумительное пророчество, сделанное схимонахом Иоанном в 1600 году.

Пришествие его считалось совершившимся уже не один раз, и не один раз люди обманывались, так как все злодеи мира похожи друг на друга.

Настоящий антихрист будет один из диктаторов страны Лютера, он будет выдавать себя за посланника Бога. Этот князь мира будет принимать клятву на Евангелии и будет называть себя рукой Всевышнего, призванной покарать народы.

Оружие его – хитрость и вероломство, его шпионы рассеются по всей земле, и он обладает тайнами сильных людей.

Он подкупит ученых, которые засвидетельствуют, что он призван для совершения божественной миссии.

Война даст ему возможность снять маску, та война, которая уже через две недели станет всеобщей.

В эту войну будут вовлечены все христианские народы, все мусульмане и отдаленнейшие племена. С четырех концов света двинутся войска. На третью неделю ангел просветит человеческие умы и люди поймут, что они воюют с антихристом и что они должны победить его, если не хотят стать его рабами.

Антихриста узнают по многим признакам, он будет избивать священников, монахов, женщин, и детей, и стариков, он никому не даст пощады, он пройдет по земле, как варвар, он будет выдавать себя за Христа.

Его слова будут походить на христианские, но его поступки будут поступками Нерона. В гербе его будет черная свастика, и подобный же герб будет в гербе его союзника, другого

дурного монарха. Чтобы победить антихриста, придется убить людей больше, чем их было во всем Риме, но понадобится усилие всех государств, потому что петух, леопард и горный орел не смогли бы осилить черного дракона, если бы им не помогли молитвы и участие всего человечества. Никогда еще человечество не избегало большей опасности, так как триумф антихриста был триумфом сатаны.

Ибо предсказано, что через 20 веков после воплощения Слова воплотится, в свою очередь, зверь и будет угрожать принести земле столько же зла, сколько блага принесло ей божественное воплощение.

Армия антихриста будет многочисленная, среди нее будут христиане, так же как будут магометане и язычники среди армий, защищающих агнца.

В первое время войны вся земля пропитается кровью, красными будут небо и вода и даже самый воздух.

Черный дракон нападет на петуха, который потеряет много перьев, но который отразит мужественно нападение. Однако у него не хватило бы сил, если бы ему не помог леопард и его когти.

Черный дракон залетит тогда с другой стороны и разгромит половину владений петуха.

Горный орел налетит на черного дракона и его союзника и уничтожит этого союзника, тогда на помощь поспешит черный дракон, который на время оставит в покое петуха.

Битвы в начале войны покажутся ничтожными в сравнении с теми битвами, которые произойдут в стране Лютера.

Когда зверь почувствует, что он ранен, он рассвирепеет, горному орлу, петуху и леопарду понадобятся месяцы, чтобы уничтожить его.

Реки будут завалены горами трупов, погребать будут только принцев крови и первых военачальников, на помощь мечу придет голод. Антихрист несколько раз будет просить мира, но мира ему не дадут до тех пор, пока победа над ним не будет полной.

Защитники агнца не отступят до тех пор, пока у антихриста в войске останется хоть один солдат.

Антихрист потеряет свою корону и умрет в одиночестве и изгнании. Империя его будет разделена на 22 государства, но ни в одном из них не будет ни войска, ни оружия.

Горному орлу будет принадлежать счастье спасения Европы, населенной христианами.

Тогда наступит вечный мир, и каждая нация будет жить по законам справедливости и правды.

Счастливы будут те, кто победит в борьбе, они узрят новое человечество и новое царство, которое наступит после падения черного дракона...»

Ниже давалась расшифровка слов схимонаха: «В пророчестве в аллегорической форме переданы события Второй мировой войны. Черный дракон – это Германия, возглавляемая диктатором Гитлером. Союзник черного дракона, также имеющий в своем гербе свастику, – это Финляндия. Петух – Франция, в гербе которой присутствует галльский петух. Леопард – Британская империя, в гербе которой, правда, есть лев, а не леопард. А горный орел – это Россия».

Такая трактовка представляется довольно вольной, но простим за это советских пропагандистов. Они делали правое дело, показывая верующим людям, что признать победу Германии и покориться оккупантам – означает отказаться и от своей веры, и от всего, что наполняет жизнь православного человека смыслом...

Рис.8.1. Советский плакат «Родина-мать зовет!»

Военные победы чудесной иконы

Но не только соответствующим образом расшифрованные пророчества оказывали мобилизующее влияние на население. Всю войну и после из уст в уста передавались предания о необыкновенной Казанской иконе Божией Матери, которая явила чудеса на поле брани. Вера в ее силу была настолько велика, что это не могли оставить без внимания советские военачальники.

Дело было так. В 1941 году в Валаамском монастыре, территория которого относилась тогда не к Советскому Союзу, а к Финляндии, один из последних православных старцев Валаама доживал свой век при монастыре. Однажды в течение трех дней кроме него служить оказалось некому. И во время служб, день за днем, он стал свидетелем трех видений.

В первый день старец увидел Богоматерь и целый сонм святых, со слезами умоляющих Спасителя не оставлять Россию в беде. Во второй день о том же Иисуса Христа умоляли Матерь Божия и Иоанн Креститель. На третий – одна Богоматерь. И Спаситель, который на прежние моления отвечал, что мерзость запустения в России велика настолько, что терпеть

ее далее невозможно, ответил Своей Матери: «Я знаю, как ты любишь Россию, и ради слов твоих не оставлю ее. Накажу, но сохраню...»

Когда началась Великая Отечественная война, Патриарх Антиохийский Александр III обратился с посланием к христианам всего мира о молитвенной и материальной помощи России. Среди истинно верующих на тот момент было очень мало тех, кто считался другом большевистской России, – жива была память о разрушенных храмах, конфискации святынь и массовых расстрелах священников. Однако бывшие враги стали друзьями, когда над страной нависла черная тень. Так, иеросхимонах Серафим Вырицкий тысячу дней и ночей стоял на коленях в молитве о спасении страны и народа России.

Молился и митрополит гор Ливанских Илия (Антиохийский Патриархат). После обращения Александра III митрополит Илия решил затвориться и просить Божию Матерь открыть, чем можно помочь России. Он спустился в каменное подземелье, куда не доносился ни один звук, где не было ничего, кроме иконы Божией Матери. Владыка не ел, не пил, не спал, а только, стоя на коленях, молился перед иконой с лампадой. Каждое утро владыке приносили сводки с фронта о числе убитых и о том, куда дошел враг. Через трое суток бдения ему явилась в огненном столпе Сама Божия Матерь и объявила, что избран он, истинный молитвенник и друг России, для того, чтобы передать определение Божие для страны и народа Российского. Если всё, что определено, не будет выполнено, Россия погибнет:

«Должны быть открыты во всей стране храмы, монастыри, духовные академии и семинарии. Священники должны быть возвращены с фронтов и тюрем, должны начать служить. Сейчас готовятся к сдаче Ленинграда, – сдавать нельзя. Пусть вынесут чудотворную икону Казанской Божией Матери и обнесут ее крестным ходом вокруг города, тогда ни один враг не ступит на святую его землю. Это избранный город. Перед Казанскою иконою нужно совершить молебен в Москве; затем она должна быть в Сталинграде, сдавать который врагу нельзя. Казанская икона должна идти с войсками до границ России. Когда война окончится, митрополит Илия должен приехать в Россию и рассказать о том, как она была спасена».

Владыка связался с представителями Русской Церкви, с советским правительством и передал им всё, что было определено.

Сталин вызвал к себе митрополита Ленинградского Алексия (Симанского), местоблюстителя патриаршего престола митрополита Сергия (Страгородского) и обещал исполнить всё, что передал митрополит Илия.

Рис.8.2. Казанская икона Божией Матери (образ начала XVIII века)

Казанская икона Божией матери не раз оказывала услугу России. Ее история началась во время одного из самых тяжелых периодов нашей истории – последних лет царствования Иоанна Грозного. В июне 1579 года в Казани случился страшный пожар, который уничтожил половину города. Население было смешанным: большую часть составляли мусульмане, меньшую – православные. И популярность приобрело мнение о том, что в случившемся виновато именно это меньшинство.

Тогда девятилетней Матроне, дочери стрельца Даниила Онучина, явилась во сне икона Божией Матери. Потом, также во сне, ей было видение Самой Богородицы, которая сказала, что Ее икона находится в земле, там где до пожара находился дом родителей девочки, и об этом нужно рассказать архиепископу и городским начальникам. Во время же третьего видения девочка чудесным образом была перенесена на пепелище своего дома.

Однако «отцы города» не вняли словам ребенка. Тогда мать стала сама рыть землю в поисках иконы. Узнав, в чем дело, многие пришли помогать – перекопали весь двор, но икону найти не могли, пока сама Матрона не взяла в руки заступ и начала копать. К великой своей радости, она обнаружила завернутую в кусок сукна икону Божией Матери с Младенцем. Случилось это 8 июля (21 июля по новому стилю).

Одним из первых очевидцев этого события был местный священник Гермоген, которому впоследствии было суждено стать Патриархом Московским и всея Руси. Он писал: «Чудотворный образ чудно сиял светлостью, как будто вновь был написан красками».

Крестный ход в честь этого события сопровождался огромным стечением народа. Тогда же и произошли первые чудеса – исцелилось несколько больных, приложившихся к иконе.

Свою чудесную помощь в масштабах всей страны икона явила в Смутное время, когда Россия подверглась вторжению польских интервентов. Поляки взяли Москву, захватили в плен Патриарха Гермогена. В заточении Патриарх молился Богоматери о спасении России, ему удавалось тайно рассылать призывы к русским патриотам, чтобы они «крепко стояли за

веру, унимали грабеж <...> и, как обещались, положили души за Дом Пречистой [т.е. за Россию — *А.П.*], за чудотворцев и за веру». И вскоре возникло ополчение Минина и Пожарского.

С копией Казанской иконы войска князя Пожарского подошли к Москве. Готовясь к штурму, православное воинство три дня постилось и молилось пред иконой Богоматери о победе. В эти дни в Кремле умиравшему от голода в плену у поляков архиепископу Арсению было во сне видение преподобного Сергия Радонежского, в свое время благословившего святого князя Дмитрия Донского на Куликовскую битву. Преподобный сказал: «Арсений, наши молитвы услышаны, предстательством Богородицы суд Божий об Отечестве преложен на милость, завтра Москва будет в руках осаждающих и Россия спасена».

22 октября (4 ноября по новому стилю) 1612 года был взят Китай-город, а через два дня – Кремль. И на следующий день русские войска с крестным ходом вошли на Красную площадь с Казанской иконой Богородицы впереди...

В 1709 году, накануне Полтавской битвы, по приказу Петра копия Казанской иконы была доставлена в стан русской армии под Харьковом. Царь долго молился перед иконой, повелел обнести образ перед полками. Во время битвы 27 июня икона стояла на поле боя. Русское воинство разбило врага...

В 1811 году, перед самым началом войны с Наполеоном, икона, была перенесена в Казанский собор Санкт-Петербурга, построенный специально для того, чтобы поместить в нем прославленную на всю Россию икону.

В 1812 году главнокомандующий князь Михаил Кутузов, перед отъездом в армию, на коленях перед Казанской иконой слушал молебен Покровительнице земли русской и со слезами просил Пречистую Богородицу спасти Россию. По окончании молебна протоиерей Казанского собора поднес фельдмаршалу копию Казанской иконы Божией Матери в медальоне, которую князь носил на груди.

И снова святой образ защитил страну от нашествия. 4 ноября (по новому стилю), в день празднования Казанской иконы Божией Матери, русские войска под предводительством Милорадовича и Платова разбили французский арьергард Даву. Это была первая победа русского оружия в Отечественной войне. Враг потерял 7 тысяч человек. В этот день выпал первый снег и начались сильные морозы, так губительно отразившиеся на армии неприятеля.

Спасение России

И в Великой Отечественной войне 1941 года всё произошло так, как и было предсказано. Уже не было сил, чтобы удержать врага. В Ленинграде был страшный голод, ежедневно умирали тысячи людей — но вера в победу жила!

Из Владимирского собора вынесли Казанскую икону Божией Матери и обошли с ней крестным ходом вокруг Ленинграда. В десяти храмах города начались регулярные богослужения. В одном из городских музеев хранится расписание служб декабря 1941 года в Николо-Богоявленском соборе, где заполнены графы каждого дня. Фотографии тех лет запечатлели столпотворение внутри собора и у его входа. По рассказам очевидцев, народ не расходился даже во время бомбежек.

И произошло удивительное. Гитлер изменил свои планы, приказав остановить танки перед самым Ленинградом, хотя не представляло большого труда войти в измученный город. Благоприятный момент оказался упущен, и произошел перелом событий. Враг так и не переступил черты, проведенной крестным ходом вокруг осажденного города.

Таким образом, подтвердились слова, сказанные святителем Митрофаном (Воронежским) Петру I о том, что город святого апостола Петра избран Самой Божией Матерью, и пока Казанская Ее икона находится в городе и есть молящиеся, враг не может войти него. Вот почему петербуржцы так почитают Казанскую икону Божией Матери.

После Ленинграда Казанская икона находилась в Богоявленском Соборе Кремля, откуда в дальнейшем ее перевезли в Сталинград.

Вокруг Москвы чудотворная икона была обнесена самолетом «Ли-2», пилотируемым личным пилотом Сталина, впоследствии маршалом авиации Александром Головановым. Об этом удивительном полете Александр Евгеньевич рассказывал при ныне здравствующих свидетелях. Один из них, литератор Николай Блохин, писал позднее: «Этот полет был одним из самых необычных в бурной биографии отважного летчика. Погода стояла абсолютно нелетная. Шквальный, порывистый ветер с метелью и температура минус 50 по Цельсию делали невозможными ни взлет, ни посадку. Однако исключающий все возражения приказ И. Сталина и его полная уверенность в успехе необычного полета, вселяли оптимизм и в летчика. Сопровождали чудотворную икону православный священник и три женщины певчие. Во время такого трудного полета шума моторов почти не было слышно, хотя они и работали исправно. Зато очень хорошо ему запомнилось пение акафиста».

По приказу Сталина были открыты и Троице-Сергиева, и Киево-Печерская Лавры. Было разрешено перенести мощи святителя Алексия, митрополита Московского и всея Руси в Богоявленский собор. В 1943 году «Правда» впервые напечатает сообщение о встрече главы СССР с местоблюстителем патриаршего престола митрополитом Сергием. На встрече, как было сказано, Сталин «сочувственно отнесся к предложению избрать Патриарха и заявил, что со стороны правительства не будет никаких препятствий».

Запрет на религию на какое-то время перестал существовать, о победе тогда молилась вся Россия. Для самих фронтовиков обращение высочайшего начальства к помощи Бога быстро перестало быть тайной. Огромное число старших офицеров, не говоря о простых солдатах, открыто молились перед боем. Рассказывают, что под обшивкой легковой автомашины маршал Жуков возил копию иконы Казанской Божией Матери.

Рис.8.3. Казанская икона Божией Матери (образ конца XX века)

А впереди был Сталинград, где Казанская икона побывала на самых трудных участках фронта.

Многочисленные историки, занимавшиеся изучением Сталинградской битвы, анализируют соотношение техники, людских резервов, боевой подготовки и морального уровня советских и германских войск. Однако за рамками научных монографий остается нечто, стоящее за пределами понимания исторической науки. Вот что писал историк Вадим Якунин в статье «Сталинградское знамение»:

«Во время работы в Государственном архиве Российской Федерации мне попался интересный и по своему уникальный документ – отчет уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви по УССР Ходченко тогдашнему председателю этого совета Г. Г. Карпову. В нем штатный атеист, борец с религией доносил вышестоящему начальству о том, что напрямую расходилось с его собственными убеждениями. А писал уполномоченный ни много ни мало – о чуде, свидетелем которого были военнослужащие целой воинской части, пришедшие на Украину со Сталинградского фронта...

11 ноября 1942 года нацисты предприняли очередную попытку штурма города. В этот день они смогли занять южную часть завода "Баррикады" и пробиться к Волге. Героически сражавшиеся войска армии генерала Чуйкова оказались рассеченными на три части. Но вот в самый критический момент битвы бойцы одной из таких частей увидели на небе нечто такое, что заставило их содрогнуться – в ночном осеннем небе Сталинграда появилось Знамение, указывающее на спасение города, армии и на скорую победу советских войск. К сожалению, отчет уполномоченного по делам РПЦ умалчивает, что конкретно увидели воины в Сталинградском небе».

Примечательно, что среди руин Сталинграда уцелевшим осталось одно-единственное здание – церковь в честь Казанской иконы Божией Матери.

Священники на войне

Однако на Бога надейся, а сам не плошай. Эта пословица стала в годы войны лозунгом для всех верующих. Под красные знамена советской армии встали и простые люди, и священнослужители.

«На морских кораблях иногда подается зычная команда: "Все наверх!" Это значит – кораблю угрожает морская стихия, управление кораблем требует совместной работы всех, кто находится на нем. И вот по этой команде все выбегают на верхнюю палубу, каждый к своему месту, и там спешат делать, что от каждого требуется, пока не пройдет жгучий момент и корабль будет по-прежнему спокойно и уверенно продолжать свое плавание. Нечто подобное, только в неизмеримо большей степени, переживаем и мы сейчас. Мрачная и дикая стихия угрожает стране. Родина наша в опасности, и она созывает нас: все в ряды, все на защиту родной земли, ее исторических святынь, ее независимости от чужестранного порабощения».

Эти слова произнес 26 июня 1941 года патриарший местоблюститель митрополит Сергий на молебне о победе русского воинства в кафедральном Богоявленском соборе в Москве. Его молитва была обращена к Богу, а призыв – ко всем верующим и неверующим.

К этому призыву прислушались. В Красной армии, как известно, не было полковых священников, но были священнослужители, надевшие гимнастерку и взявшие в руки оружие. Были священники, служившие в храмах на оккупированных территориях, но получившие славное звание «партизанских попов»...

Воспоминания многих из них дошли до нас, и сегодня мы имеем возможность узнать, кто это такой – священник на войне.

Рассказывает отец Борис Васильев:

«У меня отец был священником, дед и прадед были священниками. Четыре класса окончил сельской школы. Пошел служить псаломщиком... В 1938 году был рукоположен в сан диакона... Перед самой войной служил диаконом в Костромском кафедральном соборе. Оттуда меня и взяли в армию. Призвали, когда началась Великая Отечественная война. Увезли сразу

на окопы. Подходит ко мне офицер, видит, я человек грамотный, спрашивает: "Вы где учились?" – "Я окончил четыре класса". – "Не может быть! А дальше?" – "Я – диакон". – „Всё ясно Вы служили у священноначалия. Принимайте все бригады под ваше руководство". Два дня я руководил всеми бригадами. Потом приезжает генерал. Просит показать диакона. Он подводит ко мне. Генерал Шеволгин спрашивает: "Вы согласны ехать в офицерское училище?" Я: "Согласен". Меня отправили в училище в Великий Устюг Там я проучился шесть месяцев Всем присвоили знание младшего лейтенанта. Мне присвоили звание лейтенанта, потому что я очень хорошо знал всё, наизусть. Окончив училище, я сразу попал под Сталинград, командиром взвода разведчиков..

Немцы шли в бой – у них у всех было написано по-немецки "С нами Бог". Немцы давили танками женщин, стариков, детей. На гусеницах были волосы, кровь, мясо. Но мы-то шли со знаменем – там была красная звезда. Но была еще иконка в кармане и крест. У меня до сих пор хранится "Святитель Николай", пробитый пулей...»

Вспоминает протоирей Борис Пономарев

«На второй день войны я был призван на защиту нашей Родины. Причастился в Николо-Кузнецком храме и на другой день был направлен на Ленинградский фронт. У меня не было родителей, меня благословила старушка 92 лет, дальняя родственница, и сказала: "Ты будешь жив, люби и защищай Родину". <...>

Меня спрашивают: какое ваше самое сильное впечатление от войны?

В самое тяжелое время блокады Ленинграда недалеко от входа (на кладбище) мы увидели девочку лет тринадцати, склонившуюся и стоявшую на одном колено. На ней была шапка-ушанка, и вся она была немного занесена снегом, а сзади на санках был труп женщины, умершей от голода, – видимо, мать девочки, которую она не успела похоронить (и замерзла сама). Эта страшная картина потрясла меня на всю жизнь. <...>

В 1942 году в Ленинграде (после госпиталя) у меня была возможность побывать в Никольском соборе. В храме в это время читали часы и находились истощенные голодом люди. Я спросил: "Когда совершает богослужение митрополит Алексий?" Мне ответили, что владыка находится в алтаре.

Митрополит Алексий очень милостиво благословил меня и спросил: "Вы, наверное, прислуживали в храме?"

Я сказал, что да, и сказал, где. Владыка заметил, что хорошо помнит служившего там владыку и его мать. Я дерзнул предложить митрополиту Алексию свою порцию хлеба, а он ответил: "И вам также трудно переносить блокаду и голод. Если можете, передайте матушке-алтарнице..." <...>

После снятия блокады у меня бывали увольнительные, и в будничные дни мне доводилось читать в Никольском соборе часы. В первый день Пасхи верующие приносили освящать маленькие кусочки хлеба вместо куличей...»

На оккупированных территориях священнослужители являлись подчас единственным связующим звеном между местным населением и партизанами. Они укрывали красноармейцев и сами вступали в партизанские ряды.

Вот только несколько историй из этого ряда...

В первый же месяц войны через подпольную группу партизанского отряда было передано из Москвы послание патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия, которое отец Василий Копычко, настоятель Одрижинской Успенской церкви Ивановского района на Пинщине, прочитал своим прихожанам. С начала войны до ее победного завершения отец Василий не ослабевал в духовном укреплении веривших ему людей, совершая богослужения ночью, без освещения, чтобы не быть замеченным. Кроме того, отважный пастырь знакомил прихожан со сводками Информбюро, рассказывал о положении на фронтах, призывал противостоять захватчикам, читал послания священноначалия Церкви к тем, кто оказался в оккупации.

Однажды в сопровождении партизан он приехал к ним в лагерь, обстоятельно ознакомился с жизнью народных мстителей и с того момента сам стал партизанским связным. Отец Василий собирал продукты для раненых партизан, присылал и оружие. В начале 1943 года немцам удалось раскрыть его связь с партизанами. Церковь и дом настоятеля немцы сожгли. Отцу Василию пришлось скрываться. За свою патриотическую деятельность священнослужитель был награжден медалями «Партизану Великой Отечественной войны», «За победу над Германией», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Протоиерей Александр Романушко участвовал в боевых операциях, ходил в разведку, был в полном смысле слова партизанским священником. Однажды он пошел на такой смелый шаг. Летом 1943 года родственники убитого партизанами полицая попросили отца Александра отпеть покойника. На кладбище пришло много народа, была выставлена и полицейская вооруженная охрана, Все приготовились слушать отпевание. Отец Александр, надев на себя епитрахиль и ризу, отошел в сторону и глубоко задумался. А потом совершенно неожиданно начал: «Братья и сестры! Я понимаю большое горе матери и отца убитого, но не наших молитв и "Со святыми упокой" заслужил своей жизнью во гробе предлежащий. Он – изменник Родины и убийца невинных детей и стариков. Вместо "Вечной памяти" произнесем же "Анафема"».

Люди стояли, как громом пораженные. А отец Александр, подойдя к полицаям, продолжал: «К вам, заблудшим, моя последняя просьба: искупите перед Богом и людьми свою вину и обратите свое оружие против тех, кто уничтожает наш народ, кто в могилы закапывает живых людей, а в Божиих храмах заживо сжигает верующих и священников».

Отец Георгий Писанко встретил войну в сорокапятилетнем возрасте – как нестроевой, – по мобилизации был причислен к тыловым частям. Но кто в первые месяцы войны мог дать гарантию, что тыл вдруг не станет передовой? Так и случилось с полком, в котором служил рядовой Писанко. Окопы, которые воины готовили для отходивших подразделений, пришлось занять им самим и выдержать неравный бой. Оглушенный разрывом снаряда, отец Георгий попал в плен. Выждав благоприятный момент, бежал, но безуспешно. После пыток и издевательств оказался в рабочей команде, на рытье окопов, откуда вновь совершил побег...

Священники продемонстрировали мужество, достойное подражания. Поэтому нет ничего удивительного, что в октябре 1943 года впервые в истории Советского Союза 12 священнослужителям были вручены высокие правительственные награды. В том же году в стране было восстановлено патриаршество. А во время Парада Победы 1945 года на Красной площади на гостевых трибунах Мавзолея стояли иерархи Русской Православной Церкви.

* * *

Я, как вы давно знаете, атеист. Но даже мне очевидно, что в период тяжелых испытаний, когда вся страна сражается с врагом до полного его уничтожения, случаются самые настоящие чудеса. Просто воля народа, объединенного в горячем стремлении победить, может изменить ход истории. И в конечном итоге не так важно, во что верует солдат, совершающий чудеса. Главное – чья вера крепче...

Глава девятая

Астрологи Советского Союза

В рамках материалистического мировоззрения, астрология считалась лженаукой. В советских энциклопедиях так прямо и писали: «Древняя лженаука, основанная на вере в то, что по движению планет и их положению среди созвездий можно предсказать будущее народов, судьбу людей». Тем не менее признавалось, что «астрология оказала значительное влияние на развитие астрономии, многие видные астрономы (например, Иоганн Кеплер)

занимались ею, однако с изменением картины мира вера в силу этой лженауки оказалась подорвана, и уже в XVIII веке астрологи исчезли совсем». Советские идеологи поспешили – астрология продолжала жить. И не только в странах капиталистической Европы, но и в самом СССР.

Нострадамус в Красной России

Из всех астрологов наибольшую популярность во все времена имел Мишель де Нотрдам (Нострадамус) – прославленный автор пророческих «Центурий».

Мишель де Нотрдам родился 14 декабря 1503 года в маленьком провансальском городе Сен-Реми. Его отец, Жом де Нотрдам, был нотариусом, мать звали Рене де Сен-Реми.

В 1518 году Мишель начал учебу на факультете Искусств в Авиньоне, через три года закончил факультет и получил степень магистра искусств. Нострадамус рассказывал, что с 1521 по 1529 годы он много путешествовал «по разным землям и странам». Так или иначе, но в 1529 году он приехал в Монпелье и поступил на медицинский факультет местного университета, где и получил докторскую степень около 1534 года. Тогда же вновь отправился в путешествие – по Лангедоку и Провансу, работая в качестве странствующего врача. В 1536 году он поселился в Ажене, проводя свободное время в обществе своего нового друга и учителя, Жюля Сезара Скалигера, гуманиста и ученого. Там же молодой врач обзавелся семьей.

Рис.9.1. Нострадамус – единственный достоверный портрет кисти его сына Сезара

1538 год принес резкие перемены в жизни Нотрдама. От чумы погибли его жена и двое детей. Почти одновременно медик получил приказ явиться к инквизитору Тулузы в связи с некоторыми высказываниями де Нотрдама. Молодой врач счел необходимым покинуть Ажен. Вновь начался долгий период странствований.

Нострадамуса видели в Венеции, Турине, в других итальянских городах. В мае 1544 года 43-летний врач принял участие в борьбе с эпидемией чумы в Марселе, затем — в Экс-ан-Провансе. За успехи на медицинском поприще парламент Экса наградил Нострадамуса

пожизненной пенсией. В своих мемуарах Нострадамус сообщал рецепт снадобья из гвоздик, красных роз и других растений, который он с успехом применял в зачумленных местностях.

Нострадамус очень гордился своей книжной эрудицией. Показателен состав его личной библиотеки — в ней широко представлены сочинения античных авторов: Платона, Лукиана, Марциала, Тита Ливия; также есть и произведения арабских астрологов, таких как Алькабит.

В 1547 году Нострадамус поселился в Салоне де Кро, где сочетался вторым браком. Там он продолжал медицинскую практику, но в конце 1540-х годов всерьез занялся астрологией.

Следует отметить, что в XVI веке магия и астрология были неотделимы от науки. Историк Брендамур отмечает, что «так же, как нельзя было говорить о своем медицинском поприще без упоминания астрологической карьеры, нельзя было говорить об астрологическом поприще без того, чтобы уделить место карьере медицинской».

После очередной поездки в Италию Нотрдам выпустил первый предсказательный альманах на 1551 год. На обложке этого издания впервые появился псевдоним Nostradamus, под которым в дальнейшем выходили и другие сочинения знаменитого предсказателя. Именно им он был обязан своей прижизненной славе – за очень редкими исключениями, темой обсуждения среди современников были именно альманахи, а не «Центурии».

Славе Нострадамуса способствовал и всеохватный характер его предсказаний; Астролог занимался актуальными политическими пророчествами, затрагивающими положение церквей, политических сил и государств. Конечно, и до Нострадамуса предсказывались политические события, но лишь он превратил свои альманахи в подобие периодического издания.

В 1555 году Нострадамус получил от королевской семьи приглашение посетить Париж. Королева Екатерина Медичи, питавшая страстный интерес к астрологии и предсказаниям будущего, и ее супруг король Генрих II пригласили ученого в королевскую резиденцию.

При дворце Нострадамус стал виновником скандала, в ходе которого свита короля, раздраженная его уклончивыми ответами, попыталась задержать астролога. Ко всему прочему Нострадамус узнал, что ему предстоит встреча с полицией, желавшей подробнее узнать, какой наукой он занимается и не связана ли она с запрещенной магией. Это вынудило предсказателя покинуть Париж после десяти дней пребывания там.

В начале лета 1555 года Нострадамус выпустил книгу, резко отличавшуюся от всех предыдущих, вышедших из-под его пера. Речь идет о «Пророчествах магистра Мишеля Нострадамуса». Эта книга представляет собой не имеющее аналогов в истории оккультизма собрание пророчеств о будущем Земли, написанных в стихотворной форме.

Пророчества Нострадамуса написаны в редкой для поэзии форме. Книга объединяет 10 центурий, каждая из которых включает 100 катренов (VII центурия осталась незаконченной), причем каждый катрен имеет свой порядковый номер. Все катрены объединены общим смыслом, заданным темой книги, и стихотворным размером – пентаметром, заимствованным у античных поэтов.

Первое издание этой книги предварялось предисловием, написанным в форме обращения к сыну Сезару, и содержало 353 пророческих четверостишия (катрена), объединенных в главы – центурии – по 100 катренов; 4-я центурия была неполной и включала лишь 53 катрена.

В 1557 году Нострадамус выпустил второе издание этой книги – оно содержало 286 новых четверостиший и общий объем его составлял уже 639 катренов в 7 центуриях, последняя из которых содержала 39 катренов.

Первое дошедшее до нас расширенное издание «Пророчеств магистра Мишеля Нострадамуса» датируется лишь 1568 годом – оно содержало 302 катрена (общее число которых выросло до 942) в 10 центуриях, а также большое пророчество в прозе, написанное в виде послания к королю Франции Генриху II.

Что же представляют собой знаменитые пророчества Нострадамуса? Вот что пишет сам Нострадамус в письме сыну Сезару: «Я <...> решил <...> в темных и загадочных выражениях рассказать о переменах в судьбах человечества, хотя бы наиболее важных, не оскорбляя при этом их хрупких чувств».

И действительно, для неподготовленного читателя содержание катренов выглядит загадочным. Если кто-то надеется, бегло ознакомившись с оригинальным текстом «Пророчеств» или с их хорошим переводом, получить ясное представление о том, что и когда ожидает мир в будущем, тот сильно ошибается. Прежде всего, сделать качественный перевод этих предсказаний очень трудно, так как катрены изобилуют анаграммами, новообразованными словами греческого, латинского и провансальского происхождения, сокращениями и выражениями, ныне вышедшими из употребления, а также специальными и случайными опечатками. К тому же Нострадамус за очень редкими исключением не датировал свои предсказания – во всем объеме пророчеств встречается только 14 указанных дат.

Серьезное отношение современников к «Пророчествам» предопределило одно важное для Европы событие, которое, казалось, было точно предсказано знаменитым астрологом.

1 июля 1559 года в честь свадьбы короля Испании Филиппа II и дочери Генриха II Елизаветы был устроен рыцарский турнир. В нем приняли участие капитан шотландской гвардии Габриэль Монтгомери и сам король. Обломок копья Монтгомери попал в прорезь королевского шлема, пробил глаз Генриху II и нанес ему тяжелую мозговую травму. 10 июля король скончался в страшных мучениях.

Один из катренов Нострадамуса, опубликованных еще в издании «Пророчеств» 1555 года, истолковали как предсказание этого печального события:

Молодой лев победит старого

На ратном поле в поединке.

В золотой клетке выколет ему глаза.

Из двух флотов – один, затем умереть мучительной смертью...

Хотя этот катрен часто упоминается поклонниками Нострадамуса как неоспоримое свидетельство его пророческого дара, мало оснований связывать его с тем, что произошло 1 июля 1559 года.

Во-первых, нет никакого удовлетворительного объяснения «золотой клетке». Во-вторых, в катрене явно идет речь о выкалывании обоих глаз. В-третьих, слово «флоты» в последней строке совершенно не увязывается с историей смерти Генриха II; очевидно, речь здесь идет о сражении двух флотов, в котором один победит другой. Наконец, можно ли считать Генриха II «старым львом», ведь королю тогда было всего-то 40 лет?

Сам Нострадамус утверждал, что на гибель Генриха указывает другой катрен. В альманахе 1562 года он опубликовал послание к своему другу Жану де Возелю, который, по словам Нострадамуса, правильно понял многие его пророчества, такие, как, например: «В год, когда во Франции будет править одно око, семя Блуа убьет своего друга».

И так с любым другим катреном. Сколько бы ни было толкований и толкователей, раньше или позже, с течением времени и с изменением конъюнктуры, появлялись новые толкования тех же самых пророчеств, которые подгоняются под определенную задачу. Поскольку авторитет Нострадамуса как прорицателя с годами только растет, находятся желающие использовать его авторитет в своекорыстных целях. В особой чести «Пророчества» были в XX веке – когда Европа пережила эпоху опустошительных потрясений: череду сопряженных с террором революций и две мировые войны, унесшие миллионы жизней. Именно в эту эпоху «Пророчества» Нострадамуса стали использоваться как орудие идеологической войны.

Наиболее значительный всплеск по количеству публикаций, посвященных расшифровке «Пророчеств», приходится на 1920-е годы.

«Предчувствие большой крови» прослеживается в работах о Нострадамусе с начала XX века. Новейшие толкователи Нострадамуса прочно встали на позицию, согласно которой «пророчество должно быть мрачным». В самом деле, многие предсказания знаменитого астролога имели ярко выраженный зловещий характер, и можно представить будущее человечества как цепь сплошных войн.

Особенно популярным Нострадамус и его пророчества стали в Германии, где зародилось даже отдельное направление «нострадамоведения». Нечто подобное наблюдалось и во Франции.

Тогда же знаменитый астролог пришел и в Россию. Одной из первых работ о Нострадамусе, опубликованной на русском языке, стала статья историка Льва Платоновича Карсавина «О свободе», напечатанная в 1922 году в журнале философского общества «Мысль».

В ней Карсавин поднимал фундаментальный вопрос, рано или поздно встающий перед каждым исследователем явления пророчества вообще и прорицаний Нострадамуса в частности: существует ли будущее? Церковь дает отрицательный ответ – каждый человек творит свое будущее совокупностью поступков. С этой точки зрения утверждения о предопределении глубоко ошибочны и даже греховны, будущее целиком в руках Создателя и зависит от поведения отдельных людей и целых народов. Знать же будущее не дано практически никому, кроме избранных. Соответственно Нострадамус – либо шарлатан, либо лжепророк.

Карсавин, однако, подходит к вопросу не с точки зрения церкви, но с точки зрения веры. «Религия ссылается на случаи пророчеств и видения будущего; она допускает и утверждает данность его святым <...>. Но раз дан во всей конкретности хотя бы один момент будущего, надо допустить, что дано всё будущее, все его моменты...»

Затем Карсавин приводит несколько документально подтвержденных случаев пророчеств – преимущественно сделанных медиумами в состоянии гипнотического транса. Доказав таким образом, что пророчество – не шарлатанство и не заблуждение, ученый приступает к рассказу о Нострадамусе и анализирует девять «сбывшихся» катренов.

Карсавин придерживается точки зрения, согласно которой Нострадамус мог видеть грядущие события в некоем подобии сомнамбулического сна, не теряя, однако, связи с окружающим миром. Даты же Нострадамус мог уточнить с помощью астрологических вычислений.

Статья Карсавина сыграла заметную роль, открыв для русского думающего читателя имя и творчество Нострадамуса. Кроме всего прочего, ученый определил в ней главную тайну пророка: каким образом тот видел грядущее?

Карсавин был представителем мистически-оккультного направления в нострадамоведении. Его работа имела тесную связь с книгами германских нострадамоведов того времени: Вёльнера, Лоога и других, придававших большое значение «медиумическим» откровениям Нострадамуса. Эта общность вполне понятна, если учесть сходство в судьбе кайзеровской Германии и царской России после Первой мировой войны. Развал империи, революции и мятежи, общая нестабильность толкали широкие круги интеллигенции в мистику.

И в Советской России, и в белоэмигрантских кругах пересказывали Нострадамуса в негативном для будущего большевиков ключе. В начале 1920-х годов в СССР вышла маленькая книжка, содержащая избранные катрены и отрывки из прозаических пророчеств Нострадамуса. Почти сразу же она была изъята из продажи и уничтожена. Вячеслав Завалишин вспоминал: «Когда в ежовщину мои родители, отец и мать, были арестованы, у

них конфисковали небольшую книгу о Нострадамусе с переводом на русский катренов и фрагментов двух апокалипсисов, выпущенную в начале двадцатых годов. Книга эта была признана "антисоветским памфлетом под маской средневековой схоластики"...»

Любое упоминание о Нострадамусе тщательно отслеживалось.

«Судьба произведений Нострадамуса в России во второй половине XX в. весьма показательна, – рассказывает исследователь творчества французского астролога Алексей Пензенский. – Советскому народу не нужны были "нездоровые сенсации", а потому "Пророчества" были запрещены к переизданию и надолго вычеркнуты из числа тем научных исследований. Одно из немногих упоминаний о Нострадамусе в литературе тех лет можно найти в книге Г.Гурева "История одного заблуждения – Астрология перед судом науки", вышедшей в 1970 г. в Ленинграде и имевшей цель – разгром астрологии как социального и научного явления. <...>

Конечно, пророчества Нострадамуса даже не цитируются, – к чему? Книга выпущена в самом что ни на есть научном издательстве, – "Наука" – и мнения ученого вполне достаточно. Заметка Гурева – яркий пример попытки манипуляции общественным мнением. Книги Нострадамуса в СССР не издавались, и, по мнению автора, на чистом листе общественного мнения можно было написать всё, что угодно власть предержащим. <...> Литература по астрологии, поступавшая в крупнейшие советские библиотеки из-за рубежа, сразу попадала в отделы специального хранения. Этой участи не избежали и книги зарубежных нострадамоведов. В.Завалишин, автор первого русского перевода "Пророчеств", жалуется, что ему не удалось ознакомиться даже со старыми, "неантисоветскими" изданиями трудов Нострадамуса: "Когда я собирал материал о Нострадамусе, я пытался – не от своего имени, а от имени влиятельных знатоков средневековой культуры – получить фотоснимки с нужных мне редких книг, хранящихся в разных библиотеках Советского Союза. Все мои усилия, к большому огорчению, оказались тщетными..." Однако перевод (точнее, вольный пересказ) В.Завалишина всё же увидел свет, но, конечно, не в СССР, а в США...»

Между прочим, Вячеслав Завалишин ставил перед собой вполне конкретную задачу: с помощью «Пророчеств» доказать, что большая часть катренов Нострадамуса посвящена именно XX веку и потрясениям России. Вот как он перевел катрен 2-10:

Мне горько сказать, что жестокие эры

Опять завладеют мятежной землей,

И рабская будет царить атмосфера

Под маской любви и свободы большой...

Чем не указание на появление в XX веке тоталитарных режимов?

А вот предсказание революции и Гражданской войны:

Я вижу, как рушатся царские троны,

Когда их сметает людской ураган.

Республику сделает хуже короны.

И белых, и красных жестокий обман...

Дальше – больше. Завалишин первым обратил внимание на знаменитое пророчество о 73 годах и 7 месяцах, применив его к будущему СССР. Вот что он сообщает: «Если принять во внимание, что это пророчество имеет непосредственное отношение к Октябрьской революции в России в 1917 году, то надо согласиться и с тем, что начало крушения порожденных этой революцией порядков следует отнести к 1991 году. Окончательно же русская революция изживет себя в 2025 году. Можно ли этому верить? На это могут ответить лишь те читатели, которые откроют "Центурии" в период между 1991 и 2025 годами». Пророчество Завалишина сбылось – государство, порожденное «русской революцией», действительно было разрушено в 1991 году.

Почти сразу после публикации книги Завалишина на Западе журнал «Знание – сила» (№ 6, 1975) поместил статью Э.О.Брезина «Нострадамус – сын своего века». В ней автор рассказывал о жизни и судьбе Нострадамуса, а также его пророчествах. Статья выдержана в скептическом духе, и это понятно, – советская печать, тем более центральная, ничего иного не пропустила бы. Впервые за много лет в статье был опубликован ряд катренов и даже портрет Нострадамуса, заимствованный из издания 1605 года. У Брезина Нострадамус выглядит самоуверенным астрологом с претензией на звание пророка, чьи предсказания, как правило, не сбывались. Зато предвидения Нострадамуса о развитии техники (подводный флот, авиация, космонавтика, оптика) заслуживают внимания наряду с гениальными прозрениями Роджера Бэкона и Леонардо да Винчи. Таким образом, Нострадамус ставился на один уровень с авторами социально-технократических утопий. Разумеется, о возможных связях пророчеств Нострадамуса с современной историей Брезин ничего не говорил...

Статья, очевидно, стала своеобразным ответом на книгу Завалишина, к 1975 году уже проникшую в советский самиздат. Хотел того Брезин или нет, но его работа способствовала всплеску «подпольного» интереса к Нострадамусу в СССР уже в середине 1970-х годов. Однако продолжения не последовало. Лишь в 1988 году в журналах «Наука и жизнь», «Знание – сила», «Наука и религия» появились другие статьи о Нострадамусе, впоследствии выпущенные отдельной книгой...

Астрология в СССР

Негативное отношение советской власти к астрологии выразилось не только в запрещении публикации переводов Мишеля Нострадамуса.

В условиях Первой мировой войны, революций 1917 года и последовавшей Гражданской войны российская астрология пошла на убыль, книги по этой теме перестали печататься, оккультные журналы были закрыты. Наступил длительный период забвения астрологии в нашей стране.

Нет никаких достоверных сведений о том, чтобы в период правления Сталина в нашей стране существовала хоть какая-то астрологическая традиция. Конечно, в 1920-е годы еще были доступны дореволюционные книги и журналы, и любой человек при желании мог ознакомиться с основами теоретической астрологии.

Прекрасным примером того, что астрология в это время не подвергалась целенаправленным гонениям, может служить первое издание Большой Советской Энциклопедии.

В статье «Астрология» читатель мог почерпнуть сведения о ключевых понятиях астрологии и даже изучить приведенную в качестве примера «натальную карту». Выдающийся российский ученый Александр Чижевский, основатель гелиобиологии, в эти годы не только занимался изучением истории астрологии и проверкой астрологических концепций, но и свободно опубликовал статью под названием «Современная астрология» («Огонек», 1926, № 17), в которой основные понятия астрологии объяснял естественнонаучным языком. Однако ни одного специального астрологического издания в 1920-е годы не выходило, и, более того, нет данных ни об одном практикующем астрологе той поры.

Рис.9.2. Александр Чижевский за наблюдениями солнечных пятен (Калуга, рисунок Е.Смирнова)

Современные исследователи астрологии любят рассказывать страшную байку о том, будто бы Сталин созвал в 1929 году в Геленджике съезд советских астрологов, после чего всех прибывших на этот съезд арестовали и отправили в концентрационный лагерь. Однако эта история не подтверждена архивными документами и, скорее всего, является вымышленной.

Единственные достоверные данные об астрологии в СССР в период сталинского самовластья касаются республик Прибалтики. В 1930-е годы эти страны еще не входили в Советский Союз, и к занятиям астрологией в них относились с меньшим подозрением, чем в «государстве рабочих и крестьян».

Рис.9.3. Александр Чижевский на защите докторской диссертации, 1918 года

В Прибалтике астрологическая литература имела достаточно широкое хождение. В это время астрологией по немецким книгам начал заниматься Николай Каллерт из латвийского города Огре – после легализации астрологии в СССР в 1980-х годах Каллерт был избран почетным президентом Межрегиональной федерации астрологов. Другим продолжателем традиций немецких астрологов был Мартинас Йуодвалькис – один из старейших литовских астрологов, отсидевший за свои занятия в советских лагерях около 20 лет.

Во времена «хрущевской оттепели» у советских людей появилась некоторая свобода в духовной сфере, и результатом этого стали первые ростки интереса к астрологии в 1960-е годы. Так, в 1972 году вышла книга Ромуальдаса Колонайтиса «Солнце идет по звериному кругу» о символике знаков Зодиака. К началу 1970-х годов уже существовали кружки астрологов в Москве, Киеве, Харькове, Ленинграде, Вильнюсе.

Особо следует отметить деятельность московского кружка, занятия в котором базировались на материалах, полученных в результате контактов с болгарскими астрологами. Среди этих материалов важную роль играли работы Дэйна Радьяра, переведенные на русский язык Михаилом Папушем. Именно из этого кружка вышел ряд ведущих столичных астрологов наших дней...

Рис.9.4. Циолковский и Чижевский наблюдают звездное небо (Калуга, рисунок Е.Смирнова)

Астрология в СССР запрещалась – зато процветала советская футурология, опиравшаяся на честолюбивые обещания советских вождей. Ни один тоталитарный режим не в силах смириться с существованием людей, чьей специальностью является предсказание будущего. С такими людьми он расправляется в первую очередь. Монополия на «проникновение в грядущее» остается только за правящей верхушкой. Вспомним, например, «пророчество» Никиты Хрущева о торжестве коммунизма «через двадцать лет» – в 1980 году. А какой пласт фантастической литературы появился благодаря этому «пророчеству»!.. К сожалению (или к счастью?), фантастика так и осталась фантастикой...

Тайна одного пророчества

Лишь одному советскому пророку (не состоявшему в ЦК КПСС и не числившемуся в списке популярных фантастов) повезло – цензура допустила его смелые и во многом верные предсказания на страницы массовой печати. Правда, произошло это через много лет после того, как они были сделаны.

5 июня 1941 года ученик десятого класса одной из московских школ Лева Федотов записал в своем дневнике:

«Рассуждая о том, что, рассовав свои войска вблизи нашей границы, Германия не станет ждать, я приобрел уверенность, что лето этого года у нас в стране будет неспокойным. Я думаю, что война начнется или во второй половине этого месяца, или же в начале июля, но не позже, ибо Германия будет стремиться окончить войну до морозов. Я лично твердо убежден, что это будет последний наглый шаг германских деспотов, так как до зимы они нас не победят. Но вот то, что мы можем потерять в первую половину войны много территории, это возможно. Честно фашисты никогда не поступят. Они наверняка не будут объявлять нам войну, а нападут внезапно и неожиданно, чтобы путем внезапного вторжения захватить побольше наших земель. Как ни тяжело, но мы оставим немцам такие центры, как Житомир, Винница, Псков, Гомель и кое-какие другие. Минск мы, конечно, сдадим. О судьбах Ленинграда, Новгорода, Калинина, Смоленска, Брянска, Кривого Рога, Николаева и Одессы я

боюсь рассуждать. Правда, немцы настолько сильны, что не исключена возможность потерь даже этих городов, за исключением только Ленинграда. То, что Ленинград немцам не видать, в этом я твердо уверен. Если же враг займет и его, то это будет лишь тогда, когда падет последний ленинградец. До тех пор, пока ленинградцы на ногах, город Ленина будет наш! За Одессу, как за крупный порт, мы должны, по-моему, бороться интенсивнее даже, чем за Киев. И я думаю, одесские моряки всыпят германцам за вторжение в область их города. Если же мы сдадим по вынужденной причине Одессу, то гораздо позже Киева, так как Одессе сильно поможет море. Понятно, что немцы будут мечтать об окружении Москвы и Ленинграда, но я думаю, что они с этим не справятся. Окружить Ленинград, но не взять его, немцы еще могут. Окружить же Москву они не могут в области времени, ибо не успеют замкнуть кольцо к зиме. Зимой же для них районы Москвы и дальше будут просто могилой. Я, правда, не собираюсь быть пророком, но все эти мысли возникли у меня в связи с международной обстановкой, а связать их, дополнить помогли мне логические рассуждения и догадки. Короче говоря, будущее покажет...»

В этом отрывке из дневника нет ни одного факта, который не подтвердился бы затем в ходе Великой Отечественной войны. Совпадение настолько потрясающее, что закрадывается подозрение в том, что мы имеем дело с мистификацией. Однако мистификации здесь нет – тетрадь с уникальным пророчеством действительно существует.

Обратимся к другой записи Федотова от 1941 года:

«21 июня. Теперь, с началом конца этого месяца, я уже жду не только приятного письма из Ленинграда, но и беды для всей нашей страны – войны. Ведь теперь, по моим расчетам, только если я действительно был прав в своих рассуждениях, то есть если Германия готовится напасть на нас, то война должна вспыхнуть в эти числа этого месяца или же в первых числах июля. То, что немцы захотят напасть на нас как можно раньше, я уверен, ведь они боятся нашей зимы и поэтому пожелают окончить войну еще до холодов. Я чувствую тревожное биение сердца, когда подумаю, что вот-вот придет весть о вспышке новой гитлеровской авантюры. Откровенно говоря, теперь, в последние дни, просыпаясь по утрам, я спрашиваю себя: а может быть, в этот момент уже на границе грянули первые залпы? Теперь можно ожидать начала войны со дня на день. Эх, потеряем мы много территории. Хотя она потом будет взята нами обратно, но это не утешение. Временные успехи германцев, конечно, зависят не только от точности и силы их военной машины, но также зависят и от нас самих. Я поэтому допускаю их успехи, потому что знаю, что мы не слишком подготовлены к войне. Если бы вооружались как следует, тогда никакая сила немецкого военного механизма нас не страшила, и поэтому война обрела бы наступательный характер или же, по крайней мере, твердое стояние на месте и непропускание через нашу границу ни одного немецкого солдата. А ведь мы, с нашей территорией, с нашим народом и его энтузиазмом, с нашими действительно неограниченными ресурсами и природными богатствами, могли бы так вооружаться, что плевали бы даже на мировой поход капитализма и фашизма против нас... Мы истратили уйму капиталов на дворцы, премии артистам и искусствоведам, между тем как об этом можно было позаботиться после устранения угрозы последней войны. А ведь все эти миллионы могли бы так помочь государству!

Хотя я сейчас выражаюсь и чересчур откровенно и резко, но поверьте мне, я говорю здесь чисто патриотически, тревожась за спокойствие жизни нашей державы. Если грянет война, и когда мы, за неимением достаточных сил, вынуждены будем отступать, тогда можно будет пожалеть и о миллионах, истраченных на предприятия, которые ничего плохого не было бы, если бы даже и подождали...»

Из вышеприведенного фрагмента видно, что школьник находился под явным влиянием сталинской пропаганды (что вполне объяснимо), но в то же время вступал (и это удивительно!) в полемику с основными идеологическими доктринами предвоенной эпохи.

Одно утверждение о потере «больших территорий» чего стоит! Ведь в то время это считалось «паникерскими настроениями», за которые сурово карали, невзирая на возраст «паникера».

Сам Лева считал свои выводы следствием анализа международной обстановки. Однако любой анализ подобного рода должен опираться на солидную военно-политическую информацию в ее чистом виде, без малейшего налета пропаганды. Но ее-то у Федотова не было и быть не могло – отца он лишился задолго до войны, мать работала в костюмерной театра. Да и школьные друзья Левы – Виктория Терехова, Михаил Коршунов и другие — подтверждали позднее, что все они судили о событиях по информации из периодической печати, по кинохронике и радиотрансляциям, признать которые объективными и всеобъемлющими источниками никак нельзя.

О чем писали советские газеты в последние мирные дни? «Выпущен миллионный двигатель ГАЗ... Германская подлодка потопила британский пароход... В целях изучения эпохи Алишера Навои юбилейному комитету разрешено вскрыть мавзолей Тимура...» Если же речь заходила о возможной войне, то считалось, что Красная армия победит агрессора «малой кровью» на его же территории. А в известном сообщении ТАСС от 14 июня 1941 года указывалось, что муссируемые за рубежом слухи о близкой войне между СССР и Германией являются не чем иным, как неуклюже состряпанной пропагандой враждебных сил, и разговоры о намерении Германии напасть на нашу страну лишены всякой почвы.

Это сегодня мы знаем, что еще 31 июля 1940 года Гитлер заявил представителям генералитета: «Россия должна быть ликвидирована. Срок – весна 1941 года». Заметим, нацисты сделали всё, чтобы засекретить готовящуюся агрессию. Даже своих сателлитов Гитлер не счел нужным известить о плане «Барбаросса». Но дневник Левы Федотова сомнений не вызывает – его друзья не раз видели эту тетрадь перед войной и единодушно подтверждают, что все записи соответствуют проставленным датам. Тогда как же Лева смог столь точно прогнозировать события?

Например, он писал, что немцы попытаются, но не смогут окружить Москву. Как объяснить уверенность Левы в том, что Одесса продержится дольше Киева?

И еще одно обстоятельство. Будь Лева военным, то мог бы предположить, что, готовя молниеносный разгром СССР, гитлеровцы начнут войну самое позднее в мае, чтобы завершить операции до осенней распутицы (как и предполагалось по плану «Барбаросса»). Но он впервые записал предположения о скорой войне 5 июня. Опять случайность?

Интересна еще одна запись в дневнике:

«22 июня. Сегодня я по обыкновению встал рано, мамаша моя скоро ушла на работу, а я принялся просматривать дневник, чтобы поохотиться за его недочетами и ошибками в нем. Неожиданный телефонный звонок прервал мои действия. Это звонила Буба. "Лева, ты слышал сейчас радио?" – спросила она. "Нет, оно выключено". – "Тогда включи его. Значит, ты ничего не слышишь?" – "Нет, ничего". – "Война с Германией!" – ответила моя тетушка. Я сначала как-то не вник в эти слова и удивленно спросил: "С чего это вдруг?" – "Не знаю", – ответила она.

Когда я включил радиосеть и услышал потоки бурных маршей, которые звучали один за другим, уже это необычное представление патриотически бодрых произведений мне рассказало о многом. Я был поражен совпадением моих мыслей с действительностью... Ведь я только вчера писал о предугадываемой мною войне. Ведь я ее ждал со дня на день, а теперь это случилось. Эта чудовищная правда, справедливость моих предположений была явно не по мне. Я бы хотел, чтобы лучше я оказался не прав».

Вот так, неожиданно для Левы, началась предсказанная им Великая Отечественная война. И школьник внимательно следил за ходом военных действий, вновь размышлял о будущем:

«23 июня. Вчера из газет я узнал оригинальную новость, члены СС производили аресты в штурмовых отрядах.

Я думаю, что, когда фашисты будут задыхаться в борьбе с нами, в конце концов дойдет и до начальствующего состава армии.

Тупоголовые, конечно, будут еще орать о победе над СССР, но более разумные станут поговаривать об этой войне как о роковой ошибке Германии. Я думаю, что в конце концов за продолжение войны останется лишь психопат Гитлер, который не способен сейчас и не способен и в будущем своим ефрейторским умом понять бесперспективность войны с Советским Союзом. С ним, очевидно, будет Гиммлер, потопивший разум в крови народов Германии, и мартышка Геббельс, который, как полоумный раб, будет еще по-холопски горланить о завоевании России даже тогда, когда наши войска, предположим, будут штурмовать Берлин».

На этой записи дневник обрывается. Лева Федотов не дожил до победы над нацистской Германией – он погиб на фронте 25 июня 1943 года, защищая будущее своей страны.

Эта история и дневник школьника стали достоянием гласности в середине 1980-х годов, благодаря режиссеру Льву Рошалю, снявшему о Леве документальный фильм «Соло трубы», и очеркам Юрия Росциуса, в которых приводятся фрагменты, процитированные выше. Уже тогда советские исследователи задавались вопросом: каким чудом обыкновенный школьник из сталинской Москвы сумел пойти против всеобщего представления о грядущей войне и фактически предсказать ее основные этапы?

Можно предположить, что Федотов был вундеркиндом – гениальным аналитиком, способным вычленять истину из словесной мишуры, поставляемой информагентствами. Очевидно, он обладал более трезвым и расчетливым умом, чем большинство его сверстников.

Но в старом дневнике есть одно предсказание, которое невозможно объяснить ссылкой на гениальность или особую изощренность ума Левы Федотова. Откроем страницу, датированную 27 декабря 1940 года:

«Сегодня мы снова собрались после уроков в комсомольской комнатушке, и, пока я делал заголовок 2-го номера газеты, Сухарева написала краткий текст 1-го. Возились мы часов до пяти. Азаров что-то священнодействовал у стола, а Борька бездельничал и воодушевлял нас стихами.

– Мы здесь такую волынку накрутили, – сказал я, рассматривая 1-ю газету, – что с таким же успехом могли бы обещать ребятам полет на Марс к Новому году!

– Вот-вот! Именно! – согласился Азаров. —Ты прав! Мы именно "накрутили"!

– А чем плохая мысль? – сказал Борька. – Если бы осталось место, мы могли бы и об этом написать...

– Только потом добавить, – продолжал я, – что ввиду отсутствия эстакад и гремучего пороха этот полет отменяется и ожидается в 1969 году, в Америке».

Лева ошибся – в 1969 году американский космический аппарат «Аполлон-11» впервые в истории достиг другой планеты – только не Марса, а Луны. И вновь мы видим удивительно точное предсказание, причем двойное – страна и год...

Глава десятая

Палеофантасты и уфологи Советского Союза

В XX веке на смену эзотерическим преданиям о деяниях богов и древних магов пришла мифология новейшего времени – рассказы о посещении Земли представителями высокоразвитых цивилизаций, обитающих на других планетах Солнечной системы или на планетах у других звезд. Эта тема была очень модна в литературе Советской России, поскольку несла в себе антирелигиозный запал и позволяла утвердить марксистский взгляд на перспективы развития разумных существ. Разумеется, прежде всего проводилась идея, что наступление коммунизма неизбежно, и где-то во Вселенной прямо сейчас существует

цивилизация, для которой пролетарская революция – давно пройденный этап и которая сумела воплотить мечту о более справедливом обществе в жизнь.

Марсиане Владимира Ленина

Множественность обитаемых миров – один из краеугольных камней материалистической философии, и классики теории коммунизма не могли обойти этот «камень» стороной, неоднократно высказавшись о своем отношении к идее существования инопланетного разума.

Рис.10.1. Владимир Ленин у телескопа в Горках (1922 год)

Известно мнение Фридриха Энгельса, что «бытие есть вообще открытый вопрос начиная с той границы, где прекращается наше поле зрения».

Комментируя эту мысль, Владимир Ильич Ленин писал в 1908 году: «Энгельс говорит о бытии за той границей, где кончается наше поле зрения, то есть, например, о бытии людей на Марсе и т.п. Ясно, что такое бытие действительно есть открытый вопрос».

Вождь мирового пролетариата вообще любил порассуждать на подобные отвлеченные темы. Вот, например, что говорил вождь мировой революции по поводу инопланетной жизни в своей беседе с А.Е.Магарамой:

«...И жизнь, при соответствующих условиях, всегда существовала. Вполне допустимо, что на планетах солнечной системы и других местах вселенной существует жизнь и обитают разумные существа. Возможно, что в зависимости от силы тяготения данной планеты, специфической атмосферы и других условий эти разумные существа воспринимают внешний мир другими чувствами, которые значительно отличаются от наших чувств».

Вопрос установления контакта с иными цивилизациями также чрезвычайно интересовал Ленина. Об этом свидетельствуют записные книжки знаменитого английского фантаста Герберта Уэллса. Мы находим в них следующую запись:

«Ленин сказал, что, читая роман "Машина времени", он понял, что все человеческие представления созданы в масштабах нашей планеты: они основаны на предположении, что технический потенциал, развиваясь, никогда не перейдет "земного предела". Если мы сможем установить межпланетные связи, придется пересмотреть все наши философские, социальные и моральные представления; в этом случае технический потенциал, став безграничным, положит конец насилию как средству и методу прогресса...»

В свое время корреспондент журнала «Техника – молодежи» Кирилл Вальдман, интересуясь Швейцарией, решил узнать, какое впечатление произвела эта страна на Владимира Ленина, который прожил там в эмиграции около 15 лет. Обратившись к переписке Ленина с родственниками, Вальдман среди писем к матери, Марии Александровне Ульяновой, обнаружил необычный по теме постскриптум (само письмо, к сожалению, не сохранилось):

«P. S. Сегодня прочел один забавный фельетон о жителях Марса, по новой английской книге Lowell'я – "Марс и его каналы". Этот Lowell – астроном, долго работавший в специальной обсерватории и, кажется, лучшей в мире (Америка).

Труд научный. Доказывает, что Марс обитаем, что каналы – чудо техники, что люди там должны быть в 22/3 раза больше здешних, притом с хоботами, и покрыты перьями или звериной шкурой, с четырьмя или шестью ногами. Н...да, наш автор нас поднадул, описавши марсианских красавиц неполно, должно быть по рецепту: "тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман"...»

Итак, по утверждению Ленина, фельетон был посвящен книге вышеупомянутого американского астронома Персиваля Лоуэлла «Марс и его каналы». Книга была издана в Нью-Йорке в 1906 году, однако ни о каких «хоботах» или «звериных шкурах» там нет ни слова.

По мнению Лоуэлла, размеры и возраст Марса «указывают на возможность существования там как растительной, так и животной жизни, и, более того, на возможность, что эта жизнь должна быть относительно высокого порядка». И еще: «Мы сталкиваемся с каналами и оазисами, то есть с точно такими явлениями, которые, как доказывают априорные рассуждения, должны были бы обнаружить себя, если бы планета была населена <...> Для нас причудливая сеть, которая покрывает марсианский диск, предполагает искусство творчества».

Так писал Лоуэлл. А кто такой «наш автор» из ленинского документа и что он там напридумывал насчет «марсианских красавиц»?

В примечании, сделанном исследователями работ Ленина, читаем: «А. Богданов, автор романа "Красная звезда"».

Утопия Александра Богданова (Малиновского) под этим названием была напечатана в 1908 году.

Вот каким предстает перед ее читателем марсианин Мэнни: «Его глаза были чудовищно громадны, какими не бывают человеческие глаза. Их зрачки были расширены даже по сравнению с этой неестественной величиной самих глаз, что делало их выражение почти страшным. Верхняя часть лица и головы была настолько широка, насколько это было неизбежно для помещения таких глаз; напротив, нижняя часть лица, без всяких признаков бороды и усов, была сравнительно мала. Всё вместе производило впечатление крайней оригинальности, пожалуй, уродства, но не карикатуры».

Оставалось главное – найти заинтересовавший Ленина фельетон. Ни автор, ни место опубликования, ни год издания не были известны.

«Марс и его каналы» появились в 1906 году, «Красная звезда» – два года спустя. Письмо Ленина датировано тоже 1908 годом. Предположив, что фельетон мог быть написан по-французски или по-английски, то есть на языках, которыми Ленин свободно владел, Вальдман просмотрел по библиографическим справочникам раздел «Астрономия», выбирая литературу о планете Марс, появившуюся в 1906—1908 годах. Безрезультатно.

Пришлось обратиться к источникам на русском языке.

И вот, наконец, труды увенчались успехом. В издании «Новый журнал литературы, искусства и науки» от апреля 1908 года была опубликована статья Герберта Уэллса «Существа, живущие на Марсе». Даже беглый просмотр позволяет обнаружить знакомые словосочетания: жители «должны быть в 22/3 раза крупней нас», они «покрыты шерстью или перьями» и так далее.

Многочисленные текстуальные совпадения позволяют предположить, что Ленин читал статью Уэллса именно в этом переводе.

«Какого рода обитателей может иметь Марс? – спрашивал Уэллс. – Этому вопросу я уделил определенное внимание несколько лет тому назад, когда создавал повесть "Борьба миров", в которой предполагается, что марсиане нападают на Землю. Но с того времени появилось много ценных работ об этой планете, и мы возвращаемся к проблеме, вооруженные более обширной информацией и готовые рассматривать ее с новых точек зрения.

Среди новейшей литературы по данному вопросу особенно примечательным и наводящим на размышления является труд моего друга мистера Персиваля Ловелла из обсерватории Ловелла в Флагстаффе (штат Аризона), публикациям которого, особенно книге "Марс и его каналы", я очень многим обязан. Эта книга содержит полное описание положения вещей, а открывающаяся картина действительно очень убедительна, и верой не только в то, что Марс обитаем, но и в то, что он населен существами, обладающими достаточной энергией и инженерными знаниями, чтобы создавать каналы, по сравнению с которыми величайшие достижения человеческого разума бледнеют и выглядят незначительными. Однако он не пускается в рассуждения о форме или внешнем виде этих существ – не ставит вопроса, какие они: люди, получеловеки, супермены или же существа, по облику и подобию не имеющие с нами ничего общего. Ныне такое исследование обязательно должно являть собой размышление самого смелого рода при высоком полете воображения. Но в то же самое время оно никоим образом не является творением на пустом месте. Мы придерживаемся убедительных фактов и определенных соображений. Конкретные знания запрещают нам признать любое нелепое фантастическое страшилище или любой художественный образ, который придет нам в голову, и назвать его марсианином. Мы твердо знаем определенные факты о Марсе и не имеем права воображать себе марсиан, не соответствующими этим фактам. <...>

Так в какой же степени эти существа могут напоминать земное человечество?

Существуют определенные черты, которыми они, вероятно, подобны нам. Происхождение от полумлекопитающих, которое мы для них предположили, подразумевает получеловеческую внешность. Они, вероятно, имеют голову и глаза, и тело с позвоночным столбом, а поскольку у них из-за высокого интеллекта обязательно будет крупный мозг и так как почти у всех существ с большим мозгом он расположен вблизи глаз, то у марсиан окажется, по-видимому, крупный и пропорциональный череп. По всей вероятности, они крупнее землян, возможно, и массивнее человека в два и две трети раза. Однако это еще не означает, что они окажутся в два и две трети раза выше ростом, а признавая более рыхлое телосложение марсиан, можно допустить, что, встав в полный рост, мы будем им по пояс. И, хотите – верьте, хотите – нет, они будут покрыты перьями или мехом. Я не знаю, и не знаю, известно ли это вообще кому-нибудь, почему человек, в отличие от общей массы млекопитающих, является гладкокожим животным. Однако не приходит на ум необходимого довода, который заставил бы меня поверить, что и марсиане – гладкокожие.

Окажутся ли они передвигающимися на двух ногах, или на четырех, или на шести? Я не располагаю данными, чтобы ответить на этот вопрос с некоторой долей определенности. Но имеются соображения, подсказывающие, что марсиане – двуногие. В том, что передвигающееся по суше животное имеет четыре ноги, заключено, как представляется, определенное преимущество; на Земле эта модель – господствующая, и даже среди насекомых часто видим тенденцию поджимать одну пару ножек из трех и пользоваться для передвижения только четырьмя конечностями. Однако это обстоятельство никоим образом не универсально. Можно обнаружить ряд видов, скажем, белку, крысу и обезьяну, которые предпочитают пользоваться задними лапами главным образом для ходьбы и чтобы сидеть, а с предметами обращаются, пользуясь передними конечностями. Такого рода животные оказываются исключительно сообразительными. Нет никакого сомнения в той выдающейся роли, которую развитие руки сыграло в формировании человеческого интеллекта. Следовательно, было бы вполне естественным представить себе марсиан большеголовыми, с широкой грудью, двуногими, этакой гротескной карикатурой на род человеческий, который, между прочим, выделяется рукой с развитой кистью.

Но это лишь одна из нескольких почти в равной степени допустимых возможностей. Существует фактор, на который мы можем положиться: марсиане, должно быть, имеют некий хватательный орган, во-первых, потому, что без него развитие интеллекта почти немыслимо, а во-вторых, потому, что никаким иным путем они не смогли бы осуществить свои инженерные замыслы. Для нашего воображения представляется странным, но и не менее логичным предположить вместо руки наличие хобота, как у слона, или группы щупальцев, или хоботоподобных органов. У природы неуемная фантазия; она никогда не повторяется, но, между прочим, допустимо, что истину следует искать именно в направлении большего несходства с обликом человека, а не в тех формах, которые я дерзнул вообразить.

Как дико и невероятно всё это звучит! Пытаешься представить себе покрытых перьями людей ростом в девять или десять футов, с хоботами и несколькими ногами и сразу ощущаешь неприязнь к собственному воображению. Однако какими бы дикими и невероятными такие расплывчатые представления ни могли показаться, они остаются логическим и установленным фактом, который вынуждает нас поверить, что какие-то такие существа ныне действительно живут на Марсе...»

Эта блестящая реконструкция, которая сделала бы честь любому серьезному ученому, нашла поклонников не только среди большевистских вождей, но и среди популяризаторов научного познания.

Например, ее принял за основу американский писатель и издатель Хьюго Гернсбек, вошедший в историю литературы прежде всего как создатель первого периодического издания, целиком посвященного фантастике, – журнала «Эмейзинг Сториз» («Amazing Stories»). Кстати, в первых номерах этого журнала были опубликованы многие из произведений Уэллса, ставшие к тому времени классическими.

Однако перед тем Гернсбек издавал еще несколько журналов, в которых, помимо фантастики, печатались статьи о научных открытиях того времени. Не остались без внимания и загадочные строители марсианских каналов.

В журнале «Электрический экспериментатор» («Electrical Experimenter») Гернсбек опубликовал несколько своих статей, посвященный «научному» реконструированию облика и образа жизни марсиан. Гернсбек придерживался новых взглядов Уэллса на облик марсиан, то есть представлял их именно такими: высокими, покрытыми шерстью существами с тонкими длинными конечностями и с большой безобразной головой, украшенной хоботом и огромными (как у Чебурашки) ушами. Кроме того, на черепе у марсиан имеются забавные антеннки – так, по мнению Гернсбека, должен выглядеть «телепатический орган». Этот образ мы находим не только в серии статей, опубликованных в журнале «Электрический экспериментатор», но и в более поздних работах популяризатора.

Среди этих работ нужно отметить статью «Эволюция на Марсе» («Evolution on Mars», 1924), опубликованную в журнале Гернсбека «Наука и выдумка» («Science and Invention»), и специальный номер «Фантастических приключений» («Fantastic Adventure», 1939), посвященный грядущей встрече землян с марсианами Здесь Гернсбек рассуждает о том, как на облик марсиан повлияли особые физические условия, царящие на Марсе. Перед нами – всё тот же великан с хоботом, но к 1939 году хобот заметно сократился и сделался неким особым органом, неизвестным на Земле.

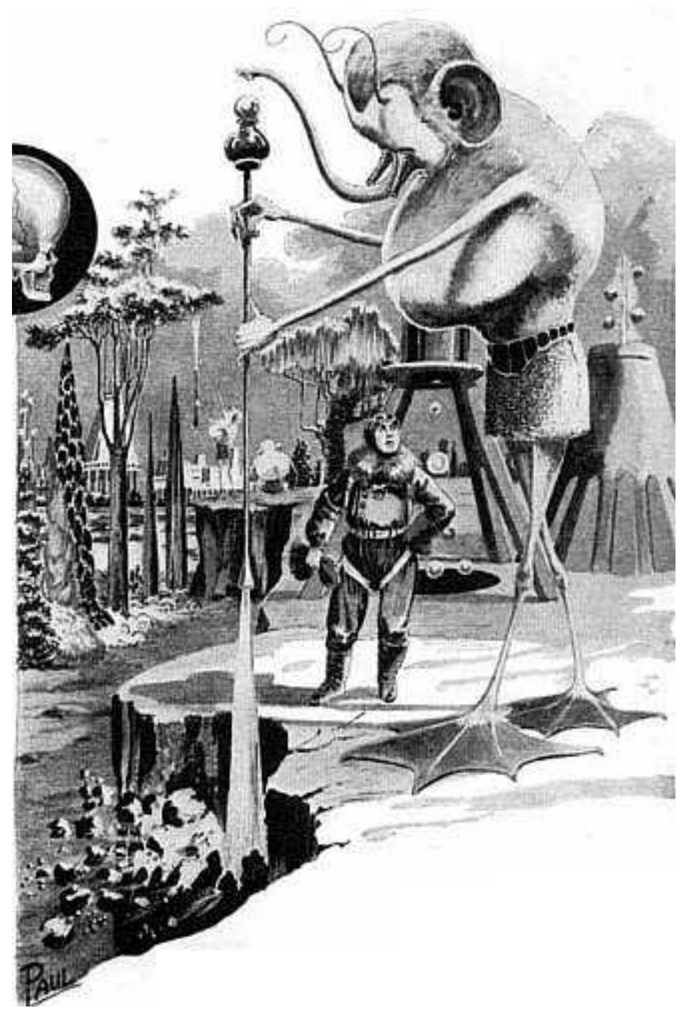


Рис.10.2. Марсиане Уэллса-Гернсбека (иллюстрация к статье «Эволюция на Марсе», 1924 год)

«Мы пересекли бездны пространства, – пишет Гернсбек в аннотации к специальному выпуску "Фантастических приключений", – чтобы встретить человека Марса. При выходе из корабля мы приветствуем тех марсиан, которые приблизились к месту посадки. Какие странные существа. Их эволюция отличалась от нашей ввиду того, что на планете Марс слабая гравитация, разреженная атмосфера и экстремально низкая температура. Марсианин имеет большие уши, чтобы улавливать звуки в разреженном воздухе. Он сообщается с себе подобными при помощи телепатии. Он высок и перемещается на длинных ногах с плоскими ступнями. Его легкие огромны. Его глаза напоминают окуляры телескопов. Его тело покрыто теплым мехом. Его разум наиболее развит среди остальных обитателей Солнечной системы, поэтому марсиане являются обладателями атомного оружия...»

Тем не менее, несмотря на очевидную гротескность образа, марсиане Уэллса-Гернсбека вполне человекоподобны. Они – гуманоиды: с двумя руками, двумя ногами, с одной большой головой. Они уродливы, но уродливы в меру, а потому с ними вполне можно сосуществовать и договариваться.

От богов – к пришельцам

Гипотезу о том, что люди произошли от пришельцев, спустившихся к нам из космоса, одной из первых высказала основательница теософского учения Елена Петровна Блаватская. Однако в ее оккультном мире любые пришельцы были богами или духами, а боги или духи – пришельцами, потому считать ее предтечей уфологии, изучающей свидетельства пребывания инопланетян на Земле, вряд ли возможно.

Впрочем, имя отца-основателя уфологии зафиксировано. По общему мнению, им нужно считать американца Чарлза Хой Форта, издавшего в 1919 году «Книгу проклятых», в которой этот газетный репортер собрал многочисленные свидетельства о наблюдениях аномальных явлений (дожди из лягушек, неопознанные летающие объекты, астрономические феномены, Бермудский треугольник, фантастические существа, считающиеся исчезнувшими) и попытался дать им всеобъемлющее рациональное объяснение. В ходе анализа Форт пришел к выводу, что мы находимся под наблюдением со стороны неких высокоразвитых существ, прилетевших к нам с других планет. Это не было чем-то оригинальным – о подобной возможности писал еще Уэллс в «Войне миров», однако Форт попытался увязать литературную фантастику с действительностью. Интересно, что Форт предопределил все основные черты будущей паранауки, которая ныне базируется на агрессивном неприятии данных «официального» естествознания и вере в заговор властей, скрывающих от нас правду о пришельцах.

Хотя критики и называли Форта «врагом науки», многие популяризаторы охотно сотрудничали с ним. Тот же Хьюго Гернсбек печатал на страницах своих многочисленных журналов фрагменты из его книг.

Разумеется, до Советской России докатывались отголоски дискуссии, разгоревшейся вокруг изысканий Чарлза Форта в середине 1920-х годов. Однако формирование уфологии в ее окончательном догматизированном виде должно было произойти еще нескоро, и истории о пришельцах на НЛО пока оставались темой для фантастов и любителей фантастики.

Посмотрим, как же обыгрывали советские фантасты тему «близких контактов третьего рода».

Вот рассказ Н.Копылова «Невидимки» (1926), из которого мы узнаем о том, как из глубин космоса прибывает миниатюрный корабль с микроскопическим экипажем — с инопланетянами пытаются установить контакт, но маленькие «братья по разуму» по неизвестной причине погибают...

Вот рассказ Александра Бобрищева-Пушкина «Залетный гость» (1927), в котором Землю посещает гуманоидный инопланетянин, путешествующий по Вселенной без космического корабля (!) и хранимый от смертельных воздействий пустоты особыми флюидами, излучаемыми его собственным телом...

Вот повесть Михаила Пруссака «Гости Земли» (1927), первые страницы которой напоминают начальные главы незабвенной «Войны миров» Герберта Уэллса: посадка марсианского снаряда под Лос-Анджелесом, странные существа на металлических подпорках. Однако, против ожидания, марсиане оказываются миролюбивы, и, более того, по ходу культурного обмена выясняется, что они атеисты и коммунисты, именно этот строй в результате социальной эволюции победил на объединенном Марсе.

Вот рассказ Алексея Волкова «Чужие» (1928), осмелившегося описать ящероподобных пришельцев из далекой туманности, дискообразный корабль (!) которых потерпел крушение в Западной Африке.

Рис.10.3. Ящероподобный пришелец из далекой туманности (иллюстрация к Алексея Волкова «Чужие», 1928 год)

Вот рассказ С.Кленча «Из глубины вселенной» (1929), в котором довольно эффектно представлен контакт москвичей с центаврами – гигантскими существами, живущими на огромной юпитероподобной планете в системе звезды Альфы Центавра.

Вот рассказ Михаила Волкова «Баиро-Тун» (1929) о случайной встрече двух землян с большеголовым марсианином, прилетевшим в авангарде космического флота, бегущего с умирающей красной планеты.

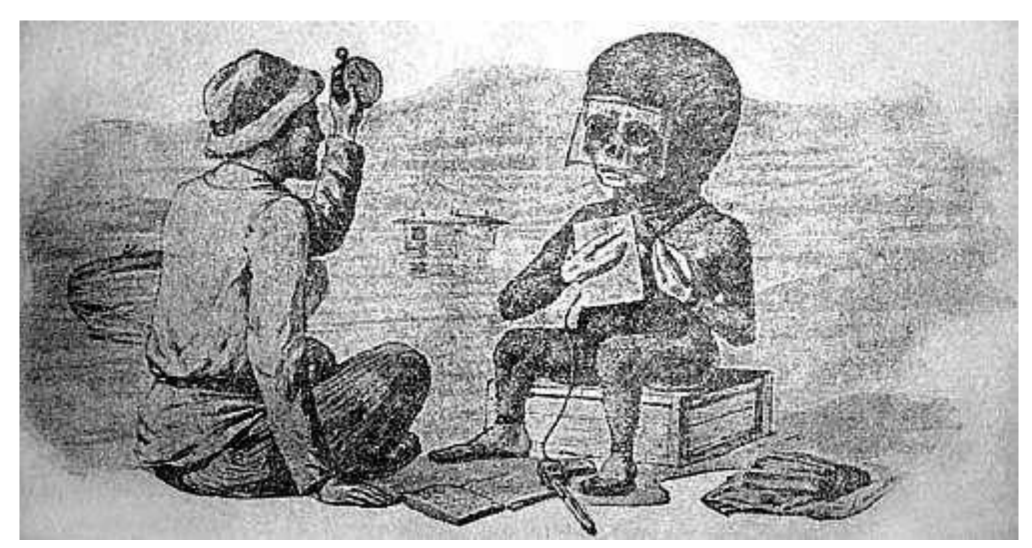


Рис.10.4. Большеголовый марсианин (иллюстрация к рассказу Михаила Волкова «Баиро-Тун», 1929 год)

Вот рассказ С.Горбатова «Последний рейс “Лунного Колумба”» (1929), в котором человекоподобные селениты, живущие в лунных пещерах, готовят армаду боевых ракет, чтобы обрушить ее на головы ничего не подозревающих землян.

Особый интерес представляет роман Александра Ярославского «Аргонавты вселенной» (1926), в котором оккультизм в теософском духе перемешан с представлениями о близящейся космической экспансии советского народа.

Ярославский описывает полет трех героев: Горянского, его жены Елены и мальчика Мукса – с Земли на Луну в реактивном «радиевом» аппарате. Там Елена впадает в медиумический транс, а Горянский видит, как на темно-розовом лунном граните появляется отливающая золотом надпись:

«Не бойся, я не дух, не призрак!.. я такой же живой, мыслящий, радующийся, как и ты! только я старше тебя, на много старше: ведь мне уже более десяти тысяч лет! Я говорю с тобой с отдаленнейшего мира и помогаю тебе, ибо мы с тобой – одно. Но мы ушли неизмеримо, неисчислимо вперед по сравнению с вами, земные братья. Я могу делать радий сколько угодно, но это не важно! есть иные силы, неисчислимое количество сил, часть которых и вы когда-нибудь узнаете, которые неизмеримо могущественнее радия; все они – проявление одной мировой силы, которую знаем мы. С помощью этой силы я разговариваю сейчас с тобой на расстоянии, которое свет пробегает в сотни миллионов лет...

Планеты не живут отдельной жизнью – все они связаны между собой величественнейшею силой тяготения, сущность которой долго еще будет непонятна вам. Кроме того, свет постоянно течет между ними, как кровь в организме. Движение света – поистине кровообращение вселенной; тела планет обмениваются лучами, как поцелуями... Тончайшие неуловимые пылинки – зародыши жизни и бактерии – переносятся световыми лучами в силу лучевого давления с одной планеты на другую – планеты оплодотворяют друг друга.

У вас есть индийская легенда, что рис и пшеница упали с неба, – это верно: не только рис и пшеницу, но много, много других подарков вы получили с других планет, но больше всего вы получили с нашей луны, где были уже разумные существа и цивилизация, когда раскаленная молодая земля была еще маленьким солнцем.

Как только начала остывать земля, сейчас же на луне появились смельчаки, которые на аппаратах, подобных твоей ракете, и на других, устройство которых было бы тебе непонятно,

отправились туда. Однако и для них была тяжела борьба со стихией... и много погибало их, особенно от земных бактерий.

Но снова и снова летели аппараты с луны на землю и, наконец, на ней утвердились пришельцы: земля стала как бы колонией луны.

Ваша легенда об Адаме не лишена основания, и когда появилась на земле человекообразная обезьяна, на ней уже были цивилизованные лунные выходцы и две породы развивались параллельно.

Однако с течением времени перед жителями луны развернулись более великие и более интересные перспективы; сообщение с землей прекратилось и о ней стали забывать, и стали совершаться на нее лишь редкие экспедиции.

Миф перуанцев о нежном бледном боге Гветцаге, скандинавские сказания и саги о светлолицем Бальдуре, китайские мифы о прилетающих с луны драконах – есть воспоминание о них.

Почти везде и всюду высокоцивилизованные пришельцы становятся во главе. Они порождают древние культуры. Почти одновременно в Атлантиде, Китае и Египте появляются пар, аэроплан и электричество. Их тогдашние цивилизации почти равняются вашей, но носили более изолированный характер. Ваша легенда о божественном происхождении власти относится к этой эпохе. Титулы фараона и богдыхана – "сын неба" тогда понимались буквально, ибо они и их ближайшие помощники были, действительно, неземного (лунного) происхождения и они сами и все окружающие еще помнили об этом...

Две расы у вас на земле: одна простая, грубая, земная, рождается, живет и умирает, вся погруженная в повседневную заботу, думающая только о ней: но смутное воспоминание о родной планете еще сохранилось у другой: оно заставляет засматриваться на звезды, оно толкает на сладкое безумье, оно начертало гордую надпись римлян "Sic itur ad astra", гласящую, что путь культуры ведет к звездам...

Не удивляйся, что пишу здесь на твоем родном языке: корень языков один для всей нашей планетной системы, и я пишу мысли, облекая их в буквы понятного тебе языка, пользуясь энергией, неизмеримо быстрейшей света, подобной тяготению – еще неизвестной вам на земле. Я сообщаюсь с тобой из дальнейших пространств, и живем мы на более прекрасных планетах.

Луна служит нам лишь складочным пунктом, космической гаванью, – временным кладбищем для тех из нас (мы ведь давно победили старость и смерть), кто захочет отдохнуть ненадолго от жизни, устав от бессмертия, чтобы воскреснуть в грядущем.

Когда-нибудь, брат мой, и вы победите старость, смерть, пространство и время и будете на самоцветных, играющих – планетах – солнцах вместе с нами, ибо и вы тоже – граждане вселенной.

Ты первый начал победу над межпланетным пространством, ты первый прилетел к нам; возвращайся на землю, пусть за тобой кинутся сотни новых ракет, сотни новых кораблей к первой для вас станции в пространстве – луне, и дальше – к звездам и солнцам, на необозримые пространства вселенной; знайте – нет у вас врагов, кроме смерти, пространства и времени и, победив их, вы организуете любовь.

Торжествуй же над природой всегда и везде! В океане вселенной мы ожидаем вас! Прощай, брат мой! Привет земле!»

Попытка Ярославского реанимировать оккультное предание через идею «палеоконтакта» (то есть контакта с инопланетянами, произошедшего в доисторические времена) была уникальна в своем роде и продолжения не получила. Но сама по себе эта идея закрепилась в умах творческой интеллигенции, и можно говорить, что для советской уфологии она стала центральной и во многом сюжетообразующей.

В качестве примера закрепления идеи палеоконтакта можно привести повесть Бориса Анибала «Моряки Вселенной», посвященную полету на Марс (1940). Добравшись до Красной

планеты, трое советских ученых обнаруживают там брошенные и засыпанные песком города, – здесь некогда обитала высокоразвитая цивилизация, но по неизвестной причине она погибла, и среди мертвых руин, остановившихся машин и хрупких скелетов бегают страхолюдные падальщики. Земляне изучают руины, и находят останки и дневник жителя Атлантиды (снова Атлантида!), привезенного в незапамятные времена с Земли на Марс. На обратном пути один из членов экспедиции расшифровывает манускрипт, и межпланетные путешественники узнают, что цивилизация марсиан погибла от пандемии «синей смерти», – жители красной планеты готовили переселение на Землю, но не успели сделать эскадру кораблей для перелета...

Рис.10.5. Марсиане в гостях у атлантов (иллюстрация к повести Бориса Анибала «Моряки Вселенной», 1940 год)

Марсиане Анибала вполне соответствуют современным нам представлениям о «зеленых человечках» (это лишний раз подтверждает, что стереотип, распространяемый уфологами, родился не вчера). Они – маленькие, лысые и большеголовые. Но главное содержание этой повести – Анибал как бы зафиксировал новое представление советского человека о Марсе, объединив предвоенные астрономические теории с идеей о том, что на Красной планете мы найдем не самих марсиан, а руины древней цивилизации, которую можно изучать лишь постфактум...

Ракетчики и НЛО

История советской уфологии сплошь состоит из натяжек и голословных утверждений. Объясняется это скверное состояние прежде всего тем, что никто толком не занимался изучением истории паранаучных дисциплин, а в свободной «экологической» нише циркулируют одни лишь нелепые слухи и более чем смелые предположения.

Рассказ об изучении НЛО в СССР обычно начинают с довоенной эпохи, указывая на ленинградского профессора Николая Алексеевича Рынина, занимавшегося сбором

информации о всевозможных летательных аппаратах и оставившего наследие в виде десятков книг, в том числе девятитомную энциклопедию теоретической космонавтики. В этом последнем труде Рынин собрал описания самых различных конструкций космических кораблей, но поскольку космические корабли в 1930-е годы никто не строил, то ученый в основном опирался на фантастические произведения и даже на народные сказки, в которых упоминается хоть что-то летающее к звездам: от конька-горбунка до гоголевского черта, похитившего месяц. На страницах энциклопедии упоминаются и свидетельства о сошествии на землю богов и жителей луны – это позволило некоторым отечественным уфологам объявить, что Рынин был сторонником идеи о внеземном происхождении человечества и является чуть ли не родоначальником изучения феномена НЛО в нашей стране. Однако внимательное прочтение книг и статей профессора показывает, что Николай Рынин четко разделял фантазию и реальность. Для него предания народов мира о «сынах неба» и рассказы древнегреческих философов о встречах с селенитами являются вымыслом – в этих историях он видит только одну из версий извечной мечты человека о полетах в небо и к звездам. Таким образом, Рынину приписывают приверженность идеям, которые он, мягко говоря, не разделял. Больше того, профессора неоднократно подвергали критике даже за его энциклопедию. Так, молодой инженер Сергей Павлович Королев при всем уважении к Рынину говорил, что нет смысла в собирании мифов и легенд, когда нужно делать реальную работу по проектированию ракетных двигателей и космических аппаратов. Не любил Королев фантастику.

Рис.10.6. Теоретик космонавтики Николай Рынин

Кстати, о Королеве. Рассказывая о начале изучения феномена НЛО в послевоенный период, авторы, пишущие о «летающих тарелках» (и, каюсь, я в их числе), обычно приводят старую байку, почерпнутую из воспоминаний профессора Валерия Павловича Бурдакова. Якобы еще в 1947 году конструктора Сергея Королева вызвали в Кремль, вручили пачку зарубежных журналов и книг и сказали:

«– Товарищ Сталин просит вас высказать свое мнение о сообщениях по НЛО.

– Хорошо, чтобы ознакомиться, я возьму материал с собой.

– Этого не следует делать. Вот вам переводчики и помещение для работы. Через три дня вас побеспокоят.

"На третий день меня пригласил к себе лично Сталин, – рассказывает Королев. – Я доложил ему, что явление безусловно интересное. Но, по-видимому, опасности для государства не представляет".

– Другие ученые, которых я попросил ознакомиться с материалом, того же мнения, что и вы, – закончил беседу Сталин.

"Я думаю, – пояснил Королев, – такими учеными могли быть Келдыш, Курчатов, Топчиев"...»

История интригующая, но при внимательном изучении опять же всплывают несуразности, указывающие на то, что она вымышлена от начала до конца. Дело в том, что в письмах Королева обнаружено точное указание: конструктор был на приеме у Сталина всего один раз – в марте 1948 года. (Историк Ярослав Голованов считал и убедительно доказывал, что встреча, скорее всего, состоялась еще позже – в марте 1949-го.) Причем на приеме Королев был не один, а в составе группы советских конструкторов военной техники, и соответственно обсуждаемые вопросы касались прежде всего перспектив развития этой техники.

И авторы, зарабатывающие на уфологии, и профессор Бурдаков, очевидно, забыли, что в 1947 году Сергей Павлович Королев был всего лишь «засекреченным ракетчиком», пытающимся воспроизвести опыт немецких коллег, – не по чину ему было посещать Кремль и консультировать вождя. Вот позднее, после того как Королев запустил и первую межконтинентальную ракету, и первый спутник, и Юрия Гагарина, он мог уже на равных общаться с кремлевскими руководителями и давать им какие-то рекомендации.

Впрочем, нельзя утверждать, что Сергей Павлович уж совсем был далек от «инопланетной» проблематики. В том, что вопросы НЛО и контактов с пришельцами его интересовали, подтверждает хотя бы история с Тунгусским метеоритом.

«Палеокосмонавты» Ефремова и Казанцева

В семидесятые годы XX века начала набирать популярность «палеокосмонавтика» – особый раздел уфологии, выросший из идеи «палеоконтакта» и занимающийся сбором доказательств, будто бы инопланетяне посещали нашу Землю в незапамятные времена, учили людей разным премудростям, а может и вообще были родоначальниками человеческой расы. Интерес к этим изысканиям пробудила книга швейцарского археолога-любителя Эриха фон Дэникена «Воспоминания о будущем» (1968), в которой описывались археологические памятники, не имеющие привязки к известным нам историческим эпохам или по своим свойствам соответствующие не древним, а современным технологиям. Пример первого случая – огромные рисунки в пустыне Наска. Кто их сделал? Зачем? Пример второго – нержавеющая колонна в Дели, стоящая среди развалин старинной мечети Кувватуль-Ислам. Кто ее сделал? Зачем? Какие технологии использовались при ее создании? Каждый из этих артефактов может иметь и другое происхождение с объяснением без участия мифических инопланетян, но желание найти чудо столь велико, что поклонники идеи «палеоконтакта» не обращают внимания на критику.

В Советском Союзе «палеокосмическая» теория пользовалась успехом задолго до появления книги фон Дэникена и фильма, снятого по его материалам (1970).

Первым более или менее внятно идею о том, что когда-то Землю могли посещать пришельцы из космоса, изложил Иван Антонович Ефремов в своей знаменитой повести «Звездные корабли» (1947).

Рис.10.7. Профессор И.Ефремов (слева) и директор Палеонтологического музея Академии наук СССР профессор К.Флеров

Знаменитый фантаст признает, что скорость света является предельной в нашей Вселенной, а следовательно, пилотируемые экспедиции между звездами в настоящее время невозможны или чрезвычайно затруднительны. Однако современные межзвездные расстояния не являются чем-то «устаканившимся» и в отдаленные времена, когда на Земле еще не появился человек, небесная картина была совсем иной.

«Буду краток, – пишет Ефремов, – наша солнечная система описывает внутри Галактики огромную эллиптическую орбиту с периодом обращения в двести семьдесят миллионов лет. Эта орбита несколько наклонена относительно горизонтальной плоскости звездного "колеса" нашей Галактики. Поэтому солнце с планетами в определенный период прорезает завесу черного вещества – пылевой и обломочной застывшей материи, – стелющуюся в экваториальной плоскости колеса Галактики. Тогда оно приближается к сгущенным звездным системам центральных областей вроде, скажем, созвездия Стрельца. И в этом случае возможно сближение нашей солнечной системы с другими неведомыми системами, сближение настолько значительное, что перелет становится реальным. <...> приближение солнечной системы к центральным сгущениям Галактики произошло примерно семьдесят миллионов лет назад!..»

Персонажи повести, советские ученые, разработав методику поиска следов пришельцев, которые могли побывать на Земле в период сближения Солнца с крупными звездными скоплениями, в конце концов действительно находят скелет инопланетянина, погибшего в схватке с динозавром. Описывая его, Ефремов приводит веские доводы в поддержку

довольно распространенного в советской литературе мнения, что мыслящие существа обязательно гуманоидны:

«Прежде всего должны быть развиты мощные органы чувств, и из них наиболее зрение, зрение двуглазое, стереоскопическое, могущее охватывать пространство, точно фиксировать находящиеся в нем предметы, составлять точное представление об их форме и расположении. Лишне говорить, что голова должна находиться на переднем конце тела, прежде всего соприкасающемся с окружающим, несущем органы чувств, которые опять-таки должны быть в наибольшей близости к мозгу для экономии в передаче раздражения. Далее мыслящее существо должно хорошо передвигаться, иметь сложные конечности, способные выполнять работу, ибо только через работу, через трудовые навыки происходит осмысливание окружающего мира и превращение животного в человека. При этом размеры мыслящего существа не могут быть маленькими, потому что в маленьком организме не имеется условий для развития мощного мозга, нет нужных запасов энергии. Вдобавок, маленькое животное слишком зависит от пустяковых случайностей на поверхности планеты – ветер, дождь и тому подобное для него уже катастрофические бедствия. А для того чтобы осмысливать мир, нужно быть в известной степени независимым от сил природы. Поэтому мыслящее животное должно иметь подвижность, достаточные размеры и силу и обладать внутренним скелетом, подобным нашим позвоночным животным. Слишком большим оно также быть не может, иначе нарушатся оптимальные условия стойкости и соразмерности организма, необходимые для несения колоссальной дополнительной нагрузки – мозга.

<...> Короче, мыслящее животное должно быть позвоночным, иметь голову и быть величиной примерно с нас. Все эти черты человека не случайны. Но ведь мозг может развиваться тогда, когда голова не является орудием, не отягощена рогами, зубами, мощными челюстями, не роет землю, не хватает добычу. Это возможно, если в природе имеется достаточно питательная еда; например, для нашего человека большую роль сыграли плоды растений, освободившие организм от бесконечного пожирания растительной массы или же погони и убивания живой добычи. Тогда челюсти могут быть сравнительно слабыми, может развиться огромный купол мозгового черепа, подавляющий собою морду. Можно еще очень много сказать о том, каковы должны быть конечности, но это ясно и так: свобода движений и способность держать орудие, пользоваться орудием, изготовлять орудие. Без орудия нет и не может быть человека. Отсюда последнее – назначение конечностей должно быть разделенным: одни должны выполнять функцию передвижения, другие быть органами хватания, сложными и многообразными в своих движениях. Всё это связано с тем, что голова должна быть поднята от земли, иначе ослабнет способность восприятия окружающего мира.

Вывод – форма человека, его облик, как мыслящего животного, не случаен, он наиболее соответствует организму, обладающему огромным мыслящим мозгом...»

Рис.10.8. Ученые находят останки инопланетянина (иллюстрация А.Шпира к повести «Звездные корабли», 1947 год)

Это свое видение «типичного» разумного существа Ефремов пронес через всю жизнь, раз за разом приводя доводы в пользу гипотетической реконструкции в популярных статьях (таких как «Космос и палеонтология») и фантастических произведениях (таких как «Сердце змеи» и «Туманность Андромеды»).

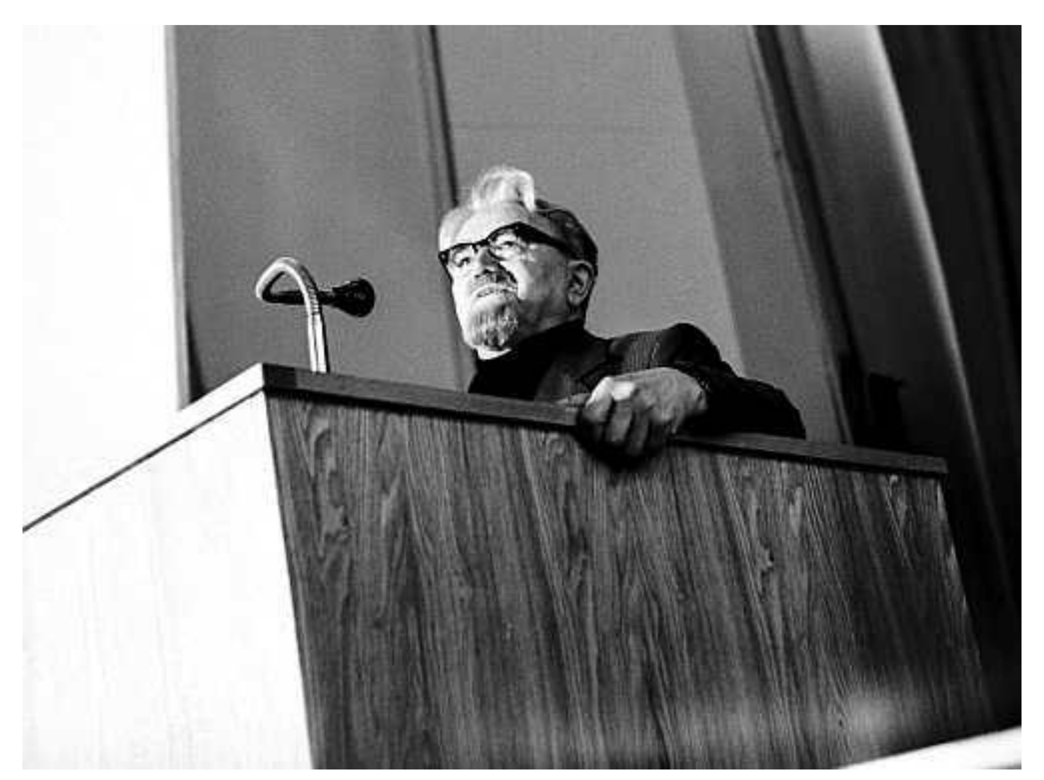


Рис.10.9. Александр Казанцев на конференции «Аэлита-81» (фото В.Коблова)

Мнение Ефремова разделял другой признанный фантаст, увлекавшийся «палеокосмонавтикой», – Александр Петрович Казанцев. В 1946 году он опубликовал рассказ-гипотезу «Взрыв», в котором выдвинул предположение, что Тунгусский метеорит, взорвавшийся над тайгой 30 июня 1908 года, был космическим кораблем инопланетян, работающим на атомной энергии.

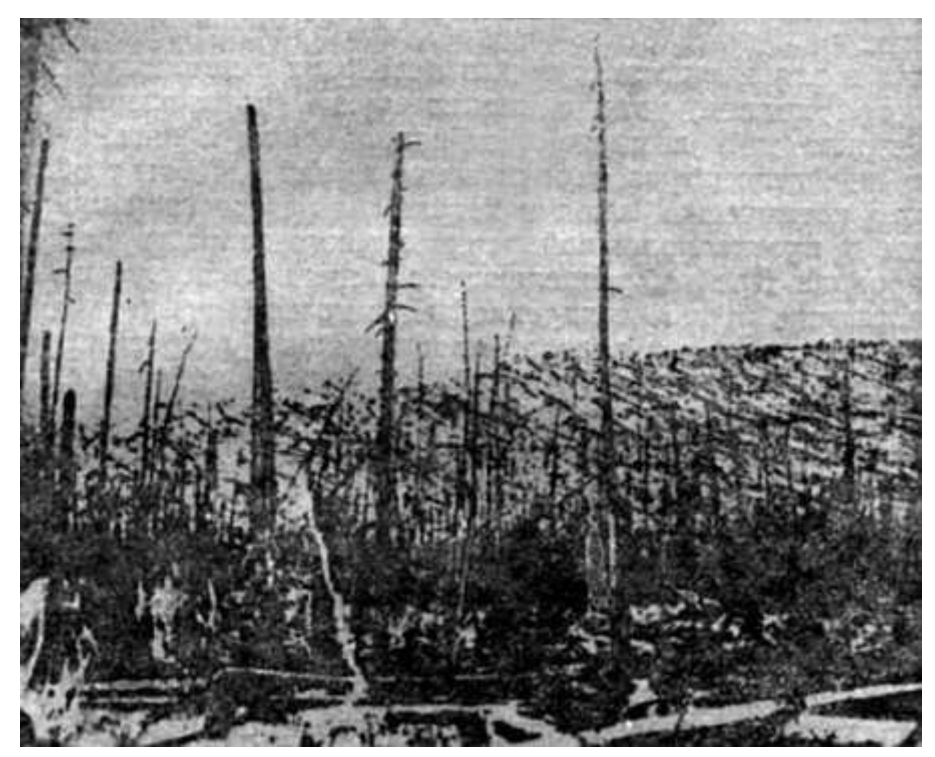


Рис.10.10. Вывал леса на расстоянии 30 км от места «падения» Тунгусского метеорита

Уже в наши дни вспоминая об этом, Казанцев признается:

«Радио мне подсказало... История длинная. Я прошел войну от солдата до полковника и последние месяцы войны был уполномоченным комитета обороны и после окончания войны возвращался через всю Европу в СССР.

Было это в августе, ехали мы с начштабом и слушали штабной радиоприемник, и на английском языке мы вдруг услышали сообщение о взрыве атомной бомбы. А я до этого отлично знал всю историю Тунгусского метеорита.

И знал не только про экспедиции Кулика, но и про экспедицию по спасению Кулика. Эту экспедицию возглавлял, ставший потом моим близким другом, Виктор Александрович Сытин. Мне сразу пришла в голову мысль о схожести этих двух взрывов – американской ядерной бомбы и Тунгусского метеорита, и по приезду в Москву я первым делом встретился с Сытиным. Сидели мы в кафе-мороженое на улице Горького, и он в течение 2-х часов рассказывал о всех подробностях последствия катастрофы. И чем больше я слышал об этом, тем больше убеждался в своих подозрениях. В эпицентре под самым местом предполагаемого взрыва все деревья стояли на корню, а вокруг – были повалены радиально. Я подумал – а не произошел ли взрыв в воздухе. И поделился идеей с Сытиным. Он мне возразил – мол, как же в воздухе? – метеорит-то упал на землю. Но ведь, – не отступаю я, – его так и не нашли. Кулик предполагал, что метеорит утонул в болоте, пробив слой вечной мерзлоты. Так? Но когда в том месте пробурили лед – оттуда вырвался фонтан воды. Если бы метеорит пробил вечную мерзлоту – давление упало бы! Сытину идея понравилась, и все оставшееся время мы так или иначе возвращались к ее обсуждению. Я же с удовольствием слушал рассказ Сытина о легендах, родившихся сразу после взрыва в 1908 году, о том что бог Огды спускался в тайгу, о том что там гибли олени и люди. И даже о том, что место взрыва якобы было заколдовано. О том, с какими приключениями спустя 19 лет времени Кулик добирался до эпицентра и т. д. Теперь уже я заинтересовался этим Тунгусской тайной, а еще больше – тайной атомного взрыва. Тогда, в конце 1945 года об этом пока что нигде нельзя было прочитать. Пришлось

договариваться о встрече и беседовать с академиком Ландау, который и рассказал все устройство американской атомной бомбы... После этого я эту гипотезу о ядерном взрыве на Тунгуске изложил в виде фантастического рассказа, и в начале 1946 года он был опубликован...»

Рассказ Казанцева сразу привлек внимание специалистов. Его обсудили на заседании Московского отделения астрономического общества, после чего в Московском планетарии была поставлена лекция-инсценировка «Загадка Тунгусского метеорита».

Выглядела инсценировка следующим образом. Заместитель директора планетария по науке Феликс Юрьевич Зигель (известный популяризатор науки, увлекавшийся еще и уфологией) читал лекцию о Тунгусском метеорите, об экспедициях Кулика и так далее — однако после завершения его доклада из зала поднимался зритель Метт (актер, играющий по сценарию пьесы полковника) и говорил: «Вы знаете, мне в голову пришла интересная мысль. А что если это был атомный взрыв?» Затем одни за другими поднимались другие актеры: «студент» Конов, «профессор физики» Кравченко — и затевали оживленную дискуссию, к которой присоединялись настоящие зрители.

Если после публикации в «Вокруг света» пришло всего несколько писем-отзывов, то теперь о тайнах Тунгусского взрыва заговорила вся Москва. На лекции в планетарий ломились, входные билеты стали дефицитом. Игнорировать проблему было больше нельзя, ведь многие из зрителей воспринимали инсценировку как серьезное научное обсуждение, а гипотезу о корабле пришельцев — как официальную точку зрения Академии наук. Появились разгромные статьи в центральных газетах, которые, впрочем, еще больше подогрели у молодежи интерес к этой тайне.

«Но ведь и я, – говорит Казанцев, – с самого начала понимал, какую историю могу заварить, поэтому перед публикацией перестраховался на всякий случай и пошел для консультации к лауреату Нобелевской премии Игорю Евгеньевичу Тамму. Его я стал убеждать, что только ядерным взрывом можно объяснить эти небывалые события, которые произошли 30 июня 1908 года в Сибири. Как еще объяснить звук, который был слышен за тысячи километров. Только в центре на корню остался лес, это могло произойти лишь в том случае, если взрыв произошел над землей. Один к одному, как при взрыве бомбы над Хиросимой. Могло ли такое произойти в 1908 году, спросил я Игоря Евгеньевича. Нет, ответил он, поскольку ядерный взрыв может быть только искусственным, а в то время земляне еще не знали ядерных секретов. А если искусственный, то можно ли теоретически предположить, что кто-то, какой-нибудь гений в избе или землянке собрал ядерное устройство? Тамм категорически возражал. Это исключено! Это полнейшая чепуха!.. Так... Значит, ядерный взрыв? Взорвалось нечто, сделанное искусственно, но не на Земле и не человеком. А где и кем? Это сейчас на подобный глупый вопрос любой первоклассник вспомнит слово "инопланетяне", но в 1946 году даже термина "НЛО" еще не существовало, первый бум в прессе относительно пришельцев еще только начнется в 1947-м!..»

В рассказе «Гость из космоса» (1951) Казанцев развил свою гипотезу, доказывая, что, скорее всего, корабль создали марсиане, но прилетел он с Венеры – дата Тунгусского взрыва совпадает с датой прилета корабля, идущего по оптимальной траектории Венера—Земля. «Видимо, – пишет Казанцев, – что-то понадобилась марсианам на второй, молодой и горячей, планете Солнечной системы».

Путаница с марсианами, которые почему-то прилетели не с Марса, а с Венеры, побудила Казанцева снабдить свою теорию дополнительными гипотезами. Их он изложил много позднее в романе «Внуки Марса» (1962). В нем земляне летят на Венеру и, помимо различных доисторических тварей, находят следы представителей высокоразвитой цивилизации, которые, по убеждению одного из членов межпланетной экспедиции, прилетели с гибнущего Марса, чтобы найти здесь новую родину. Но сам же автор спорит в романе с подобной гипотезой – слишком уж это предположение невероятно...

Казанцев сумел заразить своей идеей молодых ищущих ученых. Так, геохимик Алексей Васильевич Золотов не только уверовал в атомный корабль пришельцев, но и попытался на месте отыскать доказательства фантастической гипотезе. Он побывал на месте таежных вывалов двенадцать раз и установил, что радиоактивность почвы в районе Тунгусского взрыва превышает фон. Радиоактивную «метку», датируемую 1908 годом, удалось обнаружить и на спилах одного из устоявших деревьев. Другие исследователи не подтвердили открытие Золотова, что не помешало ему защитить кандидатскую диссертацию на основе своих изысканий.

В 1960 году опять же под влиянием идей Казанцева и с благословения главного конструктора космических ракет Сергея Павловича Королева в тайгу отправилась экспедиция сотрудников космической отрасли. В ней участвовал будущий летчик-космонавт Георгий Михайлович Гречко.

«Королев не только поддержал нас, — рассказывал Гречко позднее, — но и предложил использовать для поисков вертолет КБ, который как раз был недалеко от тех мест. Дал распоряжение, чтобы нас обеспечили поисковыми рациями... Через несколько недель я докладывал Королеву по телефону о нашей работе в тайге и на болотах.

– А хоть какие-то обломки корабля нашли?

– Нет, ищем. Правда, отпуск уже кончается!

Сергей Павлович решил с ходу:

– Я вам его продляю.

Пришлось признаться, что мы дали слово своим начальникам вернуться вовремя.

Королев согласился: дело есть дело. Потом добавил:

– А всё-таки жаль, что вы ничего не нашли...»

Популяризацией гипотезы атомного взрыва продолжал заниматься неутомимый Феликс Зигель. После того как в журналах «Техника — молодежи», «Знание — сила» и «Смена» он опубликовал несколько статей по итогам исследований Золотова, а переводы этих статей попали в западную печать, научный мир отреагировал достаточно жестким заявлением. XII метеоритная конференция в своем решении отметила, что «результаты изучения радиоактивности и другие исследования до настоящего времени не дают оснований для предположения о ядерном характере Тунгусского взрыва». При этом конференция признала недопустимой популяризацию фантастических гипотез.

Рис.10.11. Советские ученые изучают срезы деревьев, переживших Тунгусскую катастрофу

Легенды и были советских уфологов

История современной нам уфологии началась в 1947 году – после того, как американский бизнесмен Кеннет Арнольд рассказал о странном явлении, которое он увидел, пролетая 24 июня 1947 года над горой Маунт-Рейнир. Позднее его слова неоднократно цитировались не только в различных изданиях уфологической направленности, но и в официальных документах типа доклада ВВС.

Арнольд наблюдал округлые, плоские и блестящие объекты (названные им «летающими тарелками»), летевшие в южном направлении с очень большой скоростью.

«Я совершенно отчетливо видел их очертания на фоне снега, когда они приближались к горе, – сообщил Арнольд. – Они летели очень близко от горных вершин, прямо на юго-юго-восток вдоль главного хребта, летели, как гуси, вытянувшись в линию, словно скованные цепью.

Они пролетели приблизительно 20—25 миль и исчезли из виду. Около трех минут я наблюдал, как цепь похожих на тарелки предметов, растянувшаяся по крайней мере на 5 миль, лавировала между высокими горными вершинами. Они были плоски, как сковородки, и, словно зеркало, отражали солнечные лучи. Я видел всё это совершенно ясно и отчетливо».

Арнольд заявил, что по своим размерам летящие предметы были немного меньше самолета «DC-4», который как раз пролетал мимо. По мнению Арнольда, они перемещались со скоростью около 1200 миль в час, хотя это вступает в противоречие с его предыдущими показаниями. Если за три минуты НЛО преодолели всего 25 миль, то их скорость никак не могла превышать 500 миль в час.

Арнольд сообщил обо всем увиденном прессе и вызвал невероятный ажиотаж среди населения, соскучившегося по сенсационным заголовкам. Поначалу газеты пытались высмеивать Арнольда, но количество сообщений о «летающих тарелках» начала расти, как снежный ком, а сама тема получила широкое распространение.

Сообщение Арнольда и другие аналогичные случаи требовали по своему характеру официального расследования. Командование ВВС США создало специальную комиссию для всестороннего исследования всего явления в целом и тщательного изучения отдельных фактов. Профессор Дж. Аллен Хайнек, астрофизик из Университета штата Огайо, был приглашен в качестве консультанта по вопросам, связанным с астрономическим происхождением феномена. В своем докладе он утверждал, что виденные Кеннетом Арнольдом летающие предметы не имеют ничего общего ни с одним из известных нам астрономических явлений: «Нам представляется вполне вероятным, что замеченные предметы летели со сверхзвуковой скоростью и, следовательно, являются каким-то типом уже известных самолетов».

В июне 1950 года была опубликована первая книга на интригующую тему – «Летающие тарелки существуют на самом деле» Дональда Кейхо. В ней автор утверждал, что командование ВВС скрывает вещественные доказательства внеземного происхождения «летающих тарелок», так как специалисты по психологии поведения опасаются, что их опубликование может вызвать массовую панику.

Разумеется, никто из серьезных экспертов, работавших на разведку, в фантастику Кейхо не поверил, однако в то же время ни один из них не мог точно сказать, как далеко продвинулись советские ученые на пути создания летательных аппаратов нового типа. Что, если летающие диски и огненные шары, которые иногда появляются над атомными станциями и секретными полигонами, являются секретными самолетами Сталина?..

В самом Советском Союзе подобной проблемы, похоже, не существовало. Каких-то указаний на интерес советского руководства к теме НЛО в описываемый период не обнаружено. Вышеприведенное свидетельство профессора Бурдакова – не в счет.

Потому современные уфологи обычно опираются на странные истории, больше похожие на фантастические рассказы из старых журналов. Возможно, так оно и есть.

Например, в 1993 году «Киевская газета» опубликовала интервью с участником археологических раскопок, «пожелавшим остаться неизвестным». Вот что он рассказал. В 1953 году экспедиция, занимавшаяся раскопками в Киеве, обнаружила на глубине в пять метров от поверхности земли склеп, в котором находился огромный ящик. В ящике археологи нашли 500 книг, написанных на арабском, греческом, санскрите и некоторых славянских языках. Кроме текстов, книги содержали чертежи, на которых были изображены элементы орбитальных станций, космических кораблей и ангаров для них. Среди книг была также обнаружена исходная рукопись «Слово о полку Игореве», утерянная, казалось, навсегда.

Сотрудники МГБ (Министерство государственной безопасности – так в то время называлось ЧК-ОГПУ-НКВД), вызванные одним из членов экспедиции, прибыли в течение часа. Все найденные в склепе предметы были погружены на три крытых грузовика и увезены в неизвестном направлении. Археологи дали подписку о неразглашении...

Эта история похожа на первоапрельскую шутку, однако преподносится как вполне достоверный факт и попала уже в некоторые уфологические энциклопедии. Доказательств, подтверждающих ее реальность, нет и, скорее всего, не появится...

Несмотря на то, что в эпоху Сталина случаи наблюдения НЛО практически не освещались в советской прессе, американская разведка интересовалась фактами подобных наблюдений и собирала специальное секретное досье. Возможно, в этом досье хранится свидетельство военного инженера и писателя Вениамина Додина, арестованного НКВД в 1940 году и проведшего более 14 лет в лагерях ГУЛАГа.

Странное происшествие случилось ясной ночью в июне 1953 года, когда Додин шел по тайге к зимовке на речке Ишимба – в Красноярском крае, неподалеку от места, где произошло падение Тунгусского метеорита. Вокруг царила тишина. Внезапно Додин услышал странный звук, исходящий с неба. Затем он увидел объект, издающий этот звук. Это был

длинный цилиндр, и он реял над редкими облаками на расстоянии около 3 километров. При движении цилиндр вращался вокруг продольной оси. В одном месте корпус цилиндра охватывала ребристая лента. Один из концов цилиндра совершил полуоборот по отношению к Додину, и он увидел, что цилиндр полый, и с этой стороны он полностью открыт.

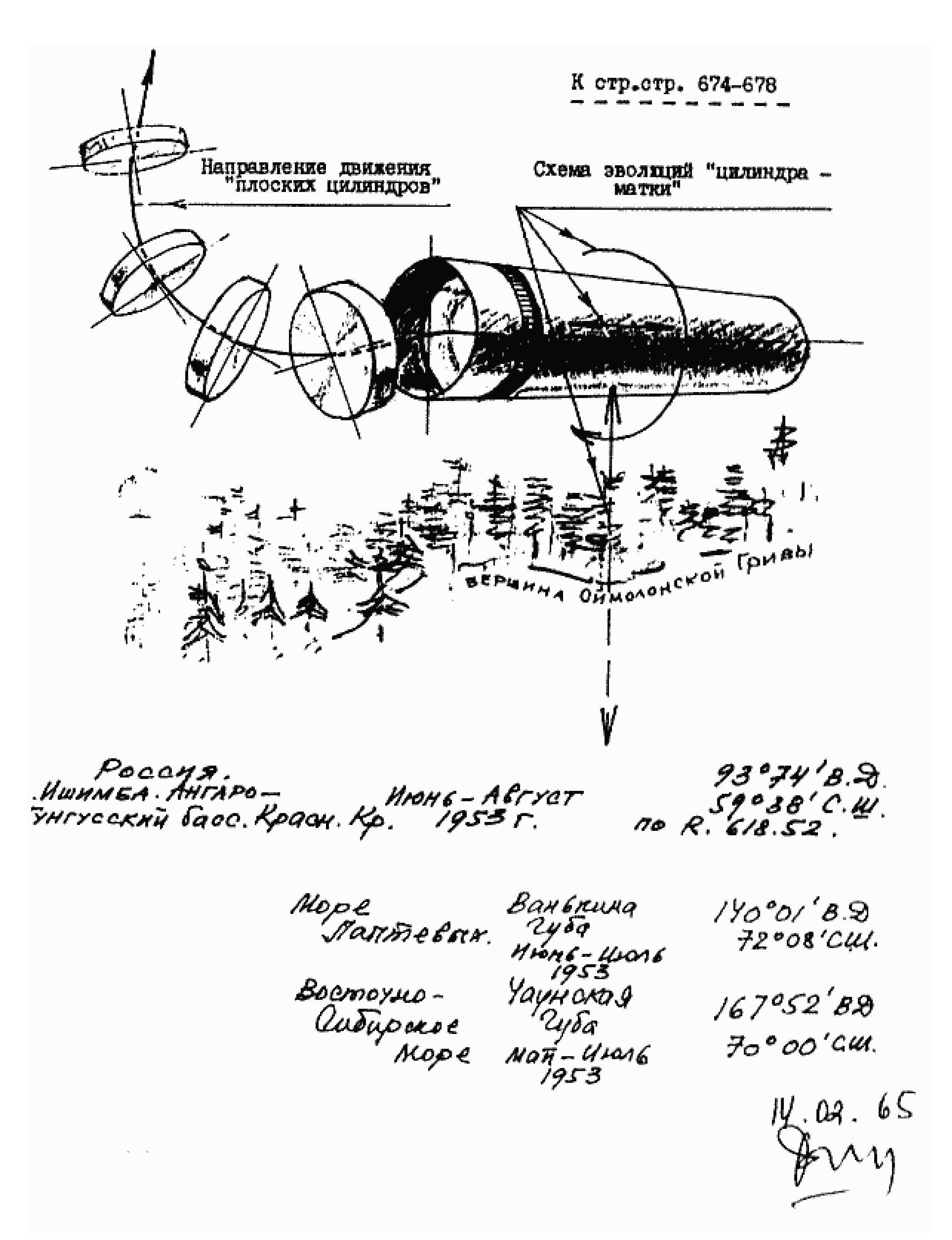


Рис.10.12. Цилиндры Вениамина Додина (собственноручная запись)

Додин сразу предположил, что реющий на высоте объект – это дирижабль, однако отсутствие каких-либо признаков двигателей и кабины пилотов смутило инженера. Медленно вращаясь вокруг продольной оси, объект перемещался по направлению к Додину. Вообще конструкция «дирижабля» показалась Додину технически «неправильной». Впрочем, он не сомневался, что это именно дело человеческих рук, и даже догадывался, где находится база загадочного «дирижабля». По его утверждению, поблизости от зимовья был расположен секретный научно-исследовательский центр «Трассант 26». Якобы там разрабатывались новые типы оружия, и Додин был наслышан о многочисленных испытаниях новинок вооружений, проводившихся в области.

Пока Додин разглядывал «дирижабль», пытаясь понять, что это такое, ровный шум, издаваемый объектом, сменился резким, неприятным слуху скрипом. От большого объекта начали отделяться объекты поменьше – они имели форму плоских барабанов и, выходя из «дирижабля», поднимались вверх. Затем отверстие на торце цилиндрического «дирижабля» закрылось, и цилиндр улетел. Небо стало светлеть с приходом утра. Додин добрался до зимовья, а когда совсем рассвело, попытался разглядеть в небе хоть какой-то намек на присутствие загадочных объектов. И объекты появились, но не днем, а следующей ночью.

Будучи образованным человеком, Додин хорошо знал, что никакое искусственное тело не способно развить такую скорость, чтобы немедленно исчезнуть из вида, как это произошло с цилиндром «дирижабля». Наблюдал ли он испытания нового воздушного корабля? Или это было нечто другое?..

Додина беспокоило, что, если кому-то станет известно, что он наблюдал испытания нового секретного оружия, его снова отправят в лагерь. Однако он был смелым человеком и, когда объекты вернулись, продолжил наблюдение. Всего он наблюдал эволюции объектов свыше 40 часов. Как и прежде, над тайгой сначала появлялся цилиндр «дирижабля», затем из него начинали сыпаться объекты поменьше, названные Додиным «плоскими барабанами». «Барабаны» поднимались вверх и исчезали почти немедленно. Додин оценил размеры «барабанов» и пришел к выводу, что каждый из них около 24 метров в диаметре. Материнский «дирижабль» в свою очередь был около 200 метров в диаметре. Все материнские «дирижабли», появляющиеся в поле зрения, выбрасывали по восемь «плоских барабанов».

Для того чтобы различить подробности, Додин использовал теодолит фирмы Цейса – других оптических инструментальных средств у него не было. Однако и этот не самый подходящий для наблюдения движущихся объектов инструмент позволил разглядеть ему легкое голубоватое свечение, излучаемое плоскими поверхностями «барабанов». Материнские цилиндры такого свечения не излучали вовсе.

Додин предпринимал неоднократные попытки добраться до места, откуда, как ему казалось, стартуют материнские цилиндры. Но все эти вылазки терпели неудачу.

У Додина начинались внезапные и необъяснимые боли в суставах. Звук, который издавали цилиндры и который, казалось, проникает в самый мозг, становился невыносимым и вызывал сильную головную боль. Когда болеть уже начинало всё тело, Додин поворачивал назад. Попадая домой, он на долгое время засыпал.

Сотрудники МГБ прибыли в область в начале июля. Додин был допрошен, а его камера с фотоснимками конфискована и отправлена в Москву. В ходе допросов у Додина сложилось впечатление, что представители спецслужб имеют об объектах еще более смутное представление, чем он сам. Таким образом виденные им НЛО никак не могут считаться новым оружием, разработанным в центре «Трассант 26».

Что это было, неизвестно до сих пор. Никакой информации по поводу феномена в архивах не обнаружено, а значит, скорее всего, сообщение Додина серьезного влияния на решения властей не оказало. Загадочные «цилиндры» остались в области преданий...

Глава одиннадцатая
Материалисты против физиков

Сегодня бытует мнение, будто бы видные советские ученые подвергались репрессиям со стороны сталинских спецслужб из-за того, что могли представлять опасность как потенциальная политическая оппозиция. Потому их «брали» за участие в таких придуманных чекистами организациях как «Промпартия» и «Трудовая крестьянская партия», в таких вымышленных руководителями СССР комплотах как «Военно-фашистский заговор». И действительно – у советских ученых, включая получавших образование при царизме, не было видимых разногласий со сталинистами по мировоззренческим вопросам. Они признавали позитивизм и диалектический материализм, отказывали Богу в праве на существование, соглашались с необходимостью революционных преобразований мира и верили в силу научно-технического прогресса. Казалось бы, что им делить на этом поле?

Тем не менее при внимательном изучении вопроса приходишь к выводу: для Сталина и тех, кто во всем следовал вождю, ученые (особенно – работавшие в передовых областях науки) представляли немалую опасность именно как потенциальные реформаторы мировоззрения – основы основ «настоящего коммуниста». Потому что уже к концу 1920-х годов марксистско-ленинский материализм превратился в религию —закостеневшую и реакционную.

Мемориальный материализм

Чтобы понять, что же такое «диалектический материализм», созданный Карлом Марксом, разрекламированный Фридрихом Энгельсом и развитый Владимиром Лениным, прежде всего следует обратиться к первоисточникам. Наиболее содержательными в этом смысле являются статьи Ленина, посвященные собственно теории Маркса-Энгельса.

«Марксизм, – сообщал Ленин, – система взглядов и учения Маркса. Маркс явился продолжателем и гениальным завершителем трех главных идейных течений XIX века, принадлежащих трем наиболее передовым странам человечества: классической немецкой философии, классической английской политической экономии и французского социализма в связи с французскими революционными учениями вообще».

В качестве философа Маркс выступал с позиций материализма – то есть энергично боролся против религии, теологии и всяческой метафизики. Прежде всего он обрушивался с критикой на идеализм Гегеля, хотя именно из работ этого знатного немецкого философа вырастала новейшее диалектическое учение.

«Для Гегеля, – писал Маркс в фундаментальном „Капитале“, – процесс мышления <…> есть демиург (творец, созидатель) действительного <...> У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней».

В полном соответствии с материализмом Маркса Энгельс писал в своем сочинении «Людвиг Фейербах»: «Великим основным вопросом всякой, а особенно новейшей философии является вопрос об отношении мышления к бытию, духа к природе <...> что чему предшествует: дух природе или природа духу <...> Философы разделились на два больших лагеря сообразно тому, как отвечали они на этот вопрос. Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы, и которые, следовательно, так или иначе признавали сотворение мира, составили идеалистический лагерь. Те же, которые основным началом считали природу, примкнули к различным школам материализма».

Маркс (а за ним – Энгельс с Лениным) не только решительно отвергал идеализм в восприятии мира, но и те теории, которые считал недостаточно материалистическими – то есть материализм, в котором допускались хотя бы малейшие уклоны в сторону гипотезы о существовании некоего созерцающего мир существа: Бога или духа. При этом (очень важно!) все трое основоположников резко критиковали старый «вульгарный» материализм.

Основным недостатком «вульгарного» материализма они считали механистичный подход к действительности, не учитывающий новейших открытий, сделанных в химии и биологии, в физике и астрономии.

Ленин не ленился подчеркивать, что «диалектический материализм» – живое учение, которое находится в непрерывном развитии, всё больше познавая объективную реальность.

«Для диалектической философии, – цитирует он Энгельса, – нет ничего раз навсегда установленного, безусловного, святого. На всём и во всём видит она печать неизбежного падения, и ничто не может устоять перед нею, кроме непрерывного процесса возникновения и уничтожения, бесконечного восхождения от низшего к высшему. Она сама является лишь простым отражением этого процесса в мыслящем мозгу».

Таким образом, вождь мирового пролетариата не считал, что современные ему научные взгляды являются чем-то вечным и абсолютным – они могут изменяться под воздействием открытий, которые будут совершать ученые по мере изучения окружающего объективного мира.

Однако после смерти Ленина его мировоззрение возвели в догму. Иосиф Сталин считается одним из самых верных учеников Ленина, и для него идеи вождя российских коммунистов были «священным писанием». Учение Маркса-Энгельса-Ленина оказалось понятно и близко Сталину, и он, по-видимому, остро реагировал на любые новые теории, само появление которых вело к пересмотру основ ленинского мировоззрения. Живой диалектический материализм Сталин превратил в «мемориальный» материализм, не способный к дальнейшему развитию. С теми, кто не сумел осознать, что ревизия основополагающих взглядов на вселенную и эволюцию более невозможна, расправлялись быстро и жестко. Под карающий меч репрессий попали генетики и кибернетики, астрономы и физики.

Рис.11.1. Советский плакат «Под знаменем Ленина, под водительством Сталина – вперед, к победе коммунизма!»

Конечно же, Сталин не мог контролировать весь процесс отсечения новых революционных идей – однако в научной среде нашлось достаточно апологетов мемориального материализма, которые использовали очевидный запрет властей на реформирование мировоззрения для низвержения более успешных и талантливых коллег.

Новый облик «спеца»

Прежде всего, сталинская идеология навязала научному сообществу новый образ человека с высшим образованием. Советский ученый или инженер не должен был походить на буржуазного профессора, отличаясь от него в «лучшую сторону». Если приглядеться к этому новому образу, то мы увидим, что само его появление несет отпечаток идеализма, против которого так яростно сражался когда-то Владимир Ленин. Однако мемориальный материализм Сталина был не просто еще одним идеалистическим отклонением в материализме – он был религией, в которую должен был уверовать всякий житель СССР.

Собственно насаждение новой религии было неразрывным образом связано с «культурной революцией» и «великим переломом» 1928—1931 годов, когда происходила не

только всеохватная смена кадров в среде интеллигенции (в среде «спецов»), но и полная замена ее культуры.

Для представителей старой интеллигенции культурная революция означала прежде всего, что они постоянно подвергались клевете и травле.

Образ дореволюционного «спеца» составлялся, главным образом, на основании трех обвинений. В первую очередь, царские ученые и инженеры объявлялись чистыми теоретиками, не владеющими практикой, проработавшими всю жизнь в кабинете за столом, производя бесконечные ряды чисел и не способные справиться с конкретной машиной. На основании этого исследовательская работа объявлялась ненужной тратой времени и денег. По мнению сталинистов, царская наука оторвалась от практики и стала самоцелью, лишенной всякой пользы и права на существование. Советские идеологи издевались над научным исследованием и называли его «эмпиризмом», который новый «спец» вынужден преодолевать, чтобы достигнуть «материализма».

Рис.11.2. Карикатура на старорежимного «спеца»

«Инженерный труд» завел на своих страницах рубрику «Наш паноптикум», в которой клеймились царские интеллигенты – такие, как инженер Красильников из Ленинграда, «специализировавшийся до революции на ловле рыбки в мутной водичке тиражей выигрышных билетов <...>. Теперь он морочит публику предсказаниями погоды не только по дням, но и... по часам. В этом ему якобы помогает красавица-луна и, в частности, отвергнутая давно наукой теория лунных приливов в атмосфере». На шарже Красильников был изображен как лысый старик, сидящий за столом своего кабинета и через окно смотрящий на Луну в подзорную трубу.

Рис.11.3. Карикатура на старорежимного «спеца»

Если в лице Красильникова «Инженерный труд» демонстрировал негодного специалиста, похожего на колдуна в халате с черным котом на полу и с совой на столе, то на примере инженера Черняка была показана другая крайность: бюрократ в костюме, с аккуратно сделанным пробором, чертящий на ватмане сотни маленьких бессмысленных рисунков.

«Не удивительно, – злорадствовал „Инженерный труд", – что рабочие часто обращаются с инженерами как с мешающими им работать учеными, не разбирающимися в практике...»

Второй упрек, дискредитирующий интеллигенцию, состоял в утверждении, что многие из них вообще не являются настоящими учеными или инженерами, а были на самом деле – «самозванцами», «лжеспециалистами», купившими дипломы еще в царские времена за границей или выписавшими сами себе документы о высшем образовании.

«Инженерный труд» сообщал: «Наука шла туго, головы работали медленно, они сидели по 10, 12, 15 и даже 18 лет в институтах и всё равно повторно не сдавали экзамены. Они покупали диплом, который потом защищали».

К ругательствам «самозванец» и «лжеспециалист» были добавлены названия «спецрвач», «спецгастролер» и «инженер-обыватель».

В-третьих, большевики пытались оспаривать всякую компетентность «спецов» в оценке социалистического строительства, обвиняя их в аполитичности и безразличии ко всем общественным событиям. По их мнению, без понимания политики и при отсутствии политического взгляда невозможно правильно оценить масштаб грандиозных революционных преобразований, развернувшихся в стране. Нейтральность являлась не только неверием в строительство социализма, но скрывала «вредительство».

Вся эта массированная клевета была нацелена на то, чтобы осрамить буржуазного «спеца» как реликт прошедшего времени и показать, что его слой лишился преимуществ, что у него отсутствуют необходимые качества для решения задач нового времени. Царский ученый и инженер не понимают новый мир, поскольку не верят в него. А основой социалистического строительства являются не расчеты, а вера!

Советский специалист представлял собой противоположность старому «спецу». Внешне он не должен был отличаться от рабочего. Если ранее униформа выражала кастовость «спецов» и студентов, то советский специалист должен был выглядеть как рабочий: в рабочем костюме, с шапкой и в кирзовых сапогах. Он должен был стать не теоретиком,

корпящим над книгами, а мужчиной, решающим проблемы на месте. Канцелярии с паровым отоплением были ему чуждыми – его место на продуваемой стройке, в грязи, под дождем и снегом.

Вот как описывал Федор Гладков нового инженера на Днепрострое:

«На пороге встречали производителя работ. <...> От него пахнет скалами, землей, непрерывным трудом, и кажется, что он не знает, что такое теплая, уютная комната, спокойный сон и отдых. Тогда он руководил грабарскими работами по рытью канала для шлюза, теперь в его ведении – скальные работы. О своей работе он говорит с большим смаком, как обжоры о кушаньях».

Такой инженер относился к стройке не рационально, а чувственно: «Он горячо верит в то, что делает. Он выбрался на гору из недр земли, он был в прошлом подземным рабочим. А поднявшись по ступенькам руководства строительством, он сохранил в себе чувство твердых пород, которые нужно грызть, грызть неустанно, – порода тупо, дико, стихийно сопротивляется и противостоит человеку изо всех каменных сил... Гончаренко говорит о простое машин как о пощечине, он чувствует Магнитку как свою жизнь. Такие как Гончаренко, которые чувствуют Магнитогорск, мыслят Магнитогорском, творят Магнитогорск, раскрывают его смысл всем, всем, всем».

Отношение советского специалиста к труду должно было полностью отличаться от отношения старого интеллигента: первый понимал свою задачу не как восьмичасовую службу, а как ведение войск в бой.

Всё социалистическое строительство выражалось в понятиях войны, в которой специалисты занимали посты полководцев, всегда готовых к сражению, отдающих все силы во имя победы, живущих в экстремальных обстоятельствах, подобных фронтовым.

Начальник Магнитостроя Яков Семенович Гугель описывал Магнитку как «отрезок фронта» и «первый аванпост» социалистического фронта индустриализации, на котором рабочие и инженеры вели «самозакаливающую борьбу».

Начальник Кузнецкстроя Сергей Миронович Франкфурт описывал действия на стройке для защиты моста от ледохода в манере военного репортажа: «Подрывники, инженеры, рабочие, служащие, ежесекундно рискуя жизнью, бросались в атаку на льду. Утром лед отводился. Мост производил впечатление серьезно раненного, но всё же живого организма».

При таких обстоятельствах, в которых привычные категории объявлялись устаревшими, казалось совершенно естественным, что надо работать по-новому и мерить время новыми единицами.

«Инженерный труд» описывал эту фантастическую реальность следующим образом: «Инженер Щит <...> верил опытности сантехпроповских специалистов. Но он знал также и то, что страна требует темпов и темпов, и что каждый день затяжки строительства – удар по всему хозяйству страны <...> Щит сделал единственный возможный для него вывод. Комсомольские ударные бригады под руководством т. Щита и других молодых инженеров быстро пошли в наступление. В итоге кран был смонтирован не в месяц, а ровно в 15 дней без помощи "Союзсантехпропа"».

Больше того, советские инженеры обладали невероятной способностью «уплотнять» время!

«Строители моста уплотнили время. Они втискивали в свои дни неимоверно много дел. То, что обычно требовало недели, у них отнимало сутки. Бетон, изготовляемый в течение месяца, они укладывали лишь 10—12 дней. Пролет № 2 был закончен на 18 суток раньше срока. 3-й и 9-й кессоны были опущены в небывало короткий срок. Дни строительства были, так сказать, днями конденсированной плотности».

Такого темпа можно было достичь лишь при применении новых способов труда. Капиталистическим и устаревшим считалось всё, что приводило к ограничению и замедлению строительства или производства.

Газета «За индустриализацию», орган Народного комиссариата тяжелой промышленности, писала:

«Советская конструкторская мысль лишена всех условностей, традиций и конкурентных пут».

Единственный признанный масштаб работ заключался в цели – как можно быстрее и скорее достроить заводы, чтобы пустить их в эксплуатацию.

«Если бы мы в каждом случае стали бы дожидаться окончательнейших данных геологоразведок <...> то мы, пожалуй, и к строительству Магнитостроя не могли бы еще приступить. Кто желает заменить производственный риск формальными основаниями и бумажным прикрытием, тот не годится для нас...»

Работать по-новому означало – класть бетон при остром морозе, вздувать домну при температуре минус тридцать, перегружать машины сверх предела и строить как можно более крупные предприятия, не учитывая будущую эффективность этих гигантов.

Риск, сопутствующий социалистическому строительству, пропагандировался в художественной литературе и в кинофильмах.

Так, в повести «Время, вперед!» Валентина Катаева инженер Маргулиес демонстрирует, что описание машины является не объективным документом, в котором ограничения работоспособности механизма неопровержимо установлено, а субъективным выражением точки зрения западного производителя. Перегрузкой бетономешалки молодой инженер получает в одной смене 409 замесов вместо 90.

Режиссеры Эрмлер и Юткевич доказывают в кинокартине «Встречный», что каждая экспертная оценка всегда является и политическим высказыванием. Когда инженеры одного из ленинградских заводов планируют остановить станок на ремонт на два месяца, партсекретарь объявляет такое действие умышленным срывом плана: «Есть случаи, когда техника становится политической и опасной. Нельзя сдаваться технике».

На этом фоне происходила полная переоценка работы ученых и инженеров. Для них стало почти невозможным основываться на объективных технических данных, когда речь шла о срыве сроков, о «затягиваний» в строительстве или невыполненных планах.

Наука и техника становились предметами политики, и, по мнению сталинистов, при наличии правильного взгляда на социалистическое строительство и нужной порции энтузиазма всякую проблему можно было решить и каждый, самый невероятный, срок выдержать...

Жертвы опытов

Тезис о «политичности» науки и техники, культивировавшийся в среде советских «спецов», вступал в очевидное противоречие с реальностью. Фанатичного энтузиазма и боевого задора новой пролетарской интеллигенции было явно недостаточно, чтобы изменить законы природы и заставить колеса вертеться там, где они не могут вертеться по определению. Тем не менее сталинисты продолжали утверждать, что доскональное изучение процессов, происходящих в природе, и выработка на основе этих теоретических изысканий практических методик по преобразованию окружающего мира являются ненужной тратой времени и сил. Настоящий коммунист способен без всякой теории путем непосредственного опыта (сейчас сказали бы: «методом тыка») отыскать прямой, а значит, более короткий путь к результату. Понятно, что такой подход был сопряжен с большим количеством ошибок, которые приводили к катастрофам и жертвам на производстве.

Отбросив «устаревшие» по их представлениям правила производства молодые «спецы» действительно верили, что являются основоположниками новой, небывалой технологии. Однако реальный, а не вымышленный советскими идеологами опыт уходил из российского производства вместе с бегством капиталов и специалистов за границу. Молодые ученые и инженеры были предоставлены сами себе. Очень часто они не имели какого-то другого выбора, кроме как ставить эксперименты и ждать результатов. Когда опыт удавался, метод входил в употребление. Когда опыт проходил неудачно, эксперименты продолжались до тех пор, пока не получался удовлетворительный результат.

Например, инженер Чалых в книге мемуаров «Записки советского инженера» описывает ситуацию так: ввиду отсутствия нужной литературы в области обработки углеродов, ему пришлось самому неоднократной серией опытов узнавать свойства углерода:

«Приступив к работе на заводе "Электроуголь", я вскоре почувствовал потребность в теоретических разработках электроугольной технологии, которая должна иметь теоретическую базу, чтобы отвечать на практические вопросы: в первую очередь, какое сырье наиболее пригодно для производства того или иного изделия, каким образом построить технологический процесс и др. К сожалению, такой базы по технологии электроуглей не оказалось, поэтому я вынужден был использовать единственный способ, который был возможен в наших условиях, – способ проб и ошибок, примененный мной при разработке новой марки прожектных углей».

Метод проб и ошибок является частью работы каждого инженера во всем мире, но степень применения такого подхода в СССР была чрезмерной. Чалых подчеркивает, что он фактически заменял собой целый НИИ, отсутствие которого чувствовал особенно остро.

Инженер Емельянов, также работающий в электродной промышленности, подтверждает распространенность способа проб и ошибок и объясняет, что он и его коллеги знали, что для производства электродов нужны кокс, антрацит и смола, но при этом им не был известен точный состав перечисленных компонентов.

О бесконечных неудачных опытах рассказывает и Логинов – инженер, занимавший в 1930-е годы должность зампредседателя Всесоюзного объединения точной индустрии. Ему и его сотрудникам приходилось постоянно изобретать велосипед – то есть воссоздавать технику, которая уже была в эксплуатации. Однажды он и его сотрудники получили задание от нефтяной промышленности воспроизвести прибор, прежде закупаемый за границей. Несмотря на то, что ВОТИ получал 300 долларов за прибор, который в противном случае заплатили бы иностранному предприятию, ему за целый год не удалось создать продукцию такого же качества. Лишь после выговора на конференции Логинов и его коллеги начали второй ряд опытов и на этот раз соорудили конструкцию, удовлетворившую заказчика.

Но такие неудачи советских «спецов» ни в коем случае не воспринимались как провал. Никто из них не считал подобные задания невыполнимыми – наоборот, они гордились тем, что являются пионерами и основоположниками новых областей знания.

Склонность советских инженеров к бесконечным опытам находила свое отражение в художественной литературе и в кино. В комедии Погодина «Поэма о топоре» рабочий Степан, сваривший кислотоупорную сталь, забыл «рецепт» сварки стали и неутомимо продолжает экспериментировать.

В фильме «Четыре визита Самуэля Вульфа» режиссер Столпер показывает коллектив инженеров, который три года возится с флотационной машиной и только после 120-го опыта сумел ввести машину в строй.

Если основой работы старых специалистов являлись расчеты и чертежи на бумаге, то характерным признаком действий молодых советских инженеров стал способ проб и ошибок на месте. Вследствие такого подхода было забраковано огромное количество сырья, испорчено множество машин и произведена уйма негодных деталей.

Инженер Емельянов рассказывает, что летом 1932 года на Ижевском заводе они получили стопроцентный брак при производстве калиброванной стали. Так как после бесчисленных опытов они всё еще не имели положительного результата, Емельянов попросил немецкого специалиста рассказать о режиме отжига автоматной стали: «Я увидел, как мой собеседник изменился в лице и с каким-то замешательством переспросил меня: "Отжиг автоматной стали? Если вы хотите иметь стопроцентный брак в производстве, тогда отжигайте ее"». Выяснилось, что особенность такого вида стали давно известна и что отжечь ее невозможно, – просто молодые советские инженеры не считали нужным читать дореволюционные учебники.

Чалых пишет о своих опытах: «Эксперименты проводились в производственных условиях, что по сравнению с лабораторными исследованиями требовало повышенного расхода сырья. Пройдя операцию обжига, мои угли обнаруживали явную непригодность – брак. Брака я так много натворил, что это событие не прошло незамеченным. Я получил прозвище "великий бракодел". Огромная цена была заплачена за положительный результат».

Впрочем, сами молодые «спецы» воспринимали «натворение» брака не как повод для разочарования, а как неизбежный шаг на пути к овладению производством. Брак был для них «временной проблемой», возникшей вследствие первоначальных трудностей социалистического строительства, а вовсе не в результате неверной политической установки на плохо продуманную и радикальную индустриализацию.

Аналогичный подход можно заметить и в отношении к авариям, которые являлись частью повседневной жизни. Так, вследствие поспешной индустриализации многие построенные сооружения оказались ненадежными: оседали фундаменты, рушились мосты, происходили размывы. Начальник Кузнецкстроя Франкфурт описывал смерть инженеров и рабочих, упавших с площадки на вершине силоса в пропасть 45-метровой глубины, наполненную цементной пылью: «Катастрофа, гибель товарищей, похороны – всё это еще больше напомнило о том, что мы – на фронте, что опускать руки нельзя». То есть на войне погибают солдаты, а в социалистическом строительстве – новые «спецы».

Это явление, с одной стороны, вызывало ужас, а с другой – стало неотъемлемой частью сталинской индустриализации. Оценка гибели людей, срывов и других аварий производилась, исходя из приоритетности развития промышленности. Инженер-метростроевец Федорова рассказывает об авариях при строительстве тоннелей как о свидетельствах особенного рвения в борьбе за индустриализацию: «Мы готовились к сбойке. Идущие навстречу проходчики тоже ждали этого радостного момента – встречи под землей. Но не знали тогда ни мастер, ни бригадир, что один из забоев надо было остановить... Вдруг раздается страшный треск, на секунду мелькают силуэты наших соседей, свет гаснет...» На этот раз никто из засыпанных не пострадал, но были случаи, когда один бригадир был убит балкой крепления, другой инженер погиб под земляным обвалом, в возникшем в шахте огне умер третий инженер... Федорова не печалится о погибших. Ее текст выражает только одну мысль: эти жертвы были неизбежной частью созидательных работ.

Такое же впечатление производят и записки инженера Чалых, который, очевидно, считал риск необходимым. При попытке изготовить мундштук для производства тонкостенных угольных трубок электрических печей произошел несчастный случай: «Приступили к первому эксперименту. Подобных мундштуков в практике завода еще не было. Я стоял у выходного отверстия мундштука и рукой проверял, как движется спрессованная трубка. Рядом со мной стоял молодой рабочий Сережа Ерцев, вдруг раздался сильный звук, похожий на выстрел из орудия, меня отбросило в сторону, а Сережа упал возле пресса». Их погрузили на телегу и отправили в больницу, так как на заводе медпункта не было.

Инженер Лаврененко пишет о своих буднях как о непрерывной ликвидации последствий аварий. Рутины и установленного порядка не было – всё время производство работало в условиях чрезвычайного положения.

Власть, однако, собственные просчеты, связанные с плохо продуманным планом индустриализации, перекладывало на плечи тех, кто вынужден был работать в этих нечеловеческих условиях.

Вот что пишет инженер Малиованов о шахтах Донбасса, куда он был послан в 1937 году: «Шахты были очень запущены. Всё строилось на том, чтобы добывать уголь любой ценой <...> Поэтому люди шли на риск, начали подрабатывать целики, которые ближе к стволам <...> Эти стволы имеют защитную зону, где нельзя брать уголь, поскольку движение пород может нарушить крепление ствола. Во многих случаях начали брать этот самый [уголь] <...> стали стволы валиться <...> жертв много было. В общем тяжелая была ситуация, начали людей сажать, 37-й год же. Все считали, что это было вредительство, но это было не вредительство, а вынужденный риск, который подчас сходил благополучно, а подчас приводил к авариям».

Рис.11.4. Комсомольцы на строительстве шахт Донбасса

Несмотря на то, что Малиованов понимал, как вреден вынужденный риск и как несправедливо и жестоко его коллеги должны были отвечать за неизбежные просчеты, он не ругает систему, а гордится тем, что справился со сложной ситуацией.

Как советские «спецы» перерабатывали такой «опыт» и находили ему объяснение, позволяющее и дальше верить в правильность действий советской власти, можно показать на примере инженера Поздняка.

По поручению Гипроцветмета он приехал в 1932 году на стройку медного комбината на озере Балхаш. По прибытии установил, что площадка еще пуста, работы стоят, а солнце палит так жарко, что в середине дня нельзя работать. Но самым неприятным фактом оказалось то, что прежде чем начать строительство завода, забыли построить водоподготовительную станцию. Рабочие, приехавшие десятками тысяч на стройку, пили воду, оказавшуюся «чистым ядом», прямо из озера, заболевали и погибали: «Каждое утро специальная команда объезжала всю площадку и собирала всех больных и погибших». И всё-таки Поздняк не посмел обвинить правительство за такое явление, а внушил самому себе, что эти жертвы неизбежны при социалистическом строительстве: «В дороге снова и снова продумывал страшные впечатления о Прибалхашстрое, о суровой созидательной работе по освоению жаркой пустыни. Вот какой ценой приходится расплачиваться за освоение пустыни. Но нет таких крепостей...»

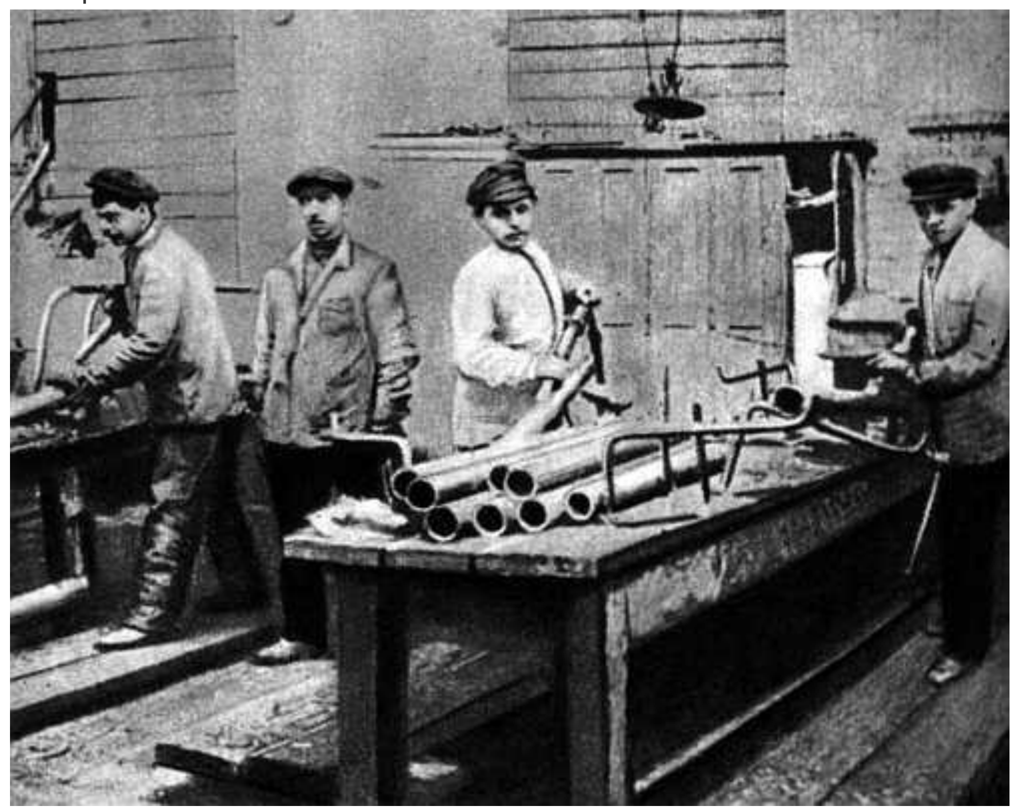


Рис.11.5. Бригада М.Е.Путилина объявляет социалистическое соревнование

Случай инженера Поздняка показывает, как было устроено мировоззрение новых интеллигентов сталинского типа, веривших в социалистическое строительство и не способных переработать свои личные впечатления о происходящем в логически завершенное (а потому – негативное!) представление о новом государстве. Возникающий когнитивный диссонанс они устраняли через лозунг «Нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевики».

С точки зрения социалистического строительства, все жертвы, страдания и лишения были оправданы. Вера в правоту советской власти, бросившей вызов законам материального мира, была сильнее личных впечатлений, которые, следовательно, были поставлены под сомнение, вытеснены и забыты.

Новая религия сталинизма опровергала и отвергала опыт дореволюционных ученых и инженеров, утверждая совершенно фантастическую (и во многом – идеалистическую)

картину мира. Противостоять ей было практически невозможно: царские «спецы», которые могли бы выступить с критикой реформы научного мировоззрения, уехали за границу, либо были репрессированы в период сталинского террора.

Рис.11.6. Советский плакат «И засуху победим!»

Астрономия под прессом репрессий

Атака сталинистов на «старорежимных» ученых не ограничивалась, разумеется, техническими дисциплинами – пересмотру предполагалось подвергнуть и фундаментальную науку, которая по идее не имеет никакого отношения к политической и экономической конъюнктуре.

Вот скажите мне, какое отношение к становлению народного хозяйства может иметь наблюдение солнечного затмения? Оказывается, самое прямое. И больше того, за неправильно проведенное наблюдение солнечного затмения легко можно было отправиться в исправительно-трудовой лагерь.

Первые репрессии против фундаментальных наук начались еще при Ленине, когда некоторые крупнейшие ученые были подвергнуты высылке за границу. Однако далеко не всем так повезло.

Еще в 1909 году известный революционер-народоволец и ученый Николай Александрович Морозов, прославившийся тем, что был знаком с Карлом Марксом и сделал перевод на русский язык «Манифеста коммунистической партии», организовал Русское общество любителей мироведения (РОЛМ), призванное объединить всех российских любителей астрономии. Филиалы РОЛМ возникли во многих городах России. С 1912 года общество издавало свой печатный орган – журнал «Мироведение». Его редактором до 1930 года был метеоролог и астроном, известный историк науки Даниил Осипович Святский – исследователь русского космизма и автор капитального труда «Астрономические явления в русских летописях».

Первые двенадцать лет после революции общество работало нормально, не встречая препятствий со стороны властей. Регулярно проводились общие и секционные собрания, организовывались научные экспедиции, издавались труды. В обществе нашли поддержку

своим начинаниям многие молодые ученые и инженеры. Так, одним из активнейших членов общества был конструктор Валентин Глушко, создатель двигателей для советских тяжелых ракет.

РОЛМ попало под каток репрессий во многом случайно. Ученый секретарь РОЛМ Казицын имел привычку вести дневник, в котором он аккуратно записывал, кто и о чем говорил на встречах членов общества. Далеко не всё в действиях советских властей нравилось членам РОЛМ, и многие откровенно высказывали свое недовольство. К несчастью, дневник Казицына попал в руки сотрудников ОГПУ.

Весной 1930 года был арестован Святский. Журнал «Мироведение» перевели из Ленинграда в Москву, а его ответственным редактором был утвержден астроном Вартан Тигранович Тер-Оганезов (подлинный «могильщик» советской астрономии, сделавший себе карьеру на устранении коллег). Административным решением Ленгубисполкома в декабре 1930 года РОЛМ было закрыто.

Казицын в своих письмах, полных тревоги, извещал о ходе событий председателя РОЛМ, 76-летнего Николая Морозова, проживавшего в усадьбе Борок Ярославской области, – но Морозов уже ничем не мог помочь.

«Чистку» общества Тер-Оганезов объяснял не только политическими мотивами, но необходимостью борьбы с религиозностью отдельных ученых. Так, в № 2 «Мироведения» за 1930 год, подготовленном к печати еще Святским, но вышедшем в свет без его фамилии, была опубликована первая часть статьи Нины Михайловны Штауде «Атмосфера Земли», а вторая часть этой статьи так и увидела свет. На недоуменные вопросы читателей Тер-Оганезов ответил редакционной заметкой под названием «Об астрономическом зубре». Выяснилось, что Штауде, человек глубоко религиозный, прислала в «Мироведение» просьбу не печатать ее статей и заметок, имевшихся в редакционном портфеле, поскольку одной из задач, провозглашенных обновленной редколлегией, была активная антирелигиозная пропаганда. Удовлетворив ее просьбу, редакция заявила: «Гр. Штауде, не будучи в рядах безбожников, будучи религиозной, ставит дикое для наших условий требование, чтобы те учреждения, в которых она работает, тоже не были в рядах учреждений, ставящих перед собой антирелигиозные цели. Где же, в каких учреждениях работает Штауде?»

Но Штауде к тому времени (середина 1931 года) уже давно не работала – она была под арестом.

Кстати, в то же время был арестован и другой религиозный астроном из числа членов РОЛМ – член-корреспондент АН СССР Гавриил Адрианович Тихов, всемирно известный ученый и основоположник теоретической астробиологии. К счастью, он пробыл под арестом только два месяца.

Несколько месяцев просидел в тюрьме Всеволод Васильевич Шаронов – известный астроном, исследователь планет. В конце 1930 года были арестованы Казицын и Муратов, заместитель председателя РОЛМ.

Святского и Казицына после длительного содержания в тюрьме судили и послали на строительство Беломорско-Балтийского канала. Святскому повезло: сначала его освободили от общих работ и назначили метеорологом, а потом освободили досрочно в 1932 году. Но три года спустя о нем вспомнили и в феврале 1935 года вместе с женой в административном порядке выслали в Алма-Ату.

Загадочна судьба Владимира Алексеевича Казицына. Отбыв недолгий в те годы срок, он получил распоряжение выехать на жительство в Саратов. Оттуда он написал письмо Морозову и пропал без вести...

Понятно, что события, происходившие в 1930 году в Ленинграде, не могли не затронуть и Москву. «Чистке» подвергся основанный в 1923 году Государственный астрофизический институт (ГАФИ). И провел ее не кто иной, как уже упоминавшийся Тер-Оганезов,

назначенный заместителем директора института (директором был Василий Григорьевич Фесенков, автор оригинальной космогонической теории).

Вот как рассказывал об этом сам Тер-Оганезов на заседании партийно-комсомольской группы Московского отделения Всесоюзного астрономо-геодезического общества 9 апреля 1938 года: «Десять лет тому назад партия и Советская власть послали меня привести Астрофизический институт в "христианский вид". Я попал туда как в стан врагов. Единственным, на кого я мог положиться, был Ю.В.Филиппов, но основное я провел один. В этом институте получали зарплату В.В.Стратонов, высланный в 1922 г., и В.А.Костицын (невозвращенец). Руководители института (В.Г.Фесенков и другие) затаили против меня злобу с тех пор. Я горд, что они меня клюют. Я считаю, что я правильно выполнил свою работу...»

Результатом этой «работы» было распоряжение по сектору науки Наркомата просвещения от 25 сентября 1930 года об освобождении члена-корреспондента АН СССР Фесенкова от обязанностей директора института. Костицына исключили из состава редколлегии «Астрономического журнала», а на его место был введен... Тер-Оганезов. Исполняющим обязанности директора ГАФИ назначили профессора Орлов. А через 9 месяцев ГАФИ был объединен с Астрономической обсерваторией МГУ и Астрономо-геодезическим институтом в Государственный астрономический институт имени Штернберга (ГАИШ).

В то же время московские астрономы подверглись репрессиям. Был арестован астрофизик Воронцов-Вельяминов. Похлебал тюремной баланды астроном, редактор и библиограф Шорыгин. Но всё это было только прелюдией к большой трагедии 1936—1937 годов...

После убийства Сергея Кирова 1 декабря 1934 года в Ленинграде прошла волна репрессий. Были сосланы все, кто ранее сидел (в их числе Святский и Штауде). «Чистке» подверглись, главным образом, старые партийные кадры, военные, чекисты, хозяйственники, но брали и инженеров, и ученых.

Одним из первых был арестован директор Астрономического института АН СССР (и его организатор) член-корреспондент АН СССР Борис Васильевич Нумеров —крупнейший специалист в области астрометрии, небесной механики и гравиметрии. Его расстреляют в сентябре 1941 года.

Буквально через несколько дней после ареста Нумерова, 7 ноября 1936 года, были арестованы ведущие астрономы обсерватории в Пулково: заведующий сектором астрофизики Балановский, известные астрометристы Комендантов и Яшнов. Спустя месяц, 4 декабря 1936 года, за ними последовали молодые астрофизики Еропкин и Козырев, а также заместитель директора обсерватории Днепровский. В феврале 1937 года был арестован ученый секретарь обсерватории Мусселиус, в мае – талантливый астрофизик Перепелкин.

24 мая 1937 года выездная сессия Военной коллегии Верховного суда СССР в закрытом заседании приговорила Нумерова, Днепровского, Балановского, Комендантова, Яшнова, Еропкина, Козырева и Мусселиуса к 10 годам тюремного заключения. Несколько позже спецколлегией Ленинградского областного суда, также в закрытом заседании, был осужден на 5 лет тюрьмы и Перепелкин. Но фактически отбыл назначенный ему срок и вышел в 1946 году на свободу только один из них – Козырев.

Директор Пулковской обсерватории Борис Петрович Герасимович чувствовал, что тучи сгущаются и над его головой. Сохранилось его письмо к Морозову от 21 июня 1937 года, в котором он вежливо просит отложить встречу и обсуждение интересовавших Морозова научных вопросов до осени. Возможно, он надеялся, что если до осени его не тронут, значит решили оставить в покое. Этой надежде не суждено было сбыться: ровно через десять дней после письма к Морозову, 30 июня 1937 года, Герасимович был арестован и 30 ноября того же года расстрелян.

Позже всех, в конце 1937 года, был арестован (в числе большой группы физиков из Ленинградского университета) Матвей Петрович Бронштейн. В феврале 1938 года он был расстрелян.

По какой же причине погубили пулковских астрономов? В статье в журнале «Мироведение» № 6 за 1937 года под характерным названием «За искоренение до конца вредительства на астрономическом фронте», написанной Тер-Оганезовым, в вину Герасимовичу вменялось невыполнение обязательств по международным проектам и «вредительство» в деле подготовки к наблюдениям полного солнечного затмения 19 июня 1936 года. Еще одно обвинение состояло в том, что медленно продвигается поиск места для строительства большой южной обсерватории, а несколько обследованных мест были признаны непригодными – якобы «вредитель» Герасимович намеренно посылал группы наблюдателей в заведомо непригодные места.

Примечательно, что состоявшийся в марте 1937 года пленум Астрономического совета АН СССР поручил дальнейшее руководство работами по выбору места для южной обсерватории Тер-Оганезову, что однако нисколько не продвинуло эти работы, да и не могло продвинуть, ведь Тер-Оганезов был абсолютно некомпетентен в вопросах астроклимата (который и определяет, в основном, пригодность того или другого места для размещения там астрономической обсерватории)...

Столь страшные последствия для астрономов за мифический срыв наблюдений солнечного затмения только из сегодняшнего дня кажутся непропорциональными содеянному. Вновь сработала риторика сталинской эпохи: неторопливый научный процесс был приравнен к действиям на фронте, а все те, кто не понимал этого, считались «врагами» – предателями, готовыми всадить нож в спину революционного пролетариата.

Скрытый идеализм сталинского мемориального материализма проявлялся и в том, что простое познание мира было превращено в элемент непримиримой борьбы, в рамках которой нет места компромиссам. В этих условиях даже наблюдение рядового солнечного затмения превращалось в некий всемирно значимый ритуал, от которого напрямую зависит исход борьбы между марксизмом и враждебными ему идеологиями.

«Все мы, советские астрономы, – писал Тер-Оганезов в статье „За искоренение до конца вредительства на астрономическом фронте‟, – должны <…> извлечь соответствующий урок. Здесь мы имеем новое доказательство того, что враг старается проникнуть во все поры советского организма, что он прикидывается нашим “другом”, иногда для притупления нашей бдительности позволяет себе сделать “полезное дело”, для того, чтобы в нужное время и в нужный момент нанести возможно тяжелый удар стране социализма <...>

Мы уверены, что советские астрономы, теснее сплотив свои ряды, вместе со всеми научными работниками Советского Союза, вместе со всеми трудящимися нашей страны, добьются новых успехов на фронте социалистического строительства, под руководством испытанной коммунистической партии и тов. Сталина».

С точки зрения той фантастической реальности, в которую погружался Советский Союз при Иосифе Сталине, астроном Тер-Оганезов был совершенно прав. Советская фундаментальная наука должна была стать частью марксизма, невзирая даже на то, что чем дальше, тем больше марксистско-ленинская теория отдалялась от происходивших в мире процессов...

Охота на релятивистов

Впрочем, наибольшее искажение картины мира, граничащее уже с переходом в чисто оккультное учение, мемориальный материализм допустил в столкновении с новой релятивистской физикой, которая пришла на смену физике классической.

Собственно, против знаменитых преобразований Лоренца, описывающих изменения свойств объекта при больших скоростях движения, и формулы Эйнштейна, связывающих

массу с энергией, сталинисты ничего не имели. Наоборот, в статьях и книгах, популяризирующих космонавтику, в научно-фантастических романах советских писателей можно было с гарантией встретить довольно живые рассказы и о первом, и о втором. Советские материалисты ополчились на новую космогонию, которая вырастала из релятивистской физики.

Тут нужно вспомнить, что произошло в середине 1920-х годов. В это время немецкий физик Альберт Эйнштейн разрабатывал космологическую теорию в попытке отыскать универсальную формулу, связывающую все известные нам физические взаимодействия и через это позволяющие понять их природу. В ту далекую эпоху физики (а вместе с ними и материалисты) полагали, что Вселенная вечна и бесконечна. И казалось, нет никаких причин сомневаться в истинности этого представления. Однако Эйнштейн, размышляя о природе гравитации, сразу обратил внимание, что звезды в вечной и бесконечной Вселенной под действием гравитации и благодаря неравномерности распределения должны были бы давным-давно собраться в одну кучу. Всегда имеются звездные сгущения, которые неминуемо послужат концентраторами гравитации и вызовут сначала слабое, а потом всё более нарастающее движение других звезд в сторону этих скоплений. Получается, что стационарная Вселенная попросту неустойчива. А поскольку при этом она вечна, то вечность назад уже должна была съежиться в точку.

Эйнштейн предположил, что наряду с силами всемирного тяготения действуют силы отталкивания. Чтобы придать вечной и бесконечной Вселенной равновесие, Эйнштейн ввел в свои уравнения новый член – космологическую постоянную «лямбда», которая обеспечивала «расталкивание» звезд.

Но «лямбда» выглядела слишком надуманной, поскольку в повседневности мы постоянно сталкиваемся с проявлениями сил тяготения, а вот силы всемирного отталкивания не наблюдаются. Физики продолжали искать объяснение устойчивости Вселенной и в конце концов нашли. В 1923 году ленинградский профессор Александр Александрович Фридман нашел нестационарное решение уравнений Эйнштейна. Он показал, что если Вселенная расширяется, то это расширение с успехом может заменить придуманную Эйнштейном «лямбду расталкивания». Звездные скопления не сваливаются друг на друга под действием гравитации, потому что галактики просто активно разлетаются друг от друга, словно вылетели из одного центра после некоего мощного первотолчка.

Позже гениальная догадка Фридмана была подтверждена астрономическими наблюдениями. В начале 1930-х годов американский астроном Эдвин Хаббл проанализировал накопленные данные и пришел к выводу, что разбегание галактик действительно существует.

С этого момента начала формироваться совершенно новая космология, согласно которой Вселенная появилась 13,7 миллиардов лет тому назад из сверхплотной и сверхгорячей точки (сингулярности) в результате Большого Взрыва. Ныне только совсем уж безграмотный человек не согласен с этим фактом, но именно в 1930-е годы теория Фридмана вызвала яростное сопротивление сталинских материалистов, что в конечном итоге вылилось в репрессии по отношению к физикам.

По-другому и получиться не могло. Дело в том, что основной догмой марксистского материализма, исключающего гипотезу Бога, было именно вечное существование Вселенной.

«Марксизм ни на минуту не допускает мысли, – писал Фридрих Энгельс, – будто мир, пространство может быть замкнутым, имеющим конец».

Владимир Ленин и Иосиф Сталин безусловно принимали эту точку зрения. И должны были вступить с физиками в непримиримую борьбу. Ведь несмотря на то, что теория Большого Взрыва в гипотезе Бога также не нуждается, она ее допускает. И это очень тонко почувствовали прогрессивные священнослужители, воспринявшие весть о Большом Взрыве как еще одно доказательство бытия Божьего.

Таким образом, расхождение было не частным, а принципиальным. Ленин не дожил до схватки с «релятивистами» (то есть теми из физиков, кто разделял новый взгляд на происхождение и состояние Вселенной) – зато до нее дожил верный ученик и продолжатель дела революции Иосиф Сталин. Благодаря его усилиям, марксизм превратился в примитивное вероучение, отторгавшее любые новейшие открытия в познании мира.

Первыми это заметили и почувствовали сами ученые. Знаменитый физик-невозвращенец Георгий Антонович Гамов писал в автобиографии: «Я узнал, что <...> произошли большие изменения в отношении советского правительства к науке и ученым <...> Наука была подчинена официальной государственной философии диалектического материализма».

Разумеется, не сам Сталин или члены его правительства инспирировали кампанию против «релятивистов» – просто здание советского государства было так устроено, что всегда находились люди, которые умели использовать идеологическую конъюнктуру для достижения личных, часто очень меркантильных, целей. А поскольку государственный аппарат взирал на происходящее одобрительно и оказывал по мере надобности поддержку одной из сторон, противостояние мнений выходило за рамки научной дискуссии – начинали вполне реально страдать люди, вся вина которых заключалась только в том, что они не могли или не захотели согласиться с доктринами, проповедуемыми сталинизмом.

Первая атака на «релятивистов» началась в 1934 году, когда в журнале «Мироведение» были опубликованы две необычайно резкие статьи.

Первая из них – «О “расширяющейся” вселенной» принадлежала перу известного советского астронома, специалиста в области динамики звездных систем, профессора Огородникова, работавшего до 1934 года в Государственном Астрофизическом институте (Москва), а в 1934—1938 годах – в Пулковской обсерватории.

Вкратце изложив общие положения теории относительности и вытекающие из нее соображения о расширяющейся Вселенной, Огородников обрушивается на релятивистов:

«По существу это то место, где кончается наука. Мы видим, что математика и теория Эйнштейна позволяют составить некоторые уравнения <...> Однако нужно еще доказать, что эти уравнения соответствуют реальным соотношениям в природе <...> Критерием их верности должна бы быть проверка путем наблюдения. Но она как раз не только не сделана, но при настоящем уровне наблюдательной астрономии прямо невозможна».

Критический пафос автора нарастает. Упоминая гипотезу Большого Взрыва (а тогда это была всего лишь гипотеза!), он добавлял уже от себя: «...из которого каким-то неизвестным нам способом, не подчиняющимся никаким естественным законам, образовалось всё то чудесное многообразие природы, которое мы наблюдаем сейчас, включая органическую жизнь, человека и т. д. После того как предположили существование этого атома, осталось лишь окрестить этот атом, дать ему несколько чудодейственных свойств,– и у вас готовое построение для самой церковной, религиозной теории».

Сразу вслед за Огородниковым была напечатана статья профессора Тер-Оганезова – ведущего астронома и главного редактора «Мироведения» – с резким разносом предыдущего автора за его «мягкотелость».

По словам Тер-Оганезова, «К.Ф.Огородникову еще кое в чем из своего мировоззрения, и далеко не в малом, необходимо будет произвести переоценку», так как он в «существенных вопросах стоит не на позициях диалектического материализма, <...> он сам колеблется, он сам не чувствует под собою прочной почвы. Даже больше – он не в состоянии до конца отмежеваться от тех теорий, против выводов которых он сам ожесточенно нападает».

Тер-Оганезов поставил вопрос ребром: как должен поступить материалист-диалектик при анализе новых космологических концепций?

«Прежде всего он должен был бы показать полную неприемлемость основного исходного положения этих теорий – положения о конечности вселенной, о конечности

пространства. Само собой понятно для всякого материалиста-диалектика, что, как бы ни была внешне изящна и убедительна космология, она не может быть правильной, если исходить из допущения о конечности вселенной».

В этом контексте в статье обстоятельно цитировались высказывания Энгельса о бесконечности пространства и времени (в смысле их неограниченной протяженности), которые и были противопоставлены положениям теории расширяющейся Вселенной.

Выводы из статьи Тер-Оганезова просты: марксистско-ленинская философия неразрывно связана с определенной научной картиной мира, основанной на космологии Ньютона; любая попытка пересмотра этой картины представляет собой «протаскивание» идеализма.

Следующим шагом в раздувании кампании против релятивистской космологии стала книга «Большая Вселенная», изданная в научно-популярной серии АН СССР. Она была написана Эйгенсоном – известным пулковским астрономом, специально занимавшимся проблемами внегалактических исследований.

«Буржуазия в эпоху своего исторического подъема, – писал Эйгенсон, критикуя теорию расширяющейся Вселенной, – не видела и не мыслила пределов и границ своего господства: реального на планете и теоретического – в Мире. <...> сейчас положение дел совершенно противоположное: в буржуазной науке господствующее положение занимает теория ограниченной, замкнутой Вселенной <...> Одряхление класса приводит и уже привело и к одряхлению его классовой науки».

Интересно, что в книге была впервые предпринята попытка совместить несовместимое: автор признает общую теорию относительности, но доказывает, что конечность Вселенной из нее не вытекает, а является одним из продуктов «физического идеализма».

В одной из поздних статей Эйгенсон разъяснил свой метод:

«Советская научная критика еще в 1930—1940 гг. полностью разоблачила злостную буржуазную легенду о том, что реакционно-идеалистическая космология конечного мира, будто бы, неизбежно и непосредственно "вытекает" из теории относительности. Эта легенда весьма выгодна империалистическим идеологам. В самом деле. Они рассуждают следующим образом: раз конечная космология "следует" из теории относительности, то, так как последняя соответствует фактам, значит верна и первая, а с нею и все обычно делаемые из нее на Западе реакционно-идеалистические выводы».

В период с 1937 по 1940 год борьбу с релятивистами вел журнал «Под знаменем марксизма». Осуждение теории расширяющейся Вселенной приобрело на его страницах поистине зловещий оттенок: любые положительные высказывания об этой теории связывались с расцветом «поповско-фашистских реакционных сил в науке», а в СССР – с деятельностью «разоблаченных органами НКВД врагов народа».

Наиболее неприглядную роль среди публикаций этого журнала сыграла, несомненно, статья «На фронте космологии», написанная журналистом и популяризатором науки Владимиром Львовым. Опять фронтовая лексика! Будто бы ни физика, ни космология не могут обойтись без свиста пуль и снарядов! Итак, прибыв в качестве комиссара на «советский космологический фронт», Львов немедленно приступил к розыску и разоблачению происков «враждебных материализму групп». Среди упомянутых в статье выдающихся советских ученых – Герасимович, «матерый вредитель, пробравшийся одно время к руководству старейшей русской обсерватории в Пулкове»; Ландау, «вредная стряпня которого не получала должного отпора со стороны физиков»; Амбарцумян, который, выдвинув короткую шкалу звездной эволюции, в значительной степени устранявшую противоречия возрастов звезд и Вселенной, «нейтрализует» выводы, подсекающие в корне «поповское учение о расширяющейся Вселенной».

Разоблачение «поповской сущности» теории расширяющейся Вселенной не ограничивалось разоблачительными записками Львова. Вскоре появились многочисленные

статьи других авторов, содержавшие набор стандартных обвинений. Например, в статье Шафиркина мы читаем: «Можно сказать, что современная космология, космическая физика, так же как и земная физика, лежит в родах. Кроме жизнеспособного существа, богатейшего фактического материала, она дает мертвые отбросы в виде реакционных идеалистических выводов и скороспелых, глубоко реакционных новейших идеалистических теорий».

Если до войны вопрос о расширяющейся Вселенной был еще дискуссионным (хотя, например, для «врага народа» Ландау дискуссия обернулась тюрьмой) и многие физики вполне искренне выступали против этой теории, считая ее надуманной, то после войны релятивизм получил столь много подтверждений со стороны практики, что новая схватка между материалистами и физиками стала неизбежной.

По инициативе Центрального совета Всесоюзного астрономо-геодезического общества (ВАГО) в 1948 году отделениями ВАГО было проведено пять теоретических конференций, посвященных идеологическим вопросам.

На конференциях вновь выступали Огородников и Эйгенсон. Основной темой, как и перед войной, стала борьба материализма с идеализмом в космологии. Тон докладов имел наступательный характер. И снова с обличениями конкретных лиц выступил Львов:

«В четвертом томе курса "Теоретической физики" академика Л.Д.Ландау, и проф. Е.М.Лифшица, наряду с изложением бесспорных физических закономерностей, рассматривается однородное изотропное "пространство", представляющее собой заведомое искажение объективно-реального астрономического мира. В книге Ландау и Лифшица мы не встретим таких терминов, как "творение" или "расширение мира", однако основы релятивистской космологии <...> даются без всяких критических оговорок...»

Обвинения подхватил астроном Крат:

«Идеологические ошибки, допущенные в IV части книги Л.Д.Ландау и Е.М.Лифшица, говорят о том, что некоторая часть наших ученых овладела марксизмом недостаточно глубоко и не умеет применять методы диалектического материализма на практике».

Однако советские физики уже были другими – они создали для СССР атомную бомбу, разрабатывали термоядерную и почувствовали свою силу. Власть нуждалась в них, демонстрируя свою зависимость тем, что награждала ученых орденами и премиями, присваивала им звания и осыпала благами, которых не было у подавляющего большинства граждан. Потому материалисты-сталинисты порой попадали впросак.

В этой связи можно вспомнить дискуссию, которая разгорелась между физиком Владимиром Фоком, с середины тридцатых отстаивавшим релятивизм, и философом Александром Максимовым, боровшимся с «махистами» среди соотечественников-естествоиспытателей. Публикация летом 1952 года в ведомственной газете «Красный флот» очередной воинствующей статьи Максимова «Против реакционного эйнштейнианства в физике» явилась удобным случаем для группы академических физиков перейти в контрнаступление с целью защиты теории относительности, и первым среди них был Фок.

Но даже академических званий и принадлежности к «атомному проекту» было недостаточно, чтобы переломить тенденцию и добиться внушительной публикации, разоблачавшей невежество сталинских идеологов. Пришлось к этому делу подключить Лаврентия Берия, который выступал тогда в качестве покровителя физиков. В письме к нему физики сообщали:

«Важнейшими задачами советских философов в области физики является материалистическое обобщение громадного круга новых фактов, понятий и идей, накопленных современной физикой, и борьба против идеалистического извращения достижений физической науки.

Вместо этого некоторые из наших философов, не утруждая себя изучением элементарных основ физики и сохраняя в этой области полное невежество, сочли своей главной задачей

философское "опровержение" важнейших завоеваний современной физики. Основной атаке со стороны этой группы философов подвергается теория относительности и квантовая теория, лежащие в основе всей современной физики и представляющие собой теоретическую базу электронной и атомной техники.

Непосредственным поводом нашего обращения к Вам послужил возмутивший нас факт опубликования в газете "Красный флот" от 13 июня 1952 г. невежественной и антинаучной статьи члена-корреспондента АН СССР Максимова А.А. под названием "Против реакционного Эйнштейнианства в физике".

В этой статье Максимов заявляет, что "теория относительности несомненно пропагандирует антинаучные воззрения по коренным вопросам современной физики". Основные положения теории относительности Максимов объявляет нелепостью и стремится их высмеять.

Это говорится о теории, которая сыграла революционную роль в развитии физики, выяснив новые физические свойства пространства и времени и установив законы движения быстрых частиц. Эта теория, глубоко материалистическая по своей сущности, подтверждается с замечательной точностью огромным количеством экспериментальных фактов. Одним из ее наиболее убедительных подтверждений является самый факт существования действующих ускорителей заряженных частиц, устройство которых целиком основано на законах теории относительности.

Несомненно также, что важнейшие проблемы, стоящие перед советской физикой, – проблемы элементарных частиц и ядерных сил не могут быть разрешены без использования теории относительности.

Теория относительности представляет собой последовательную и стройную систему неразрывно связанных между собой физических идей, глубокое понимание которых необходимо для ее плодотворного применения. Этого совершенно не понимает Максимов и некоторые другие философы, пытающиеся сохранить отдельные частные результаты теории, отрицая при этом ее основное физическое содержание...»

В качестве ответа на нападки идеологов физики просили Берия поспособствовать публикации статьи Фока под более чем выразительным названием «Против невежественной критики современных физических теорий». Эта статья после рассмотрения вопроса в ЦК КПСС была опубликована в журнале «Вопросы философии» в самом начале 1953 года.

Когда в начале пятидесятых Альберт Эйнштейн узнал о том, какому осуждению подвергается его теория в Советском Союзе, он не удержался от ехидной реплики, написав маленький рассказ:

«Когда Всемогущий Бог устанавливал Свои вечные законы Природы, Его мучило сомнение, которое Он не смог преодолеть даже впоследствии. Какое затруднительное положение возникнет, если впоследствии Высокие Авторитеты диалектического материализма объявят некоторые, а то и все Его законы противозаконными?

Уже потом, когда Он перешел к созданию Пророков и Мудрецов диалектического материализма, в чем-то сходное сомнение закралось в Его душу. Однако вскоре Он вновь обрел Свое спокойствие, поскольку можно быть уверенным в том, что эти Пророки и Мудрецы никогда не придут к заключению о противоречии положений материализма Разуму и Истине...»

Глава двенадцатая

Алхимики Советского Союза

Догматизм вредит науке. Он подрывает репутацию научного познания. К примеру, Французской академии до сих не могут простить того, что когда-то она отказалась признавать существование метеоритов.

Советская наука – не исключение. Догматы, навязанные ей со стороны марксистско-ленинской идеологии, сковывали ее развитие, и с какого-то момента отечественные ученые просто начали отставать от западных в постижении физических процессов. Новые дисциплины, возникшие на стыке наук, – такие как генетика и кибернетика – претендовали на проникновение в самые глубокие таинства бытия, а потому с ходу встретили серьезное сопротивление со стороны сталинистов. И если советские кибернетики сумели «откреститься» от общефилософской составляющей теории Норберта Винера без ущерба для развития автоматизированных систем и электронно-вычислительных машин (появился даже особый термин «техническая кибернетика»), то генетикам пришлось куда хуже. Отказаться от теории наследственности через генетический аппарат означало ступить на лженаучный путь, который вел в тупик. Продолжать заниматься расшифровкой генома означало вступить в прямой конфликт с властью, что в эпоху сталинизма было чревато. Каждый из генетиков сам выбирал свой путь...

К вопросу о происхождении жизни

Нынешние сталинисты, для которых эпоха СССР – самое светлое и святое, что только было в истории человечества, всегда готовы оправдать любое преступление, совершенное коммунистическими вождями. Религия Сталина подавила их настолько, что они договорились до старых и сегодня уже подзабытых формулировок, осуждающих кибернетику, генетику, теорию относительности и Большого Взрыва.

Сталинисты пользуются тем обстоятельством, что человеку без специального образования непонятно, в чем был «камень преткновения» между генетиком Николаем Вавиловым и генетиком Трофимом Лысенко, по какому принципу проводился раздел, и почему первого Сталин уничтожил, а второго возвеличил. Больше того, из-за сложности самого предмета обсуждения можно до бесконечности разглагольствовать о сравнительной ценности работ того и другого, ни на йоту не приблизившись к истинной картине.

В то же время правда очень проста – Иосиф Сталин чутьем волка различил в одном из направлений генетики опасность для основополагающих идей диалектического материализма по Марксу-Энгельсу-Ленину, который давно стал для него своеобразной иконой. И главное расхождение просматривалось во взглядах на механизм происхождения и развития жизни.

Тут нужно отметить, что тайна происхождения жизни и по сей день остается величайшей тайной всех времен. Если нам в конце концов удастся ее разгадать, то мы сможем ответить на два важных для понимания мироустройства вопроса: откуда произошли мы сами и насколько жизнь распространена во Вселенной. Но пока ответа нет – есть только гипотезы.

Человеческая интуиция при рассмотрении проблемы происхождения жизни часто склонна предполагать вмешательство извне, что является продолжением наших наблюдений за тем, как появляются на свет новые люди. Нам кажется, что некая сила или носитель силы осуществляет это. Исходя из закона причинной связи в повседневной жизни, многие в глубине души допускают, что нечто «живое» должно было существовать до появления на нашей планете первого организма. Подобным образом в большинстве религий появление жизни объясняется вмешательством извне, обычно – вмешательством божественного всемогущего существа.

Некоторые ученые, всё еще верящие в представление о некой высшей силе, считают, что жизнь возникает повсюду во Вселенной. Так гипотеза панспермии, развитая в 1903 году Сванте Аррениусом, предполагала, что жизнь переносится спорами через межзвездное пространство и время от времени попадает на планеты, где начинаются размножение и эволюция. По мере изучения опасностей, подстерегающих жизнь в космическом пространстве, гипотеза панспермии становилась всё менее и менее вероятной. Воздействие высокоэнергичного ультрафиолетового и рентгеновского излучения в межзвездном

пространстве оказалось бы смертельным для зародышей жизни, в течение миллионов лет блуждающих от одной планетной системы к другой. Кроме того, гипотеза панспермии не отвечает на главный вопрос: если Земля была осеменена спорами из космического пространства, то откуда они вообще взялись?..

С другой стороны, многочисленные лабораторные эксперименты показали, что в богатой кислородом атмосфере, которая окружает нас теперь, химические соединения, входящие в состав всех живых организмов, не могли бы возникнуть путем спонтанных химических реакций. Если переход от неживой материи к живой произошел на Земле, то с тех пор условия совершенно изменились.

Однако, приняв традиционную точку зрения, согласно которой первичная атмосфера Земли состояла из молекул метана, аммиака и водорода, а также способного конденсироваться водяного пара, легко показать, что в такой среде образование органических молекул было весьма вероятным. Энергия, необходимая для протекания химических реакций с образованием органических молекул, могла быть почерпнута из многих источников, но главным образом – от Солнца. Солнечное ультрафиолетовое излучение свободно достигало поверхности первичной Земли, так как еще не существовало защитного слоя озона. Таким образом, фотоны были основным источником энергии, но энергия могла также поступать от грозовых разрядов, местных геотермальных источников (горячих ключей и вулканов), распада радиоактивных изотопов в породах, падения метеоритов и даже от раскатов грома и океанского прибоя. Некоторые химические реакции могли быть ускорены каталитическим действием частиц почвы с подходящими активными поверхностями. Дождевая вода помогала переносить продукты реакций в пруды, озера и заполненные водой после прилива углубления на океанских берегах. Эти водоемы были богаты органическими соединениями и растворенными минеральными веществами и, вероятно, служили питательной и защитной средой, где молекулы взаимодействовали случайным образом до тех пор, пока некоторые реакции не привели к образованию соединений, которые могли каким-то образом направлять образование других молекул. Частицы глины на береговых кромках прудов могли способствовать объединению малых молекул в более крупные.

В Советском Союзе теорию образования жизни из первичного питательного «бульона», образующегося непосредственно в океане, отстаивал академик Александр Иванович Опарин. Под воздействием суровых условий среды, писал он, возникли сначала органические «коацерватные капли», из которых позднее образовались «коллоидные системы», породившие в конечном итоге клетку. Процесс этот, подчеркивал Опарин, был основан на случайном переборе вариантов, но в то же время имел предопределенный характер, поскольку в природе осуществляется накопление организованной материи с переходами количества в качество – всё согласно марксистско-ленинскому взгляду на эволюцию.

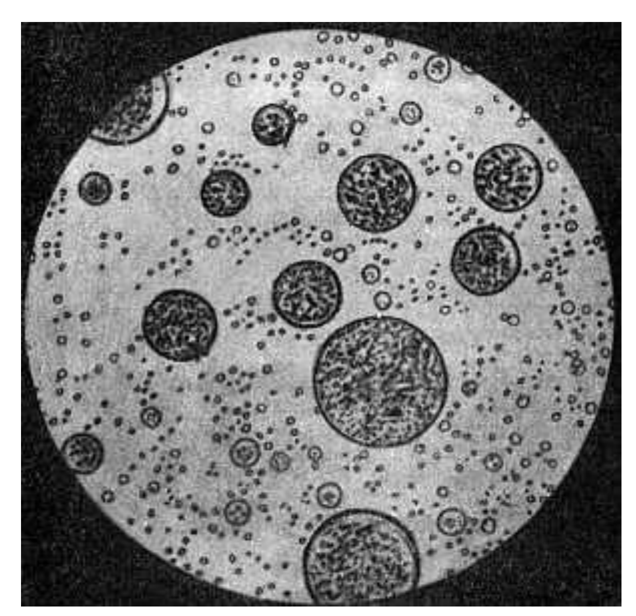


Рис.12.1. Искусственные коацерватные капли, полученные Александром Опариным

Однако исследования генетиков, открывших сложный генетический аппарат и молекулу ДНК, отвечающую за формирование организмов, заставило пересмотреть многие положения теории самозарождения жизни. Дело в том, что даже самый приблизительный оценочный расчет показывает, что всего времени существования нашей планеты не хватило бы, чтобы случайным перебором органических соединений получить столь сложную молекулу. Тут попахивало «божественным» вмешательством.

Теперь-то мы знаем, что первооснова жизни формировалась в экстремальных условиях (высокие температуры при высоких давлениях), поэтому химическая эволюция шла гораздо быстрее расчетной — но в 1930-е годы предпочитали думать, что она заняла многие миллиарды лет.

Гипотеза о первичности гена, программирующего организм и передающегося по наследству, вызвала к жизни две новые теории, претендующие на «всеохватность»: теорию генетической предопределенности и теорию «чистого листа». Первая подразумевала полную зависимость живого существа от того, что закреплено в его геноме. Вторая – отрицала какое-либо влияние генов на поведение животных и людей, считая весь генный аппарат зависимым от внешних условий среды и легко изменяющимся под них. Истина, как ей и полагается, находится ровно посередине. Гены формируют наш облик и рефлексы, но поведение, интересы и устремления всё же создаются окружением – то есть в процессе взаимодействия со средой.

Советские материалисты, разумеется, выбрали вторую теорию, ведь идея накопления новых признаков, «воспитываемых» внешней средой, в большей степени соответствовала их глубинным представлениям.

Прежде всего, из отказа от гипотезы о первичности гена прямо вытекало равенство всех человеческих существ в момент рождения – при этом закрывались глаза на врожденные отклонения, которые как бы считались несуществующими.

А гипотеза накопления признаков сама по себе позволяла надеяться на выведение новых людей – «сверхчеловеков будущего», которые уже представлены в дне сегодняшнем лидерами революционного пролетариата. Грамотное изучение особенностей воспитания этих лидеров помогло бы выработать рецепты по выращиванию нового человека и человечества.

И наконец, возможность влиять на генетический аппарат животных и растений с помощью специально подобранных условий среды, изменяя его в течение двух-трех поколений, позволяло вывести такие породы и культуры, каких никогда не было в природе и которые могли обеспечить грядущее продуктовое изобилие.

Советские генетики должны были стать бойцами нового фронта – фронта борьбы за улучшение биосферы и перекройки ее под потребности коммунистического сверхчеловека. Как и на любом другом фронте социалистического строительства здесь не должно было быть сомневающихся или колеблющихся – их объявляли врагами и уничтожали.

В очередной раз наука оказалась придавлена идеологией. Понятно, что ничего хорошего из этого не могло получиться.

Алхимия Трофима Лысенко

Оттолкнув научные подходы по важнейшему вопросу происхождения и эволюции жизни, сталинская генетика неизбежно скатывалась к псевдонауке – к алхимии, в которой во все времена торжествовали не подлинные ученые, а ловкие мошенники. И олицетворением советской алхимии стал печально известный «мичуринец» Трофим Лысенко.

Рис.12.2. Трофим Лысенко

Крестьянский сын Трофим Денисович Лысенко (1898 года рождения) приложил немало сил, чтобы «выбиться в люди», то есть избежать тяжелого и неприбыльного крестьянского труда. Перед Первой мировой войной он уже учился в Полтавской садоводческой школе, а в начале 1920-х мы находим его на Белоцерковской селекционной станции Сахаротреста Украины. Две короткие публикации 1923 года (в «Бюллетене» управления по

сортоиспытаниям Сахаротреста), посвященные селекции томатов и прививке сахарной свеклы, демонстрируют его устремление освоить приемы научной работы, но также и зародыши будущих фантастических теорий.

Во второй половине 1920-х Лысенко – сотрудник Центральной опытной селекционной станции в Гандже (Азербайджан). Ему была поручена работы по проблеме проращивания бобовых в зимнее время, но будущий академик не довел ее до конца. Он сделался «алхимиком от зерновых».

Первый толчок новому виду деятельности Лысенко был придан в 1927 году, когда станцию посетил Виталий Федорович – маститый публицист, печатавший свои очерки в «Правде». Корреспонденту понадобился прототип на роль героя из рабоче-крестьянской среды, и заезжему журналисту представили Лысенко. Два дня тот занимал Федоровича рассказами, водил по полям, показывал посевы. Увиденное воодушевило корреспондента, и он попытался создать вокруг первого опыта, интересного по замыслу, но скромного по результату, настоящую сенсацию. В газете «Правда» появилась его большая статья «Поля зимой». В ней начинающий агроном, импонировавший автору крестьянским происхождением, был всячески расхвален. В полном согласии с веяниями времени корреспондент умилился даже тем, что его герой не блистал образованностью: «Университетов не проходил, мохнатых ножек у мушек не изучал, а смотрел в корень».

Корреспондент писал о Трофиме восторженно и даже величал его «босоногим профессором». Интересно, что как человек Лысенко произвел впечатление неважное, и Федорович дал ему удивительную характеристику: «Если судить о человеке по первому впечатлению, то от этого Лысенко остается ощущение зубной боли – дай бог ему здоровья, унылого он вида человек. И на слово скупой, и лицом незначительный, – только и помнится угрюмый глаз его, ползающий по земле с таким видом, будто, по крайней мере, собрался он кого-нибудь укокать». Но о его многообещавшей работе с горохом журналист отозвался с завидным уважением: «Лысенко решает (и решил) задачу удобрения земли без удобрений и минеральных туков, обзеленения пустующих полей Закавказья зимой, чтобы не погибал скот от скудной пищи, а крестьянин-тюрк жил зиму без дрожи за завтрашний день. <...> У босоногого профессора Лысенко теперь есть последователи, ученики, опытное поле, приезжают светила агрономии зимой, стоят перед зелеными полями станции, признательно жмут ему руку...»

После появления статьи в «Правде» Лысенко тут же охладел к бобовым, перестал работать с ними, но за такое вольничанье его не выгнали со станции, а благосклонно разрешили переключиться на новую тематику – влияние температуры на развитие растений.

Материалы, полученные в ходе исследовательской работы, дали основу одному из приблизительно 300 узкоспециальных сообщений на грандиозном (2000 участников) Съезде по генетике, селекции, семеноводству и племенному животноводству, прошедшем под руководством Николая Вавилова в январе 1929 года в Ленинграде. «Ленинградская правда», освещавшая пленарные заседания в духе сенсаций, дала однажды материал, озаглавленный «Можно превратить озимый злак в яровой». Речь шла о работах крупного физиолога растений Максимова. Лысенко же (выступившего на секционном заседании) там никто особенно не заметил.

Крах ожиданий заставил Лысенко сменить ориентацию с академической карьеры на поиск успеха среди партийных и государственных чиновников. Для быстрого взлета ему требовалась сенсация. Но такую же сенсацию искали партийный руководитель Украины Постышев и украинский нарком земледелия Шлихтер: две зимы подряд, 1927/28 и 1928/29, вымерзали громадные посевы озимой пшеницы. После двух неурожаев резонно было ожидать повышенного урожая. Но местному начальству требовалось чудодейственное средство решения всех проблем – для победного рапорта Кремлю.

По официальной версии, в феврале 1929 года Лысенко сообщил отцу, чтобы тот зарыл в снег семенную озимую пшеницу и затем высеял наклюнувшиеся семена. (В середине 1960-х в ходу была циничная, но правдоподобная версия: Лысенко-отец прятал от продотрядов пшеницу; зерно промокло и проросло; по жадности он и засеял поле этим зерном, получив некоторый урожай.) 1 мая Лысенко-старший засеял полгектара; о контрольном посеве речи не было. В разные годы по поводу этого случая сообщалось об удвоении и утроении урожая, об увеличении его на 10 или на 15%. Летом 1929 года Наркомзем Украины объявил о решении проблемы зерновых. В награду Лысенко был направлен для работы в одесский Институт селекции и генетики.

Летом сенсация прокатилась по центральным газетам. Никаких научных сообщений об «опыте» отца и сына Лысенко в печати не появилось. Информацию для них могли поставлять лишь сами Лысенко.

Осенью Лысенко получил весомую поддержку со стороны только что назначенного наркома земледелия СССР Яковлева (который позже стал заведующим сельхозотдела ЦК и последовательным гонителем генетиков). Чудодейственная яровизация (вместо кропотливой селекционной и агротехнической работы) пришлась ко времени: Сталин требовал получать в каждой конкретной области угодные ему результаты, невзирая ни на какие известные науке пределы возможностей.

Вообще же история с мгновенным признанием открытия Лысенко могла бы показаться какой-то мистификацией или крупномасштабным помутнением рассудка сразу у сотен начальников, если бы не существовало простого объяснения: под ними горела земля, и они готовы были подписаться под любым бредом, лишь бы продемонстрировать вышестоящему руководству заботу о сельском хозяйстве. Только этим можно объяснить странную, даже парадоксальную ситуацию, при которой руководители сельского хозяйства Украины и страны в целом не видели никаких трудностей в использовании на практике несостоявшегося открытия. Они разом уверовали в чудо Лысенко и решили, что жар-птица у них уже в руках.

В начале 1935 года Лысенко удостоился высочайшей похвалы. Его выступление на 2-м съезде колхозников-ударников, с демагогическими призывами к классовой бдительности, было прервано на психологически точно выдержанном заявлении: «Сталин: "Браво, т. Лысенко, браво!" В зале аплодисменты».

После этого советский алхимик почувствовал, что у него развязаны руки.

Лысенко сделал своим знаменем селекционную теорию признанного ботаника Ивана Владимировича Мичурина, однако на самом деле в основе его измышлений лежал примитивный «ламаркизм» – излюбленная теория романистов конца XIX века об унаследовании видами свойств, приобретенных в результате внешнего воздействия. Живший в XIX веке, Жан Батист Ламарк учил, что новые виды появляются под непосредственным влиянием среды: если условия среды меняются, то одни органы у животных теряют функциональность и через несколько поколений отмирают, а другие, наоборот, появляются и разрастаются. Именно из ламаркизма вырастала доктрина Лысенко о возможности переделки природы растений и животных в направлении и масштабах, угодных советской номенклатуре. Фантастическая реальность «фронта борьбы с природой» требовала немедленных атакующих действий по преобразованию окружающего мира. При этом, что характерно, ламаркизм осуждался, а генетика в селекционном «мичуринском» варианте всячески прославлялась.

Известно, что и сам Сталин верил в идеи ламаркизма, а Лысенко лишь чутко уловил тайное желание вождя уничтожить принцип изначальности гена.

Генеральное сражение состоялось на сессии ВАСХНИЛ СССР (Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени Ленина) в декабре 1937 года. В своем докладе Лысенко сосредоточился на двух вопросах. Первый – «повышение качества посевного материала растений-самоопылителей путем внутрисортового скрещивания», второй – «переделка

природы растения путем воспитания». И вновь бредовейшие, совершенно алхимические по своей сути, теории находят поддержку у властей предержащих.

Ведущие генетики прекрасно понимали антинаучность идей Лысенко, но ничего поделать уже не могли.

«Сам по себе Лысенко слаб, – сказал как-то академик Вавилов в узком кругу, – но за Лысенко стоит поддержка руководства партии и правительства, которая и обеспечивает ему победу в борьбе с истиной в науке...»

Следующим шагом властей стал арест в августе 1940 года Николая Вавилова и других замечательных ученых. Сталин уже наметил «окончательное решение» генетического вопроса, а для этого следовало вывести из игры всех влиятельных генетиков.

Рис.12.3. Карикатура на генетика

Известный генетик Иосиф Рапопорт вспоминал: «А. Р. Жебрак, профессор генетики Тимирязевской академии, рассказывал, что после применения к нему после сессии [август 1948. – *А.П.*] мер он попал на прием к одному очень ответственному лицу, которое начало беседу с ним неслыханным утверждением: "Вас, генетиков, спасли немцы. Если бы не война, мы вас уничтожили бы еще в 1941 году"».

Но и после войны ситуация мало изменилась. В 1947 году Сталин уже твердо знал, что запрет генетики станет важной частью курса на изоляцию страны от остального мира; следовало лишь выбрать форму, в которую выльется запрет, и назначить время. В августе 1948 года состоялась очередная сессия ВАСХНИЛ СССР, на которой сторонники Лысенко при молчаливом одобрении высшего руководства ЦК КПСС устроили решительный бой генетикам. Об этике можно было не думать, и за словом лысенковцы в карман не лезли:

«...Додуматься до представлений о гене как органе, железе с развитой морфологической и очень специфической структурой может только ученый, решивший покончить с собой научным самоубийством. Представлять, что ген, являясь частью хромосомы, обладает способностью испускать неизвестные и ненайденные вещества – значит заниматься метафизической внеопытной спекуляцией, что является смертью для экспериментальной науки...»

«...История развития менделевской науки о наследственности с необычайной наглядностью демонстрирует связь науки при капитализме со всей растленной идеологией буржуазного общества...»

«...Загнивающий капитализм на империалистической стадии своего развития породил мертворожденного ублюдка биологической науки, насквозь метафизическое, антиисторическое учение формальной генетики...»

«...Мы, мичуринцы, должны прямо признать, что до сих пор не смогли еще в достаточной степени использовать все прекрасные возможности, созданные в нашей стране партией и правительством для полного разоблачения морганистской метафизики, целиком привнесенной из враждебной нам зарубежной реакционной биологии. Академия, только что пополненная значительным количеством академиков-мичуринцев, теперь обязана выполнить эту важнейшую задачу...»

Теперь известно, что текст доклада Лысенко на сессии ВАСХНИЛ 1948 года был предварительно просмотрен, отредактирован и одобрен лично Сталиным. Тем самым «мичуринская» биология была признана единственно правильной биологией.

Самое унизительное действо произошло на последнем, десятом, заседании сессии. Накануне вечером раздались телефонные звонки в квартирах некоторых «менделистов-морганистов». Им позвонили из «инстанций». И три человека: профессор Жуковский, доцент Московского университета Алиханян и профессор Поляков – выступили с заявлениями об изменении своих взглядов и «переходе в ряды мичуринцев».

А затем, как полагалось, было принято приветственное письмо товарищу Сталину. Я приведу из этого письма отдельные абзацы, в них содержится дух того времени.

«Дорогой Иосиф Виссарионович!

Каждый день и каждый час ученые и практические работники сельского хозяйства ощущают всестороннюю заботу Коммунистической партии и Советского государства о сельскохозяйственной науке и Ваше личное постоянное участие в деле ее дальнейшего развития и расцвета.

Вам, великому творцу коммунизма, обязана отечественная наука тем, что своими гениальными трудами Вы обогатили и возвысили ее перед всем миром, оберегаете ее от опасности отрыва от запросов народа, помогаете ей одерживать победы над реакционными, враждебными народу учениями, заботитесь о непрерывном росте деятелей науки.

Продолжая дело В.И.Ленина, Вы спасли для передовой материалистической биологии учение великого преобразователя природы И.В.Мичурина, подняли мичуринское направление в биологии перед лицом всей науки, как единственно правильное, прогрессивное направление во всех отраслях биологической науки. Тем самым еще более укрепились естественно-научные основы марксистско-ленинского мировоззрения, всепобеждающая сила которого подтверждена всем опытом истории. <...>

Мичуринское учение – новый высший этап в развитии материалистической биологии. Мичуринская биологическая наука будет и впредь творчески развивать дарвинизм, неуклонно и решительно разоблачать реакционно-идеалистическую, вейсманистско-морганистскую схоластику, оторванную от практики, бороться против недостойного для советского ученого раболепия перед буржуазной наукой, освобождать исследователей от пережитков идеалистических, метафизических идей. <...>

Слава великому Сталину, вождю народа и корифею передовой науки! (Бурные, долго не смолкающие аплодисменты, переходящие в овацию. Все встают)».

Разгром был полный. Когда Совмин СССР постановил ввести в состав ВАСХНИЛ 35 новых действительных членов, среди них не было ни одного подлинного генетика – все были ставленниками Трофима Лысенко.

Немедленно заработал репрессивный аппарат. Закрывались кафедры, генетики изгонялись с занимаемых постов и лишались званий.

По приказу министра высшего образования Кафтанова около 3000 ученых, имеющих отношение к генетике, были уволены с работы.

В мае 1949 года был арестован Владимир Павлович Эфроимсон – один из основателей медицинской генетики в нашей стране. Интересно, что он требовал, чтобы в обвинительном заключении было указано, что его арестовали за борьбу с Лысенко. Но такой статьи в уголовном кодексе не было, и Эфроимсону присудили «антисоветскую агитацию».

В лагеря ГУЛАГа потянулась вереница «вавиловцев» и «менделистов». Их судили в основном по обвинению в «преклонении перед Западом» и «восхвалении американской демократии». Многие из них так и сгинули в Сибири.

Нередко они добровольно уходили из жизни. Так, не выдержав травли, наложил на себя руки защищавший генетику физиолог Сабинин. Покончили с собой еще два генетика – Промптов и Ферри...

Гомункулусы Ольги Лепешинской

В атмосфере торжества узаконенной алхимии стали появляться настоящие чудовища.

Рис.12.4. Ольга Лепешинская

Так, старая большевичка с образованием фельдшера Ольга Борисовна Лепешинская заявила, что ей удалось открыть образование клеток из бесформенного «живого вещества» (например, сенного настоя, сока алоэ и так далее). Ниже я привожу фрагмент из статьи «Огонька», воспевающей это открытие. Обратите внимание на фронтовую лексику, которая вообще была типичной для той эпохи.

«Клетка... Кому не знакомо это слово, выражающее самое существенное в наших знаниях о тончайшем строении живых тел! В сознании каждого со школьной скамьи прочно укрепляется представление, что основу строения организмов составляют клетки – мельчайшие частицы, из которых сложены тела животных и растений. <...>

Такой взгляд владел исследователями на протяжении почти целого столетия. Изучение клеток, их тончайшего строения и деятельности открыло новый, неведомый нам мир – "закулисную работу жизни", по выражению великого русского мыслителя А.И.Герцена. Но вместе с тем оно уводило в сторону от познания организма как целого, в котором клетки играют подчиненную, зависимую роль.

Немецкий ученый Вирхов 90 лет назад объявил их ответственными за все состояния организма. Болезненные изменения нашего тела Вирхов назвал "клеточной патологией". <...>

На многие годы незыблемыми, несокрушимыми истинами стали казаться слова Вирхова: "всё живое только из клеток», «каждая клетка возникает из клетки". Отсюда следовал вывод, что познание всех живых тел должно сводиться к изучению входящих в их состав клеток.

Вирхов был убежденным противником дарвинизма, теории развития живой природы. Он считал природу застывшей в своих формах с того момента, когда она "вышла из рук творца". Его представления омертвили клеточное учение, которое из теории, свидетельствующей о развитии органического мира, превратилось в руках Вирхова в мертвую догму о тождественном плане строения всех живых организмов. Вирховианство стало опорой реакционного, идеалистического направления в биологии, отрицающего подлинную эволюцию живой природы.

И в самом деле, о каком развитии, то есть о превращении простого в сложное, об образовании нового на месте отживающего старого, можно говорить, если считать, что жизнь организма начинается с клетки и ведет к возникновению клеток, дающих начало новым организмам? Одна клетка, по Вирхову, порождает множество клеток – организм. Из этого множества снова выделяется одна клетка, порождающая новое множество; бесконечная цель клеточных делений, воспроизводящих старые, вечно существующие формы. А где же развитие? Где образование нового?

На протяжении последних десятилетий прогрессивные ученые призывали к пересмотру вирховианской клеточной теории. Но только на основе марксистско-ленинского учения оказалось возможным разоблачить до конца извращения, внесенные Вирховом, и показать пути их преодоления.

Пятнадцать лет назад в скромной лаборатории на Пятницкой улице в Москве началась первая атака на твердыни вирховианства. Атаку возглавила Ольга Борисовна Лепешинская, профессор-большевик, доктор биологических наук, руководитель лаборатории – небольшого коллектива сотрудников, размещавшихся в нескольких комнатах института, носившего в те годы название Биологического института имени К.А.Тимирязева.

Оружием были факты, добытые упорным, сосредоточенным, кропотливым трудом. Доклады и выступления О.Б.Лепешинской неизменно сопровождались демонстрациями. На длинных столах выстраивались микроскопы – десятки штативов с первоклассной оптикой, позволяющей видеть тончайшие процессы развития.

Задача заключалась в опровержении метафизической вирховианской догмы, толкующей развитие как непрерывную цепь клеточных делений. Она противоречила марксистско-ленинскому пониманию развития как процесса, включающего наряду с медленными, постепенными, непрерывными изменениями и быстрые, скачкообразные изменения, нарушающие непрерывность развития. Догма Вирхова противостояла движению науки, мешала ее дальнейшему проникновению в тайны природы.

Под объективами лежали микроскопические препараты, на которых, переходя от микроскопа к микроскопу, можно было проследить удивительный процесс самозарождения клетки. Это были срезы, сделанные через развивающееся куриное яйцо – ту его часть, которая носит название зародышевого диска. Здесь идет бурное размножение клеток

обычным путем, возникают зачатки органов. Но под зародышевым диском располагается желток. Его на протяжении многих лет считали источником питания зародыша. Это мнение оказалось неверным. Наблюдения О.Б.Лепешинской и ее сотрудников показали, что желток не только питательное, но и образовательное вещество, из которого строится тело эмбриона.

В жидкости, лежащей под зародышевым диском, зерна желтка образуют округлые тела – "желточные шары". Их обнаружили давно, но их роль оставалась неясной вплоть до того времени, когда О.Б.Лепешинская начала свои исследования. На препаратах легко улавливаются различия в строении желточных шаров. Если стоять на позициях вирховианства, этим различиям можно не придавать никакого значения – ведь они касаются "неживого", "питательного" материала. Но если подойти к ним с правильных, научных позиций, то шаг за шагом можно проследить процесс самозарождения клеток.

В этом и заключалось основное открытие О.Б.Лепешинской – доказательство возникновения клеток не из предшествующих клеток, а из неорганизованного, неоформленного материала – живого вещества.

В развитии животных организмов есть стадия, когда зародыш представляет собой одну клетку. Это вполне закономерно, так как в клетке в какой-то мере отражается далекое прошлое животных организмов, предки которых были одноклеточными существами. А доклеточная стадия? Ведь жизнь на земле возникла в виде клеток не сразу. Должно же находить отражение исходное, доклеточное состояние, когда жизнь воплощалась в более простых частицах – капельках живого вещества. И вот наблюдение открывало в развитии куриного зародыша эту стадию. <...>

На протяжении ряда лет накапливались новые факты. Куриное яйцо было только одним из многих объектов исследования, В лаборатории изучались яйца различных птиц, рыб, земноводных животных. Во всех случаях обнаруживалась доклеточная стадия, открытая О.Б.Лепешинской. Становилось очевидным, что живое может существовать не только в виде клеток, но и как неоформленное, бесструктурное вещество. Рушился миф о том, что последней, "неделимой единицей" жизни является клетка. Жизненные свойства отнюдь не обязательно связаны с ней. Любая частица тела, если она обладает основным признаком жизни – обменом веществ с окружающей средой, – живая, она растет и развивается. Такой частицей может быть любая крупинка протоплазмы – белкового вещества, из которого построено тело клетки, – ничтожно малая, даже невидимая в микроскоп, даже молекула.

Живая молекула! Это казалось кощунством, посягательством на священные устои вирховианской догмы. А между тем представление о живых молекулах было вполне научным и полностью соответствовало диалектико-материалистическому мировоззрению. <...>

О.Б.Лепешинская доказала, что из бесструктурного живого вещества, добытого из живого организма, возникают клетки.

Опыты были проведены на живом веществе гидр – маленьких пресноводных животных, обладающих высокой способностью к регенерации – восстановлению тела из небольшого кусочка.

Гидру растирали в ступке. Полученную массу растворяли в воде и подвергали центрифугированию – разделению на составные части. Осадок был снова растерт в ступке, снова разведен водой и центрифугирован. И капля совершенно бесструктурного вещества, взятая из верхнего слоя осадка, помещалась под микроскоп.

Уже через час в капле появляются первые признаки возникновения клеток: образуются мельчайшие тельца, которые на глазах увеличиваются в размерах. Если в каплю добавить питательные вещества – корм гидры, – то развитие продолжается. Тельца растут, приобретая строение клеток. Затем начинается размножение. С помощью микроскопа нетрудно воспроизвести развитие клеток из живого вещества во всех подробностях. <...>

Победа передовых взглядов на строение и развитие живых тел – новая победа мичуринской биологической науки. Вирховианство – это опора реакционного вейсманизма-морганизма, лжеучения о наследственности, созданного буржуазной наукой. Вейсманизм

отрицает развитие в природе, толкуя все изменения живых тел как комбинации неизменных наследственных зачатков. Новое в природе, согласно представлениям вейсманистов-морганистов, не возникает: развития нет, есть только воспроизведение одним наследственным зачатком другого, совершенно такого же, и их различные сочетания. <...>

Советская мичуринская биологическая наука на наших глазах переделывает природу, вызывая к жизни "существа будущего", как называл новые формы растений великий ученый И.В.Мичурин. Объединенными усилиями советские ученые различных специальностей вскрывают закономерности возникновения и развития животных и растительных организмов, созданных природой и преобразуемых человеком в интересах строительства коммунизма. В этой огромной работе вооружат и усилят творческую мысль новые представления о развитии – результат могучего влияния идей Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина на советское естествознание...»

В 1952 году в печати Лепешинская сообщила, что Сталин лично одобрил ее «новую клеточную теорию». Поскольку возражений со стороны власти не последовало, алхимическая теория Лепешинской восторжествовала. Десятки профессоров, по неосторожности выступивших против этого бреда, были изгнаны из научных учреждений и университетов. Ее дочь – Ольга Пантелеймоновна Лепешинская и зять Крюков публиковали в самых престижных научных журналах фантастические статьи о превращении клеток в кристаллы и кристаллов в клетки.

Так безграмотные большевики поставили на колени академическую науку. Но дело не только и не столько в них. Иосиф Сталин сам активно участвовал в создании псевдонаучной «мичуринской» биологии, потому что она полностью соответствовала его общей стратегии. Ему также должно было импонировать, что одна из двух основных догм неоламаркизма – передача по наследству приобретенных при жизни свойств – соответствовала положениям, высказанным им еще в 1906 года в статье «Анархизм или социализм?». Благодаря той давней статье, «мичуринскую» биологию можно было рассматривать как дальнейшее развитие его, сталинской, теории.

Считается, что Лысенко и Лепешинская создали «мичуринскую» биологию при поддержке Сталина. Более правильна другая формулировка: Сталин создал с помощью Лысенко и Лепешинской свою сталинскую биологию, названную мичуринской.

Только время всё расставило по своим местам...

Эпилог

Сломанный меч

В своей самой первой документально-исторической книге «Оккультные тайны НКВД и СС» я высказал мысль, что Сталин поступил мудрее Гитлера, отстранив от власти эзотериков-оккультистов и сосредоточившись на построении материалистической идеологии. Благодаря этому, в глазах остального мира он стал ближе и понятнее, чем «оккультный» Гитлер, а потому выглядел потенциальным союзником в борьбе против бесчеловечного Третьего рейха.

Вроде бы, книга, которую вы держите в руках, зачеркивает эту мысль.

На самом деле противоречия нет. Если вспомнить о контексте эпохи, то уничтожение Сталиным паранаучных и псевдонаучных теорий не кажется чем-то противоестественным. Наоборот, в то яркое и очень жестокое время это могло показаться и разумным, и оправданным. Просто в демократических странах повальное «выкашивание» на идеологическом поле было невозможно, а при диктатуре – почему нет?

Современники Сталина кивали на нас – на потомков. Мол, они (то есть мы) разберутся, кто был прав, а кто нет, кто совершил благодеяние, а кто – преступление. Что ж, пришла пора разбираться.

Безусловно, отстраняя эзотериков от власти, Сталин делал правильное дело. В СССР так и не появился свой Генрих Гиммлер, который на основе умозрительных палеофантастических конструкций готовился загнать в газовые камеры полпланеты.

С другой стороны, ни один самый оголтелый оккультист не заслуживает за свои убеждения пули в затылок. Идеалистическое мировоззрение – еще не преступление, за него нельзя карать. Если уж очень хочется, то можно ограничиться понижением в должности или отправкой за «черту оседлости». Но Сталин именно убивал, не оставляя ни малейшего шанса намеченным жертвам.

Современные сталинисты (среди них такие известные писатели, как Александр Бушков, Максим Калашников и Юрий Мухин) готовы оправдать и это. Мол, советские граждане, убитые вождем или его ставленниками, сами были в том виноваты. Мол, не просто так заблуждались, а выпрашивали большие деньги под свои заблуждения, разоряли народное хозяйство своими завиральными теориями и рацпредложениями, а потому должны были понести ответственность за свои преступления.

Возражать сталинистам можно и нужно.

Во-первых, не все теории оказались «завиральными». Сколько угодно можно писать о «продажных девках империализма», но многие общефилософские, исторические, физические и прочие научные концепции оказались куда более живучи и адекватны реальности, чем самые красивые догматы марксизма-ленинизма.

Во-вторых, репрессии убивали не отдельных людей – выкашивались целые школы, направления, отрасли. В моем любимом ракетостроении удары были нанесены в самое сердце, по ведущим специалистам, и эта прикладная область, позднее создавшая для СССР ракетно-ядерный щит и космонавтику, оказалась отброшена на десятилетие назад.

В-третьих (и это самое главное!), тем, кто защищает сегодня право Сталина на расправу с оппонентами, следует помнить, что даже в этом они поддерживают махровое мракобесие, пришедшее на смену живому учению диалектического материализма. Заложенная еще Карлом Марксом антигуманистическая бомба при Сталине взорвалась! Уверовав в неоламаркизм и в то, что человек наследует сумму приобретенных его предками качеств, «кремлевский горец» сделал следующий шаг в рассуждениях: враг (а любой человек, не разделяющий убеждения вождя, априори считался врагом) уже навсегда сформировался как разумное существо, изменить его трудно или невозможно, а потому проще устранить его, свести врага во тьму небытия. Если вы разделяете это мнение, значит, вы — настоящий сталинист. Но тогда не удивляйтесь, когда на вас посмотрят со смешанным выражением жалости и опаски – как на психически больного человека.

Западные страны предпочли Сталина Гитлеру не потому, что он казался им демократичнее или гуманнее, а потому, что его мировоззрение в тот период еще в незначительной степени расходилось с убеждениями современных ему западных политиков. Однако со временем разница становилась всё более очевидной.

Псевдонаучная (и одновременно – псевдорелигиозная) идеология Сталина была его мечом, которым вождь разил противников направо и налево. Этот меч он оставил нам в наследство вместе с огромной империей, воздвигнутой на костях миллионов людей. Но меч оказался из плохой стали – быстро заржавел и рассыпался в сухую труху.

Кто-то продолжает жалеть об этом, страдать от отсутствия простых и понятных истин, спускаемых сверху. А я, хоть и атеист, скажу: слава Богу!

И еще раз – слава Богу!..

Литература и источники иллюстраций

Андреев А. Время Шамбалы. – СПб.: Издательский Дом «Нева»; М.: «ОЛМА-ПРЕСС Образование», 2002.

Андреев А. От Байкала до священной Лхасы (Новые материалы о русских экспедициях в Центральную Азию в первой половине XX века). – Изд. «Агни», Самара, 1997.

Андреев А. Светит нам знакомая звезда. // В газ. «Красная звезда». – 2002. – 11 дек.

Анибал Б. Моряки Вселенной (научно-фантастическая повесть). // В журн. «Знание – сила». – 1940. – № 1—5.

Антонова О. Храмы Победы. // В журн. «Наука и религия». – 1995. – № 5.

Бабков В. Как ковалась победа над генетикой. // В журн. «Человек» — 1998. — № 6.

Балабуха А. Три жизни Александра Беляева («Компакт-библиотека: Александр Беляев»). – Издательская группа «Мир-Пи», 2003.

Барченко А. Кем же он был? Судьба Александра Барченко. // В журн. «Наука и религия». – 1997. – № 7.

Бебутов Д. Русское масонство XX века. // В кн.: Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. – М.: «Терра», 1990.

Безант А. Лекции по теософии. // Электронная публикация, 1996.

Белый А. Записки чудака. – «Геликон», Москва-Берлин, 1922.

Беляев А. Последний человек из Атлантиды (повесть). // В журн. «Всемирный следопыт». – 1925. – № 5—8.

Бережков В. Искушения чекиста Бокия. Вечный революционер. – СПб.: ГИОРД, 1999.

Бобрищев-Пушкин А. Залетный гость (рассказ). // В журн. «Мир приключений». – 1927. – № 1.

Богданов А. Красная звезда (роман-утопия). – Пг.: Петроград. Совет раб. и красноармейских депутатов, 1918.

Брачев В. Ленинградские масоны и ОГПУ. // В журн. «Русское прошлое». – 1991. – кн.1.

Брачев В. Масоны в России: от Петра I до наших дней. – СПб.: Издательство «Стомма», 2000.

Брачев В. Петербургские мартинисты 1910-1925 гг. // В журн. «Отечественная история». – 1993. – № 3.

Брачев В. Религиозно-мистические кружки и ордена в России. Первая треть XX века. – СПб., 1997.

Брачев В. Тайные масонские общества в СССР. // В журн. «Молодая гвардия». – 1994. – № 3.

Брачев В. Чекисты против оккультистов. Оккультно-мистиче-ское подполье в России и его ликвидация в 1920—1930 гг. – М.: «Эксмо», «Яуза», 2005.

Бритиков А. Русский советский научно-фантастический роман. – Л.: «Наука», 1970.

Бронштэн В. «Раковая опухоль». // В сб. «На рубежах познания Вселенной (Историко-астрономические исследования, XXII)». – М.: Наука, 1990.

Бронштэн В. Советская власть и давление на астрономию // В журн. «Философские исследования». – 1993. – № 3.

Брюсов В. Собрание сочинений. В семи томах. Том 7. – М.: «Худож. лит.», 1975.

Бушков А. Красный монарх. – СПб.: Издательский дом «Нева», 2004.

Бушков А. Сталин. Ледяной трон. – СПб.: Издательский дом «Нева», 2005.

Быков В. Спиритизм перед судом науки, общества и религии. – М., 1914.

Васильева О. Жребий митрополита Сергия Воскресенского. // В журн. «Наука и религия». – 1995. – № 5.

Вельдман К. Постскриптум Ленина. // В журн. «Техника – молодежи». – 1990. – № 7.

Веденеев В. Личная ведьма Сталина. // В газ. «Russian Adver-tisement». – 2005. – № 5(616), от 12 февраля.

Винокуров И., Гуртовой Г. Психотронная война, от мифов – к реалиям – М.: «Мистерия», 1993.

Волков А. Чужие (рассказ). // В журн. «Мир приключений». – 1928. – № 2.

Волков М. «Баиро-Тун» (фантаст.рассказ). // В журн. «Всемирный следопыт». – 1929. – № 2.

Володский И. Истоки зла (Тайна коммунизма). – М., 2000.

Воробьевский Ю. Путь в Апокалипсис: Точка Омега. – М., 1999.

Воробьевский Ю. Путь к Апокалипсису: Стук в золотые врата – М., 1998.

Газизова О. Священная война. // В журн. «Наука и религия». – 1995. – № 5.

Гаков В. «Темна вода во облацех...» – М.: Политиздат, 1987.

Гарнага С. Потерянный рай (Конец мифа о Гиперборее). // В газ. «Совершенно секретно». – 2001. – № 1.

Гнездилов А. Судьбы русских теософов начала XX века (Выступление на Европейском Теософическом Конгрессе 1991 г.) // Электронная публикация, 2005.

Голдсмит Д., Оуэн Т. Поиски жизни во Вселенной. – М.: Мир, 1983.

Голованов Я. Королев: факты и мифы. – М.: Наука, 1994.

Гончаров В. Психо-машина (фантастический роман). – М.—Л.: Мол. гвардия, 1924.

Гончаров К. От Бога до дьявола 180 градусов. Воинская символика России: пятиконечная звезда как символ Вооруженных сил Советской России. // Электронная публикация, 1996.

Горбатов С. Последний рейс «Лунного Колумба» (повесть) // В журн. «Вокруг света». – 1929. – № 40—41.

Грекова Т. Лжеученый из НКВД. // В газ. «Секретные материалы XX века». – 2000. – № 5(24).

Гупало В. Казанская икона Божией Матери. // Электронная публикация, 2004.

Демин В. Здравствуй, Гиперборея! // В журн. «Наука и религия». – 1997. – № 8.

Демин В. Космист, чекист, хранитель тайны... // В журн. «Наука и религия». – 1997. – № 4.

Демин В. Тайны русского народа. В поисках истоков Руси. – М.: Вече, 1999.

Демин В. Циолковский. – М.: Молодая гвардия, 2005.

Елисеев А. Красный оккультизм. // Электронная публикация, 2002.

Ефремов И. Звездные корабли (научно-фантастическая повесть) / /В журн. «Знание – сила». – 1947. – № 7—10.

Иванов В. Православный мир и масонство. – Харбин, 1935.

Илизаров С. Берия и теория относительности. // В журн. «Исторический архив». – 1994. – № 3.

Ильенков Э. Ленинская диалектика и метафизика позитивизма (размышления над книгой В.И.Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»). – М.: Политиздат, 1980.

Жиров Н. Атлантида. Основные проблемы атлантологии. – М.: Вече, 2004.

Кавендиш Р. Магия Запада. – М.: Товарищество «Клышников – Комаров и К°», 1994.

Кажинский Б. Биологическая радиосвязь. – К.: Издательство Академии наук Украинской СССР, 1963.

Казанцев А. Взрыв (рассказ-гипотеза). // В журн.: «Вокруг света». – 1946. – № 1.

Казанцев А. Внуки Марса (научно-фантастический роман). // В сб. «Мир приключений: Кн. 7». – М.: Детгиз, 1962.

Казанцев А. Гость из космоса (научно-фантастический рассказ). // В журн. «Техника-молодежи». – 1951. – № 3.

Казютинский В. Публичная «казнь» релятивистской космологии (события 30—40-х годов). // В сб. «На рубежах познания Вселенной (Историко-астрономические исследования, XXII)». – М.: Наука, 1990.

Калмыков С. Николай Морозов // В сб. «Вечное солнце: Русская социальная утопия и научная фантастика второй половины XIX—начала XX века». – М.: Мол. гвардия, 1979.

Калмыков С. Н.Ф.Федоров // В сб. «Вечное солнце: Русская социальная утопия и научная фантастика второй половины XIX—начала XX века». – М.: Мол. гвардия, 1979.

Кандыба Д. Русский гипноз. – М.: КСП, 1995.

Карпенко Ю. О телепатии и психокинезе у животных. // Электронная публикация, 2000.

Кирияцкий А. Нострадамус в России. // Электронная публикация, 2005.

Кленч Л. Из глубины вселенной (рассказ). // В журн. «Вокруг света». – 1929. – № 39.

Кондратов А., Шилик К. Как рождаются мифы XX века. – Л.: Лениздат, 1988.

Кононенко Ю. Опережая мыслью время. // В журн. «Техника – молодежи». – 1988. – № 10.

Крыжановская В. На соседней планете (роман). – СПб: Типолитография В. В. Комарова, 1903.

Кульский А. Призраки истории. – Д.: «Сталкер», 1998.

Ленин В. Карл Маркс (краткий биографический очерк с изложением марксизма). // В сб: В.Ленин. «Карл Маркс». – М.: Изд. «Прибой», 1918.

Ленин В. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии. – Изд. «Звено», 1909.

Лосев А. Античная мифология в ее развитии. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1957.

Лукин Ю. В мире символов. – Харбин, 1936.

Марксизм: pro contra. – М.: «Республика», 1992.

Мелентьева Н. Оккультные корни коммунизма. // В журн. «Элементы» (Евразийское обозрение). – 1996. – № 8.

Мифология: Иллюстрированный энциклопедический словарь. – СПб: Фонд «Ленинградская галерея», АО «Норинт», 1996.

Мухин Ю. Убийство Сталина и Берия. // Электронная публикация, 2001.

Наркотики и яды: Психоделики и токсические вещества, ядовитые животные и растения. – Мн.: Литература, 1996.

Немировский А., Уколова В. Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. – М., 1995.

Непомнящий Н. Вольф Мессинг. – М.: «Олимп», ООО «Фирма „Издательство АСТ"», 1998.

Никитин А. Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в Совет-ской России. Исследования и материалы. – М: «Интерграф Сервис», 1998.

Никитин А. Тамплиеры в Москве. // В журн. «Наука и религия». – 1993. – № 1.

Николаевский Б. Русские масоны и революция. – М.: «Терра», 1990.

Никонов А. Апгрейд обезьяны. Большая история маленькой сингулярности. – М.: НЦ ЭНАС, 2005.

Окстон И. Междупланетные колумбы. // В журн.: «Всемирный следопыт». – 1926. – № 10.

Опарин А. Происхождение жизни. – М.: Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1954.

Орден российских тамплиеров. Том I. Документы 1922—1930 гг. – М.: «Минувшее», 2003.

Орден российских тамплиеров. Том II. Документы 1930—1944 гг. – М.: «Минувшее», 2003.

Орден российских тамплиеров. Том III. Документы 1922—1930 гг. – М.: «Минувшее», 2003.

Орловский В. Машина ужаса (науч.-фантаст. повесть). – Л.: Прибой, 1925.

Пензенский А. Нострадамус: миф и реальность. – М.: Изд-во Эксмо, 2003.

Первушин А. Оккультные войны НКВД и СС. – М.: Изд-во Эксмо, Изд-во Яуза, 2003.

Первушин А. Оккультные тайны НКВД и СС. – СПб.: Издательский Дом «Нева»; М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 1999.

Пономарев П. Под покровом Божией Матери. // В журн. «Наука и религия». – 1995. – № 5.

Пруссак М. Гости Земли (повесть). – М.-Л.: Госиздат, 1927.

Разгон Л. Плен в своем отечестве. – М.: Издательство «Книжный сад», 1994.

Репрессированные геологи. – М.-СПб.: МПР РФ, ВСЕГЕИ, РосГео,1999.

Рерих Н. Алтай – Гималаи. – Рига: «Виеде», 1992.

Рерих Н. Шамбала сияющая. – Электронная публикация, 1994.

Росциус Ю. Либретто Великой Отечественной. // В журн. «Техника – молодежи». – 1988. – № 10.

Рынин Н. Космические корабли: Межпланетные сообщения в фантазиях романистов (вып. II серии «Межпланетные сообщения»). – Л.: Изд-во П. П. Сойкина, 1928.

Рынин Н. Лучистая энергия в фантазиях романистов и в проектах ученых (вып. III серии «Межпланетные сообщения»). – Л.: 1930.

Рынин Н. Межпланетные сообщения: Мечты, легенды и первые фантазии (вып. I серии «Межпланетные сообщения»). – Л.: 1928.

Соболева Т. Тайнопись в истории России (История криптографической службы России XVII—начала XX в.). – М: «Международные отношения», 1994.

Сойфер В. Власть и наука (История разгрома коммунистами генетики в СССР). – Вашингтон, 2001.

Соколов Б. Оккупация. Правда и мифы. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2002.

Столяров К. Палачи и жертвы. – М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 1997.

Студитский А. Живое вещество. // В журн. «Огонек». – 1950. – № 31.

Тайные общества и секты: культовые убийцы, масоны, религиозные союзы и ордена, сатанисты и фанатики. – Мн.: «Литература», 1996.

Толстой А. Аэлита: Закат Марса (роман). // В журн. «Красная новь». – 1922. – № 6. – 1923. – № 1—2.

Третий рейх и Православная Церковь. // В журн. «Наука и религия». – 1995. – № 5.

Уэллс Г. Борьба миров (роман). – СПб: Тип. И. Н. Скороходова, 1898.

Уэллс Г. Существа, которые живут на Марсе. // В журн. «Техника – молодежи». – 1992. – № 12.

Френкель В. Пресса страны Советов против теории относительности. // В журн. «Вестник РАН». – 1994. – т.64, № 1.

Холл М. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. – Новосибирск: ВО «Наука», Сибирская издательская фирма, 1993.

Цыкунов И. Оккультные тайны криминальной России. – М.: ООО Изд-во Яуза, 2002.

Чернобров В. Тунгусский метеорит и время: 101-я гипотеза тайны века. // Электронная публикация, 1998.

Чижевский А. Земное эхо солнечных бурь. – М.: «Мысль», 1976.

Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. – М.: «Терра», 1991.

Шаламов В. Левый берег: Рассказы. – М.: «Современник», 1989.

Шахнович М. Петербургские мистики. – СПб: «Невский глашатай», 1996.

Шишкин О. Битва за Гималаи. НКВД: магия и шпионаж. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999.

Шишкин О. Красный Франкенштейн. Секретные эксперименты Кремля. – М.: Ультра.Культура, 2003.

Шишкин О. Оккультные тайны НКВД. // В журн. «Секретное досье», № 1, май 1998.

Шишкин О. ЦК, ЧК и Шамбала. // В газ. «Совершенно секретно», № 3, 1996.

Щербаков В. Все об Атлантиде. – М., 1990.

Эйзенштейн С. Мемуары. Т.1. – М., 1997.

Якунин В. Партизанский акафист. // В журн. «Наука и религия». – 1995. – № 5.

Якунин В. Тихие обители. // В журн. «Наука и религия». – 1995. – № 5.

Ярославский А. Аргонавты Вселенной (роман-утопия). – М.-Л.: Биокосмисты, 1926.

Het Monster. Тринадцать врат: История эзотерических учений «от Адама до наших дней». // Электронная публикация, 1996.

Stonehill P. The Soviet UFO Files. – Quadrillion Publishing Ltd, Godalming, Surrey, England, 1998.

Сетевые ресурсы

Антон Первушин (сайт автора этой книги)
http://apervushin.narod.ru

Библиографии советской фантастики В. Г. Вельчинского
http://www.bibliography.ru

Библиотека думающего о России
http://www.patriotica.ru

Военная литература
http://militera.lib.ru

Газета «Дуэль»
http://www.duel.ru

Живой журнал Антона Первушина (автора этой книги)

http://www.livejournal.com/users/apervushin

Иван Ефремов, его жизнь и творчество
http://iae.newmail.ru

Континуум Гернсбека
http://barros.rusf.ru/sfmags/index.html

Сервер русских новостей
http://newsru.com

Социальная история отечественной науки
http://www.ihst.ru/projects/sohist/index.htm

Тунгусский метеорит
http://tunguska.ru/map.htm

Энциклопедия «Кирилл и Мефодий»
http://www.km.ru

«Эпизоды космонавтики» Сергея Хлынина
http://epizodsspace.testpilot.ru
http://www.epizodsspace.narod.ru

Nostradamiana Алексея Пензенского
http://nostradamiana.astrologer.ru